Л. В. Алексеев

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ в IX-XIII вв.

Л. В. Алексеев

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ в IX-XIII вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Л. В. Алексеев

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ в IX-XIII вв.

Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва
1980

Картину истории Смоленского княжества домонгольского времени автор воссоздает в многостороннем исследовании. Разнородные источники — археологические, письменные, топонимические, архитектурные — позволяют рассматривать вопросы экономики, политической истории и культуры одной из крупнейших древнерусских земель этого периода.

Ответственный редактор

доктор исторических наук

Я. Н. ЩАПОВ

А $\frac{10602 - 160}{042(02) - 79}$ БЗ — 18—93—79. 0507000000

ВВЕДЕНИЕ

В 60—90-х годах XIX в. в Киевском университете была предпринята попытка региональных исследований по истории древней Руси. Появилась серия монографий по древнейшему периоду Рязанского, Тверского, Черниговского, Полоцкого, Смоленского и других княжеств. Однако источниковедческая база тогда была еще слаба, все эти работы строились главным образом на письменных источниках — летописях в дошахматовский период их изучения. Накопление огромного материала за истекшие 70—100 лет сделало повторение этого круга исследований необходимым, и в 50—60-х годах нашего века появились новые работы, посвященные Галицко-Волынской (В. Т. Пашуто), Рязанской (А. Л. Монгайт) и Полоцкой (Л. В. Алексеев) землям. Настоящая книга продолжает эти исследования и посвящена Смоленской земле.

Смоленское княжество (земля) возникло на основе крупнейшего восточнославянского племени кривичей, в зоне главного водораздела европейских рек с озерами и волоками, через который протянулась самая значительная коммуникация древности — Путь из варяг в греки. Удаленная от древнерусских окраин, земля эта была в безопасности от нападений кочевников степного юга и вскоре стала центром притяжения населения, спасающегося по Днепру от печенегов, половцев, а позднее и от татаро-монгол. Во главе земли был Смоленск — один из крупнейших городов Руси (основан в XI в.), контролировавший путь по Верхнему Днепру и по водоразделу, насыщенный многочисленным полиэтничным и разнородным по социальному составу населением. В XII—XIII вв. в Смоленской земле утвердились князья одной из главных ветвей потомков Мономаха. К концу XII в. в их руках оказались все основные ключи древнерусской политики. Уделы многих из них находились за пределами Смоленской земли и в результате она не была, подобно соседней Полотчине, ослаблена княжескими междоусобицами. К тому же татаро-монгольское нашествие обошло Смоленскую землю, но его гибельные последствия сказались на всей Руси. Трагическую эпоху монголо-татарского погрома мы и считаем конечным пределом исследования.

Как и в работе по истории Полоцкой земли (М., 1966), в основу этой монографии положен комплексный метод анализа имеющихся в распоряжении автора источников. Как и там, все явления исторического развития Смоленской земли рассматриваются в тесной связи с характером ее заселенности, устанавливаемым по археологическим данным. Детальное ис-

следование комплекса грамот смоленской епископии является основой для разрешения многих ключевых проблем истории Смоленской земли.

Моя длительная работа над этой книгой всегда встречала сочувственную поддержку как руководства Института археологии АН СССР, так и Сектора славяно-русской археологии, сотрудником которого я являюсь. Большую помощь консультациями по вопросам древнего смоленского зодчества и особенно предоставлением материалов мне оказал П. А. Раппопорт, по частным вопросам — Г. П. Смирнова и А. А. Юшко. В полевых изысканиях мне помогали археологи: Я. Г. Риер, З. М. Сергеева, Н. А. Соболева, также сотрудники руководимой мной экспедиции: Ю. А. Дорофеев, С. Ю. Крупянский, Г. И. Жунина, Р. А. Михневич и краеведы и сотрудники местных музеев И. С. Мигулин (Могилев), М. И. и И. И. Ивановы (Рославль), М. Н. Манышев, Л. Е. Диденко, Н. П. Атрошенко (Мстиславль), руководство Мстиславского района, и прежде всего А. И. Задорожный. Позволю выразить им мою самую искреннюю признательность. Часть труда по составлению археологической карты Смоленской земли взяла на себя ныне покойная И. Т. Трифонова.

ИСТОРИОГРАФИЯ

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обилие памятников древности в Смоленской земле удивляло иностранных путешественников уже в XVI в. В 1576 г. посол австрийского императора Максимилиана принц Даниил фон Бухау первый описал смоленские курганы [1]. В 1593 г. эти курганы описал другой австрийский посол Николай Варкочи, также следовавший в Москву [2].

Интерес к истории страны оживился в 70—80-х годах XVIII в. при посещении Смоленской губернии Екатериной II. По указанию местного епископа Парфения неким Иосафатом Шупинским была составлена история Смоленска, которая и разошлась в городе во множестве списков. Но первый труд на эту тему был опубликован лишь в 1804 г. и принадлежал неутомимому собирателю древних сведений местному ученому дьякону А. Н. Мурзакевичу [3]. Большая часть тиража этого неразошедшегося издания сгорела в 1812 г. По сохранившимся экземплярам видно, что этот добросовестный труд широких задач еще не ставил, но обстоятельно передавал содержание источников.

Дальнейшее изучение смоленской истории связывается с именем А. П. Елаховского — одного из старейших преподавателей смоленской гимназии 20—30-х годов XIX в., длительно составлявшего «Статистическое и историческое описание Смоленской губернии». П. Свиньину удалось напечатать часть этой монографии [4], но автор вскоре умер (1830-е годы). Его труд, «стоивший больших занятий», попал в руки компиляторов [5].

Трудом А. П. Елаховского, по свидетельству П. Д. Шестакова, воспользовался П. Никитин, издавший две книги по истории Смоленска [6]. Если в первой было много ошибок, то вторая носила более серьезный характер. История города была разбита на три периода (долитовский, литовский и послелитовский). Автор пользовался первоисточниками, по-видимому, мало, но более трудами Н. М. Карамзина, А. Н. Мурзакевича, Н. Полево-

---

[1] *Аделунг Ф.* Древнейшие путешествия иностранцев по России.— ЧОИДР. М., 1863, т. II, с. 175.

[2] Описание путешествия в Москву Николая Варкочи. М., 1877, с. 42.

[3] *Мурзакевич А. Н.* История губернского города Смоленска. Смоленск, 1804.

[4] Отечественные записки, 1826, ч. XXV, XXVI.

[5] *Шестаков П. Д.* География Смоленской губернии.— ПКСГ на 1857 г. Смоленск, 1857, с. 63.

[6] *Никитин Н.* Записки о Смоленске. Смоленск, 1854; *Он же.* История города Смоленска. М., 1848.

го и энциклопедией Плюшара. В целом автор разбирался во многих вопросах слабо и даже путал некоторые смоленские монастыри. К его второй книге было приложено несколько важных документов по истории Смоленска.

С 50-х годов XIX в. появляются новые имена любителей местной старины. Выделяются статьи бельского предводителя дворянства Н. М. Ельчанинова, печатавшегося в молодости в журнале (А. Е. Измайлова «Благонамеренный») и занявшегося позже стариной города Белого и Бельского уезда [7].

С 70—80-х годов в Смоленщине было уже несколько неутомимых энтузиастов древности. Это учителя: С. С. Ракочевский (Рославль), С. П. Писарев (Смоленск), И. И. Орловский (Смоленск) и др. С. С. Ракочевский (р. 1828) опубликовал в местной прессе прекрасное по тому времени исследование истории города Рославля, которое было переиздано в Известиях Русского археологического общества, а позднее и отдельной книгой. К сожалению, необдуманно резкий отзыв А. И. Савельева отпугнул исследователя от дальнейших разысканий [8]. Вместе с тем «Опыт» С. С. Ракочевского содержал много подробных сведений, верных наблюдений, справедливость которых подтвердилась лишь в наши дни.

Бессменный заведующий смоленским историко-краеведческим музеем С. П. Писарев (1846—1904) вел систематические наблюдения над всем, что раскапывалось в городе. Его исторические труды подводили итог по истории Смоленска того времени [9].

Деятельности И. И. Орловского в истории смоленского краеведения принадлежит особо почетное место. Среди 28 печатных его работ, бóльшая часть которых относится к истории Смоленщины, нам особенно интересны те, которые посвящены древнейшей эпохе — остаткам древних церквей Смоленска домонгольского времени [10]. Исключительную ценность имеет посмертный труд историка [11], он «отличается среди других исследовательских начинаний смоленских краеведов более солидной исторической эрудицией автора и достаточно критическим отношением к источникам»,— писал М. К. Каргер. Он отмечал, что И. И. Орловский в отличие от многих других смоленских исследователей, подробно описал древние развалины смоленских архитектурных памятников, например большого храма на Смядыни, раскопанного в 1907—1908 (отчетность этих работ утрачена) [12]. Эта работа И. И. Орловского действительно поражает эруди-

[7] *Ельчанинов Н.* О древних надгробных памятниках.— Благонамеренный, 1819, ч. 8, с. 183—186; *Он же.* Очерк Бельской местности.— ПКСГ на 1860 г. Смоленск, 1860.

[8] *Ракочевский С. С.* Опыт собирания исторических записок о городе Рославле.— ИРАО, 1880, IX; ИРАО, 1884, X (рецензия).

[9] *Писарев С. П.* Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894; *Он же.* Памятная книга города Смоленска. Смоленск, 1898.

[10] *Редков Н. Н.* Иван Иванович Орловский.— Смоленская старина, Смоленск, 1909, т. I, ч. I, с. IV—V.

[11] *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин.— Смоленская старина, т. I, ч. I, с. 195—312.

[12] *Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, с. 9.

цией автора, которому были известны почти все источники по истории Смоленской земли. Ими мы теперь пользуемся, а выводы в большинстве случаев не потеряли значения и теперь. Необычайно высоко оценили труды И. И. Орловского, П. А. Раппопорт, Н. Н. Воронин [13].

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Интенсивная жизнь прошлого оставила в Смоленской земле огромное количество археологических памятников. Самыми заметными из них были развалины древних храмов домонгольского времени в самом Смоленске и многочисленные курганы вокруг города. Исследование этих памятников началось сравнительно поздно — в 60-х годах XIX в. Первые работы были произведены в 1867 г. учителем естественной истории М. П. Полесским-Щепилло, который вскрыл большой холм в Смоленске, оказавшийся остатками разрушенного храма «На Протоке», стены которого в то время в западной трети здания сохранились до сводов [14]. К сожалению, археологическая наука в то время была в зачаточном состоянии, методика исследований и фиксации полностью отсутствовала, результат работ М. П. Полесского-Щепилло был невелик, но, несомненно, всколыхнул интерес к подобного рода исследованиям. Через несколько лет краеведческая мысль обратилась и к курганам.

В 1872 г. лепельский помещик Витебской губернии М. Ф. Кусцинский, по совету его однокашника по университету графа А. С. Уварова, на средства Московского археологического общества начал раскопки смоленских курганов [15] — родины летописных кривичей верховьев Двины, Днепра и Волги, и очень скоро очередь дошла до знаменитого Гнездовского могильника (1874). Результаты превзошли ожидания, курганы в Гнездове оказались весьма интересными, но по каким-то причинам исследователь не продолжил их изучение. Следом начались и раскопки курганов другими лицами, однако далеко не все было опубликовано [16].

С 80-х годов в изучение курганов в Смоленской земле включились и столичные ученые: в 1880 г. в Могилевской губернии копал сам А. С. Уваров, тогда же систематические исследования Гнездовского могильника начал известный московский археолог В. И. Сизов. Эти раскопки для того вре-

---

[13] *Воронин Н. Н.* Смоленская живопись 12—13 вв. М., 1977, с. 98; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979, с. 15, 16, 53 и др.

[14] *Полесский-Щепилло М. П.* Раскопки развалин древнего храма великомученицы Екатерины в восточном предместьи г. Смоленска.— ПКСГ на 1870 г., Смоленск, 1870.

[15] (*Кусцинский М. Ф.*) Отчет о раскопках в Смоленской губернии в 1874 г.— Древности: ТМАО, М., 1883, т. IX, вып. 1.

[16] *Чебышева В. М.* Раскопки курганов в Смоленской губернии, Дорогобужского у. летом 1879 г.— ИОЛЕАЭ, М., 1880, т. 49, вып. 1, 188; *Керцелли Н. Г.* Отчет о раскопках курганов в Смоленской губернии.— ИОЛЕАЭ, М., 1876, т. XX; *Фурсов М. В.* Курганные раскопки в пяти уездах Могилевской губернии.— Труды IX Археологического съезда, СПб., 1895, т. I и др.

мени были поставлены образцово, все выводы автора (по недоразумению опротестованные в 50-х годах Д. А. Авдусиным), как теперь выясняется, в основе были абсолютно верны. Мысли В. И. Сизова после его внезапной смерти (1904 г.), были развиты А. А. Спицыным, пришедшим к справедливому заключению, что Гнездово — первоначальный Смоленск[17].

В первые десятилетия XX в. в дореволюционной археологии выделились имена Е. Н. Клетновой и С. М. Соколовского. Е. Н. Клетнова (1869— после 1925 г.) была первым археологом края со специальным археологическим образованием. Окончив Московский археологический институт под руководством В. А. Городцова по рекомендации своего учителя она обратилась к исследованию не изученных до нее курганов побережья р. Вязьмы и открыла погребения как с кремацией, так и с ингумацией. Исследовательница раскапывала также и Гнездовский могильник и, что особенно важно, опубликовала результаты раскопок Смоленской архивной комиссии в 1909 г. Малого храма на Смядыни, документация которых до нас не дошла. Детальное описание памятника, фиксация ею его фресок и их интерпретация по достоинству оценены современной наукой[18]. Рославльский преподаватель С. М. Соколовский (1860—1927 гг.) был одним из первых археологов Смоленщины, который посвятил себя этому целиком. Исследования многочисленных курганов Рославльского у. были им начаты в 1907 г. по рекомендации А. А. Спицына, а в 1912 г. была уже готова археологическая карта уезда. С. М. Соколовский своих работ не публиковал, его карта была издана лишь А. Н. Лявданским в 1932 г.[19]

В послереволюционные годы в Смоленске развернулась деятельность талантливейшего археолога, воспитанника нового Смоленского университета А. Н. Лявданского. Начав практику в Гнездове под руководством Е. Н. Клетновой (1922 г.), он создал большой коллектив молодежи и начал обширные обследования археологических памятников Смоленщины. В результате появились две важнейшие его работы, посвященные карте края и классификации городищ, которые не потеряли значения в наши дни и являются крупной вехой в исследовании смоленских древностей[20]. Древнейшим населением железного века в Смоленщине, установил А. Н. Лявданский, были восточные балты, оставившие городища «штрихованной

---

[17] *Головацкий Я.* Археологические раскопки курганов, произведенные гр. А. С. Уваровым в им. Вотне Могилевской губернии.— МГВ, 1880, № 95; *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. СПб., 1902; *Спицын А. А.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева.— ИАК, СПб., 1905, вып. 15.

[18] *Клетнова Е. Н.* Доклад Московскому археологическому обществу о раскопках на Смядыни, произведенных Смоленской архивной ученой комиссией в 1909 г. Древности.— Труды Комиссии по сохранению древних памятников, М., 1912, т. IV; *Клетнова Е. Н.* Раскопки Гнёздова Левобережного.— Смоленская старина, Смоленск, 1916, вып. 3, ч. 2; *Клетнова Е.* Великий гнездовский могильник.— In: Niederlův sborník. Praha, 1925, s. 309—322.

[19] Працы III. Минск, 1932.

[20] *Лявданский А. Н.* Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Смоленск, 1924; *Он же.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии.— НИСГУ, Смоленск, 1926, т. 3, ч. 3.

керамики» на западе, вся же остальная ее территория была заселена восточными балтами иного облика, оставившими так называемую культуру городищ Днепро-Двинского типа.

Впервые классифицируя городища этого времени, исследователь верно датировал наиболее ранние из них первыми веками н. э. и высказал мысль, что славянскими надлежит считать не только городища эпохи средневековья, но и более ранние, второй половины I тысячелетия н. э. с грубой лепной посудой[21]. Эти работы А. Н. Лявданского послужили основой для дальнейших археологических исследований в Смоленской земле.

П. Н. Третьяковым и Е. А. Шмидтом городища железного века теперь расчленены на несколько локальных групп. Как и предполагал А. Н. Лявданский, все они принадлежат древним восточнобалтским племенам, причем древнейшая датируется рубежом н. э., позднейшая доходит до VIII в. Е. А. Шмидтом недавно составлена подробная археологическая карта памятников этого времени в Смоленской области[22].

Серьезнейшей проблемой в изучении древностей Смоленской земли является проблема раннесредневековых памятников, и прежде всего интерпретация крупнейшего курганного могильника, селища и городища недалеко от Смоленска у д. Гнездово. Как и в древностях Приладожья и окрестностей Ярославля, в гнездовских курганах есть многочисленные остатки культуры скандинавов. Поэтому проблема истолкования памятников у Гнездова представляет сложный вопрос, связанный с известной варяжской проблемой. В конце 40-х годов к систематическому изучению гнездовской проблемы приступил Д. А. Авдусин. В 1949 г. он начал раскопки гнездовских курганов, а в 1951 г.— культурных отложений Смоленска. Полемический тон первой же его работы, написанной еще до раскопок[23], сразу же разбудил страсти, и в дискуссию включились ученые многих стран[24]. Д. А. Авдусин утверждал, что норманнская примесь в

---

[21] *Ляуданскі А. Н.* Археалагічныя дасьледы у Смаленщыне.— Працы III; *Он же.* Археологические исследования в БССР после Октябрьской Революции.— Сообщения ГАИМК, 1932, вып. 7/8.

[22] *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963; *Третьяков П. Н.* Финноугры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; *Шмидт Е. А.* Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII века н. э.). Смоленск, 1976.

[23] *Авдусин Д. А.* Варяжский вопрос по археологическим данным.— КСИИМК, 1949, вып. XXX.

[24] Первая дискуссия между Д. А. Авдусиным, А. В. Арциховским, Т. Арне и Г. Арбманом детально освещена в книге: *Шаскольский И. П.* Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965. Вторая была начата Д. А. Авдусиным при посещении Осло и Бергена в 1968 г. и вновь получила широкий отклик: *Avdusin D.* Smolensk and the Varangians According to the Archeological Data.— Norwegian Archeological Review (NAR), 1960, vol. 2; *Blindheim Ch.* Comments on Smolensk and the Varangians according to the archeological Data.— NAR, 1970, vol. 3; *Kivikoski E.* Comments on Smolensk and the Varangians according to the archeological data.— NAR, 1970, vol. 3; *Klein L. S.* Soviet Archeology and the Role of the Vikings in the Early History of the Slavs.— NAR, 1973, vol. 6; *Lebedev G. S., Nazarenko V. A.* The Connections between Russians and Scandinavians in the 9th — 11th.

Гнездове ничтожна, пришельцам-скандинавам, судя по вещам и погребальному обряду, принадлежат только два кургана, все же остальные погребения, даже без этнических признаков, лишь по территории, где они расположены, объявлялись им славянскими[25]. Шведский археолог Т. Арне — главный оппонент Д. А. Авдусина — отмечал, что исследователь мало знаком со шведскими древностями, откуда и происходят, как он полагал, его ошибки. Скандинавских погребений в Гнездове не менее 24, и большинство вещей из них ближе всего к древностям района оз. Меларен, где расположен знаменитый торговый центр Бирка[26]. По мере углубления в проблему, воззрения Д. А. Авдусина кардинально менялись.

В 1949—1957 гг. он не придавал значения громадному селищу у гнездовских курганов, открытому А. Н. Лявданским; помимо курганов, исследовал гнездовские городища, писал об их поздней дате (XVII в.) и этим отвергал гипотезу Сизова-Спицына о существовании на них раннего Смоленска[27]. «Теперь можно сказать,— писал он в 1953 г.,— что гипотеза Сизова и Спицына о возникновении древнего Смоленска, просуществовавшая в исторической науке 50 лет, окончательно опровергнута», и через 14 лет: «...так рухнула гипотеза Сизова-Спицына о переносе Смоленска с места на место»[28]. «Смоленск возник там, где он стоит и сейчас (...но) мы пока не знаем, почему гнездовские курганы насыпались в отдалении от Смоленска»[29]. Так наука была возвращена к старому голословному утверждению местного краеведа Г. К. Бугославского о том, что Гнездово — некрополь Смоленска, расположенного на современном месте[30], и историки были вынуждены следовать за «новыми» открытиями археологов[31].

Следующий этап в изучении Гнездова Д. А. Авдусиным приходится на 60-е годы. В 1960 г. он провел пробные раскопки на гнездовском се-

Centuries.— NAR, 1973, vol. 6; *Bulkin V. A.* On the Classification and Interpretation of Archeological Material from the Gnezdovo Cemetry. NAR, 1973, vol. 6; *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974.

[25] *Авдусин Д. А.* Варяжский вопрос... («мы не имеем права определять иностранца без паспорта как славянина лишь потому, что он находится на славянской территории»,— справедливо протестуют против этого метода и теперь оппоненты Д. А. Авдусина (*Klein L.* Soviet Archeology..., p. 3).

[26] *Arne T. J.* Die Varägerfrage und die sowjetrussische Forschung.— In: Acta archeologica, Kbenhavn, 1952, S. 146.

[27] *Авдусин Д. А.* Раскопки гнездовских городищ в 1953 г.— Вестник МГУ. Сер. общественных наук, 1953, № 11 (утверждалось, что Центральное городище возникло в XVII в. на месте разрушенных при этом курганов X в., откуда в его слое и обнаружены вещи этого времени).

[28] *Авдусин Д. А.* Раскопки гнездовских городищ, с. 117; *Он же.* К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии.— В кн.: Смоленск: К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967, с. 78.

[29] *Авдусин Д. А.* Раскопки гнездовских городищ, с. 117.

[30] *Бугославский Г.* О результатах изыскания Гнездовского могильника.— Смоленская старина. Смоленск, 1909, т. I, вып. 1.

[31] Ср.: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1949, с. 17, 19, 80; *Он же.* Древнерусские города. М., 1956, с. 31 и др. (исправление по Д. А. Авдусину); *Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска, с. 5.

лище, определил его «позднюю» дату (XI в. и позднее, а не IX—X вв., как потом стало очевидным), что курганам оно якобы не синхронно, и заключил, что «древнего Смоленска в Гнездове не оказалось» [32]. Подверглись пересмотру и датировки курганов: обстоятельные его доказательства древнейшей даты Гнездова (IX в.) самим же Д. А. Авдусиным опровергались: «курганов IX в. в Гнездове нет вовсе»,— дважды отметил он [33]. Исследователь все еще продолжал считать, что это могильник Смоленска, находящегося на современном месте: «расположенные рядом с городом (курганы) значительно пополняют наши знания о древнем Смоленске» [34]. Если раньше Д. А. Авдусин не признавал погребений в ладье за захоронения скандинавов, утверждал, что этот обряд якобы был широко распространен на Руси [35], что гривны с «молоточками Тора» из Гнездова — продукция местных ремесленников (что решительно опротестовал Т. Арне [36]), то теперь погребения этого типа, как и некоторые другие (а также и указанные гривны), он считал варяжскими и отмечал, что они не превышают 3—5% от общего числа умерших (иначе говоря, признал те самые 24 кургана, на которых настаивал Т. Арне).

Новым поворотным пунктом в изучении Гнездова Д. А. Авдусиным были раскопки И. И. Ляпушкина на гнездовском селище в 1967—1968 гг. Исследования этого талантливого ученого показали правоту А. Н. Лявданского: селище у курганов оказалось им синхронным и было населено, следовательно, теми, кто в них хоронил [37]. После внезапной смерти И. И. Ляпушкина (1968) исследование селища возобновил Д. А. Авдусин и полностью признал правоту своего предшественника. Гипотеза Г. Бугославского снова потерпела поражение. Пересмотру подлежало и утверждение Д. А. Авдусина о поздней датировке Центрального городища (о которой он писал еще в 1972 г. [38]), ибо его ученица Т. А. Пушкина обнаружила в его старых чертежах и дневниках не следы разрушенных курганов, как он полагал, а культурный слой IX—X вв. [39] (что подтвердилось и в новых раскопках). Стало очевидным, что гнездовские памятники — единовременный комплекс и что в курганах погребены люди, жившие не в «далеком» Смоленске, а на громадном селище около. О взаимоотношении Гнездова и Смоленска новое заключение Д. А. Авдусина гласит: «А. А. Спицын был загипнотизирован близостью Смоленска и Гнездова», утверждение об их связи «искажает историческое

[32] *Авдусин Д. А.* К вопросу..., с. 75.

[33] Там же; *Авдусин Д. А.* Гнездово и Днепровский путь.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 161.

[34] *Авдусин Д. А.* К вопросу..., с. 73.

[35] *Авдусин Д. А.* Варяжский вопрос..., с. 5.

[36] *Arne T.* Die Varägefrage..., S. 147.

[37] *Ляпушкин И. И.* Новое в изучении Гнездова.— АО 1967 г. М., 1968; *Он же.* Исследования гнездовского поселения.— АО 1968 г. М., 1969; *Он же.* Гнездово и Смоленск.— ПИФР. Л., 1971.

[38] *Авдусин Д. А.* Гнездово и днепровский путь, с. 164, 165.

[39] *Пушкина Т. А.* Гнездовское поселение в истории смоленского Поднепровья (IX—XI вв.): Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 7.

представление и о Смоленске и о Гнездове»[40]. Весь гнездовский комплекс он склонен теперь рассматривать как остатки обширнейшего поселения X в., соседящего со Смоленском, что якобы в это время было возможным[41]. Пересмотрен Д. А. Авдусиным и прежний взгляд на количество варяжских захоронений в Гнездове: их число он теперь доводит до 50[42] (хотя повторяю, их там, несомненно, намного более).

Одновременно с исследованием Гнездова Д. А. Авдусин около двух с половиной десятков лет раскапывает и Смоленск. Работы велись на Соборной горе и главным образом на береговом Подоле. Исследовались им и древние архитектурные памятники города — церковь в Перекопном переулке и «ротонда», которую он трактовал как «оборонительное сооружение», «дом-крепость» (впрочем, П. А. Раппопортом доказано, что это остатки известной в источниках «Латинской церкви»[43]). Многолетние раскопки Смоленска неархитектурного характера Д. А. Авдусиным еще не опубликованы. Можно лишь сказать, что его работы сосредоточены почти в одной части города (ул. Соболева), «тогда как изучение исторической топографии большого города требует проведения широкой систематической разведки на обоих берегах Днепра. Поэтому в отношении важнейшей темы о Смоленске IX—X вв. мы остаемся пока во власти более чем скудных письменных источников»[44]. Можно также добавить, что слоя этого времени в городе[45] несомненно нет, и исследователю, решающему вопрос о происхождении города, в ближайшее время, по-видимому, придется пересмотреть и свои утверждения об отсутствии связи Смоленска и Гнездова[45].

Отмечая все же большое значение работ Д. А. Авдусина для истории Смоленщины, нельзя не сказать, что формулируя ответственные положения, он далеко не всегда осторожен, не всегда объективен, с легкостью обвиняя противников (даже классика русской археологии А. А. Спицына) в недопустимом отборе фактов (что всегда невыгодно для автора, переводящего научные рассуждения в подобную плоскость). Не сверяясь с ранее им сказанным, он каждый раз постулирует новые выводы, не объясняя, чем вызвана новая точка зрения и более не удовлетворяет старая. И это жаль, ибо полевые работы Д. А. Авдусина ведутся, по-

---

[40] *Авдусин Д. А.* Гнездово и днепровский путь, с. 164, 165.

[41] *Avdussin D. A.* Gnezdovo — der Nachbar von Smolensk.— Zeitschrift für archeologie, 1977, N 11.

[42] *Авдусин Д. А.* Археология СССР. М., 1977, с. 232.

[43] *Авдусин Д. А.* Новый памятник смоленской архитектуры.— СА, 1957, № 2; *Он же.* Смоленская ротонда.— В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962; *Раппопорт П. А.* «Латинская церковь» в древнем Смоленске.— В кн.: Новое в археологии.

[44] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Древний Смоленск.— СА, 1979, № 1, с. 4.

[45] Только что опубликована новая статья Д. А. Авдусина о сосуществовании Смоленска и Гнездова, но оснований этому там по-прежнему нет (*Авдусин Д. А.* О Гнездове и Смоленске.— Вестник МГУ. Сер. 8. История, 1979, № 4). Я продолжаю думать, что правота Д. А. Авдусина будет доказана лишь в том случае, если в Смоленске будут найдены бесспорные отложения крупного города IX—X вв.

видимому, на соответствующем научном уровне[46]. Важно, что исследователь по-иному подходит к фактам, как только убеждается в своей неправоте, что с удовлетворением отмечается и его критиками[47].

Говоря об археологических исследованиях эпохи средневековья и предшествующей ей, нельзя не отметить интересных и важных работ Е. А. Шмидта по раскопкам курганов, как длинных, так и удлиненных (Акатово, Арефино, Слобода-Глушица и др.)[48], а также прямоугольных и круглых (Новоселки-Полежанки, Харлапово и др.)[49]. Перу этого ученого принадлежит важная работа, анализирующая памятники вокруг Смоленска. В ней удалось установить, что в эпоху IX—X вв. в среде населения этих мест произошли крупные сдвиги, при исследовании курганного материала получено «самое раннее свидетельство влияния городской культуры на население в рассматриваемом районе»[50] — это было время возникновения Смоленска. Работы Е. А. Шмидта в Новоселках были продолжены С. С. Ширинским, который развил наблюдения предшественников над этой интереснейшей курганной группой, оставленной предшественниками Гнездова[51].

В изучении гнездовского комплекса важны работы молодых ленинградских ученых — участников «Проблемного семинара» Л. С. Клейна (ЛГУ). Один из них — ученик М. И. Артамонова — В. А. Булкин по-новому и весьма интересно изучил и переосмыслил[52] все материалы Гнездова.

Большое значение имеют работы в Смоленской земле В. В. Седова в области древнерусской деревни и феодальной вотчины. По новизне методов, скрупулезности и точности выводов его работы долго будут служить основой для подобного рода исследований. Многолетнее изучение одного из центральных районов земли позволило ученому исследо-

[46] См. об этом: *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв., с. 109—115, 141.

[47] «Профессор Д. А. Авдусин подошел с пониманием к критике (...), его позиция 40—50-х годов изменилась и намного ближе к позиции его оппонентов. Профессор Д. А. Авдусин раскапывает селище в Гнездове, открытое И. И. Ляпушкиным (А. Н. Лявданским.— Л. А.), и было бы интересно узнать его позицию к 80-му году» (*Klein L.* Soviet Archeology..., p. 3).

[48] *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища...; *Шмидт Е. А.* Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949—1955 гг.— В кн.: Сборник научных работ СКНИИ. Смоленск, 1957 и др.

[49] *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. на территории Смоленской области.— МИСО, Смоленск, 1963, вып. 5, с. 114 и сл.; *Он же.* Курганы XI—XIII вв. у д. Харлапово.— МИСО, 1957, вып. 2.

[50] *Шмидт Е. А.* Археологические памятники периода возникновения г. Смоленска.— В кн.: Смоленск..., с. 57.

[51] *Ширинский С. С.* Курганы IX — первой половины X в. у д. Новоселки.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970.

[52] *Bulkin V. A.* On the classification...; *Булкин В. А.* Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья: Автореф. канд. дис. Л., 1973; *Он же.* Большие курганы Гнездовского могильника.— СС, Таллин, 1975, вып. XX; *Булкин В. А., Дубов И. В.* Тимерево и Гнездово.— ИИФР. Л., 1978. *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники древней Руси. IX—XI вв. Л., 1978.

вать все остатки древних деревень района и дать строгую классификацию развития смоленских сельских поселений с VIII по XIV в. и детально описать каждый из трех установленных им периодов [53].

Заслуживают особого внимания интереснейшие исследования Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта по истории древней смоленской архитектуры. Если книга М. К. Каргера лишь подытоживала накопленные материалы предшествующего времени, то после работ названных авторов она имеет скорее библиографический интерес. Теперь впервые получена на основании исследования архитектурных памятников ясная картина истории архитектуры одного из важнейших древнерусских княжеств. Разработаны этапы ее развития, установлены влияния, время возникновения смоленской школы зодчих и намечены влияния этой школы на зодчество других архитектурных школ. Выявлено, что во второй половине — конце XII в.— начале XIII в. в Смоленске работало не менее двух артелей смоленских архитекторов, одна из которых была, вероятно, княжеской, а другая — епископской. Расцвет самостоятельного смоленского зодчества приходится на конец XII — начало XIII в. [54] Здесь много и других весьма важных выводов, проливающих свет на самые различные стороны жизни русского княжества домонгольской поры.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

М. В. Довнар-Запольский был, по-видимому, первым историком Смоленской земли в целом [55]. Однако его книга еще не ставила широких задач и основывалась на пассивном изложении сообщений летописей.

Более глубока книга П. В. Голубовского, не потерявшая большого значения и поныне [56]. Источниковедческая база ее намного шире: летописи, актовый материал, историческая география, археология. Подробно устанавливались границы Смоленской земли, определялись центры, детально анализировался известный договор Смоленска с Ригой 1229 г. и многое, что было тогда установлено в этом документе, принадлежит науке и сейчас. За географической главой — глава об экономике, а далее за детальным разделом о генеалогии смоленских князей автор рассматривал «Общественный и политический быт» на основе «Уставных грамот Ростислава». Самое ценное в книге — локализация большинства пунктов Устава Ростислава 1136 г., проведенная с широким использованием поздних данных (например, Можайских актов). Значительно устарела ныне одна из последних глав книги Голубовского: «Политическая

[53] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, 1960, № 92.

[54] *Раппопорт П. А., Смирнова А. Т.* Архитектурные достопримечательности Смоленска. М., 1976; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв.

[55] *Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории кривичских и дреговичских земель до конца XII века. Киев, 1891.

[56] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.

история», ибо писалась в дошахматовский период изучения летописей.

Историко-географические исследования П. Н. Голубовского вскоре были дополнены интересными книгами И. М. Красноперова [57].

Крупнейшим событием в историко-географических исследованиях Смоленской земли была книга А. Н. Насонова. Блестяще владея летописями, ученый выяснил историю роста Смоленского княжества, что находит полное подтверждение в исследовании нами других источников [58].

Большой интерес представляют и работы В. В. Седова по исторической географии Смоленщины, хотя наше изучение вопроса и показало, что со многими заключениями автора согласиться нельзя. В. В. Седов впервые сопоставил данные письменных источников с археологией, отыскал остатки многих упоминаемых в них центров и частично их обследовал. Особенно важно его доказательство местонахождения древнего Вержавска, что уже предполагал И. И. Орловский, не имевший какихлибо убедительных доводов [59]. Последняя работа В. В. Седова, посвященная этой теме, базируется в основном на его предшествующих разысканиях и не учитывает многих исследований последних лет, в частности А. В. Поппэ. Так, Устав 1136 г. датируется им все еще 1137 г., весь комплекс грамот смоленской епископии воспринимается им, как и во времена П. В. Голубовского, единовременным документом, и пункты, упоминающиеся в последней грамоте комплекса (по Я. Н. Щапову, конец XII—XIII вв.), попадают в 30-е годы XII в. [60]. За пределами работы В. В. Седова осталась и интересная работа Д. и А. Поппэ, в которой в результате остроумных выкладок становится очевидным, что некоторые наименования Устава 1136 г. не были географическими [61].

Важный круг вопросов охватывают исторические исследования, посвященные комплексу грамот смоленской епископии, особенно работы Я. Н. Щапова, А. В. Поппэ и отчасти автора этих строк [62], и смоленских торговых договоров Н. А. Усачевым, Е. Муравской, Н. А. Казаковой [63].

[57] *Красноперов И. М.* История смоленской епископии в 1137 г.— Смоленский вестник, 1882, № 98; *Он же.* Учреждение в Смоленске епископии.— СЕВ, 1883, № 19; Общинновечевой строй и просвещение в Смоленском княжестве.— Мир божий, 1893, № 12; *Он же.* Очерк промышленности и торговли Смоленского княжества.— ИО, СПб., 1894, т. 7; *Он же.* Некоторые данные по географии Смоленского и Тверского края в XII в.— ЖМНП, 1901, ч. 335.

[58] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

[59] *Седов В. В.* Некоторые вопросы географии Смоленской земли XII в.— КСИА, 1962, вып. 90; *Орловский И. И.* Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1907.

[60] *Седов В. В.* Смоленская земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

[61] *Poppe D., A.* Dziedzice na Rusi.— Kwartalnik historyczny, 1967, N 1.

[62] *Щапов Я. Н.* Смоленский Устав князя Ростислава Мстиславовича.— АЕ — 1962. М., 1963; *Поппэ А. В.* Учредительная грамота смоленской епископии.— АЕ — 1965. М., 1966; *Poppe A.* Fundacja biskupstwa smoleńskiego.— Przegląd historyczny, 1966, z. 4; *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси. М., 1972; *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского и процесс феодализации Смоленской земли.— In: S'owianie w dziejach Europy. Poznań, 1974.

[63] Библиографию см. в разделе «Торговля».

ИСТОЧНИКИ

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

ЛЕТОПИСИ

Эпоха феодальной раздробленности с ее отделением одного княжества от другого, с образованием в каждом своей княжеской династии и своего чиновничьего аппарата вела к обособлению и других сторон жизни, к стремлению отдельного фиксирования событий своего княжества, к региональному летописанию. Раньше всего оно возникло в крупнейших центрах Руси — Киеве, Новгороде, Переяславле; позднее, по-видимому, в Полоцкой, Смоленской и Ростово-Суздальской землях.

Вопрос о смоленском летописании. Полоцкая и смоленская летописи до нас не дошли, но они были в руках В. Н. Татищева [1], традиционное недоверие к которому теперь оставлено [2].

Дошедшие до нас фрагменты смоленской летописи очень важны и были недавно изучены. В 1897 г. Н. И. Петров опубликовал запись Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, где говорилось о Ростиславе Смоленском и воздавалась хвала его деятельности. В 1909 г. смоленский историк И. И. Орловский напечатал весьма близкий к этой записи текст, который был списан с оригинала в XVI в. для Н. П. Румянцева и с ошибками, в частности, как оказалось потом, даже в дате (1142 г.). В 1956 г. М. Н. Тихомиров опубликовал еще один фрагмент из так называемого Краткого летописца (Уваровский сборник) XV в. [3] Все эти источники заинтересовали в наше время Н. Н. Воронина и Я. Н. Щапова. Н. Н. Воронин сопоставлял данные Краткого летописца с данными Киевского сборника и пришел к выводу, что в Кратком летописце много искажений и большого значения для истории он не имеет. Киевский же летописец, датирующийся двумя столетиями позднее, опирается на «какие-то старые смоленские летописные материалы» и содержит «следы не дошедшей до нас древней смоленской летописи» [4].

---

[1] *Татищев В. Н.* История Российская. СПб., 1773, т. I, с. 59, 64.

[2] *Рыбаков Б. А.* В. Н. Татищев и летописи XII в.— История СССР, 1971, № 1; *Кучкин В. А.* К спорам о В. Н. Татищеве.— В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971; *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 184—276.

[3] *Петров Н. И.* Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве.— ЧОИДР, М., 1897, кн. 2, с. 153, 154; *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин.— Смоленская старина, Смоленск, 1909, т. I, ч. I, с. 211, 212; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956, с. 356, 357, прим. 3.

[4] *Воронин Н. Н.* Следы раннего смоленского летописания.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 271—275.

Пристальное внимание уделил отрывкам Я. Н. Щапов [5]. Им были детально проанализированы записи летописного характера, сохранившиеся как в Нифонтовом сборнике (30—40-е годы; с этой рукописи делалась упомянутая копия для Н. П. Румянцева), так и в Киевском сборнике Михайловского Златоверхого монастыря (публикация Н. И. Петрова), а также еще один документ, связанный со смоленским князем Ростиславом,— «Похвала князю Ростиславу». Эти фрагменты восходят к местному смоленскому летописанию. Все это дает «определенный материал для суждения о существовании смоленского летописания в XII в.— загадке, не решенной до сих пор» [6].

Есть еще некоторые смоленские сведения, которые проникли в ряд летописных сводов и сборников. Устюжский летописный свод начала XVI в., например, сообщает, что Аскольд и Дир, двигавшиеся в 863 г. мимо Смоленска, «не явистася Смоленску, зане град велик и мног людми» [7]. В. С. Иконников выделил в Ипатьевской летописи девять сведений о событиях в Смоленской земле, опирающихся, как он полагал, на местный источник. В северных летописях — Лаврентьевской и сходных с ней — таких известий до 1285 г., по его наблюдениям, нет. К сожалению, сообщения обычно весьма коротки, а смоленское происхождение их не бесспорно. Так, сведение о привозе в Смоленск дочери Святослава Олеговича для выдачи замуж за Романа Ростиславича (1148) могло исходить не из Смоленска, а от окружения ее отца, который, как мы знаем, имел своего летописца, и др. Большие «смоленские» куски также могли быть несмоленскими: подробности о смерти Ростислава Мстиславича (1167), конечно, «могли быть сообщены только его спутником» — в этом В. С. Иконников прав. Но этот «спутник» вряд ли был смолянином, так как, двигаясь через Смоленск, Ростислав (уже великий киевский князь), всего вероятнее, имел вокруг себя далеко не смоленское окружение. То же можно сказать о записи по поводу кончины Давида Ростиславича (1197).

Исходя из языковых наблюдений, А. А. Шахматов, как известно, считал, что Радзивилловский список древнерусской летописи был сделан в Смоленске или Смоленской земле, однако Д. С. Лихачев не находит этот довод достаточно убедительным [8]. В. И. Сизов и Н. П. Кондаков считали ее соответственно летописью, составленной в Новгороде или во Владимире [9].

---

[5] *Щапов Я. Н.* Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г.— В кн.: Новое в археологии, с. 276—282; *Он же.* Похвала князю Ростиславу Мстиславичу, как памятник литературы Смоленска. XII в.— ТОДЛ, Л., 1974, т. 28.

[6] *Щапов Я. Н.* Похвала князю Ростиславу..., с. 56.

[7] Архангелогородская летопись. М., 1781, с. 5; Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950, с. 20; О взаимоотношениях этих сводов см.: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 372.

[8] *Шахматов А. А.* Заметка о составлении Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи.— В кн.: Сборник в честь Д. Н. Анучина. М., 1913. *Лихачев Д. С.* Русские летописи. М.; Л., 1947, с. 435.

[9] *Сизов В. И.* Миниатюры Кенигсбергской летописи (Археологический этюд.)—

Со Смоленском, безусловно, можно связывать лишь так называемую летопись Авраамки — сборник, найденный в Полоцке А. В. Рачинским в 60-х годах XIX в. Ее смоленское происхождение удостоверяет приписка: «В лето 7003 (1495) написана бысть сия книга, глаголемый Летописец, во граде Смоленсце при державе великого князя Александра, изволением божьим и повелением господина владыки смоленского Иосифа (Солтана) рукою многогрешнаго раба Авраамки». С этой летописью схожи и другие списки (Синодальный, Толстовский, Супрасльский)[10]. А. А. Шахматов менял свои взгляды на эту рукопись. Первоначально он полагал, что это компиляция из трех памятников новгородского происхождения, а затем при анализе языка пришел к выводу, что летопись Авраамки лишь копия со свода, составленного в Пскове, где было много новгородских источников[11]. Таким образом, и этот памятник, переписанный в самом Смоленске, был не смоленским и на местные источники не опирался.

Есть основания полагать, что смоленская летопись легла в основу «Литовских летописей», вошедших в XVII и XXXII тома Западнорусских летописей, но, как указывал уже В. С. Иконников (один из первых рассмотревший их под этим углом зрения), все данные «приводят к заключению о существовании Смоленской летописи (лишь) среднего периода»[12].

Общерусские своды. Общерусские летописные своды по-разному отражают историю Смоленской земли. Основная часть сведений встречается, как в южнорусском летописании (Ипатьевская летопись), так и в северовосточном (Лаврентьевская), но есть оригинальные смоленские сообщения в других сводах. Больше всего их в новгородском круге летописей; его князья часто занимали новгородский стол, Смоленская земля соседила с Новгородской и в южную Русь новгородцы чаще всего ездили не через враждебную Полоцкую землю, а через Смоленск. Оригинальные сведения о Смоленске находим в Софийских летописях, они часто совпадают со сведениями Воскресенской летописи, что и понятно, так как Софийская I наряду с Московским сводом 1479 г. была ее источником[13].

Первое оригинальное, не встречающееся в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, сообщение о Смоленской земле мы читаем в Софийской I (и Воскресенской) летописи под 1019 г., где говорится, что

ИОРЯС, 1905, т. X, кн. I; *Кондаков Н. П.* Заметки о миниатюрах кенигсбергского списка начальной летописи издания Общества любителей древней письменности. СПб., 1902, CXVIII, т. 2.

[10] *Лихачев Д. С.* Русские летописи, с. 435.— ПСРЛ. СПб., 1889, т. XVI.

[11] Там же, с. 465, 466.

[12] *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908, т. II, кн. 1, с. 527. См. также: *Ючас М. А.* Летопись великих князей литовских.— Труды АН ЛитССР. Сер. А, Вильнюс, 1957, № 2 (3), с. 111—121.

[13] *Лаптев В. В.* Воскресенская летопись.— Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1955, т. 102, с. 187.

Ярослав Мудрый посылает в Смоленск за мощами убитого брата Глеба [14], затем о разделении Смоленска на три части после смерти Ярослава Мудрого (1054) [15]. Под 1095 г. мы узнаем, что князья Святополк и Владимир Мономах приходили на Давыда Святославича к Смоленску [16]. Однако эти события встречаются только в летописях новгородского цикла и в Воскресенской не отражены. Под 1111 г. узнаем из Новгородской I и Воскресенской летописей, что в Киеве, Новгороде, Чернигове и Смоленске произошел сильный пожар [17]. Под 1121 г. В. Н. Татищев вычитал в какой-то летописи, что в Смоленск приезжал Мономах для примирения полоцких князей [18] (в дошедших до нас летописях этого сообщения нет). Любопытная деталь Воскресенской летописи, не находящая себе параллели в других источниках: под 1125 г. сказано, что по смерти Мономаха на киевском столе был Мстислав Владимирович, названный там князем смоленским. В Смоленске, оказывается, остается в качестве князя Ростислав Мстиславич (в то время как, по другим летописям, этот князь в качестве смоленского упомянут только с 1127 г.). Нет параллели этим сведениям и в своде 1479 г. [19].

Новое оригинальное сообщение летописей только новгородского круга находим под 1137 г. Говорится, что новгородцам не было мира со смолянами [20]. В Новгородской I летописи говорится, что Святослав Ольгович, «интернированный» в Смоленске, был заключен в монастырь Бориса и Глеба на Смядыни [21]. В тех же летописях новгородского круга под 1129 г. читаем о приходе из Суздаля в Смоленск Юрия Долгорукого, который зовет новгородцев на Святослава Ольговича, через 10 лет, в 1139 г., сообщается, что в Смоленск к отцу бежал Ростислав Юрьевич — сын Долгорукого из Новгорода [22]. В Новогородской I и в Новгородской IV летописях есть известия 1145 г. о построении в Смоленске каменной церкви Бориса и Глеба на Смядыни [23]. Под 1158 г. в Новгородской и I и IV есть сообщение о возвращении из Новгорода в Смоленск Ростислава Мстиславича, причем в Новгородской I еще добавлено, что в Новгороде оставлен Святослав [24]. Как видим, большинство сведений о Смоленске, превышающих объем сведений Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, восходят к новгородскому летописанию, и именно к тому времени, когда Смоленск был в наиболее тесных сношениях с Новгородом (см. раздел «Политическая история...»).

---

[14] ПСРЛ. СПб., 1851, т. V, с. 133; 1856, т. VII, с. 327.
[15] ПСРЛ, т. V, с. 139; т. VII, с. 333.
[16] ПСРЛ. СПб., 1841, т. III, с. 3; т. V, с. 150.
[17] НПЛ. М.; Л., 1950, с. 20; ПСРЛ, т. VII, с. 22.
[18] *Татищев В. Н.* История Российская. М., 1963, т. II, с. 134.
[19] ПСРЛ, т. VII, с. 233.
[20] НПЛ, с. 25, 210; ПСРЛ. СПб., 1848, т. IV, с. 6; т. V, с. 158.
[21] НПЛ, с. 25, 210.
[22] НПЛ, там же; ПСРЛ, т. IV, с. 6; т. V, с. 158; т. VII, с. 132.
[23] НПЛ, с. 27, 213.
[24] НПЛ, с. 30, 217; ПСРЛ, т. IV, с. 10.

Рассмотрение других летописей показывает, что основное повествование о Смоленске содержится в Ипатьевской летописи, причем оно часто совпадает с Воскресенской, но бывают случаи, когда сообщение Ипатьевской оригинально (1140 г.— Святослав Ольгович бежит в Смоленск через Полоцк из Новгорода; Изяслав и Вячеслав в 1151 г. присылают послов в Смоленск к Ростиславу, прося помощи против Долгорукого; в 1155 г. в Смоленск приезжает по дороге из Суздаля в Киев жена Долгорукого с детьми, и Ростислав ее провожает; тогда же рязанские князья целуют крест к Ростиславу «яко имети отцом себе»; 1158 г.— Рюрик Ростиславич со смолнянами участвует в походе на Туров; в 1159 г. смолняне помогали вместе со своим князем Романом и Рюриком Ростиславичем Рогволоду Полоцкому против Ростислава Глебовича Минского[25] и т. д.). Как видим, оригинальные сведения Ипатьевской летописи не связаны с Новгородом и относятся главным образом к 1140—1160 гг.— время борьбы князей (братьев Изяслава и Ростислава!) с Юрием Долгоруким и княжения Ростислава в Киеве (1159—1167 гг.). Количество сведений о Смоленске в Ипатьевской летописи значительно возрастает, если учитывать и те сообщения, которые попали в Воскресенскую летопись (по-видимому, через свод 1479 г.).

Оригинальных сведений о Смоленщине в Лаврентьевской летописи гораздо меньше. Сообщается, что в Смоленск ходил Мономах (1091 и 1107), что великий князь Ярополк Владимирович послал Изяслава Мстиславича в Новгород «и даша от Смолиньска дар»[26] (1133). Эти сообщения явно случайны и к смоленскому источнику восходить не могут.

ГРАМОТЫ СМОЛЕНСКОЙ ЕПИСКОПИИ
XII — начала XIII в.

Дошедший до нас комплекс смоленских епископских грамот XII — начала XIII в.— неоценимый источник по истории древней Руси. Найденный в конце 40-х годов в Швеции С. В. Соловьевым и затем неоднократно изданный[27], он долго не исследовался, по-видимому, потому, что дошел в списках XVI в. и доверия не вызывал. Лишь теперь благодаря работам Я. Н. Щапова и А. В. Поппэ можно считать, что его изучение началось.

Я. Н. Щаповым рассмотрен весь комплекс документов и доказано, что он составлен не в 1150 г., как считалось, а в 1137 г. (точнее, в 1136 г.— дата двух первых грамот), затем дополнялся в 1150 г. (третья грамота) и в конце XII—XIII в. (последний документ).

[25] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 274 и сл.

[26] Об этом см. раздел «Политическая история...»

[27] Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846, т. I, № 4; Лучшие издания: «Памятники русского права». М., 1953, т. II. «Смоленские грамоты XIII—XIV вв.». М., 1963; Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. Издание подготовил Я. Н. Щапов.

Уточнив дату (1136), А. В. Поппэ рассмотрел историческую обстановку, в которую создана первая и вторая грамоты, и выяснил некоторые важные частные вопросы (о «Суздале-Залесской дани», о «дедичах» и др.). С рядом соображений исследователя Я. Н. Щапов согласился.

Сейчас установлено, что Уставные грамоты Ростислава Смоленского состоят в действительности из четырех отдельных документов.

1. Устав Ростислава (составлен в 1134 г., утвержден в 1136 г.).

2. Подтвердительная грамота епископа Мануила, написанная тогда же.

3. Данная грамота о передаче Ростиславом епископии холма в 1150 г.

4. Грамотой «О погородьи и почестьи» дополнен комплекс намного позднее (как увидим, во втором десятилетии XIII в.) и фиксирует доходы епископии со смоленских периферийных городов.

Все эти документы и надлежит рассмотреть.

Устав Ростислава Смоленского 1136 г. Устав Ростислава разбит его первым подробным комментатором А. А. Зиминым на девять параграфов [28]. В соответствии с ними мы и разберем документ. § 1 представляет род преамбулы. Здесь говорится об учреждении смоленской епископии смоленским князем Ростиславом и устанавливается ее материальная база. В § 2 сообщается о передаче епископу «прощеников» и указывается, что судить их может теперь только епископ. § 3 содержит подробный список княжеских даней и указывает сумму 10%, которые надлежит получить с них епископу. Отмечается, что церковь получает это отчисление лишь от даней, на другие виды доходов князя — продажи, полюдье и виру — это не распространяется. После дани с Солодовниц и указания на долю с нее епископу в тексте идет, выявленный Д. и А. Поппэ [29], «суммарный» Путтинский кусок, где дань высчитана суммарно, а далее, начиная с Копыси, прежний порядок восстанавливается. В конце раздела говорится о «суздале-залесской дани», которая в случае ее возвращения Юрием Долгоруким также должна делиться с церковью в отношении 1 : 10. Параграф оканчивается выделением 10% натуральных доходов кафедре со всех натуральных даней князя («от всех рыб» и т. д.). § 4 сообщает о передаче епископии из княжеского домена двух сел, участка земли, охотничьих и рыболовных угодий и сенокосов. § 5 трактует о передаче епископии имущества с княжеского двора, земли под огороды в городе с семьей ее обрабатывающей, а также с семьи охотника, живущего в пригороде за рекой. § 6 рассматривает вопрос о компетенции епископского суда. § 7—9 предписывают органам феодального государства не вмешиваться в церковный суд и сообщают о тех карах, которые ждут нарушителей.

Как видим, учредительная грамота смоленской епископии 1136 г. охватывает многие стороны жизни одного из древнерусских княжеств и для историка Руси необычайно важна. К сожалению, текст ее, переписы-

[28] ПРП. М., 1953, т. II, с. 39—42.

[29] *Poppe D., A.* Dziedzice na Rusi.— Kwartalnik historyczny, 1967, N 1.

вавшийся, по-видимому, не однажды с более ранних рукописей, не безупречен. Мною сделана попытка его реконструировать, исходя из некоторых наблюдений над логикой изложения, над обязательными повторениями выражений в начале каждого нового пожертвования («А се даю», «И се землю дал» и т. д.) и их неслучайным, как я считаю, отсутствием [30]. Но, конечно, это за рамки гипотезы не выходит.

При изучении названного документа нельзя забывать, что он отражает лишь те доходы и права смоленской церкви, которые она получила в 1136 г. от князя. Имелись ли у нее тогда и другие источники существования, нам неизвестно. В то же время и доходы князя представлены в документе односторонне: лишь те, что делятся с новоучрежденной епископией.

О других видах княжеских доходов мы читаем лишь в начале списка даней, но характер их не знаем, хотя иногда они, по-видимому, случайно и называются в источнике (например, полюдье Копыси, Лучина, вира дедичей). Некоторое представление о княжеском домене и его «лоскутности» вблизи от Смоленска также можно получить из Устава [31], но и это только в той части, которая передавалась кафедре.

Несмотря на все это, значение документа нельзя переоценить: даже простой список одного вида доходов — даней — позволяет выяснить, как последовательно росла территория княжества, как увеличивались постепенно «окняженные» внутри нее земли. Картографирование княжеских даней приводит к важным выводам о существовании так называемых государственных доходов смоленского князя уже в конце XI — начале XII в., которые существенно отличались от его личных доходов уже в это время и т. д. Как отметил М. Х. Алешковский, «Устав Ростислава свидетельствует не только о компетенции епископского суда, но и о раздельном суде в это время князя и посадника, что позволяет по-новому отнестись к ранней истории возникновения посадничества нового типа как в Новгороде, так и в Смоленске, поскольку и в Смоленске существовали точно такие же кончанская и сотенная система, как в Новгороде» [32].

---

[30] Основываясь на логической незаконченности § 2, внезапного начала § 4 (без типичного для остальных подобных статей «А се даю», «И се даю»), я предположил, что оба они при переписке перебиты текстом о данях (§ 3) и первоначально составляли один логически объяснимый текст: «А се даю святеи Богородици (и) епископу прщеники с медом, и с купами, и с вирою, и с продажами, и не надобе их судити никакому же человеку — и село Дросенское со изгои и з землею святеи Богородици и епископу и село Ясенское и з бортником и с землею и с изгои святеи Богородици...» (и т. д.) (*Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли.— In: Słowianie w dziejach Europy. Poznań, 1974, s. 88, 89.

[31] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976.

[32] *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV вв.— СА, 1974, № 3, с. 110.

Отметим, наконец, что нового вносит Устав Ростислава по сравнению с предшествующими аналогичными документами. В основе документа Ростислава — предшествующие установления [33], но здесь отражены условия нового времени, когда земельная собственность стала играть особенно заметную роль. Пожертвования земель церкви не были его новшеством, но величина этих земель свидетельствовала о рвении князя в создании епископии и делала епископа его крупным союзником.

Дополнительная грамота (1136). К Уставу Ростислава примыкает Дополнительная грамота новопоставленного епископа Мануила, вокруг которой недавно возникла небольшая полемика. Я. Н. Щапов находил, что этот документ состоит из основной части, одновременной уставу (до слов: «да будет проклят»), и двух приписок, сделанных между годом смерти митрополита Михаила, 1145 г. (так как он назван в памятнике «святым»), и 1150 г., которым датируется последующий текст. Считая всю грамоту одновременным документом, приписанным к Уставу в том же 1136 г., А. В. Поппэ возражал, указывая на ряд примеров, когда живые церковные иерархи и просто светские люди именовались «святыми» [34]. Традиционная форма клятвы Дополнительной грамоты, напоминающая своим заклятьем окончание многих документов, некогда собранных нами для аналогии заклятья на кресте Евфросиньи Полоцкой (до 1161 г.) [35], действительно, как будто бы указывает на концовку текста в середине грамоты, однако доказательства А. В. Поппэ о единовременном составлении всего документа в 1136 г. нам представляются убедительными. Любопытно, что, по его наблюдению, при сравнении сходных частей Устава Ростислава и грамоты Мануила о «переяславской опасности» оба эти документа «не повторяют, а восполняют друг друга, сообразуясь со своим положением» [36]. Грамота Мануила, как заметил Я. Н. Щапов, в оригинале была написана по-гречески и затем переведена на древнерусский — в ней есть обороты, близкие к византийским памятникам (наименование митрополита «кир» — господин и т. д.) [37].

Грамота «О холме» 1150 г. Третья грамота «О холме» приписана, судя по дате на ней, в 1150 г. Основываясь на упоминании в записи епископа Симеона и считая последнего епископом Владимира Волынского (ум. в 1136 г.), М. Д. Приселков делал далеко идущие выводы, справедливо опротестованные ныне Я. Н. Щаповым [38]. Речь идет о переяславском епископе Симеоне, неизвестном нам по другим источникам, который, несомненно, был на епископской кафедре в Переяславле между 1100 и 1105 гг. [39] В то время смоленская церковь подчинялась переяслав-

[33] *Щапов Я. Н.* Смоленский устав...

[34] *Щапов Я. Н.* Смоленский устав...; *Поппэ А. В.* Учредительная грамота...

[35] *Алексеев Л. В.* Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в.— СА, 1957, № 3.

[36] *Поппэ А. В.* Учредительная грамота..., с. 62.

[37] *Щапов Я. Н.* Смоленский устав..., с. 43.

[38] Там же, с. 45, 46.

[39] *Поппэ А. В.* Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии.— ВВ, М., 1968, XXVIII, с. 106, прим. 90.

скому архиерею, значит, в грамоте говорится о передаче смоленской епископии в 1150 г. того самого холма, на котором Владимир Мономах при Симеоне в 1101 г. возвел Успенский собор [40]. Грамотой «О холме» комплекс документов, связанных с Ростиславом Смоленским, кончается. Последующая грамота отношения к нему не имеет.

Грамота «О погородьи и почестьи». Этот документ до последнего времени был совсем не изучен. Его часто и до сих пор ошибочно причисляют к грамотам Ростислава Смоленского и даже датируют 1150 г. [41], хотя уже давно этот вопрос пересмотрен. Грамота «О погородьи» оказалась переписанной в XVI в. на тех же листах, что и предшествующие грамоты из архива смоленской епископии, и благодаря этому дошла до нас. Здесь фиксируются сравнительно малые поступления, имеющие отношение только к епископской кафедре и получаемых ею без помощи князя с городов (погородье) и за службу епископа (почестье). В ней упоминается всего 12 городов, из которых 6 новых и 6 старых (о Смоленске, как и в предыдущих документах речи нет, так как отношения с ним регулировались, очевидно, другими документами, до нас не дошедшими). Обилие городов показывает, что грамота «О погородьи» значительно позднее создания епископии, когда в Смоленской земле, кроме Смоленска, был лишь один город. Я. Н. Щапов предложил датировать документ концом XII – началом XIII в., исходя из трех соображений: 1) в денежном счете его «не упоминаются гривны серебра, известные в документах середины XIII в., и тем более гроши, известные в конце XIV в.»; 2) запись сделана тогда, когда власть епископа достаточно окрепла, чтобы епископ собирал причитающееся себе без помощи князя; 3) «запись рисует условия, когда поступления от городов занимали важное место в приходном бюджете кафедры, а финансы развитых смоленских городов, следовательно, в состоянии удовлетворить среди других и претензии владыки» [42]. Последние соображения содержат справедливые, но исключительно косвенные заключения; важнее первый пункт, на основании которого исследователь и датировал документ с точностью до 50 лет. Однако дата может быть значительно сужена: здесь нужно рассмотреть «почестье». Его платят в самом большом размере три крупнейших смоленских центра, из которых два наверняка входили в княжеский домен (Мстиславль и Ростиславль) [43], а один Дорогобуж принадлежал домену, по всей вероятности. Однако по погородью крупнейшим городом после Смоленска в конце XII – начале XIII в. был Торопец, но именно он и не вносил смоленскому архиерею почестья. Трудно предположить, что иерарх отказывал в службе этому городу, с которого епископия получа-

[40] По П. В. Голубовскому, в документе шла речь о Брагине Холме на р. Угре, что, безусловно, неверно (*Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895, с. 76).

[41] *Седов В. В.* Смоленская земля. Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 252—254 и др.

[42] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы..., с. 146 и сл.

[43] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского...

ла самое крупное погородье, да и в соседнем Жижце он, видимо, бывал. Остается предположить, что документ составлялся в Смоленске тогда, когда с Торопцом у епископа были достаточно натянутые отношения и он не только отказался туда ездить, но даже перестал планировать причитающиеся за его службу в этом городе поступления. Когда это могло быть?

Торопец — один из первых городов Смоленской земли, ставший самостоятельным княжеским центром, со своей линией князей — потомков младшего Ростиславича. Торопецкий князь в 1169 г. упоминается отдельно от князя Смоленска, со второй половины XII в. торопецкие князья ведут по отношению к нему сепаратистскую линию и несколько раз даже занимают новгородский княжеский стол, оставляя за собой «домениальное» княжение в Торопце. Таких «новгородских» периодов до середины XIII в. у торопецких князей было три: 1178—1180 (Мстислав Храбрый), 1210—1215; 1215—1218 (оба раза Мстислав Удалой) [44]. Когда же смоленский владыка отказывался наотрез ездить служить в Торопец? Скорее всего, тогда, когда там был другой иерарх, больший даже по церковному чину. 22 января 1211 г. в Новгороде произошло столкновение архиепископа Митрофана с новгородским князем Мстиславом Удалым. «Не даша ему правиться (оправдаться) Мстислав ведоша и в Торопець; он же (Митрофан.— *Л. А.*) то прия с радостию, яко Иоанн Златоусьтць и Григории Акраганьскыи» [45]. Мера эта не была временной, так как в Новгороде немедленно был возведен прибывший из Византии еще при Митрофане Добрыня Ядрейкович, именуемый теперь Антонием. Как долго в Торопце пробыл опальный иерарх, мы не знаем, но в 1218 г. мы его уже видим, выезжающим из Владимира в Новгород [46]. Грамота «О погородьи» и составлена в Смоленске в период ссылки в Торонец новгородского архиепископа, т. е. между 1211 и 1218 гг. От Устава Ростислава 1136 г. ее, следовательно, отделяют 75 лет, и все упоминания в ней городских поселений крайне важны, так как показывают развитие смоленских периферийных центров за это время [47].

ТОРГОВЫЕ ДОГОВОРЫ XIII в.

Важное место среди источников по истории Смоленской земли занимают известные смоленские торговые грамоты, заключенные между Смоленском, Ригой и о. Готландом в первой половине XIII в. Не в пример рассмотренным выше епископским грамотам, эти источники обросли обширной источниковедческой литературой. Договоры дошли до нас в нескольких редакциях, и в науке идут споры о том, какая из них является более

---

[44] НПЛ, с. 33, 221.
[45] НПЛ, с. 52, 58, 250, 259.
[46] ПСРЛ. СПб., 1841, т. III, с. 36; 1848, т. IV, с. 26.
[47] *Алексеев Л. В.* Периферийные центры домонгольской Смоленщины.— СА, 1979, № 4.

древней[48]. Одни исследователи (А. А. Куник, П. В. Голубовский, Н. П. Лихачев, А. А. Зимин, В. А. Кучкин, В. Д. Янин) считают таковым договор 1229 г., другие (С. П. Писарев, А. Д. Ботяков, Н. Н. Усачев, а также лингвист-издатель грамот Т. А. Сумникова) — так называемый Договор неизвестного князя, который ими датируется 1223—1225 гг.

Договор неизвестного князя. Для датировки этого источника 1223—1225 гг. имеется несколько оснований: 1) А. Д. Ботяков и Н. Н. Усачев установили в нем ряд архаических правовых норм по сравнению с договором 1229 г.[49]; 2) по свидетельству Генриха Латвийского, договор между Ригой и Смоленском был заключен в прямой связи с битвой на Калке (31 мая 1223 г.). Хронист, действительно, пишет, что «король смоленский и король полоцкий и некоторые другие русские короли отправили послов в Ригу просить о мире. И возобновлен был мир, во всем такой же, какой заключен был уже ранее»[50]. Последние слова показывают, что в договоре 1223—1225 гг., как и в договоре 1112 г., действительно, шла речь о торговле по Двине, однако идентичность этого договора с Договором неизвестного князя вовсе не очевидна. После обстоятельной работы В. А. Кучкина, о которой мы будем говорить, не остается, мне кажется, сомнений в том, что договор 1223—1225 гг. Генриха Латвийского до нас не дошел, как и первые два (1110 и 1112 гг.). Это был, таким образом, уже третий договор Смоленска и Полоцка с Ригой.

В рецензии на издание Т. А. Сумниковой и В. В. Лопатина смоленских грамот В. А. Кучкин дал первое обстоятельное обоснование датировки грамоты «Неизвестного князя». Он обратил внимание на отсутствие в этом договоре ряда статей, общих для договора 1229 г. (обеих редакций), а также на наличие в нем отдельных статей, лишь отдаленно напоминающих договор 1229 г. В этом «избыточном» материале автор усмотрел определенную тенденцию: в нем предусмотрен более широкий круг возможных преступлений и более высокий штраф за некоторые из них. Они назначались в гривнах серебра в отличие от договора 1229 г., где (например, в рижской редакции) упомянуты гривны кун, что, по его мнению, сравнительно поздний признак. В. А. Кучкин обращает внимание на статьи договора, где идет речь о вырывании бороды (ст. 19), об убийстве княжеского тиуна (ст. 21), и делает предположение, что они являются следствием какого-то конкретного случая — «бурных событий в Смоленске, когда княжеской администрации (...) пришлось столкнуться с проживающими в городе немецкими купцами»[51]. Все это приводит его к мысли, что Договор неизвестного князя написан позднее договора

---

[48] Подробная библиография и сводка мнений приведена в новейшем издании грамот: Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963.

[49] *Ботяков А. Д.* Синтаксис Договора 1229 года как памятник русского языка. Канд. дис. Ярославль, 1949; *Усачев Н. Н.* Торговля Смоленска с Висби, Ригой и северогерманскими городами в XII—XIV вв. Канд. дис. М., 1952.

[50] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии, с. 222.

[51] *Кучкин В. А.* О древнейших смоленских грамотах.— История СССР, 1966, № 3, с. 104. Работа эта, к сожалению, выпала из внимания В. Л. Янина, хотя для этой

1229 г. Пытаясь определить, какому смоленскому князю он мог принадлежать, В. А. Кучкин приходит к заключению, что употребленные в договоре термины «отец» и «брат», вызвавшие в литературе дискуссию еще в 60-х годах прошлого века, фигурируют в источнике в разных значениях: «отец» — в прямом смысле слова, а «брат» — в феодальном. Оставив без внимания вопрос о возможности такого сочетания и не подкрепив этого примерами (что следовало бы, на мой взгляд, сделать), автор определяет, что Договор неизвестного князя был заключен полоцким князем Святославом Мстиславичем вскоре после захвата Смоленска 24 июля 1233 г. (...) и до 1240 г., когда в Смоленске с помощью Ярослава Всеволодовича вокняжился брат Святослава — Всеволод. Подтверждает это предположение, по мысли В. А. Кучкина, и последняя 24-я статья договора, где сказано, что князь «ряд свой докончилъ про моуже и просвое смолняны». В противопоставлении «своих смолян» и «своих муже» он видит в последних пришлую с князем дружину (в данном случае полоцкую) и смоленскую, смолнян [52].

Таким образом, Правду 1229 г. следует признать древнейшим из дошедших до нас торговых договоров Смоленска. Как известно, он состоит из двух редакций — готландской (списки A, B и C) и рижской (D, E и I). Особенности каждой выяснены в весьма обширной литературе, и я на них останавливаться не буду. В. И. Борковский доказал, что язык основного текста грамот близок к языку Русской Правды, причем, по наблюдениям В. А. Кучкина, язык рижской редакции ближе к ней, чем готландской, а значит, обе редакции написаны разными лицами. Терминология рижской редакции более древняя, чем готландской [53]. В. А. Кучкин сделал еще одно важное наблюдение: начиная с 1233 г. по 1358 г. в Смоленске сидело восемь князей, что соответствует количеству списков смоленско-рижских договоров, а это значит, что при каждом новом князе договоры возобновлялись. «Списки редакций, отмечал исследователь, не чередуются. Списки более ранней Рижской редакции относятся примерно к третьей четверти XIII в. Их сменяют списки «готландской редакции», обе редакции текста договора 1229 г. представляют «два различных договора, основанных на договоре 1229 г.» [54]. Таков основной вывод текстологического анализа В. А. Кучкина смоленских грамот.

Договор 1229 г. В январе — феврале 1229 г. Мстислав Давыдович Смоленский отправил в Ригу «своего лучшего попа Еремея и с нимь умна

темы крайне важна (*Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. I, с. 96).

[52] *Кучкин В. А.* О древнейших смоленских грамотах..., с. 106.

[53] *Борковский В. И.* Смоленская грамота 1229 г.— русский памятник.— Уч. Зап. Ярославского udинститута, 1944, вып. 1. Как известно, П. В. Голубовский считал более древней готландскую редакцию, не приводя оснований (*Голубовский П. В.* История Смоленской земли..., с. 112—115).

[54] *Кучкин В. А.* О древнейших смоленских грамотах, с. 112; В. Кипарским выяснены германизмы, просочившиеся из основной части договора готландской редакции в позднейшие (*Кучкин В. А.* О древнейших смоленских княжествах. с. 108, прим. 32).

мужа Пантелея (...) твердити миръ», ибо было «немирно промеж Смольньска и Риги и Готскымъ берьгомь всемь купчемъ». В разработке договора участвовали «дъбрии людие: Ралфо из Кашеля (Касселя), божии дворянинъ Тумаше — смолянинъ». В Риге составили окончательную редакцию Договора, подписали и скрепили печатями. Оставив здесь русский противень и взяв противень по латыни, послы двинулись на о. Готланд, где, поменяв противень на немецкий, возвратились. Как противни, так и русские переводы их до нас не дошли, как и не дошли русские копии, снятые (как и копии немецкие) в Смоленске по прибытии посланцев. Привезенный противень на немецком языке послужил основой для протографа второй редакции Договора, к которой восходят сохранившиеся тексты Договора (экземпляры А, В, С). Список с русской копии латинского текста лег позднее в основу экземпляра F, который вскоре попал в Новгород. Есть еще экземпляры Ї и Е, составленные в 70-х годах XIII в. с приписками о татарах [55].

Для рассмотрения Договора 1229 г. следует сгруппировать казусы, которые в нем отражены. Таких групп казусов пять:

1. Как и в Русской Правде, текст начинается с убийства, увечья и просто удара, оскорбляющего личность (§ 1—4), причем последний параграф — санкция (порядок ареста). Нормы здесь близки к Пространной редакции Русской Правды (соотношение убийства свободного и холопа — 1 : 8), § 3 — двойной штраф за убийство, увечье попа или посла). Внесение этого пункта понятно: сами посланцы представляли «попа» и «посла» (Пантелей и Еремей). Составив столь ответственный договор, они понимали, что при всяком крупном недоразумении с ним, они или их товарищи будут снова посланы в Ригу и на Готланд.

2. § 5—10 — долговые обязательства. § 5—7 — гарантия получения долга, § 8—10 — порядок свидетельских показаний в случае отрицания долга заключается в испытании железом, огнем и т. д.

3. О моральном поведении приехавших чужеземцев (§ 11—14 — о незаконном сожительстве, насилии, аресте безвинного и в конце порядок разрешения конфликтов с участием представителей власти).

4. Провоз товаров (в основном по волоку в Смоленской земле), т. е. из Днепра в Касплю, (§ 15—18 — обязанности тиуна на волоке, условия очередности транспортировки, гарантия сохранности товара, перевозимого волочанами).

5. Продажа-покупка в названных городах, за их пределами (§ 19—22 — о свободной продаже, о переезде в другие города Смоленской земли, о невыдачи купленного товара, санкция: порядок обращения к судебному исполнителю).

Дальше текст Договора идет как бы вразбивку: § 23 — опять долговые обязательства, § 25—27 — порядок покупки в Смоленске серебра, золота и проч., оплата при переливке серебра (§ 28). Далее о гирях, о провозе товара без пошлины, запрещение посылать иностранных куп-

[55] Подробнее см. комментарий А. А. Зимина (ПРП, т. II, с. 77, 78).

цов на войну насильно (§ 32), о поимке вора (§ 33), уточнение, что суд первой инстанции окончателен (§ 34), § 35—36 — снова о перевозе товаров по волокам.

Все сказанное приводит к мысли, что текст Договора 1229 г. в древнейшей рижской редакции (сейчас мы пользовались всем Договором целиком) состоял лишь из 22 статей (параграфов) и позднее к нему дописывались новые казусы, возникшие, видимо, на практике (например, § 32). Существенное дополнение состояло лишь в подробном разъяснении порядка покупки золота и серебра и оплаты плавки последнего.

Трудно сказать, когда был составлен первоначальный текст договора, легший в основу соглашения 1229 г. Кажется, всего вероятнее, что между 1210 и 1229 гг. Не исключено, что это и был договор 1210 г., о котором как о торговом соглашении повествует Генрих Латвийский.

Договор 1232—1240 гг. Договор Святослава Мстиславича 1233—1240 гг., видимо, создавался на базе уже полного текста договора 1229 г., на что указывает, во-первых, ссылка на прежние правила перевозки товаров по волокам (а правила эти разработаны именно в договоре 1229 г.), а во-вторых, на повторении статей 14 и 31 договора 1229 г., который, следовательно, к этому времени был уже дописан, во всяком случае, 31 статьями. В целом же договор Святослава лишь частично подтверждал основные положения договора 1229 г. Так, в нем полностью представлена группа казусов, связанных с убийством (§ 21, 23, 4, 19, 5), текст же о взыскании с должника иностранца (§ 5 в договоре 1229 г., § 6 в договоре Святослава) состоит только из одной статьи. Больше сохранено статей, связанных с моральным поведением купца в иностранном городе и вообще о насилии (отсутствует лишь § 14 Договора 1229 г.), правила на волоках сохранены прежние (и, по-видимому, полностью). Из торговых пунктов оставлены § 19—21 Договора 1229 г. Если бы не § 14 Договора Святослава, соответствующий § 31 (отмена пошлины при проезде по пути в Смоленск), то правомерно было бы предположить, что при составлении договора этого князя пользовались не всем текстом 1229 г., а его первоначальным видом, основой, которую сократили и прибавили только три новых параграфа (в основном уточняя предыдущие статьи): § 16 — о невзимании платы с иностранных купцов, въезжавших в Смоленск (развитие статьи о снятии уплаты мыта), § 21 — об убийстве тиуна (уточнение статьи об убийстве) и § 24 — оговорка, что данный договор действует только в период княжения князя, заключившего этот договор. В датировке Договора Святослава мы присоединились к мнению В. А. Кучкина, однако нельзя не отметить, что из сравнения текстов его и Договора 1229 г. это не вытекает, хотя и не опровергается.

ПРОЧИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Важным источником являются Жития Авраамия (и отчасти Меркурия) Смоленских. Многочисленные списки первого распадаются на списки полного типа (Уваровский, Софийский, Синодальный), списки проложного, сокращенного типа (для чтений по дням житий этих святых, известны две переделки для этого из Жития Авраамия) и списки-переделки [56]. Это житие — важный источник по истории общественной и религиозной мысли Смоленска XII—XIII вв. Из самого исправного Уваровского списка удается выделить биографические данные Авраамия: о его родителях, о поступлении в один из смоленских монастырей, о его проповеди и силе ее убеждения, о борьбе с официальной церковью и популярностью Авраамия в народе. Лишь учение его, к сожалению, остается для нас затемненным. Житие Меркурия — иного характера, и пользоваться им следует осмотрительно. Редакций его несколько (народные и книжные, расцвеченные книжниками) [57]. Народный вариант датируется лишь документом, где он впервые записан (1665 г.). Городские (правда, часто искаженные) названия показывают, что житие создано в Смоленске (Мологинские, вместо Молоховские ворота и т. д.), но когда? Не лишено вероятности предположение В. Л. Янина — первый смоленский князь был сын Ярослава Мудрого — Вячеслав Меркурий. Сказание о Меркурии возникло не в XV в., а ранее и «имеет глубокие корни, возможно, связанные с патронатом первого смоленского князя» [58]. Такое толкование возможно, но настаивать на нем, к сожалению, нельзя, хотя других толкований нет.

Любопытным источником в будущем должны оказаться берестяные грамоты, которые время от времени находят пока лишь в раскопках только Смоленска. Сейчас их известно всего 10 и для истории Смоленской земли, а также для истории культуры они еще дают мало. Наиболее полной является грамота 1254 г. (№ 2) об уплате двух гривен и грамота XIII в. (№ 7) — церковное поминание с именем Геремея (может быть, грамотей Геремей, посылавшийся в 1229 г. в Ригу и на о. Готланд для переговоров о торговле) [59].

ИСТОЧНИКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ

Уже говорилось об обилии археологических памятников в Смоленской земле. Здесь надлежит разобрать, какие источники находятся в наших руках в результате их исследования.

1. Проблема древнерусских племен Смоленской земли всецело решается на материалах археологии, и в основном на раскопках курганов,

[56] *Розанов С. П.* Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912.

[57] *Буслаев Ф.* Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861, с. 173.

[58] *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси..., т. I.

[59] См. раздел «Городская культура».

так как погребальный обряд отражает верования, а эти последние принято считать связанными с этносом. Всего в Смоленской земле мною зарегистрировано свыше 800 курганных групп и отдельных курганов X—XII вв. За эти два столетия, следовательно, здесь возникло не менее 800 поселений. Исследовано, правда, намного менее. По подсчетам В. В. Седова, сейчас изучено 5 тыс. курганных насыпей смоленско-полоцких кривичей[60]. Сюда, правда, входит много насыпей пограничных зон, которые не всегда можно безоговорочно считать кривичскими (например, курганы, изученные Н. И. Булычовым), а также 950 насыпей знаменитого Гнездовского могильника, оставленного населением, жившим в особых, нетипичных для всей остальной земли условиях.

2. Археологические памятники — единственный источник, приближающий нас (хоть и в самой общей форме) к решению вопроса о древней демографии страны. Скопление курганных групп в одной части земли и их отсутствие — в другой позволяют представить характер заселенности страны в X—XII вв. и выяснить его причины. Обилие девственных лесов, разделявших эти скопления, объясняет сравнительную неподвижность древнего населения, а следовательно, и возникшую неизбежно культурную обособленность разных племен кривичей[61].

3. Проблема древнерусской деревни также решается на археологических источниках. Кроме курганов, которые здесь изучаются в иной плоскости, чем при изучении племен, имеется обширный материал деревенских поселений — селищ. Описанные работы В. В. Седова к востоку от Смоленска позволяют судить о величине древнерусских деревень этого района, характере их застройки, занятии жителей. Курганный материал показывает социальную дифференциацию сел[62].

4. Проблема княжеской и боярской вотчины здесь обеспечена также археологическим материалом. Наблюдения над распространением в Смоленской земле древнерусских деревень при сопоставлении их с письменными источниками позволяют ставить вопрос о домене Ростислава Смоленского. Городища Воищина, Бородинское, Ковшары и другие позволяют судить о смоленской боярской вотчине[63].

5. Проблема происхождения русского города на примере Смоленска, если и не может быть решена, то, во всяком случае, его археологическое изучение позволяет значительно продвинуться. Мною уже приводились доводы в пользу того, что древнейший Смоленск нужно видеть в Гнездовском комплексе памятников[64]. 950 раскопанных курганов в сочетании

---

[60] *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, 1970, № 163, с. 109.

[61] *Алексеев Л. В.* Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель IX—XIII вв.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978.

[62] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, 1960, № 92.

[63] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского...; *Седов В. В.* Сельские... (Воищина, Бородино).

[64] *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске.— СА, 1977, № 1.

с раскопками селища и городища должны дать в самое ближайшее время яркую картину одного из древнейших и крупнейших городов Руси — древнего Смоленска на его гнездовской стадии. Археологические источники показывают, что город был прочно вплетен в орбиту торговли IX—X вв. североевропейских стран, был связан со шведским городом Биркой, Скирингссалем (Норвегия) и Хетебю (Дания) [65]. Смоленск княжеского времени сильно отличался от «гнездовского» и имел иные основы.

Княжеский Смоленск XI—XIII вв. археологически изучается длительно Д. А. Авдусиным, по-видимому, в учебных целях (практика студентов), поэтому работы ведутся более всего в одной части города и почти не опубликованы [66]. Этот источник, таким образом, пока закрытый. Знаем лишь, что поиски там напластований IX—X вв. тщетны.

Большие материалы по истории смоленских городов дают исследования на Торопецком малом городище, в Мстиславле и в Рославле [67]. Все это княжеские города с прекрасной сохранностью древнего дерева, дата которого определима дендрохронологически. Обилие предметов, найденных на памятниках, позволяет характеризовать жизнь оставившего их населения, наметить вехи истории этих городов.

6. Древний Смоленск домонгольского времени изобиловал памятниками архитектуры. Н. Н. Ворониным и П. А. Раппопортом зафиксировано в городе 52 археологических объекта, связанных с домонгольскими постройками из плинф, и 6 свидетельств о подобных постройках в Смоленской земле. Всего 58 объектов, из которых удалось изучить 20 объектов в самом Смоленске. Не приходится сомневаться, что открытие этих новых источников позволило по-новому изучить историю архитектуры, живописи и в целом культуры [68].

---

[65] *Булкин В. А., Лебедев В. С.* Гнездово и Бирка.— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974.

[66] Д. А. Авдусиным публиковались лишь отдельные вещи из раскопок.

[67] Раскопки Торопца опубликованы в трех статьях М. В. Малевской, отдельные вещи — Г. Ф. Корзухиной. Раскопки Ростиславля и Мстиславля отражены в предварительных публикациях: *Алексеев Л. В.* Раскопки в Ростиславле...; *Он же.* Древний Мстиславль... (см. с. 167).

[68] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979, с. 333—347; *Воронин Н. Н.* Смоленская живопись 12—13 вв. М., 1977.

СМОЛЕНСКОЕ КНЯЖЕСТВО; ТЕРРИТОРИЯ, ЗАСЕЛЕННОСТЬ, ГРАНИЦЫ

По данным археологии [1], территория будущего Смоленского княжества до III—IV вв. н. э. была населена восточными балтами, оставившими днепро-двинскую культуру. Сменившая ее в середине — третьей четверти I тысячелетия н. э. культура типа верхнего слоя Тушемли, была еще близкой к старым балтским традициям. По П. Н. Третьякову и В. В. Седову, она — также балтская, по Э. А. Сымоновичу,— славянская. В VII—IX вв. в Смоленщину из Псковщины распространилась культура длинных курганов, по В. В. Седову,— славянская, по мнению некоторых других исследователей,— также балтская. О бесспорно славянских племенах здесь можно говорить лишь с IX в. То были кривичи, «иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра», как говорит летопись (рис. 1). Во втором десятилетии XII в. смоленское княжение распространилось на северных радимичей.

Смоленская земля образовалась в верховьях рек Днепра, Двины и Волги; она соседила с Новгородской, Ростово-Суздальской, Черниговской и Полоцкой землями. Основные водные артерии ее начинались в ее пределах и текли во всех направлениях, что не могло не сказаться на экономике страны. Подзолисто-дерновые почвы Смоленщины не отличались плодородием, мало было и полезных ископаемых: болотные руды, гончарные глины, известняк и некоторые другие.

Климат древней Руси изучен мало (попытки И. Е. Бучинского неудачны [2]). В древности Смоленская земля изобиловала лесами, в которых преобладали хвойные породы на севере княжества, лиственные — на юге, юго-западе. Травяная флора Смоленщины, в XIX в. представленная 900 видами растений, в древности из-за лесов была развита несомненно меньше [3]. Животный мир страны был намного богаче современного. Водились полезные для человека туры, лоси, олени, медведи, кабаны, дикие свиньи и козы, лисицы, зайцы и пр. На лесных затонных речках — ко-

---

[1] Подробнее см.: *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, 1970, № 1, с. 163; а также: *Рыбакоў Б. А.* Радзімічы.— Працы III. Мінск, 1932; *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв.— СА, 1956, XXV.

[2] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 69.

[3] *Алексеев А. Я.* Краткий очерк об исследовании в северной части Смоленского у.— Отчет ОИСГ, 1912, 1, с. 17; *Кауфман Н. Н.* Флора Московской губернии. М., 1866; *Горожанкин И. Н.* Материалы для флоры Московской губернии. М., 1888.

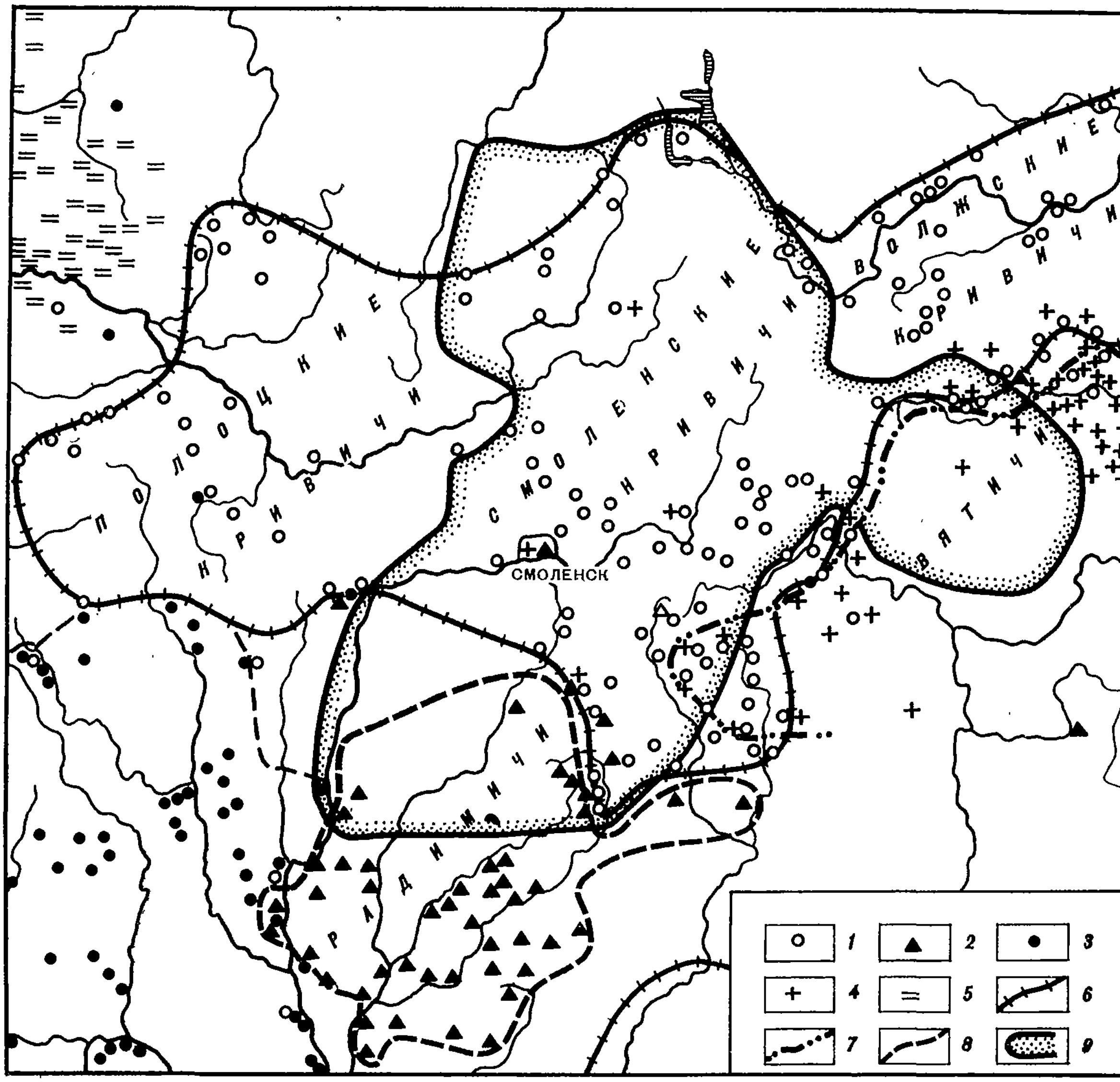

Рис. 1. Распространение славянских племен на территории будущей Смоленской земли (по данным В. В. Седова и автора)

1 — курганные могильники с браслетообразными завязанными височными кольцами («кривичского типа»), *2* — курганы с семилучевыми височными кольцами («радимического типа»), *3* — курганы с находками зерненых бусин («дреговичского типа»), *4* — курганы с находками семилучевых височных колец («вятичского типа»), *5* — могильники латгальских племен, *6* — границы племени кривичей, *7* — границы племени вятичей, *8* — границы племени радимичей, *9* — границы Смоленской земли

лонии бобров. На деревьях гнездились дикие пчелы, «бортный мед» которых очень ценился. Больше, чем теперь, было и пернатых.

Заселенность. К теме о заселенности Руси в древности подходили многие исследователи, но решить этот вопрос за неимением данных не удавалось [4]. В 1966 г. я предложил воспользоваться данными археоло-

[4] Одним из первых этим занимался ученый-декабрист А. О. Корнилович. Наставляя брата — будущего исследователя Белоруссии — из Петропавловской крепости,

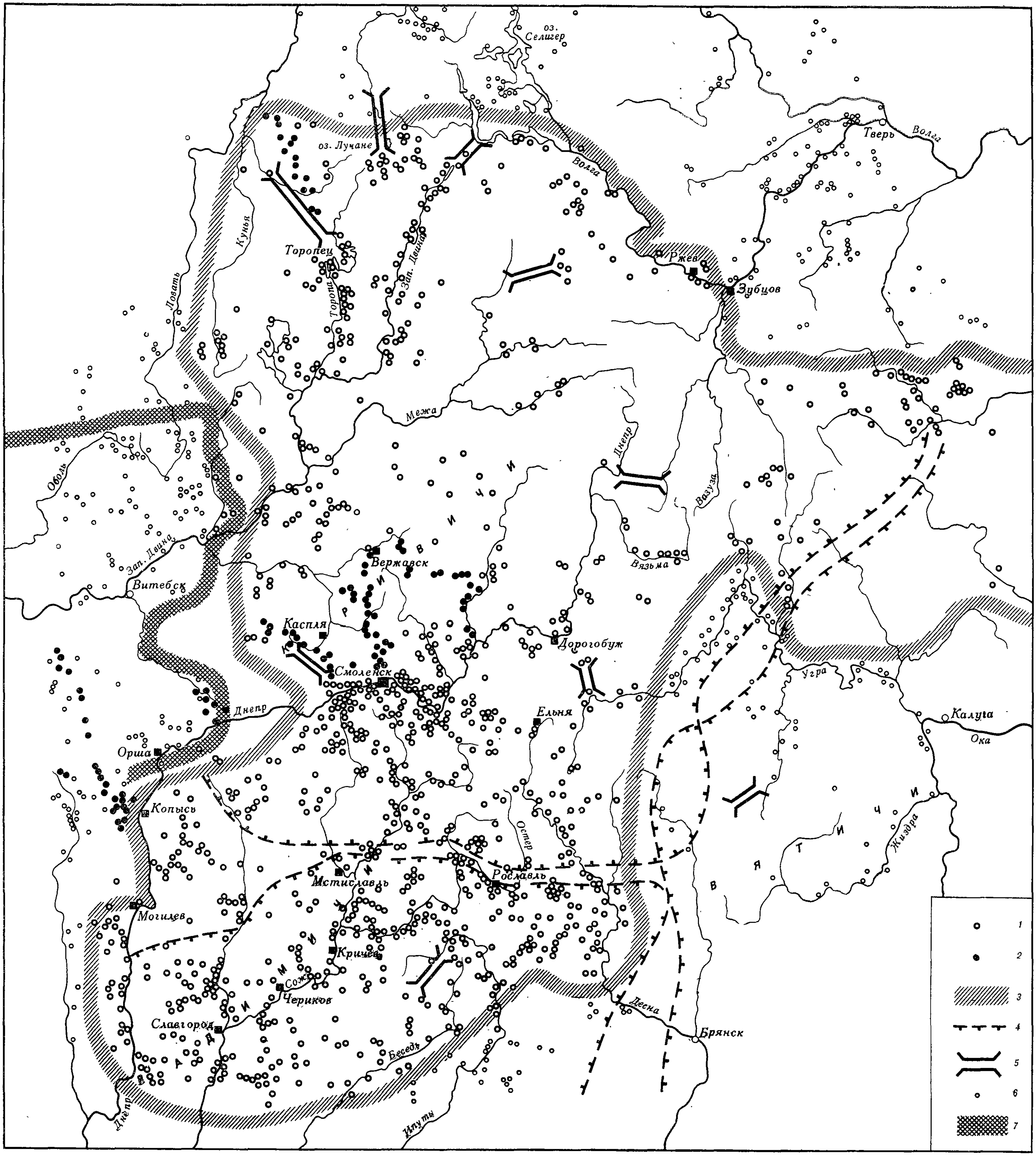

Рис. 2. Археологическая карта курганов Смоленской земли. Полусферические насыпи (IX—XIII вв.). Составлена автором

1 — курганные группы вне сухопутных путей,
2 — курганные группы на сухопутных путях,
3 — граница Смоленской земли домонгольского времени,
4 — границы древнерусских племен.
5 — волоки Смоленской земли по топонимическим данным,
6 — курганные группы за пределами Смоленской земли,
7 — граница Полоцкой земли

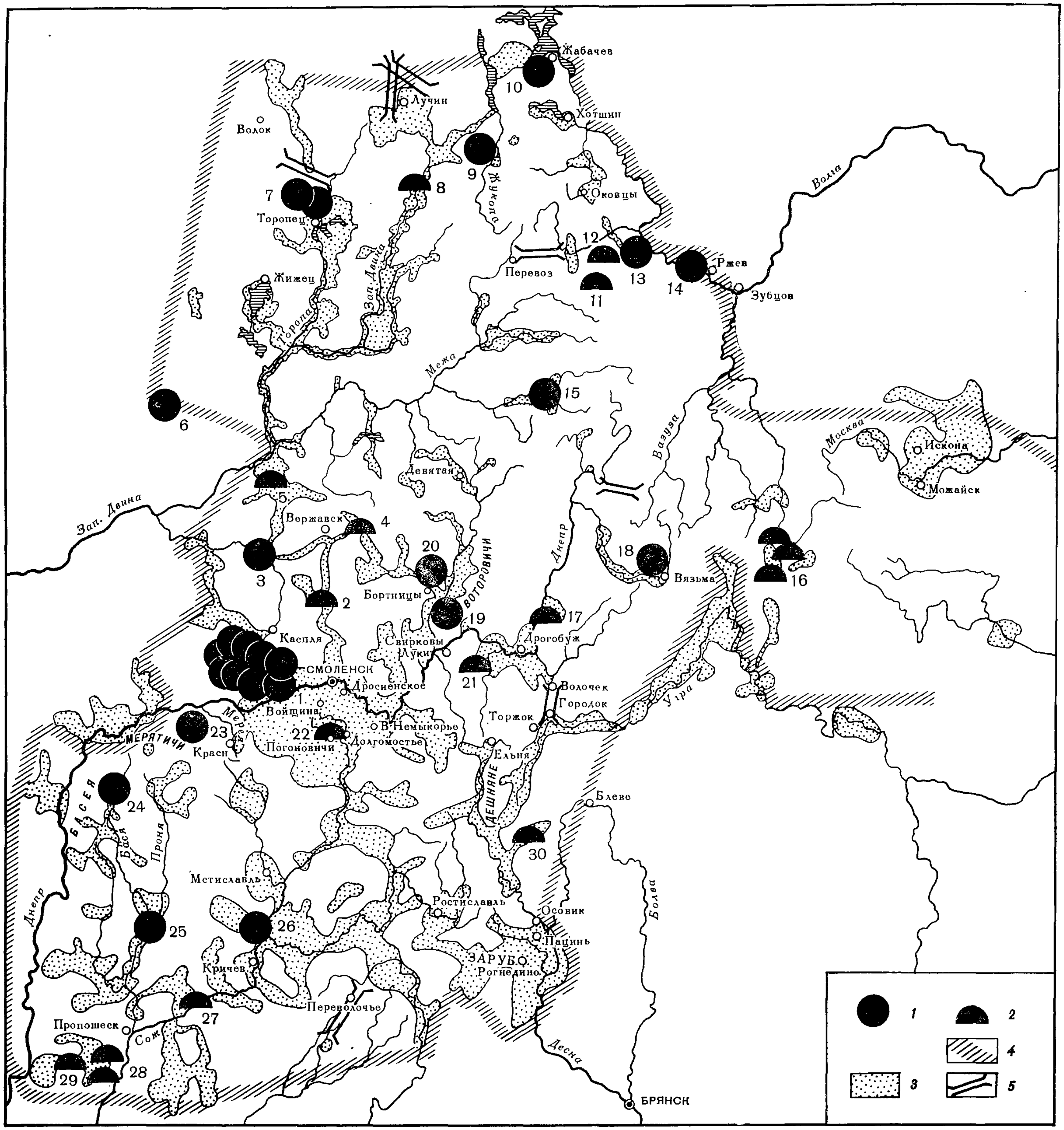

Рис. 5. Монетные клады и отдельные находки монет в Смоленской земле

1 — клады,
2 — единичные находки монет,
3 — скопления поселений (по курганам),
4 — граница Смоленской земли:
5 — волоки, по топонимам

1 — «Гнездовский Смоленск»,
2 — Иловка,
3 — Кислая,
4 — Слобода (Пржевальск),
5 — Саки,
6 — Глазуново,
7 — Торопец,
8 — Курово,
9 — Пальцево,
10 — Жабачев,
11 — Гульце,
12 — Горки,
13 — Семенов-Городок,
14 — Ржев,
15 — Дунаево,
16 — Паново,
17 — Харлапово,
18 — Дорогобуж,
19 — Ярцево,
20 — Жигулино,
21 — Мутышкино,
22 — Борщевщина,
23 — Соболево,
24 — Застенок,
25 — Староселье,
26 — Старый Дедин,
27 — Горки,
28 — Поповка,
29 — Песчанка,
30 — Зимница

гии[5]. Единственным источником могут быть памятники, которые при достаточной массовости имеют сравнительно узкую дату и свободны от этнических примесей. Этим условиям отвечают круглые курганные захоронения Полоцкой и Смоленской земель с общей датой IX—XIII вв. (а в основном — X—XII вв.). Составленные мною археологические карты полоцких и смоленских курганных групп и отдельных курганов показали, что насыщенность древних земель поселениями не была равномерной: сильно заселенные зоны перемежались большими необжитыми пространствами, занятыми, по-видимому, лесами (рис. 2). Вслед за первыми скоплениями славянских жителей в районах, где неустойчивость урожаев компенсировалась озерной и речной рыбой (верховья Западной Двины в VII в.), в VIII в. славянские поселенцы распространились и на Верхний Днепр (длинные курганы VI—VIII в.— круглые курганы VIII—X вв.)[6]. Формирование Пути из варяг в греки в IX в. позволило местным жителям расселиться шире. В районе Гнездова население начало концентрироваться теперь большими массами; здесь был кривичский племенной центр[7]. Кривичи IX—X вв. расселялись еще недалеко, в основном, по-видимому, в междуречье Днепра и Угры, частично на верхнем Соже, в междуречье Днепра и Друти, с одной стороны, и Западной Двины — с другой. Естественный прирост населения с его неизменной потребностью в новых землях удовлетворялся еще за счет уплотнения. На землях, где группировалось население, выделялись по заселенности районы: к югу от Смоленска, область по Остру к юго-востоку от Рославля и по верхнему течению Угры.

Как я уже указывал[8], северная часть Смоленской земли была заселена иначе: меньше курганов, их скопления не столь интенсивны и захватывают меньшую площадь. Обильны курганы к северо-западу от Смоленска, к востоку от Орши и от г. Велижа, на северо-западе земли у Лучанского, Торопецкого, Жижецкого озер и по рекам — в верховья Западной Двины, в районе современного Ржева. Реже распространены курганные группы в верховьях Межи, на ее левых притоках — Обше, Лучесе. Помимо «кучевых», на Днепре тянутся и скопления, названные мною «ленточными»[9],— поселения на сухопутных путях водораздела. От гнездовского Смоленска на Каспию, от княжеского Смоленска на Вер-

он указывал ему зоны древнейшей заселенности Новгородской земли (*Корнилович А. О.* Сочинения и письма. М.; Л., 1957, с. 328).

[5] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 70 и сл.; *Он же.* Полоцкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. Расширение этого метода позволило сделать и более широкие выводы: *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976; *Он же.* Некоторые вопросы заселенности и развитие западно-русских земель IX—XIII вв.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978.

[6] *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.— САИ, 1974, вып. Е1-8.

[7] *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске.— СА, 1977, № 1.

[8] *Алексеев Л. В.* Грамота Ростислава Смоленского; *Он же.* Некоторые вопросы...

[9] *Алексеев Л. В.* Грамота Ростислава; подробнее: *Он же.* Некоторые вопросы заселенности..., с. 25.

жавск. От р. Вопь, вдоль ее правого притока Царевича, к верховьям р. Гобза (но выше упомянутого городища на оз. Ржавец — будущего Вержавска) и далее через верховье р. Ельши к устью р. Межа, от княжеского Смоленска на верхнюю Десну (рис. 5).

Залесенность страны. Окóвский лес. Достоверность картины древней заселенности страны по курганам проверяется изучением промежутков между скоплениями поселений, которые не только не были заселены, но были заняты сплошным лесом. Изучение Полоцкой земли привело к выводу о том, что современные крупные лесные массивы — рудименты тех больших лесов, которые там росли тысячу лет назад [10]. Подобное наблюдается, по-видимому, и в Смоленской земле.

Начальная летопись упоминает в Смоленской земле Окóвский лес: «Днѣпръ бо потече из Оковьскаго лѣса и потечеть на полъдне, а Двина ис того же лѣса потечет, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжьское. Ис того же лѣса потече Волга на въстокъ» [11]. В специальной работе я пытался выяснить границы этого древнерусского леса, массив которого оказался необычайно большим. На севере он доходил до оз. Селигер, на востоке охватывал верховья и среднее течение Вазузы, на юге включал район оз. Каспли, а западные его пределы охватывали водораздел Куньи и Ловати [12]. Лесной массив Оковский лес (сохранился топоним Окóвец с городищем X в., рис. 3) находился на высоком плато, объединял верховья трех крупнейших рек Руси и не мог не играть важной роли в ее истории. В финских языках joki означает река, его наименование, следовательно, у финских аборигенов означало «лес рек» [13]. Следы этого леса сохранились и сейчас («Бельская Сибирь» по Молодому Туду в Бельском уезде, где в 1860 г. под лесом было 73% земель [14], «Щучейский край», в который в XIX в. можно было попасть из-за лесов только зимой по замерзшим болотам [15]), но 400—500 лет назад он был больше, о чем сообщали проезжавшие через него (или вблизи него) иностранцы: «Московия представляет вид совершенной равнины, усеянной множеством лесов,— сообщалось в 1523 г. папе Клименту VII.— Сосны величины невероятной, так что из одного дерева достаточно на мачту самого большого корабля...». Но в это время начались уже порубки: «Большую часть Московии составляют Герцинские леса,— писал другой иностранец (1562 г.),— но, будучи уже в некоторых местах расчищенными трудолюбием жителей, не представляют тех страшных дебрей, как

---

[10] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, М., 1966, с. 71—73.
[11] ПВЛ. М., 1950, т. I, с. 11.
[12] *Алексеев Л. В.* Оковский лес Повести временных лет.— В кн.: Культура древней Руси. Л., 1974.
[13] Этот перевод мне любезно напомнил П. Д. Пьянков.
[14] *Редков Н. Н.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Смоленской Епархии. Смоленск, 1915, вып. 1, с. 2; *Ельчанинов Н.* Очерк Бельской местности.— ПКСГ на 1860 г. Смоленск, 1880, с. 60.
[15] Отчет ОИСГ, 1912. Смоленск, 1912, с. 23.

Рис. 3. Городище X в. у с. Оковец Селижаровского района (фото автора).

прежде»[16]. «По пням больших деревьев, существующих еще и поныне, видно, что вся страна была очень лесистой»,— писал С. Герберштейн[17]. Видимо, массовое сведение лесов в Смоленской земле началось в XV — начале XVI в.

Рассмотрим конкретные места, где есть старые свидетельства о лесах. Более всего их было, естественно, на окраинах. По данным Р. Гейденштейна (XVI в.), москвитяне «оставляют землю, соседнюю с неприятелем, на протяжении нескольких миль невозделанной и необитаемой, частые деревья, которые по необходимости вырастают на свободной почве, и густые леса затем образуют некоторого рода оплот против неприятеля»[18]. На этой западной границе земли леса сохранились и теперь, курганы же почти не встречаются. Видимо, граница в XVI в. зарастала, но здесь лесные массивы были уже издревле. Остатки этих лесов видны и на карте Максима Цызарева 1701 г.[19] Густые боры от Усвята к Великим Лукам отмечал еще один сподвижник Батория («нам прийдется итти этим бором по крайней мере 2 дня»)[20].

Восточная часть Смоленской земли доходила до Можайска и тоже, судя по свидетельству современников, в XV—XVI вв. была густо залесена (и здесь также почти нет курганов). Путь от Смоленска до Москвы шел все лесом. 130 верст между Вязьмой и Можайском, по свидетельству А. Мейерберга (1661), тянулся сплошной лес, «пустынность которого охраняется одной деревней Царёво-Займище»[21]. «Путь от Смоленска до Москвы,— вторит ему Адольф Лизек (1675),— сколько опасен от медведей, столько и скучен по причине непрерывных лесов. Единственная между этими городами дорога идет по полосе вырубленного леса шириною около 30 футов с бревенчатою по болотам настилкою»[22].

Густые леса были и в юго-восточных пределах Смоленской земли. В 1370 г., прогоняя Ольгерда, «гнаше можаичи и побиша смолнян на лесе на Болонском, а полонъ отъяша»[23]. Деревня Белоновцы на р. Десногa, в 16,5 версты от Ельни, указывает нам, что лес этот начинался где-то к юго-востоку от этого города. Всего вероятнее, в верховьях Болвы, где мало курганных групп, и был пункт Блеве.

Много лесов и сейчас в южной Смоленщине. В Рославльском у. еще в начале XX в. они занимали 40,5%, а в древности их было значительно больше[24]. Лес переходил у верховьев р. Болвы в так называемый Брын-

[16] Письмо Альберто Компензе к папе Клименту VII.— Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836, т. I, с. 27, 30; *Новокамский Павел Иовий.* Книга о посольстве.— Библиотека иностранных писателей о России, т. I, с. 23.
[17] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 98.
[18] *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. СПб., 1889, с. 116.
[19] *Сапунов А. П.* Река Западная Двина. Витебск, 1893, с. 501—506.
[20] *Зборовский Ян.* Дневник.— ЧОИДР. М., 1897, с. 6.
[21] *Мейерберг Августин.* Путешествие в Московию. М., 1874, с. 193.
[22] Сказание Адольфа Лизека о посольстве в Россию.— ЖМНП, 1837, т. XI, с. 339, 340.
[23] Православный Палестинский сборник. СПб., 1887, вып. 12, с. 31.
[24] *Ляуданскі А. Н.* Архэолегічныя дасьледы у Смаленичыне.— Працы. Минск, 1932, т. III, с. 6.

ский лес, который тянулся от Калуги до Брянска, еще по Книге Большого чертежа [25]. Помимо пограничных смоленских лесов, которые заходили в глубь Земли, были леса, не выходившие на границы. Смоленск, по свидетельству С. Герберштейна, «окружен обширнейшими лесами, из которых добываются различные меха» [26]. О густых лесах между границей Литвы и Смоленска пишет и А. Лизек: проехав от границы Литвы 8 миль, он должен был ночевать среди густого леса, разжигая костры от медведей. Под Смоленском его посольство ждало приглашения в город также в большом лесу. Попав в большое половодье, С. Герберштейн вынужден был пересесть в ладью, управляемую монахом, и от Смоленска до Вязьмы плыть среди лесов [27], и т. д.

Для нас важно, что пространства, которые были безлюдными, по отзывам путешественников XVI—XVII вв., не имеют курганных могильников. Значит, картина заселенности для домонгольского времени по курганам вполне объективна.

Скопления поселений в древней Смоленщине. Обратимся к изучению территорий, отнятых человеком у леса. В Смоленской земле наблюдается три крупнейших скопления поселений древних славян: в зоне междуречья Сожа — Днепра — Каспли, в верховьях Западной Двины (у торопецких и Жижецкого озер), в междуречье Днепр — Десна.

О населении Западной Двины — Торопы В. В. Седов отмечал, что это были районы, в которых ранее (VII—IX вв.) население хоронило в длинных курганах, что дало ему право говорить о генетической преемственности этих мест населения X—XII вв. от более раннего [28]. Обилие курганов в Торопецком у. отмечал уже М. И. Семевский, их большое количество на р. Велесе (бывш. Монинский приход) также указывалось в литературе [29]. Работы Я. В. Станкевич выяснили, что торопецкое скопление поселений возникло в начале второй половины I тыс. н. э. [30] В это же время стали возникать скопления населения у оз. Жижецкое, к северо-востоку между оз. Лучанский и Охват, история населения этих районов, несомненно, близка торопецкому населению. Иная картина ждет нас южнее: между велижским течением Западной Двины и Днепром; здесь на р. Гобзе плотность весьма невысокая; судя по курганам, древние села тянулись узкими полосами через водораздел. Западная шла через Касплю, средняя — от Смоленска на север к Вержавску, восточная — от устья Вопи тоже к Вержавску (рис. 2). Волость Вержавляне Великие,

[25] Книга Большого чертежа. М.; Л., 1950, с. 56.

[26] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах, с. 112.

[27] Сказание Адольфа Лизека, с. 335, 337, 558; *Герберштейн С.* Записки о московитских делах, с. 114.

[28] *Седов В. В.* Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

[29] *Семевский М. И.* Историко-этнографические заметки о Великих Луках и Великолуцком уезде. СПб., 1857, с. 142, 143; *Редков Н. Н.* Историко-статистическое описание церквей и приходов Смоленской Епархии. Вып. I. Бельский уезд., Смоленск, 1915, с. 324.

[30] *Станкевич Я. В.* К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э.— МИА, 1960, № 76.

о которой мы читаем в Уставе Ростислава 1136 г. как о самой платежеспособной, состоявшей из 9 погостов [31], следует видеть в небольших разбросанных по рекам скоплениях поселений вокруг Вержавска; большее сравнительно скопление у левого берега Западной Двины, очевидно, считалось за два погоста, а самый удаленный вержавский погост к северо-востоку от Вержавска следует видеть в д. Девятая, где есть и курганы и городище домонгольского времени (рис. 4) [32]. В северной части Смоленской земли были еще скопления поселений, правда, меньшей величины: на р. Пырышне у самой опушки Оковского леса, где у с. Оковец есть курганы и городище IX—X вв. [33], а также и на верхней Меже с притоками.

Центральное скопление поселений в районе Сожа — Днепра и Каспли более всего распространилось на левый берег Днепра (рис. 4). Е. А. Шмидт расчленил это население на три хронологические группы: на первом этапе (VII—VIII вв.) населения здесь было мало, изобиловали, можно думать, леса. На втором (IX—X вв.) к западу от современного Смоленска (тогда еще не существовавшего) по обеим сторонам Днепра вырос колоссальный кривичский племенной центр, который, как я стремился показать, был древним Смоленском [34], как справедливо предлагают считать, подобным скандинавским викам — Бирке и др. [35] На третьей стадии (XI—XIII вв.) город этот заглох, так как феодальный Смоленск был перенесен на современное место. Однако территория указанного скопления на левобережье интенсивно заселялась. Жители врубались в леса, расширяя посевы. Археологические памятники этого времени, показал Е. А. Шмидт, разнообразны — они отражали села, погосты, феодальные усадьбы и пр. Остатки поселений этого же скопления в его восточной части изучались В. В. Седовым и тоже были расчленены на три группы по времени, правда, поздняя стадия у него захватывает и развитое средневековье [36]. Близко от центральной группы скопления поселений располагается скопление их в районе той части верхнего Днепра, где отходил путь к волоку на Угру с топонимами Волочек (днепровская сторона) и Лучин-Городок (берег Угры). Стихийное обогащение населения волока XI—XII вв., промышлявшего перевозками по водоразделу, вскоре (середина — вторая половина XII в.) было прекращено феодальным центром Дорогобуж, который, по-видимому, отошел в зону княжеского домена. Севернее дорогобужского скопления населения упомянем скопления древних жителей X—XI вв. и позднее на р. Вязьме, верховья

---

[31] ДКУ XI—XV вв. М., 1976, с. 141.

[32] *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии.— НИСГУ. Смоленск, 1926, т. 3, ч. 3, с. 275.

[33] *Алексеев Л. В.* Оковский лес Повести временных лет..., с. 6, рис. 1, прим. 12.

[34] *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске.— СА, 1977, № 1.

[35] *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка.— В кн.: Культура средневековой Руси, с. 11—17.

[36] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов...

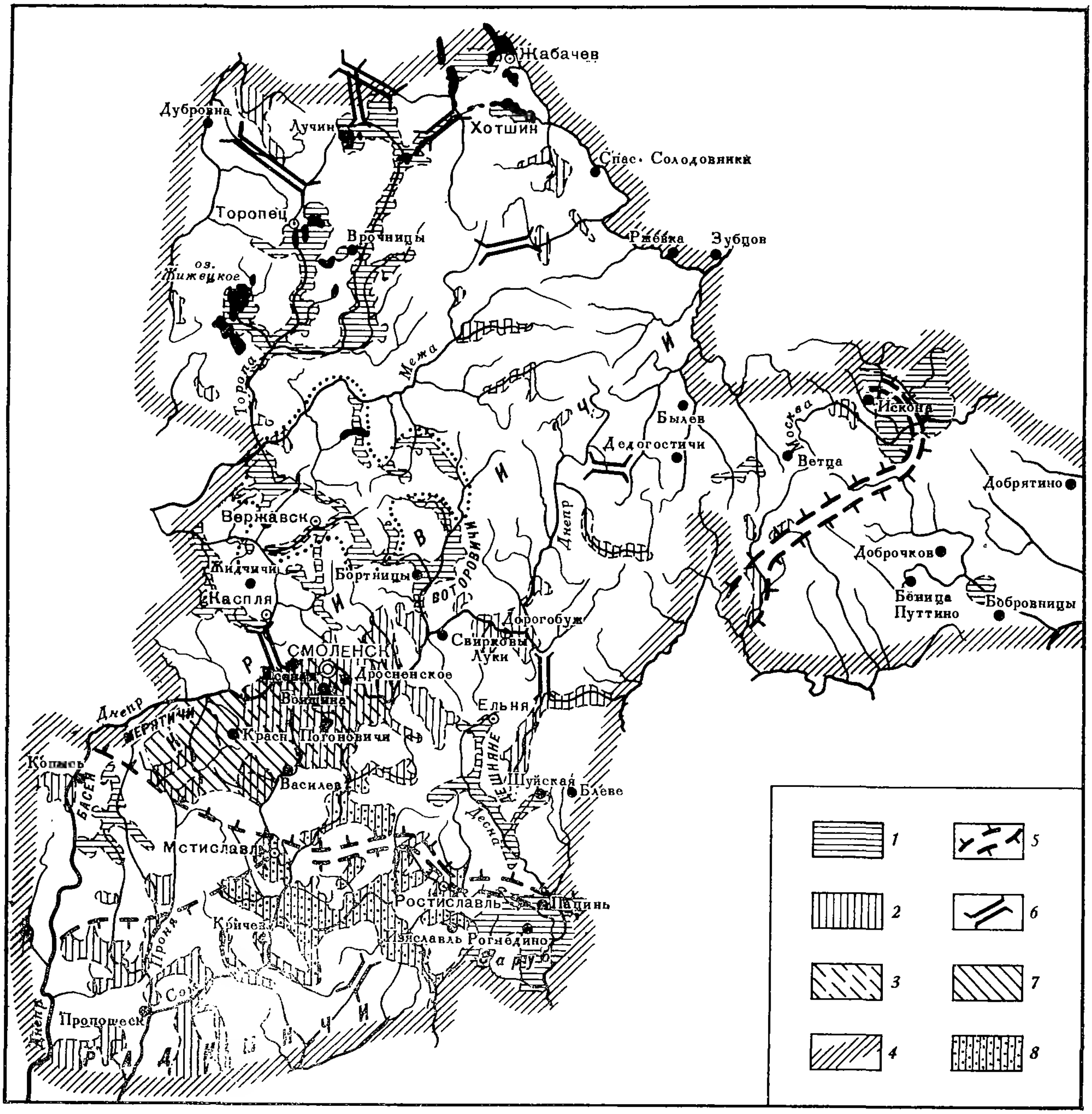

Рис. 4. Схема скоплений поселений Смоленской земли X–XIII вв. (по курганным группам)

1 — скопления поселений, плативших дань смоленскому князю в 1136 г., *2* — скопления поселений, не плативших такой дани, *3* — территория княжеского домена и боярских сел вблизи Смоленска, *4* — граница Смоленской земли, *5* — граница древнерусских племен, *6* — волоки по топонимическим материалам («Волок», «Волочек», «Переволока» и т. д.), *7* — часть княжеского домена вблизи Смоленска, присоединенная между 1136 и 1165 гг., *8* — земли княжеского домена в удалении от Смоленска (присоединенные в 1127 г. территории северных радимичей)

которой были близки к верховьям Вазузы, и других притоков Угры (рис. 2; 4). Эти скопления привели также к образованию в начале XIII в. феодального центра Вязьма (первое упоминание — 1239 г.).

Разбросанные смоленские села (разреженные скопления) мы видим и восточнее и опять в районах сближения правых притоков Вазузы и левых Угры, среди них выделяется д. Паново, где при раскопках были обнаружены иноземные вещи, диргемы и т. д. (см. раздел «Торговля»), а также р. Искона еще восточнее, вблизи границы вятичей и кривичей,— это волость, известная из Устава Ростислава 1136 г.,— Искона, платившая дань непосредственно в Смоленск и, следовательно, достаточно самостоятельная.

Третье крупное скопление поселений расположено в южной Смоленщине, населенной радимичами. Немногочисленные курганы с кремацией (IX—X вв.) показывают, что тогда здесь были разбросаны лишь небольшие поселения, по нескольку домов [37]. Очевидно, основная масса жителей этих мест, судя по курганам с ингумацией, возникла в XI—XII вв. Но этот процесс был внутренним, ибо никаких иноземных материалов, свидетельствующих о миграции, в курганах нет [38]. Радимичи интенсивно заселяли: верховья Стомети, Остра, среднего Сожа, верховья Беседи. У южной границы смоленских земель курганов меньше, здесь изобиловали леса, отделявшие северных радимичей от остальных, которые и были границей между княжествами. Чем объяснить существование такой границы внутри большого племени радимичей? Основываясь на погребальном обряде, Г. Ф. Соловьева наметила 8 малых племен радимичей. В зоне смоленских радимичей ей удалось вычленить лишь одно такое племя (группа восьмая). Оставшаяся радимическая территория, где признаков малых племен уловить не удалось, по площади и количеству памятников превышает соседние малые племена вдвое [39]. Возможно, что здесь и жили два малых племени радимичей, отделенных вместе с третьим (восьмая группа Соловьевой) от остальных лесами, чем и воспользовался Ростислав Смоленский, присоединив их к своей земле (1127 г.?, см. ниже). Если предположение об этих двух малых племенах подтвердится и у радимичей было, следовательно, 10 таких племен, то это подтвердит интересную гипотезу о десятичном членении древнерусских больших племен, выдвинутую Б. А. Рыбаковым.

---

[37] См. об этом: *Соловьева Г. Ф.* Погребальные обряды: Древности железного века в междуречье Десны и Днепра.— САИ, 1962, вып. Д1-12.

[38] *Рыбаков Б. А.* Радзімічы.— Працы III, с. 134; *Соловьева Г. Ф.* К вопросу о приходе радимичей на Русь.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968.

[39] *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XI вв. н. э.— СА, 1956, т. XXV, с. 156—157 (рис. 8).

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОГО КНЯЖЕСТВА

Процесс освоения кривичскими племенами будущей территории Смоленской земли, по-видимому, еще не завершился, как в их среде начался новый процесс феодализации, приведший в конечном итоге к созданию государственного объединения — Смоленского княжества.

Формирование территории Смоленской земли в свое время было блестяще изучено А. Н. Насоновым по древнерусским летописям [40], но сейчас это явление может быть изучено по другим источникам детальнее. Данническое освоение кривичской территории началось из племенного центра кривичей «Старого Смоленска»,— под этим термином исследователь подразумевал, следуя за А. А. Спицыным и А. Н. Лявданским, гнездовский комплекс памятников, что было совершенно верно. По Устюжской летописи, Смоленском и, очевидно, всей кривичской землей управляли старейшины — выходцы из местной родоплеменной знати, знакомой нам по гнездовским «Большим курганам» [41]. В течение IX — начале X в. выковался, видимо, и «аппарат принуждения», с помощью которого постепенно готовилось закабаление свободного населения. Поселки дружинной знати «предгнездовского» периода находились поблизости от территории будущего Гнездова: погребенные возле них в курганах мужчины сопровождались на тот свет мечами, скандинавскими украшениями и т. д. (Новоселки) [42]. Нам еще трудно представить, где началось это закабаление и как проходило: мало еще исследованы окрестности Смоленска археологически. Не знаем, как и когда кривичская знать осела на землю,— произошло ли это в XI в. или даже в X в. (как думает, возможно, не без оснований X. Ловмяньский) [43]. Частично владельческие села смоленской знати обнаружены археологически [44], но это требует целенаправленных раскопок. Во второй половине XI в. процесс феодализации в Земле, видимо, зашел далеко: во главе ее сел уже не князь из местной кривичской среды, а князь, навязанный Киевом. Началось выделение Смоленского княжества из состава киевских земель.

Устав Ростислава — источник для изучения роста смоленской территории. Устав Ростислава 1136 г., как выясняется, содержит ценнейшие сведения о росте территории Смоленской земли, на что никогда внимания

---

[40] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

[41] *Булкин В. А.* Большие курганы Гнездовского могильника.— В кн.: СС. Таллин, 1975, т. XX.

[42] *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области.— МИСО, Смоленск, 1963, вып. V; *Ширинский С. С.* Курганы IX — первой половины X вв. у пос. Новоселки.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970.

[43] *Ловмяньский X.* О происхождении русского боярства.— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.

[44] *Третьяков П. Н.* Средневековые замчища Смоленщины.— В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962.

не обращалось. Я имею в виду известный список даней князя, из которых 10% передавалось епископии, так как удалось выяснить, Устав опирался на более ранний источник [45].

Здесь прежде всего важно выяснить, как был составлен текст о данях? П. В. Голубовский предполагал, что все наименования волостей и отдельных центров в нем могут быть сведены в 12 групп, каждая из которых начиналась с пункта о большей сумме дани, а далее пункты следовали в нисходящем порядке. В конце были собраны, он полагал, центры с колеблющейся данью, и все завершалось местностями, которые «в уме писавшего не соединялись какой-либо ассоциацией идей». Уже это заключение несколько настораживает. Кроме того, если какую-то «ассоциацию идей» в первых группах П. В. Голубовского еще можно усмотреть (Вержавляне Великие — Каспля), то с третьей этот принцип поминутно нарушается (Хотшин и Жабачев географически расположены рядом, Воторовичи же крайне удалены, но включены в одну группу и т. д.). Некоторые «группы» оказались состоящими из одного только названия, так как другие пункты по их отдаленности объединить с ними в группы было нельзя (Дедогостичи — IX группа, Заруб — X группа), что указывает на произвольность построения в целом. Нам ясно, что ключ П. В. Голубовского не подошел и следует искать какой-то другой.

Список даней Устава был составлен, по-видимому, следующим образом (табл. 1). Сначала в него было включено 8 пунктов смоленского правобережья Днепра, расположенных к северо-западу от Смоленска (Вержавляне Великие, Врочницы, Торопец, Жижец, Каспля) и к северо-востоку (Хотшин, Жабачев, Воторовичи) [46]. Далее вошли волости левобережья (Шуйская, Дешняны, Ветская и Былев), лежащие в восточной и юго-восточной части Смоленской земли (без области вятичей — «восточного клина»). После этого в список вносились пункты уже вразброд — то расположенные в центре земли (Бортницы), то снова на Пути из варяг в греки (Витрин, Жидчичи), то на левобережье Днепра в юго-восточной части земли (Басея, Мирятичи, см. табл. 1), и т. д.

Есть ли здесь система? В конце списка стоит Вержавск (№ 34) с указанием, что это город. Вместе с тем казалось бы логичным, чтобы он шел за Вержавлянами Великими (№ 1) как их центр, но он стоит в самом конце списка и, значит, приписан позднее, тогда, когда стал городом и появилась возможность брать с него дополнительную дань. Это наводит на мысль, что список, которым пользовались составители Устава 1136 г., составлялся не единовременно. Что же он собою представлял, как и когда

[45] *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли.— In: Słowieanie w dziejach Europy. Poznań, 1974; *Он же.* Периферийные центры домонгольской Смоленщины.— СА, № 4, 1979.

[46] При картографировании центров Устава использованы данные П. В. Голубовского с поправками по И. М. Красноперову (Ження Великая и Солодовничи, см.: *Красноперов И. М.* Некоторые данные географии Смоленского и Тверского края в XII в.— ЖМНП, 1901, ч. 335) и В. В. Седову (Вержавск, Красн, см.: *Седов В. В.* Некоторые вопросы географии Смоленской земли, с. 22, рис. 3).

Таблица 1

№ п/п	Наименование податных центров и волостей	Дань в гривнах серебра	Географические районы							Даты
			Путь из варяг в греки	Волга	Центр	Вост. часть без вятичей	Зап. часть левобер. Днепра	вятичей	радимичей	
1.	Вержавляне Велик.	1000	+	—	—	—	—	—	—	1054 г. *
2.	Врочницы	200	+	—	—	—	—	—	—	
3.	Торопец	400	+[1]	—	—	—	—	—	—	
4.	Жижец	130	+	—	—	—	—	—	—	
5.	Каспля	100	+	—	—	—	—	—	—	
6.	Хотшин	200	—	+	—	—	—	—	—	
7.	Жабачев	200	—	+	—	—	—	—	—	
8.	Воторовичи	100	—	—	+	—	—	—	—	
9.	Шуйская	80	—	—	—	+	—	—	—	
10.	Дешняны	30	—	—	—	+	—	—	—	
11.	Ветская	40	—	—	—	+	—	—	—	
12.	Былев	20	—	—	—	+	—	—	—	
13.	Бортницы	40	—	—	+	—	—	—	—	
14.	Витрин	30	+	—	—	—	—	—	—	
15.	Жидчичи	10	+	—	—	—	—	—	—	
16.	Басея	15	—	—	—	—	+	—	—	
17.	Мирятичи	10	—	—	—	—	+	—	—	
18.	Добрятино	30	—	—	—	—	—	+	—	Начало XII г.
19.	Доброчков	20	—	—	—	—	—	+	—	
20.	Бобровницы	10	—	—	—	—	—	+	—	
21.	Дедогостичи	10	—	—	—	+	—	—	—	
22.	Заруб	30	—	—	—	+	—	—	—	
23.	Женяя Великая	200	—	+	—	—	—	—	—	
24.	Пацинь	30	—	—	—	+	—	—	—	
25.	Солодовничи	20	—	+	—	—	—	—	—	
26.	Путтино (с Беницами)	32,5	—	—	—	—	—	+	—	
27.	Копысь	?	—	—	—	—	+	—	—	1116 г.
28.	Прупой (Пропойск)	10	—	—	—	—	—	—	+	1127 г.
29.	Кречут	10	—	—	—	—	—	—	+	
30.	Лучин	?	—	+	—	—	—	—	—	
31.	Оболвь	?	—	—	—	+	—	—	—	
32.	Искона	40	—	—	—	—	—	+	—	
33.	Суздальская дань	?	—	—	—	—	—	—	—	1134–1135 г.
34.	Вержавск	30	+	—	—	—	—	—	—	
35.	Лодейницы	10	+	—	—	—	—	—	—	1136 г.
	Итого:	3087,5								

* Первоначальный список даней, составленный в 1054 г. для нового смоленского князя.

составлялся? Всего вероятнее, это был общий список княжеских доходов, хранившийся в княжеской канцелярии и извлекавшийся всякий раз при поступлении годовых даней из различных смоленских земель. Не приходится сомневаться, что сразу же с выделением смоленского княжения возник вопрос о материальной обеспеченности нового князя. Был составлен список всех центров и погостов земли (вероятно, в географической последовательности), и против каждого значилось, сколько с него причиталось дани и других поборов. В 1054 г., когда создавалось это княжение, Смоленская земля еще не достигла своих максимальных размеров; по мере ее увеличения из года в год, переходя от одного князя к другому, список этот к 1136 г. гипотетически должен был иметь следующий вид: вначале был большой перечень податных центров, всего вероятнее, в географической последовательности. Эта часть отражала первооснову княжения, ту экономическую базу, благодаря которой удалось создать в 1054 г. княжество. Затем к списку дописывались пункты, которые охватывались княжеской данью позднее, по мере расширения аппетитов смоленских князей. Совершенно очевидно, что именно так и составлен был список доходов смоленского князя, из которого в 1136 г. составителю Устава предстояло вычленить доходы, которые делились с епископией. В основном он справился с этой задачей и ошибся лишь, включив в список виру дедичей и полюдье Копыси и Лучина, которые кафедре не причитались (см. преамбулу источника). На таблице 1 отражены наши наблюдения. Все 35 пунктов Устава[47] идут в том порядке, как они там расположены. Первые 12 (Вержавляне Великие — Былев) — в географической последовательности, начиная с самого крупного дохода и кончая самым меньшим. Волости эти прежде всего занимают древнейшую территорию страны — область длинных курганов и некоторые территории к востоку и югу от Смоленска на кривичском пограничье (Шуйская, Ветская, Былев, Дешняны). Все эти пункты, видимо, и составляли основу экономической базы княжения в 1054 г. Следующие наименования (Бортницы — Мирятичи) были приписаны явно позднее: либо по мере упорядочения дани и возникновения новых центров обложения на прежней территории в правобережье р. Царевич (пункт Бортницы), а также на Пути из варяг в греки (Витрин, Жижец), либо в результате специальных военных экспедиций (области Басея и Мирятичи, расположен-

---

[47] Следуя за Д. и А. Поппэ в интерпретации текста о Путтине, я исключаю из списка волостей «пункты» Дедичи и Корчмичи, которые, как доказали эти исследователи, таковыми не являются (*Poppe D., A.* Dziedzice na Rusi.— Kwartalnik Historyczny, 1967, N 1). Однако это не может быть распространено и на Беницы, так как это не испорченное «обелницы» и не «бобровники», как полагают авторы, а существующий еще и поныне в районе Путтина населенный пункт Беницы с культурным слоем XII в. (Боровский район Калужской области, см.: *Успенская А. В.* Древнерусское поселение Беницы.— Ежегодник ГИМ. М., 1964). Район же Путтина установлен еще П. В. Голубовским по упоминанию этого топонима в «волости Смоленской» у Боровска (Можайские акты. СПб., 1892, с. 198; *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, с. 67—68, прим. 3).

ные рядом друг с другом и, видимо, захваченные одновременно в левобережье к западу от Смоленска). С присоединением этих последних княжеской данью была охвачена вся основная территория смоленских кривичей, и дальше вширь дань могла распространяться лишь на некривичские земли. И действительно, к семнадцатому пункту податного перечня теперь приписываются еще три, расположенные в области Пахры и Нары, где жили вятичи, и Протвы, населенной голядью. Здесь были основаны податные центры: Добрятино, Доброчков, Бобровницы. Однако дань росла и внутри Смоленского княжества, где также возникали новые центры обложения — Дедогостичи (верховья р. Гжати), Ження Великая и Солодовничи на Верхней Волге. Княжеские отряды стали проникать и в область радимичей, и на границе с ними на верхней Десне были основаны податные волости Заруб и Пацынь, платившие в Смоленск равную долю с выше расположенными Дешнянами (Дешняне, по-видимому, кривичское население подесенья) и, следовательно, равные им по экономическому значению. В области Голяди (или в непосредственной близости от нее) возникли Путтино с подчиненным ему пунктом Беницы (по Уставу 1136 г., Беницы платили не в Смоленск, а в Путтино 2 гривны [48]). Последний этап феодализации Смоленской земли, судя по списку княжеских доходов, отраженных в Уставе Ростислава, начался упорядочением дани на торговых коммуникациях как на Днепре (Копысь), так и в области радимичей (Прупой, Кречут — Пропойск и Кричев), на пути в Новгород (Лучин), в верховьях р. Болва (Блеве), вятической р. Москва (Искона на притоке этой реки — Исконе). Это было время, когда «суздале-залесская дань» еще не была возвращена Долгоруким Смоленску, и ее также включили в список доходов князя и добавили еще Вержавск, который к этому времени стал городом, и Лодейницы.

Список доходов смоленского князя предстает теперь в виде некой временно́й шкалы, отражающей рост этих доходов из года в год путем все большего охвата данью различных территорий как внутри страны, так и вовне.

Попробуем проставить на этой шкале какие-либо твердые временны́е вехи. Первые 12 пунктов вошли в список даней при устройстве княжения, т. е. в середине XI в., или, точнее, в 1054 г. (я полагаю, что это были волости, прежде платившие дань варягам [49]). Далее присоединение к Смоленску земель голяди на Протве и вятичей на реках Наре и Москве, что произошло не во второй половине XI в., как думал А. Н. Насонов [50], а в первые десятилетия XII в. Голядь, правда, археологически еще не обнаружена, но вятические древности, лежащие еще восточнее, известны хорошо. Наиболее ранние курганные захоронения этих мест датируются либо серединой XI в. (есть лишь одна группа — Воронцово в устье Исконы), либо второй половиной — началом XII в. (Шишимровские курганы

[48] *Poppe D., A.* Dziedzice na Rusi...
[49] *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске.— СА, 1977, № 1, с. 90.
[50] *Насонов А. Н.* «Русская земля»...

северо-восточнее Можайска) и принадлежат кривичам [51], а собственно вятические курганы здесь не старше начала XII в., и их уже довольно много [52]. Очевидно, появление здесь большого количества населения на рубеже XI—XII вв. и было причиной того, что Смоленск обратил свои взоры на эти земли. Значит, это произошло в начале XII в., т. е. в первые два его десятилетия, (точнее, как увидим, до 1116 г.). За это время здесь были основаны Добрятино, Доброчков, Бобровницы, а вскоре, видимо, и Путтино с подчиненными им Беницами и зависимым населением (дедичами и т. д.)

Копысь и Орша — два небольших пункта домонгольского времени, расположенные в непосредственной близости друг от друга, ниже Смоленска на левом (Копысь) и правом (Орша) берегах Днепра. Первые известия о них относятся соответственно к 1059 и 1067 гг., причем Орша была, несомненно, полоцким городом [53]. При коалиционном походе Владимира Мономаха на Минск в 1116 г. оба пункта были заняты Вячеславом Смоленским и его союзниками, и, следовательно, до этого времени оба продолжали принадлежать Полоцкой земле. После этого оба города длительно не упоминаются в летописях. Лишь Копысь попадает на страницы Устава Ростислава 1136 г. Значит, в 1116 г. Копысь, лежавшая на смоленской стороне Днепра, была присоединена к Смоленску, а Орша — возвращена Полоцку. Не приходится сомневаться в том, что Копысь немедленно была внесена в список княжеских доходов, т. е. в том же 1116 г. Так мы получаем еще одну временнýю веху восстанавливаемого нами списка княжеских доходов.

Следом за Копысью в список внесены два пункта территории северных радимичей — Прупой и Кречут (Пропойск и Кричев). А. Н. Насонов уже отмечал, что «во времена Мстислава и Ростислава Смоленск укреплял свою дань в местах обитания радимичей» [54]. Это согласуется и с нашими наблюдениями: по Воскресенской летописи (единственному источнику), накануне своего киевского княжения Мстислав Владимирович (сын Мономаха) занимал смоленский стол. Очевидно, «укрепление дани» в стране радимичей началось, как уже показал А. Н. Насонов по другим источникам (Устав Ростислава исключался, так как исследователь датировал его традиционно 1150 г.), между 1116 (возможно, немного позднее, так как в это время в Смоленске еще сидел брат Мстислава Вячеслав) и 1136 гг., а точнее, в 1127 г. (с. 51—52). Так мы получаем еще одну временнýю веху, которая подтверждает нашу реконструкцию списка, так как оказывается еще более поздней, чем дата Копыси.

Есть еще одна временнáя веха, которую я не включил в свою предварительную работу об Уставе Ростислава [55], однако оказывается, и она

[51] *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930, с. 117 (Воронцово); *Равдина Т. В.* Шишимровские курганы.— В кн.: Культура древней Руси. М., 1966.
[52] *Арциховский А. В.* Курганы вятичей.
[53] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 179.
[54] *Насонов А. Н.* «Русская земля»..., с. 172.
[55] *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского...

подтверждает установленную нами последовательность составления списка княжеских доходов. Это текст о «суждале-залесской дани», десятина с которой также должна была поступить епископии лишь только ее «воротить Гюрги». Запись об этом доходе помещена в списке Устава на 33 месте между Исконой и Вержавском [56]. Смысл этой фразы был предметом размышления многих исследователей. Длительно господствовало толкование ее П. В. Голубовским, затем А. Н. Насоновым, но только теперь, после передатировки Устава Я. Н. Щаповым и А. В. Поппэ [57] удалось, наконец, выяснить, что это за дань. А. В. Поппэ обратил внимание на запись в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях 6643/1134 (ультрамартовского) года, где сказано, что Юрий Долгорукий (Гюрги) получил у киевского князя Переяславль в обмен на Суздаль и Ростов «и прочюю волость свою, но не всю» и, проанализировав политическое положение того времени, пришел к важному выводу, что это и есть дань, переданная киевским князем смоленскому Ростиславу, чем покупался нейтралитет последнего в княжеских междоусобицах [58]. Итак, 1134—1135 гг.— время, к которому следует относить включение залесской дани в Смоленский устав.

Так удается восстановить рост даннических доходов смоленского князя с 1054 по 1136 г., когда территория Смоленского княжества приобрела наконец установившийся облик.

Первоначальный рост территории. Нам предстоит теперь изучить рост смоленских земель, исходя из всех данных, которыми мы располагаем. Историческое развитие Смоленской земли запаздывало по сравнению с Полоцкой землей в среднем на полстолетия [59]. Ряд кривичских земель междуречья Двины и Днепра отошел к Полоцку намного ранее, чем возникло княжение в Смоленской земле, и с этим нельзя не считаться. Так, борьба Полоцка с Киевом за волок 1021 г. привела к передаче Полоцку важнейших центров на волоках Пути из варяг в греки — Усвята и Витебска [60]. Так в западную часть земли смоленских кривичей был вбит «полоцкий клин». Дальнейшее расширение территории на запад идти не могло, «ибо,— как указывал А. Н. Насонов,— здесь интересы Смоленска очень рано столкнулись с интересами и притязаниями Полоцка» [61]. Расширять территорию можно было на север, где на упомянутом Пути лежал смоленский город Торопец, на восток, где Ростово-Суздальская земля оформилась лишь в середине XII в., и частично, как

[56] ДКУ, с. 143.

[57] *Щапов Я. Н.* Смоленский Устав князя Ростислава Мстиславича.— АЕ — 1962. М., 1963; *Поппэ А. В.* Учредительная грамота смоленской епископии.— АЕ — 1965. М., 1966. Некоторые дополнения см.: *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII вв.: (Центры и границы).— История СССР, 1969, № 2.

[58] *Поппэ А. В.* Учредительная грамота..., с. 66—68.

[59] *Алексеев Л. В.* Некоторые вопросы заселенности и развитие Западнорусских земель IX—XIII вв.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978.

[60] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 240, 241.

[61] *Насонов А. Н.* «Русская земля»..., с. 165.

увидим, на юг, где, возможно, не все племена радимичей были охвачены твердой черниговской данью.

Как мы видели в предыдущем изложении, устроители Смоленского княжества середины XI в. отлично понимали, что их первоочередной задачей является укрепление своих позиций на волоках Пути из варяг в греки, так как именно там жило самое платежеспособное население.

Если земли западных вятичей были присоединены к Смоленску в начале XII в., то, следовательно, пять предшествующих в списке княжеских доходов волостей (№ 13—17, см. табл.), были присоединены после 1054 г., но до начала XII в., т. е. во второй половине XI в. После смерти второго смоленского князя Игоря (1060) здесь не было постоянного князя; два года, известно, сидел Владимир Мономах, какое-то очень непродолжительное время — Давыд Святославич. Усилившееся смоленское вече не приняло Олега Святославича. Ясно, что в таких условиях смоленские князья не могли организовывать дальних походов для увеличения территории княжества. Этим и объясняется, что вся вторая половина XI в. ознаменовывается лишь набегами и данническим подчинением кривичских территорий вокруг Смоленска — к северо-востоку от него (Бортницы), к западу (Витрин, Жидчичи) и к юго-западу (Басея, Мирятичи).

В начале XII в. в Смоленске княжит опять Владимир Мономах (1101), а до 1113 г.— его сын Святослав, а затем другой сын — Вячеслав. Патологически пассивный характер последнего [62] показывает, что захват западновятических земель был сделан до него, т. е., как полагал А. Н. Насонов, в начале века, всего вероятнее, при Мономахе.

Присоединение земель северных радимичей представляло собой совершенно особый (не замеченный наукой) акт со стороны смоленского князя, и на нем следует остановиться специально. Перед 1116 г., т. е. при Святославе Владимировиче, княжеская дань вплотную подошла к северным пределам большого племени радимичей, где были созданы, мы видели, податные волости Пацынь и Заруб, а между 1116 и 1136 гг. после небольших операций в «вятическом клине», к которому присоединили Путтино с Беницами, начались действия по присоединению земель северных радимичей. Я уже отмечал, что земли бывших «малых племен» (Г. Ловмяньский) северных радимичей были отделены от их основных земель довольно широкой, по-видимому, лесной полосой, которая позднее превратилась в южную границу Смоленской земли [63]. В земле радимичей Г. Ф. Соловьевой были выделены восемь районов с особым погребальным обрядом в каждом, что исследовательница толковала как малые племена, входившие в радимическую конфедерацию [64]. К землям, отсеченным указанными лесами, судя по картам Г. Ф. Соловьевой, отошло лишь одно малое племя радимичей (ее восьмая группа), расположенное на левом

---

[62] Подробнее об этом см.: *Поппэ А. В.* Учредительная грамота смоленской епископии.— АЕ — 1965. М., 1966, с. 65, 66.

[63] *Алексеев Л. В.* Некоторые вопросы..., с. 24, 25 и прим. 12.

[64] *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы...

берегу Сожа между его притоками Остер (слева) и Проней (справа). Многочисленные группы курганов к востоку (в верховьях Ипути, Остра, Десны и ее притока Болвы) исследовательница не отнесла к каким-либо малым племенам радимичей, так как для этого мало было археологических фактов (там было мало раскопок). Однако эти земли радимичей также лежали за указанной лесной полосой и также, вероятно, членились на малые племена (ею не уловленные). Если исходить из мысли Б. А. Рыбакова о десятичной системе членения восточнославянских племен, то к востоку от восьмой группы должны были лежать девятая и десятая (они могли быть в верховьях Беседи — Остра и междуречья Десны и Болвы) [65]. Итак, именно эти предположительно три группы малых радимических племен обитали в северной земле радимичей и эти-то группы и отошли к Смоленску.

Когда и как это могло произойти? Исходя из соображений о времени постройки крепостей Мстиславля и Ростиславля в первой половине XII в., А. Н. Насонов определил, что к этому времени возникли и смоленско-черниговские рубежи [66]. Но дату эту можно сузить. В 1136 г. еще не было Мстиславля и Ростиславля, но, как указывает Устав Ростислава, уже были в землях северных радимичей смоленские Кречут и Прупои (Кричев и Пропойск). Они возникли в XI в.[67] и были, следовательно, позднее отобраны у Чернигова его северным соседом. Если это было действительно сделано Ростиславом (в Смоленске с 1125 г.) или даже Мстиславом (в Смоленске с 1116? по 1125 г.), как думает А. Н. Насонов, то можно выяснить, когда, всего вероятнее, это могло произойти. Единственным претендентом на радимичей были только черниговские князья, к которым и отошли семь малых племен, выявленных Г. Ф. Соловьевой. Можно ли было отторгнуть остальную часть радимичей, не войдя в конфликт с этими князьями? Ростислав Мстиславич сел в Смоленске, по-видимому, в 1125 г. и между 1125 и 1134 гг. (когда он присоединил к списку суздале-залесскую дань); он был еще недостаточно силен и вряд ли мог воевать с Черниговом. Как известно из последующих событий, он много воевал, но чаще в качестве союзника своих ближайших родственников, прежде всего брата Изяслава. Не воспользовался ли Ростислав и здесь моментом, когда черниговские Ольговичи были утеснены? Между 1116 и 1134 гг. такой момент действительно был и был всего однажды: «В лѣто 6635/1127 выгна Олговичь Всеволодъ своего стры(я) Ярослава ис Чернигова и дружину его исѣче и разграби,— говорит летопись.— Мстислав же с Ярополкомъ совокуписта воѣ, хотяще ити на Всеволода про Ярослава и Всеволодъ послася по половцѣ» [68]. В результате боя половцы бежали и Всеволоду Ольговичу разными путями пришлось многократно просить у

---

[65] *Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы..., рис. 8; *Рыбаков Б. А.* Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси.— ПВФ. М., 1969, с. 25—28.

[66] *Насонов А. Н.* «Русская земля»..., с. 159, 171.

[67] *Ткачев М. А.* Работы в белорусском Посожье.— АО 1975 г. М., 1976; *Он же.* Работы Посожского отряда.— АО 1976 г. М., 1977, с. 417.

[68] ПСРЛ. Л., 1927, т. I, вып. 2, стб. 297—299.

Мстислава Киевского (отца Ростислава) мира, тот не соглашался, не соблазнялся на обширные дары «и тако пребыстъ все лѣто до зимы». К просьбам Ольговича присоединился даже Ярослав, пришедший из Мурома, а «Всеволодъ боле поча молитися Мстиславу», но и это не помогало. Потребовалось вмешательство церкви, чтобы Мстислав наконец согласился на мир. Совершенно очевидно, что именно в этот год, когда Ольговичи были длительно в сильнейшей зависимости от его отца, Ростислав Смоленский и решился присоединить к своему княжеству несколько малых племен северных радимичей, провести южную границу земли по их южной лесной границе и организовать в их пределах свои собственные домениальные владения со своими центрами Ростиславлем, Мстиславлем (Мстислав — имя его отца) и, вероятно, Изяславлем (Изяслав — имя его брата) [69]. Итак, все вышеизложенное приводит к заключению, что захват севернорадимической территории Смоленском произошел в 1127 г. Однако рост смоленской территории на юг кончился позднее. В 1142 г. Ростислав Смоленский двинулся в окрестности Гомиля, где взял «волость их всю» (черниговцев), но вынужден был, по-видимому, отступить. С этого времени территория Смоленской земли приняла окончательные размеры [70].

---

[69] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976.

[70] «Трилистная» форма территории Смоленской земли А. Н. Насонова значительно ближе к истине, чем та, которую предлагает В. В. Седов (*Насонов А. Н.* «Русская земля»...; *Седов В. В.* Смоленская земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв., с. 250; *Он же.* Городища Смоленской земли.— В кн.: Древняя Русь и славяне, с. 144). Земля образовалась сравнительно поздно, когда дань из соседних несмоленских центров распространилась уже далеко и, расширяя земли княжества, Смоленску приходилось «лавировать» между захваченными до него территориями. Изъятие из зоны смоленских владений междуречья Угры и Оки, рек — Протвы, Нары, Пахры В. В. Седов мотивирует тем, что земли эти были включены П. В. Голубовским и А. Н. Насоновым, якобы, лишь по сходству с современными топонимами, известными, как он думает, всей Смоленщине, основанные же позднее на этих реках центры Верея, Боровск и другие со Смоленском связаны не были (*Седов В. В.* Смоленская земля, с. 257). Но все это было предусмотрено в примечаниях книги П. В. Голубовского. Путтино (ныне несуществующее) находилось у Боровска (упомянуто в документе 1494 г. См.: *Голубовский П. В.* История..., с. 67—80, прим. 3). В том же районе Боровска есть и современная деревня Беницы с культурными отложениями XII в. (*Успенская А. В.* Указ. соч.), что лишь подтверждает верность локализации того и другого (Беницы, мы говорили, подчинялось Путтину). Есть у П. В. Голубовского и аргументы против предположения о несмоленском происхождении Вереи (*Голубовский П. В.* История..., с. 70, прим. 4). Вне поля зрения В. В. Седова и вывод А. Н. Насонова о первоначальной принадлежности Протвы Смоленску и лишь во второй половине XII в.— Чернигову (*Насонов А. Н.* «Русская земля»..., с. 184). На землях восточной части Смоленской земли, по Уставу Ростислава, были три смоленских центра — Добрятино, Доброчков и Бобровницы. Подобные топонимы есть и в других местах, но в Уставе они фигурируют рядом. В таком тройном сочетании они встречаются только на Пахре и Протве (*Голубовский П. В.* История..., с. 72, пр. 1). Следовательно, и вся эта местность принадлежала Смоленску, во всяком случае, в первой половине XII в. Основано на недоразумении растягивание Смоленской земли в сторону днепровского Лучина (*Седов В. В.* Смоленская земля, рис. 2). Как я уже указывал, днепровский Лучин с его городищем и курганами не может относиться к Смоленску, так как между ним и Смоленской землей лежит Рогачев, который,

Границы. Как и в других западнорусских землях, границы Смоленской земли намечаются современными топонимами типа «Межа», «Межник», «Межно», которые, как я уже отмечал, были распространены на Руси в домонгольское время [71]. Четче всего эти топонимы прослеживаются на западной границе земли за Днепром, где граничило Смоленское княжество с Полоцким, менее четко на севере — граница с Новгородской, и юге — граница с Черниговской землями. Лишь на восточных окраинах подобные топонимы неизвестны: всего вероятнее, здесь, в земле вятичей, четко очерченной границы не было [72].

Полоцкое княжество, мы знаем, обособилось одно из первых, его восточная граница, следовательно, стала основой и для западной границы Смоленской земли. Исходя из письменных источников, А. Н. Насонов совершенно верно провел ее в междуречье Днепра и Друти [73], что подтверждают и данные археологии: там проходила восточная граница друцкого скопления поселений, отмечаемая нами по курганам [74]. Незаселенные земли в междуречье Западной Двины и Днепра в районе рек Каспли и Лучесы служили, видимо, границей между Смоленской землей и Полоцкой севернее только что описанных и были заняты сплошным лесом. Севернее граница Смоленской земли, по определению А. Н. Насонова, проходила в междуречье рек Ловать и ее притока Куньи, в ее нижнем течении было село Дубровна, упоминавшееся в источниках под 1234 г. (локализовано П. В. Голубовским) [75]. Из района Дубровны граница поворачивала на восток, проходила севернее оз. Лучане с окружающим его скоплением древних сел и центром Лучин, южнее оз. Селигер она захватывала течение р. Волги и проходила по ее левому берегу до района г. Зубцова у устья р. Вазуза, который Смоленску не принадлежал. Начиная с междуречья Ловати и Куньи и кончая Волгой у Зубцова, граница отделяла наши земли от Новгородских земель. Далее была граница, общая с Ростово-Суздальскими землями. Огибая район Зубцова, она некоторое время тянулась по правому берегу Вазузы, а затем резко поворачивала на восток, где широкой дугой охватывала верховья рек Рузы, Москвы, Пахры до Подольска (на его окраинах расположено было смоленское Добрятино) [76], Нары и Протвы. В районе нижнего течения этих двух рек начиналась черниговско-смоленская граница, которая шла по левому берегу Угры [77] (возможно, не захватывая многочисленные древние поселения на этом берегу, известные по курганам), в верхнем течении

по летописям, принадлежал Черниговской земле. Лучин был на Лучанском озере, на севере Смоленской земли, чему не противоречит и летопись (см. с. 166—167).

[71] *Алексеев Л. В.* О распространении топонимов «Межа» и «Рубеж» в Восточной Европе.— В кн.: Славяне и Русь, с. 245—250.

[72] *Алексеев Л. В.* Там же, рис. 1 (карта).

[73] *Насонов А. Н.* «Русская земля»..., с. 160, 161 (вклейка).

[74] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, М., 1966, с. 77 и сл., рис., 12 (карта); *Он же.* Полоцкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв., М., 1975, с. рис. 2 (схема).

[75] НПЛ, с. 73, 283; *Голубовский П. В.* История..., с. 84.

[76] *Богоявленский С. К.* Материалы к археологической карте Московского края.— МИА, 1947, вып. 7, с. 173.

[77] *Насонов А. Н.* «Русская земля»..., с. 160, 161 (карта).

Угры она пересекала ее и шла в направлении р. Болва, где было село Блеве (Оболвь), платившие дань одновременно и в Смоленск и в Чернигов [78], а далее направлялась к юго-западу, к Десне, оставляя Смоленской земле Пацынь, волость Заруб (определяется по Рогнедину). Здесь начиналась южная граница Смоленской земли, для которой была использована полоса незаселенного леса между северными и южными племенами радимичей. Она проходила волнистой широкой полосой между древними деревнями или переходила в огромный лесной массив, заселенный необычайно редко [79] (рис. 2).

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ И ИХ ЦЕНТРЫ

ОБЛАСТИ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕПРА

В эпоху феодальной раздробленности местные центры приобретают, как известно, особое значение. Важно изучить те части Смоленской земли, на которые эти центры опирались и из которых выросли.

Торопецкие земли. Река Межа была естественной границей для земель северной части Смоленского княжества, которые, как показал А. Н. Насонов, тянули к одному из древнейших центров Смоленской земли — Торопцу. В дальнейшем здесь образовалось самостоятельное Торопецкое княжество во главе с младшей линией князей — потомков Ростислава Смоленского. Торопецкие земли состояли из скоплений поселений, перемежавшихся зонами их большой разреженности.

1. К юго-востоку от Торопца было большое скопление селений вокруг Жижецкого озера, где сейчас сохранилось не менее 18 курганных групп, которых было намного более (берега озер Велинского и Двинья с запада не обследовались). Первые славянские поселения здесь появились еще в эпоху длинных курганов [80]. Очень скоро в этом сильно населенном районе появился и центр обложения Жижец, собиравший в Смоленск в 30-х годах XII в. 130 гривен серебра и много рыбы, а в 20-х годах XIII в. Жижец платил смоленскому епископу как город 5 гривен и 1 лисицу.

2. Место концентрации жителей у Лучанского озера в верховьях Двины имело характерные топонимы — «Переволока», «Ямное», «Мосты». Здесь был волок от верховьев Двины к притоку Ловати р. Пола и еще один волок из оз. Пено в р. Половка и р. Пола. Однако обилие курганных групп заставляет думать, что здесь не могло не появиться феодального центра: край был слишком заселенным и стоял на торном пути. На Лучанском озере, мы полагаем, и находился древний Лучин, упоминаемый уже в Уставе 1136 г. (см. раздел «Города»).

---

[78] Там же, с. 66, 221.

[79] Древности железного века междуречья Десны и Днепра.— САИ, 1962, Д1-12, табл. 2.

[80] *Станкевич Я. В.* К истории населения верхнего Подвинья..., рис. 1, с. 252—255.

3. Большое скопление древних поселений было и на оз. Охват, в межозерье Пено и Селигера, а также в окрестностях оз. Волго. Курганы новгородской стороны оз. Селигер имеют наиболее раннюю дату — X в.[81] Курганы смоленской стороны не раскапывались, но в верховьях Двины они имеют дату XI—XII в.[82] Условно можно считать датой возникновения поселений на смоленской стороне X — начало XI в.— тогда здесь проходил Путь из варяг в греки, расцвет которого падает на вторую половину X в. Здесь были, несомненно, и феодальные центры.

В 1899 г. И. М. Краснoперов определил, что к Новгороду шел путь «волоком 2—3 в. до р. Исни Большой (называемой крестьянами Женей), впадающей в оз. Пено, а из него в Волгу» и заключил, что здесь и была Ження Великая Устава 1136 г.[83] Обследования Большой Исны — ближайшая задача археологов.

Сильно заселенной местностью, судя по курганам, была территория между северной оконечностью оз. Пено и южной оконечностью оз. Селигер. Поселения существовали здесь потому, что помимо рыболовства можно было получить выгоды от сухопутной дороги по волоку Стерж—Селигер[84]. Большая часть Селигера была новгородской[85], но среди скоплений поселений в его южной части и далее к Волге были еще смоленские феодальные центры, вносившие в Смоленск по 200 гривен в 1136 г. Это: Жабачев и Хотшин, местоположение которых определил П. В. Голубовский и уточнил И. М. Красноперов в 1899 г. Жабачев, указал он, был не у новой деревни Жабы на оз. Сабро, а у д. Рудино (по Писцовым книгам 1624 г. Жабино), один из концов которой в 1899 г. еще именовался Жабиным. Со стороны д. Рудины И. М. Красноперов открыл и городище (ныне уничтожено)[86].

Хотошин был на оз. Волго. Торный путь по нему, по-видимому, и объясняет, почему с него взыскивалась столь крупная сумма: у Хотошина Волга суживалась, с озерного переходила на быстрое речное течение, что, несомненно, требовало некоторого переоснащения судна — остановки. В 1899 г. у Хотошина на высоком «кургане» высилась деревянная часовня с кладбищем. Это городище также не сохранилось (срыто в 1943 г.)[87].

4. Исправляя П. В. Голубовского, локализовавшего Солодовничи 1136 г. у д. Солодовня Сычовского у. (там, действительно, нет ни курганов, ни древнего пути, ни даже реки, деревня значится «при колодцах»[88]),

---

[81] *Успенская А. В.* Раскопки на оз. Селигер.— АО 1969 г. М., 1970; *Она же.* Раскопки на оз. Селигер.— АО 1970 г. М., 1971.
[82] *Станкевич Я. В.* К истории населения верхнего Подвинья..., с. 135, 190.
[83] *Красноперов И. М.* Некоторые данные..., с. 351.
[84] *Колосов В. П.* Стерженский и Лопастицкий кресты. Тверь, 1890.
[85] ПСРЛ. СПб., 1841, т. 111, с. 34; 1884, т. IV, с. 21; См. также: ПСРЛ. Л., 1928, т. I, вып. 3, стб. 511.
[86] *Красноперов И. М.* Некоторые данные..., с. 352; *Успенская А. В.* Городища XI—XIII вв. на юге Новгородской земли.— В кн.: Экспедиции ГИМ. М., 1969.
[87] *Успенская А. В.* Городища...
[88] Список населенных мест Российской империи: Смоленская губерния, с. 380.

И. М. Краснoперов указал на погост Спас-Солодомля, ниже Хотошина, при устье левого притока Волги Солодомли (народное Солодовля). На высоком холме, который имеет «искусственно закругленный вид», в его время стояла церковь, позади которой «искусственно вырытый» спуск к реке. В 45—50 м от церкви были расположены и курганы[89]. Солодовничи — небольшое село на высоком берегу Волги, в ее излучине, с церковью Преображенья (по наименованию она могла быть и в домонгольское время), которое, находясь на середине пути между древним Хотшиным и Ржевом, могло быть остановочным пунктом на реке. Эта скромная сравнительно деятельность погоста приносила смоленскому князю и скромную годовую сумму в 20 гривен серебра.

5. Ржевка (Ржев) возникла на верхней Волге не только как «укрепленный пункт, закрывающий верховья волжского пути со стороны Суздальской земли»[90], но, главное, как феодальный центр, собиравший дань с окрестного населения, которое жило вокруг, судя по курганам, довольно в большом количестве. Всего вероятнее, что в 1136 г. (Устав Ростислава) и в 1211—1218 гг. (Грамота о погородьи) Ржевка не была еще самостоятельной единицей и в этих документах не отражена. В Ржеве имеется древнее, весьма обширное городище, возвышающееся на левом берегу Волги. Археологических обследований памятника не производилось, собранные же материалы заставляют думать, что слои домонгольской поры там, безусловно, есть[91]. Городище это мысового типа, расположено на высокой (14—15 м) горе. Валы не сохранились, но угадываются, так же как и окольный город по плану памятника.

Вержавляне Великие. Уже из наименования области видно, что территория Вержавлян Великих была сильно заселена и занимала, вероятно, большую площадь. Действительно, по Уставу 1136 г., это была самая платежеспособная волость, приносившая смоленскому князю годовую дань в размере 1000 гривен серебра[92]. Местоположение центра волости — Вержавска определено еще И. И. Орловским и подтверждено В. В. Седовым: у д. Городище на оз. Ржавец в бывшем Поречском у. Смоленской губернии (ныне Демидовский район Смоленской области). Исходя из соображения, что эта местность должна была быть сильно заселена, В. В. Седов предложил видеть ее в бассейне р. Гобза, удобной для судоходства, что подтверждается 12 топонимами «Городище», близ большинства из которых действительно находятся славянские поселения. «По густоте археологических памятников,— пишет исследователь,— этот район Смоленской области уступает лишь ее центральной части»[93]. Оснований этому ученый не приводит, а мысль И. И Орловского о 12 топонимах типа «Городище», повторенная за-

[89] *Красноперов И. М.* Некоторые данные...
[90] *Голубовский П. В.* История..., с. 66.
[91] *Алексеев Л. В.* Исследования в древней Смоленщине.— АО 1972 г. М., 1973, с. 50; *Он же.* Периферийные центры домонгольской Смоленщины.— СА, 1979, № 4.
[92] ДКУ, с. 141.
[93] *Седов В. В.* К исторической географии Смоленской земли.— МИСО, 1961, вып. IV, с. 323.

тем А. Н. Лявданским [94], здесь не помогает, так как памятники возле этих топонимов (если они действительно есть) не шурфовались.

Вержавляне Великие, по-видимому, совсем не компактная область на указанных водных коммуникациях. На них в самом деле много и скоплений курганов, но они разбросаны и далеко не все могли зависеть от этих путей (рис. 5). Устав Ростислава 1136 г. показывает, что население Вержавлян, вносившее столь крупную сумму дани в Смоленск, было в первую очередь земледельческим: «...а в тех погостех, платит кто же свою дань и передмѣръ истужиници по силѣ, кто, что мога. А в тех погостех, а некоторыи погибнет, то тии десятины убудет...» [95]. Последнее, несомненно, относится к урожаю. Работа на волоках междуречья Днепра и Двины по перевозке товаров, несомненно, существовала, но главной она не была. Центром Вержавлян Великих был Вержавск, где есть следы как мысового городища, так и селища возле и сохранилось, по подсчетам В. В. Седова, 40 курганных насыпей.

Расположение девяти погостов Вержавлян Великих, названных в Уставе, может быть определено лишь условно, так как это должно быть темой специального археологического исследования. Вокруг Вержавска мы видим восемь групп курганных захоронений, одна из которых на притоке Западной Двины, р. Сертенка, по площади и по количеству курганных групп превышает остальные вдвое и может быть принята за два соседящих друг с другом погоста, расположенных к северо-востоку от Вержавска. Другое скопление курганных захоронений, наиболее удаленное от Вержавска на северо-восток, лежит у д. Девятая, возле которой есть раннесредневековое городище и рядом — курганы [96]. Нам представляется, что это был девятый погост Вержавлян Великих, его городище было центром близлежащих скоплений поселений, устанавливаемых по курганам. Оговаривая всю предположительность наших заключений, условно границы Вержавлян могут быть представлены следующим образом: их северной границей несомненно была р. Межа, отделявшая их от Торопецких земель, восточную — представляли леса «Бельской Сибири» — правый берег р. Вотрь. Юго-западной границей служил правый берег среднего течения р. Каспли, а юго-восточная — условно может быть проведена через р. Жераспея в ее верхнем течении и р. Вотрь (рис. 5).

Вотcorrect

Воторовичи, Бортницы, земли дорогобужского волока. Волость Воторовичи, платившая в Смоленск 100 гривен, лежала, по-видимому, не на самой р. Вотре, где всего лишь одна курганная группа, а подобно полочанам, жившим у устья Полоты на противоположном берегу Западной Двины [97], была у устья Вотри на противоположном берегу р. Вопь (рис. 5). Здесь действительно много курганных групп, свидетельствую-

[94] *Орловский И. И.* Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1907, с. 169; *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии.— НИСГУ, Смоленск, 1926, т. 3, ч. 3, с. 279.
[95] ДКУ, с. 141.
[96] *Лявданский А. Н.* Некоторые данные..., с. 275.
[97] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 54, 55.

щих о древней заселенности, хотя по количеству насыпей (до 10—15 в каждой) они были и не слишком большими: Улынск, Копыревщина, Благодатная, Зубовщина[98]. Нам кажется мало вероятным, чтобы центр волости находился бы не в гуще поселений, а у д. Городец в среднем течении р. Вотря[99] — ненаселенном районе, еще более удаленном к тому же от Смоленска. Дань в этом случае переправлялась бы вверх по р. Вотря в Городок, а затем, при передаче ее в Смоленск, она транспортировалась бы назад, проплывая через все те пункты, где была собрана. Видимо, центр Воторович следует искать где-то в гуще поселений Воторовичской волости (всего вероятнее, в том ее конце, который был ближе к Смоленску). Это мог быть, например, пункт у д. Постниково, где есть единственное в этих местах городище, а вблизи него — селище[100] (правда, время того и другого — неизвестно), а может быть, и еще неразысканный пункт с соответствующими археологическими объектами.

Группа поселений в районе р. Царевич представляла волость Бортники, которая вносила в Смоленск в 1136 г. 40 гривен дани. Волость лежала на торговом пути по названной реке (здесь находили клады и единичные арабские монеты), и была, безусловно, платежеспособной. П. В. Голубовский определил ее центр — д. Бортницы в низовьях р. Царевич[101], но целенаправленных исследований археологов, сколько известно, там не было (рис. 5).

Юго-восточнее, в небольшой излучине Днепра, располагалась группа домонгольских поселений по небольшому волоку на Угру (рис. 5, см. раздел «Пути сообщения»). В эпоху длинных курганов эта местность не была заселена, мало здесь и поселений IX—X вв. (известны лишь две курганных группы с сожжением), и основная масса древних поселков относится, судя по курганам, к XI—XII вв. Инвентари этих погребений показывают, что здесь жило весьма богатое население (насыпи у с. Волочек[102] и у соседних деревень раскапывались А. А. Спицыным и Эйбоженко, курганы у д. Харлапово — в раскопках Е. А. Шмидта, известны и раскопки других лиц). Поселения были, очевидно, весьма многодворными[103]. Известно, что на Угре в конце волока от д. Волочек (Днепровский

[98] Сведения 1873 г. о городищах и курганах, с. 339 (Улынск, Благодатная); *Шмидт Е. А., Ходченков А. А.* Археологические памятники и их охрана: Памятники Смоленской области. Смоленск, 1961, вып. 1, с. 68 (Зубовщина, Копыревщина).

[99] *Седов В. В.* Некоторые вопросы, с. 15—16.

[100] *Шмидт Е. А., Ходченков А. А.* Археологические памятники..., с. 62.

[101] *Голубовский П. В.* История..., с. 62.

[102] ОАК за 1891 г. СПб., 1893, с. 128, 184, 185; Каталог предметов, доставленных на Археологическую выставку при IX Археологическом съезде. Вильна, 1893, с. 25; Указатель памятников Российского исторического музея. М., 1893; Архив ИА, ф. 1, д. 1891, № 35.

[103] Харлаповская курганная группа в XIX в. насчитывала свыше 100 насыпей, д. Павлово — свыше 70 (*Чебышева В. П.* Раскопки курганов Смоленской губернии Дорогобужского уезда летом 1879 г.— Известия ОЛЕАЭ, М., 1886, т. 49, вып. 1/2. *Савін Н. І.* Раскопкі курганоу у Дарагабускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губерніі.— Працы II, с. 220 (огромная курганная группа у д. Курганы).

бассейн) находится д. Городок, именуемая позднее как Лучин-Городок, и М. К. Любавский считал, что это и есть Лучин Устава 1136 г.[104] Возле этой деревни действительно есть обширное селище домонгольского времени и курганы[105], но это не Лучин (по Летописи), так как он стоял не на пути из Новгорода через Смоленск в Киев, как ехал Рюрик Ростиславич, когда заложил Лучин[106]. Большая часть древностей дорогобужской группы поселений относится ко второй половине XI—XII вв.[107] Это, очевидно, и объясняет причину возникновения центра скопления поселений Дорогобужа несколько позднее, чем многих других пунктов Устава. Дорогобуж и упоминается только во втором десятилетии XIII в. (грамота «О погородьи»).

Каспля, Витрин, Жидчичи. Волость Каспля находилась, как это видно из названия, на р. Каспля и имела центром поселение с этим названием. Здесь проходил Путь из варяг в греки, находился касплянский волок (см. раздел «Пути сообщения»), и не удивительно, что в 1136 г. Каспля выплачивала 100 гривен дани, что равнялось почти дани каждого погоста Вержавлян. Нет оснований считать Касплю в то время городом. Городище древней Каспли расположено на правом берегу одноименной реки, на холме высотой 15—16 м и имеет мысовой тип. Треугольная площадка с напольной стороны была защищена валом и имела размеры 50×25 м. Культурный слой мощностью 1,5 м испорчен кладбищем, найденные вещи располагались в нем во «взвешенном» состоянии, но свидетельствуют, что городище существовало уже в домонгольскую пору[108].

Волость Витрин располагалась к северо-западу от Смоленска и получила наименование от озера с тем же названием. В целом она охватывала, по-видимому, бассейн притока р. Каспли Рутавеч. Жидчичи локализовались в бассейне другого притока Каспли — р. Черобесна (Вятша). В. В. Седовым сделано важное наблюдение о том, что «каждой из волостей Касплянского бассейна соответствовала крупная река, и более того, чем крупнее река, тем крупнее волость. (...) Возникает предположение,— пишет исследователь,— что земли волостей охватывали бассейны этих рек, а границами между волостями были водораздельные рубежи», из чего он делает справедливый вывод, что как к юго-востоку от Смоленска, так и к юго-западу от него погостские общины иногда соответствуют бассейнам небольших рек и речек, и водораздельные пространства служили пограничьем между ними»[109].

---

[104] АЗР. СПб., т. 1, 18, № 128 (1495 г.); Сборник РИО, т. 25. СПб., 1882, с. 247 (1498 г.); *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892, с. 268—273.

[105] *Алексеев Л. В.* Исследования в древней Смоленщине.— АО 1972 г. М., 1973, с. 49.

[106] ПСРЛ. М., 1962, т. II, стб. 566—567 (1173 г.).

[107] *Шмидт Е. А.* Курганы XI—XIII вв. у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье.— МИСО, 1957, вып. 2, с. 215.

[108] *Алексеев Л. В.* Исследования...; *Он же.* Периферийные центры домонгольской Смоленщины.— СА, 1979, № 4.

[109] *Седов В. В.* Некоторые вопросы географии Смоленской земли XII в.— КСИА, 1962, вып. 90, с. 20, 21.

ВЯТИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

Восточная часть Смоленской земли, вдававшаяся большим языком между землями Ростово-Суздальской и Черниговской, лежала, как сказано, в области голяди на Протве и вятичей на реках Москва и Руза, куда удалось беспрепятственно «втиснуться» смоленской дани еще во второй половине XI и первой половине XII в.[110]

В письменные документы попали наименования сел и деревень этих мест[111]. Среди многочисленных вятических поселений, на которые указывают курганы, Устав Ростислава отмечает несколько центров обложения — Добрятин на Пахре, Доброчков на Наре, Путтино с Беницами в районе Пахры и, наконец, Бобровницы на нижней Протве и Искона на р. Искона.

Путтино и Беницы. В Уставе Ростислава есть одно место, на которое ранее внимания не обращалось, но оно заслуживает отдельного внимания, это — текст о Путтине: «На Путтинѣ присно платят(ь) четыре гривны, бѣници двѣ гривны, кор(ч)мити полпяты гривны, дѣдичи — и дань и вира — 15 грив(ен), гость 7 грив(ен). А ис тог(о) с(вя)тѣи Б(огороди)ци и еп(и)ск(о)пу — три гривны без семи ногат»[112]. Д. и А. Поппэ обратили внимание на то, что исчисление десятины, причитающейся епископии, произведено здесь суммарно (в источнике более не встречается)[113]. Однако П. В. Голубовский, который этого еще не замечал, локализовал Путтино, Дедичи в разных частях Смоленской земли, чего быть не могло. Вглядываясь в текст пристальнее, польские исследователи установили, что доля кафедры составляет 10% не от всей суммы, собираемой в Путтине (32 гривны и 10 ногат), а от 26 гривен 10 ногат. Последний взнос в приведенном тексте уплачивают не жители населенного пункта, а «гость», т. е. категория населения. В тексте есть и «корчмити», что также можно понимать не как топоним, а как категорию населения. То же и с дедичами: по О. Н. Трубачеву, «дедичи — реликтовая категория сельскохозяйственного населения, располагавшего наследственным правом на землю, известная западным и южным славянам»[114], и, думают Д. и А. Поппэ, существовала некогда и на Руси. Действительно, дополним мы, в топонимии Восточной Европы термин «дедичи» встречается, и предположение ученых вероятно. Двигаясь этим путем, исследователи полагают, что и «Бѣници» также не топоним, а испорченное при переписке в XVI в. «бъртници» (бортники) либо «бъбровници» (бобровники), но с этим,

---

[110] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли...; *Насонов А. Н.* «Русская земля»..., с. 166.

[111] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли..., с. 68, примечание.

[112] ДКУ, с. 142, 143.

[113] *Poppe D., A.* Dzedzice na Rusi.— Kwartalnik historyczny. Warszawa, 1967, N 1, s. 3—19.

[114] В древнерусском языке право на дедовское наследство действительно обозначалось как «дѣдьньство», «дѣденьство», а слово «дѣдичство» относилось к самому наследству (*Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых терминов общественного строя. М., 1959, с. 69—70). Этим исследованием и руководствовались польские ученые.

мы видели, согласиться нельзя, так как остатки Бѣниц XII в. дошли до наших дней. В заключение Д. и А. Поппэ предлагают следующий перевод «Путтинского куска» Устава Ростислава: «На Путтине всегда платят 4 гривны, бортники — 2 гривны, корчмари — полпяты гривны, дедичи и дань и вира — 15 гривен, купцы 7 гривен, а из того святой Богородице и епископу 3 гривны без семи ногат»[115]. Развивая мысль далее, ученые пишут: «В пользу князя в Путтине собиралось 32 гривны и 10 ногат, однако церковная десятина определена в 26 гривен 13 ногат, т. е. 10% от 26 гривен 10 ногат. Разница в 6 гривен объясняется весьма просто. Дедичи были обязаны князю (платить) и дань и виру вместе 15 гривен. Так как во введении к списку десятин отмечено, что она идет от всех (затем поименованных) денежных даней (истых кун), за исключением, между прочим, виры, то становится ясным, что именно она и была вычтена из общей суммы княжеского дохода с Путтина и только затем была высчитана десятина». Дедичи уплачивали 9 гривен дани и 6 гривен виры в рассрочку согласно статье 4 Русской Правды (Пространная редакция)[116].

Наблюдения польских исследователей крайне интересны, о них еще будем говорить далее, здесь же внесем следующий корректив. Суммарный «Путтинский текст» указывает, как сказано, на территориальную близость жителей, уплачивающих налоги в Путтино. Путтино было в районе Боровска, там же есть и Беницы (село, существующее и сейчас). Следовательно, пропуск в тексте после «БѢ», который усмотрел в рукописи некогда А. И. Копанев, а теперь поддерживает Я. Н. Щапов[117], как это видно даже на фотографии текста, опубликованной Д. и А. Поппэ, на этой строке в действительности не существовал. После «БѢ» — перенос на другую строку, а здесь поле изгрызено мышами, захватившими даже два знака в предыдущей строке (пропуск между словами и союз «И»). Однако современный топоним Беницы снимает подозрение, что затронута какая-либо часть этого слова,— оно все налицо. Итак, Путтино было погостом, которому подчинялось село Беницы. Дань в Путтино вносило несколько категорий населения — дедичи, корчмари и купцы.

Искона, Веть и др. В районе р. Москвы с притоками Рузой, Исконой вятические, а частично и кривичские курганы встречаются повсеместно, и не приходится сомневаться, что феодальных центров здесь было довольно много. Ростислав Смоленский в 30-х годах XII в. получал доходы с волостей Исконы и Вети (по 40 гривен). Первая была в верховьях р. Искона в сравнительной близости от верховьев Ламы, вторая — в междуречье верховьев Москвы, ее притока Колочи, с одной стороны, и верховьев Гжати — с другой[118]. Расположение на удобных местах меж-

---

[115] *Poppe D., A.* Dzedzice..., s. 4. Правомерность этих допущений, по мнению Д. и А. Поппэ, подкрепляется наблюдением, что все волости Устава даны в предложном падеже, Беницы и Коромити в именительном.

[116] *Poppe D., A.* Dzedzice..., s. 7.

[117] ПРП. М., 1953, т. II, с. 40, прим. 3; ДКУ, с. 142, 143.

[118] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли..., карта.

дуречья, вероятно, и было причиной раннего интереса к этим местам смоленских князей. По поздним документам, «в Исконском и Боянском стану (есть) церковное место, что была церковь страстотерпца Христова Георгия на государевой земле, что был погост Георгиевский на речке на Рузе»[119]. Почти половина Георгиевских церквей, известных летописям, принадлежит домонгольскому времени[120]. Не исключено, что церковь этого названия стояла здесь уже тогда, что, возможно, дополнительно свидетельствует в пользу феодального освоения этих земель в то время. Никаких археологических данных об области Искона и Вети у нас нет.

Судя по курганам, деревни были и южнее, по территории Медынского и Можайского уездов, как указывал А. В. Арциховский, до сих пор еще не изучены[121]. Много деревенских селений в Подольском у.— «классической стране вятических курганов»[122]. По Уставу Ростислава, здесь были пункты Доброчков, Добрятино и Бобровницы, платившие последовательно 20, 30, 10 гривен. Пункты эти локализованы П. В. Голубовским. Добрятино вошло в черту г. Подольска. Некогда там было много курганов, шесть из которых раскопал А. П. Богданов[123].

ОБЛАСТИ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ДНЕПРА

Дешняне, Пацынь, Заруб. Смоленское Подесенье в XII в. было разделено на 3 равных по обложению части: Дешняне, Пацынь и Заруб, вносившие в Смоленск по 30 гривен дани. Дешняне в списке княжеских доходов — на десятом месте, т. е. они входили в ту часть княжеского дохода, которая была установлена еще в 1054 г. с ядра Смоленской земли[124]. Оно было кривичским, и нам ясно, что дешняне — это деснинские кривичи, жившие, следовательно, в самых верховьях Десны. Ниже, в зоне границы с северными радимичами находился пункт Пацынь. В Списке доходов он занимает 24 место после Женни Великой и Заруба, который значится на 22 месте. Обе волости, следовательно, были организованы между началом XII в. и 1116 г.[125], когда кривичи и вятичи были уже охвачены данью и свободным от нее оставалось еще радимическое течение Десны в пределах Смоленской земли, междуречье Болвы и Десны (рис. 4). Село Рогнедино, находящееся в Зарубе[126], указывает, где находилась эта волость, центр которой не сохранился. Между Рогнединым и Дешнянами, следовательно, была и волость Пацынь, о которой свидетельствует одноименный топоним, не имеющий, однако, раннесредневековых

[119] *Дионисий, архимандрит.* Можайские акты 1506—1775 гг. СПб., 1892, с. 207.
[120] Указатель к первым осьми томам ПСРЛ. СПб., 1907, с. 524—525.
[121] *Арциховский А. В.* Курганы вятичей, с. 116—117.
[122] Там же, с. 119.
[123] *Богданов А. П.* Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. М., 1867, с. 83, 84.
[124] *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского...
[125] Там же.
[126] *Раппопорт П. А.* О местоположении смоленского города Заруба.— КСИА, 1972, вып. 129, с. 21—23.

остатков[127]. Так как село Рогнедино — на правом берегу р. Гобья, а Пацынь — на левом, можно думать, что р. Гобья служила границей между волостями Пацынь и Заруб и первая охватывала все пространство между Гобьей и Десной. Волость же Заруб, судя по курганам, включала территорию между левыми притоками Десны — Гобьей и Белизной и, вероятно, одним-двумя селениями заходила на правобережье последней.

Мирятичи, Басея. Юго-западная часть Смоленской земли (начиная от Мирятичей включительно, также верховьев р. Остер) представлена в реконструированном нами Перечне княжеской дани 1054—1136 гг. гораздо менее подробно, что имеет свое объяснение.

Волость Мирятичи, платившая всего 10 гривен, локализуется на р. Мерея. В. В. Седов предлагает считать ее центром городище у д. Ляды на нижней Мерее[128]. Однако на город, вопреки утверждению этого автора, оно не похоже, не подтвердила это и наша шурфовка памятника. Центром Мирятич скорее следует признать раннесредневековое городище у д. Романово (ныне Ленино Горкинского района Могилевской области). Вблизи него было много курганов[129]. Остальные курганные группы этих мест отражают крайне немногочисленное население (Асталопово — одна насыпь, Тригубова и Усвятье — тоже по одной[130] и т. д.). Становится понятным, почему эта группа поселений мало платила в Смоленск.

Волость Басея вносила дань 15 гривен. В верховьях р. Баси имеется небольшое скопление курганов, указывающих на невысокую заселенность этих мест. Басея имела в плане амебообразную форму и выходила, можно полагать, на верховья р. Теота (а может быть, даже и Днепра). Самой многодворной была д. Малые Слижи (43 кургана). Остальные были, судя по малому количеству курганов, малодворными (Аниковичи, Карасево, Русаки, Ордать и др.). Столь же невелико было население на р. Реста (Дубровка — 9 насыпей, вблизи Днепра — Нижние Пруды — 6, Заходы — 7 насыпей и т. д.[131]).

Кречют, Прупой. Помимо названных двух волостей, на всем большом пространстве юго-западной и южной Смоленщины данью было еще охвачено всего 2 пункта на Соже: Кречют и Прупой (Кричев и Пропойск), вносившие всего по 10 гривен, хотя были окружены большим скоплением населения (рис. 6). Нет в Уставе волостей, связанных с Ростиславлем (Рославлем), Мстиславлем, Изяславлем,— все эти пункты расположены в сильно заселенных, как правило, землях, но не плативших в Смоленск княжеской дани. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что все эти радимические земли, захваченные смоленским князем в третьем десятилетии XII в., были им оставлены за собой как удаленный от Смоленска княжеский домен[132].

---

[127] *Алексеев Л. В.* Исследования в древней Смоленщине.— АО 1972 г. М., 1973, с. 49.
[128] *Седов В. В.* К исторической географии..., с. 336.
[129] Российский Исторический музей: Указатель памятников. М., 1893, с. 590.
[130] Сведения 1873 г. о городищах и курганах.— ИАК, СПб., 1903, вып. 5, с. 41—42.
[131] Сведения 1873 г., с. 39, 40.
[132] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского.— В кн.: Средневековая Русь.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ

ВОДНЫЕ ПУТИ

Путь из варяг в греки. Обилие курганов в западной части Смоленской земли и их меньшее количество в восточной (рис. 2) показывают, что Путь из варяг в греки (точнее «Из грек по Днепру») был в ней основным, возле которого люди стремились селиться. Описание пути принадлежит летописи: «БѢ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вътечеть в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжьское...» [1]. О том, где проходил этот путь, существует большая литература [2]. В Смоленщине его следует искать в Оковском лесу и прежде всего по топонимам, связанным с волоками: три наименования «Волок» есть на р. Сереже, у оз. Лучанского и у оз. Охват, т. е. в северной части земли. Одно — в верховье Днепра («Волочек»), одно («Переволока») — у озера и одно («Перевоз») — у р. Межа, от которого отходит далее цепочка курганов (рис. 2; 4). Итого 6 топонимов. На топоним «Волок» у Сережа указывал уже З. Ходаковский [3], его древность также удостоверяется курганами [4]. В 1897 г. И. Побойнин пытался уточнить этот путь, передвинув волок к истокам Сережа (где до Торопы «верст 7») [5]. Это мало реально: мелководные истоки не служили основой волока. Деревня Волок показывает, что волок был гораздо ниже, очевидно, как раз в том месте, где ладьи с грузом далее продвигаться по реке не могли. Здесь начинался 30-верстный волок вдоль левого берега р. Сережа, до притока Торопы — Желны [6]. Возможно, не случайно здесь же находилось Княжье Село (древность его удостоверяется находящимся рядом небольшим курганным могильником), с живущим здесь княжьим тиуном, собирающим мыто, которое поступало в Смоленск в числе 400 гривен, которые платила Торопецкая волость. Впрочем, тиуна можно было обойти, проехав от Торопца и Торопецких озер на запад, к оз. Допшо, связанному с реками Допша и Кунья. Судя по сохранившимся курганам, здесь было две древнерусских деревни — Бор и Роктово. Однако так могли проходить только небольшие

---

[1] ПВЛ. М.; Л., 1950, т. I, с. 11.

[2] См.: *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 83 и сл.

[3] *Ходаковский З.* Пути сообщения древней Руси.— РИСб., М., 1837, I, вып. I.

[4] *Кособрюхов П.* Могильные курганы Холмского у. Псковской губернии.— Труды Псковского археологического общества. Псков, 1911, VII, с. 111.

[5] *Побойнин И.* Торопецкая старина.— ЧОИДР. М., 1897, кн. 1, с. 7.

[6] *Ходаковский З.* Пути..., с. 13; также: *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, с. 25.

ладьи: Кунья до впадения в нее Сережа крайне мелководна (любезное свидетельство А. М. Микляева). Как видно по карте, путь в Новгород по Торопе был кратчайшим и, можно думать, использовался наиболее интенсивно. Это предположение З. Ходаковского и Н. П. Барсова подтвердилось археологией, когда выяснилось обилие памятников средневекового времени на Торопе и «почти их полное отсутствие в верхнем отрезке Западной Двины и Ловати»[7] Движение судов по Торопе подтверждается наличием торопецкой пристани, имеющейся еще в XVI в., «Лодейница»[8].

Течение Торопы «до города Торопца — в настоящее время — извилисто, отличается быстротой и вообще неудобно для судоходства по множеству отмелей и порожистых мест»[9], это и послужило, очевидно, причиной того, что следующий топоним Волок мы встречаем не здесь, а в верховьях Западной Двины, в месте соединения ее с оз. Лучане. Здесь, мы говорили, расположен г. Лучин, взимавший мыто с проезжавших по волокам Западная Двина — Пола, Пено — Пола.

Третий топоним, указывающий на наличие волока,— «Переволока». Он, очевидно, соединял оз. Пено через р. Куда с той же Полой и также платил мыто в Лучин. Этим волоком пользовались владельцы тех ладей, которые шли через оз. Волго с р. Волги и обратно.

Четвертый топоним, связанный с сухопутными переездами между бассейнами,— Волок у северной оконечности оз. Охват. 16-километровый сухопутный путь выводил от Охвата к оз. Пено, где мыто взималось Женней Великой, собиравшей здесь ежегодный доход не ниже 200 гривен. Уже З. Ходаковский отмечал, что местные топонимы (например, «извоз» у оз. Жаденье) показывают, «что нагрузка судов была даже от самого начала Двины»[10]. Сюда сходилось, по-видимому, несколько путей. Во-первых, оз. Пено сообщается с оз. Стерж, в северной оконечности которого еще в XIX в. стоял знаменитый Стерженский крест 1133 г., свидетельствующий о каких-то гидротехнических работах по соединению волжского и ловатского бассейнов[11]. Во-вторых, здесь был единственный кратчайший путь с Волги на верховья Двины, а с нее через деревни, устанавливаемые по курганам[12] (рис. 4; 5), к Торопцу.

С Двины на Днепр переходили по Каспле и Гобзе. Каспляпский путь от Касплянского озера шел далее по ее притоку Клецу до волока (д. Волоковая) на Удру. Путь, предложенный П. В. Голубовским (Лелеква, Песочная, Купринское озеро, Катынка), мало вероятен, так как требует

---

[7] *Станкевич Я. В.* К истории населения верхнего Подвинья, с. 147.

[8] *Побойнин И.* Торопецкая старина, с. 8. В «Лодейнице» автор предположительно видел Лодейницу грамоты Ростислава, платившую в Смоленск 10 гривен дани, но скорее пристань эта платила (и не дань, а мыто) в соседний Торопец. Лодейница находилась у Смоленска (*Алексеев Л. В.* Устав...).

[9] *Побойнин И.* Торопецкая старина, с. 7.

[10] *Ходаковский З.* Пути..., с. 15.

[11] *Колосов В. И.* Стерженский и лопастицкий кресты. Тверь, 1890. *Михайлов М. И.* Памятники русской вещевой палеографии. СПб., 1913, с. 15.

[12] *Станкевич Я. В.* К истории населения..., карта.

постоянных перегрузок груженых ладей с «кол» на воду и обратно[13]. Наш путь подтверждают курганы, тянущиеся узкой цепочкой с севера на юг в сторону Днепра. Это остатки погребений деревень, расположенных вдоль дороги по волоку (рис. 4; 5). Перед нами тот самый смоленский волок, который неоднократно упоминают договоры Смоленска с Ригой и о. Готланд XIII в.[14] Живший здесь (в д. Волоковая?) «волочскый тивун» был обязан «аже услышить латинский гость пришел, послати ему люди с колы и перевезти товар». Другой путь от Днепра на Двину ответвлялся от сухопутного (Смоленск — Вержавск) в районе д. Иловка, либо Дуброва поворачивал влево па Жераспею со старинным селом Кислое (есть селище IX в.[15] и найден клад с младшей монетой Аббасидов[16]). Еще один путь из Двины в Днепр шел мимо Вержавска по Гобзе, на Царевич, Вопь в Днепр (арабские монеты здесь найдены у деревень Саки, Слобода, Жигулино, на р. Царевич, Вопь в Днепр, у д. Городок[17]).

П. В. Голубовский полагал, что путь по Вопи имел большое значение. Он шел по Вотри, Ельше и по Меже к Двине[18]. Близость к ней р. Вотря также незнаменательна, так как древних поселений вдоль реки в ее верхнем течении нет, а область Воторовичи если и названа по ней, то только при ее устье (с. 57—58). Волок от р. Вопь к Меже если и был, то, скорее, он начинался выше, у д. Еськово (где есть курганы)[19], и шел к д. Девятая (городище и курганы домонгольского времени[20]) и к Дуброво[21]. Не исключено, что окружающая топонимия указывает на этот путь — Задорожье, Ивашкова Пристань, неподалеку часто встречаются топонимические названия у волоков — Княжее.

У Копыси и Орши Путь из варяг в греки сливался с ответвлениями на Двину. Судя по ленте курганных групп, к Копыси от Друцка подходила дорога (рис. 4). Копысь, правда, расположена на другой стороне Днепра, что заставляет предполагать наличие переезда через эту реку. Устав 1136 г. упоминает здесь действительно перевоз с ежегодным доходом в 4 гривны[22]. Судя по интенсивности расположения курганных групп путь от Копыси в домонгольское время был более наезженным, чем от Орши, но позднее их роли переменились[23]. Одна из первых остановок

---

[13] *Голубовский П. В.* История..., с. 9.
[14] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963, с. 37 и др.
[15] *Шмидт Е. А.* Раскопки в Смоленской области.— АО 1968 г. М., 1969, с. 63.
[16] *Кропоткин В. В.* Новые находки сассанидских и куфических монет в Восточной Европе.— В кн.: Нумизматика и эпиграфика. М., 1971, IX, с. 85.
[17] См. раздел «Торговля».
[18] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли..., с. 10.
[19] Смоленский вестник, 1914, № 115; ИАК, прибавление к выпуску. СПб., 1914, № 56, с. 128.
[20] *Лявданский А. Н.* Некоторые данные..., с. 275.
[21] Там же, с. 295.
[22] ДКУ. М., 1976, с. 143.
[23] «Мы подплыли к деревянному мосту на р. Орше,— писал А. Мейерберг в 1661 г.— Тут было место, через которое плывущие из Смоленского княжества в Литву, оставив лодки, обыкновенно начинали ехать сухим путем» (*Мейерберг А.* Путешествие в Московию. М., 1874, с. 202).

на Днепре после Копыси и, возможно, Шклова (здесь недавно обнаружены отложения домонгольского времени [24]) был Могилев, в котором неоднократно находили арабские монеты [25], где, по свидетельству Е. Р. Романова, еще недавно было много курганов [26], а в наше время еще сохраняется указание на них в названии переулка «Курганный», и где, как считается, сохраняются еще следы остатков города домонгольского времени. Ниже Могилева «полоцкая» сторона Днепра была сплошь заселена в эпоху древней Руси (рис. 6), смоленских поселений здесь значительно меньше, что, вероятно, объясняется географическими условиями.

Прочие водные пути. Помимо Пути из варяг в греки, в Смоленской земле были еще многочисленные водные коммуникации, часть из которых удается уловить по письменным источникам, а также и по археологическим материалам.

В окрестностях Смоленска с юга близко подходит водораздел между течением собственно Днепра и его левых притоков. «А вытекла Сожа река от Смоленска,— говорится в «Книге Большого Чертежа»,— близко от Днепра реки» [27]. Может быть, здесь и следует искать скопления поселений, указывающие на наличие дороги между Днепром и Сожем? Есть ли здесь прежде всего курганы? Еще в начале нашего века отмечалось, что в 20 верстах от Смоленска, начиная от д. Яново, тянется ряд курганов мимо сел Белоручья, Долгомостья, Панского и Никольского и что «здесь при обработке земли находили бердыши, копья, мечи и т. д.» [28]

Археологическая карта курганов VIII—IX вв., составленная И. И. Ляпушкиным, также выделяет здесь курганные группы, указывающие на древнерусские поселения этого времени, тянущиеся от Днепра к Сожу (Немыкары, Колупаево, Арефино, Яново, Путятинка, Ямполь, Слобода-Глушица) [29]. На наличие дороги-волока в этих местах указывает и местная топонимия: Волоховшина (Волоковщина), может быть, Перекладова, Копанка (при реке того же наименования) [30]. Это же наблюдение подтверждается расположением древнерусских селищ более позднего времени (XI—XIII вв.) и курганов (последние у деревень Дресна, Туринщина, Ройновка, Войновщина) [31]. Наличие пути по Сожу подтверждают и летописи. Сож — исконная река радимичей, по которой и двигались древ-

[24] *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. Минск, 1971, с. 23.

[25] *Рябцевич В. Н.* Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области.— В кн.: Нумизматика и эпиграфика. М., 1965, т. V, с. 18.

[26] *Романов Е. Р.* Археологические разведки в Могилевской губернии.— Записки Северо-Западного отделения ИРГО. Вильно, 1912, кн. 3.

[27] Книга Большого Чертежа. М.; Л., 1950, с. 100.

[28] *Шперк Ф.* Смоленская губерния.— Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, СПб., 1900, т. 60, с. 553.

[29] *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152, рис. 3.

[30] Список населенных мест Российской империи, т. XI, Смоленская губерния. СПб., 1868 (соответственно 35, № 817; 284, № 7949; 30, № 676).

[31] *Шмидт Е. А.* Археологические памятники периода возникновения г. Смоленска.— В кн.: Смоленск: К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967, с. 60, рис. 5.

нерусские князья («путь на радимичей»). По Сожу в 1168 г. ехал великий князь киевский Ростислав, направляясь из Киева в Новгород и остановившись в Чечерске, пировал со своим зятем Олегом [32]. «На радимичѣ», т. е., вероятнее всего, по Сожу, ехал Владимир Андреевич, «уворотившись» с Дорогобужа (Волынского) к Андрею Боголюбскому в Суздаль [33]. Путь по Сожу был короче и безопаснее, так как днепровский путь проходил вблизи полоцко-смоленского пограничья. К тому же верхняя часть Сожа находилась только в пределах Смоленской земли и контролировалась смоленским князем. Первое мыто при въезде в Смоленскую землю по Сожу уплачивалось в Прупое (Пропойске, ныне Славгород) и было небольшим, так как собиралось здесь за год всего 10 гривен [34]. Подобно другим городам, лежащим на выезде-въезде в княжество,— северному Лучину, западному Копыси и восточному в Путтине (принимая толкование Д., А. Поппэ «Путтинского куска» Устава Ростислава), южный пограничный пункт Прупошеск также имел свою корчму, доходы с которой, как и всех остальных пунктов, поступали в казну. Дальнейший путь в Смоленск лежал вверх по Сожу (река близко подходила к этому городу с юга) либо по Проне (в ее верховьях находилась волость Басея со многими поселениями), где известны находки арабских диргемов [35]. В верховьях Сожа было несколько сухопутных дорог-волоков: на Десну, Наготь, на Лосну через Россажу (через Солодовую и с. Долгий мост, известный из источников [36]), может быть, и через Ливну [37].

Выше Смоленска Днепр подходит к верховьям Угры и Вазузы, здесь можно предполагать сухопутные переправы. Действительно, неподалеку от Дорогобужа на р. Осьме есть с. Волочек с огромным курганным могильником, который издавна привлекал внимание [38]. В Писцовых книгах 1668 г. оно названо уже деревней, «а преж сего бывал монастырь святого Николая» [39]. Курганы у Волочка оказались необычайно богатыми [40]. Непода-

---

[32] ПСРЛ. М., 1962, т. II, стб. 528.
[33] ПСРЛ, т. II, стб. 537.
[34] ДКУ, с. 143.
[35] А. Л. Монгайт по ошибке полагал, что рязанская Проня повторяет название «из Черниговского княжества, где имеется р. Проня, впадающая в Сож» (*Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961, с. 206). Проня впадает в Сож у Славгорода и целиком была смоленской рекой.
[36] *Буслаев Ф.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. II, с. 189 (житие Меркурия Смоленского).
[37] *Седов В. В.* Археологические разведки древнерусской деревни Смоленской области.— КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 105; *Он же.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, 1960, вып. 92, с. 11.
[38] *Пляшкевич Б., Чулков С.* Историко-статистическое описание прихода с. Волочка Дорогобужского у.— Смоленские епархиальные ведомости, 1888, № 23; *Щ. К.* С. Волочек Дорогобужского у.— Смоленский вестник, 1891, № 91; *Один из многих.* С. Волочек Дорогобужского уезда.— Смоленский вестник, 1891, № 76.
[39] *Писарев С.* От Историко-археологического музея.— Смоленский вестник, 1891, № 82.
[40] *Спицын А. А.* Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении: Смоленская губерния.— ЗРАО, СПб., 1899, т. XI, с. 181 (раскопки А. А. Спицына и Эйбоженко).

леку от с. Староселье также была курганная группа. Один из курганов был раскопан Н. Е. Бранденбургом (1899 г.)[41]. Сейчас окрестности с. Волочек заселены неравномерно. Западная часть междуречья Осьма — Угра (к западу от волока) сейчас заселена интенсивно, восточная же гораздо менее. Здесь и располагались, очевидно, большие леса, о которых писали краеведы[42]. Район междуречья Осьмы и Угры в древности, несомненно, был все же сильно заселен (курганные группы у деревень Березовская, Плешивцево, Чам, Курганы, Староселье и др.)[43]. У с. Волочек есть и городище, к сожалению, недатированное[44].

Сам волок начинался, можно думать, с левого притока Днепра — Осьмы при впадении в нее слева р. Готова и несколько выше — с речки Гостишка. Примерное направление волока: вверх по Готове в р. Приду (на некоторых картах это р. Волочевка)[45], на которой стоит Волочек. Далее мимо деревень Подмошье, Лепешки к Новой Меркишевой и далее в долине р. Черновка к д. Городок на Угре (есть селище домонгольского времени и курганы)[46]. В 1927 г. жители показывали «канаву» длиной $^3/_4$ версты, прорытую якобы для более удобного передвижения по ней по волоку[47]. Таким образом, длина всего волока 9 км (по прямой, на местности же 11—12 км). Любопытно, что рядом с Городком есть топоним Торжок, который тоже может быть увязан с волоком[48]. В районе Дорогобужа найдены арабские и другие монеты, что также указывает на существование торговых путей этих мест[49].

Между верховьями Днепра и Вазузы также есть топоним Волочек, но археологических данных о заселенности этих мест пока нет[50]. Топонимия же этих мест скорее указывает на эпоху развитого средневековья (наиме-

---

[41] Известия ОЛЕАЭ, т. 80. Дневник Антропологического отдела, СПб., 1893, вып. 2, с. 64; СПб., 1895, вып. 3, с. 92; Известия ОЛЕАЭ, т. XLVIII, с. 113.

[42] Значительная часть леса здесь выгорела в 1891 г. (*Щ. К.* С. Волочек...).

[43] *Шперк Ф.* Смоленская губерния..., с. 553.

[44] ОАК за 1892 г. СПб., 1894, с. 59; *Архангельский В. М.* Из материалов..., с. 6 («курган» в 7 верстах по большаку к Вязьме, в 1 версте от него).

[45] *Савін Н. І.* Раскопкі курганау у Дарагабужскім і Ульнінсім паветах Смоленскай губерніі.— Працы II. Минск, 1930, с. 220 и карта.

[46] *Шмидт Е. А.* Археологические памятники бассейна р. Угры в пределах Смоленской области.— СКНИИ: Сборник научных работ. Смоленск, 1958, с. 113.

[47] *Архангельский В. М.* Из материалов..., с. 9.

[48] Неподалеку от волока, к северо-востоку от д. Волочек есть село с топонимическим названием Рославль и речка Рославка. Современный Рославль Смоленской области был выстроен смоленским князем Ростиславом, мы можем предполагать, что и этот Рославль принадлежал тому же князю, а от него получила наименование и текущая здесь маленькая речка. Село могло быть феодальным центром, контролирующим дорогобужский волок.

[49] Клад византийских, арабских и других монет, найденный в р. Дорогобужка, 1847 года (XI—XI вв.); омейядский диргем из имения Иванова (*Марков А.* Топография кладов..., с. 42), два диргема из курганов у д. Харлапово (1011—1020 гг.) (*Кропоткин В. В.* Новые находки..., с. 86), клад арабских монет у Ярцева (*Кропоткин В. В.* Новые находки..., с. 86).

[50] *Тарасенка В. Р.* Археологічныя абсьледаваньні на Смаленшчыне у 1929 г.— Працы II, с. 516.

нования деревень от русских имен в притяжательной форме[51]). Наименований, прямо не связанных с именами владельцев деревень, сохранилось всего несколько и в основном на самом водоразделе[52], есть ли вблизи них памятники домонгольского времени, мы не знаем. Судя по описанию, В. Р. Тарасенко обследовал, возможно, территории у самого Днепра. По его мнению, первое городище на Днепре — у с. Волочек, первые курганные насыпи (две единицы) в 5 км ниже истоков Днепра у с. Спас, в направлении с. Зилово[53]. Городище Волочек знал А. Н. Лявданский, однако и этот исследователь не представлял времени его существования[54]. З. Ходаковский считал, что волоком из Вазузы на Днепр пользовался уже князь Глеб Владимирович, ехавший в 1015 г. из Мурома в Киев. Основываясь на Минее от 2 мая, он даже указывал место, где якобы «подчеся» под ним конь «во рву» («у д. Отмичь на возвышенном косогоре и рвах, склоняющихся к р. Тьме»[55]). Предполагается, что этим волоком пользовался и великий киевский князь Владимир Святославич, когда шел с дружиной на волжских болгар (985 г.)[56]. В сказании о чудесах Владимирской иконы Богоматери действительно упоминается Вазуза по пути Андрея Боголюбского в Суздаль (1155 г.): «едущу к ему потем поя с собой проводника и приеха к реце Вазузе...»[57] Любопытно, что вблизи волока на Вазузу, как у большинства смоленских волоков, есть топонимическое наименование Княжево, возможно, отражавшее княжеский пункт, контролировавший волок.

Реки Угра и Десна в древности несомненно были судоходны с самых верховьев, на что указывает как их большая заселенность, так и наличие волоков (дорогобужского на Угре — Днепре, через р. Волость, а также на Угре — Десне). Наши археологические разведки подтвердили установленный ранее факт, что в конце волока Днепр — Угра, начинавшегося у д. Волочек, у д. Городок есть большое селище, датирующееся, судя по керамике и шиферным пряслицам, XI—XII вв.[58] Эту же дату подтверж-

[51] Петрово, Настасьино и т. д. — у с. Волочек; Клементьево, Власово, Пелагейкино, Воробьево — у р. Вазузы.

[52] С юга на север: Соловицы, Борцы, Барсуки, Погорелое, Красная, Муравишники, у р. Вазузы лишь — Ржавец. Курганные группы Полоцкой и Смоленской земель, по нашим наблюдениям, редко расположены у деревень с названиями первого рода (от личных имен), чаще у топонимов, наименованиями связанными с географическими условиями этих мест, и это понятно: курганы насыпались в эпоху раннего феодализма, когда села не принадлежали феодалам и не назывались по именам владельцев. Есть ли у Соловиц, Борцов (Борков?), Барсуков курганы, неизвестно.

[53] *Тарасенка В. Р.* Археологічныя абследованьи..., с. 526.

[54] *Лявданский А. Н.* Некоторые данные..., с. 274.

[55] *Ходаковский З.* Пути..., с. 24, 25.

[56] *Овсянников Н. Н.* О новгородско-тверском рубеже в связи с направлением новгородских путей. Тверь, 1903.

[57] Сказание о чудесах Владимирской иконы Богоматери.— Издание общества любителей древней письменности. СПб., вып. XXX, 1878.

[58] *Алексеев Л. В.* Работы в древней Смоленщине.— АО 1972 г. М., 1973, с. 49. Датировка керамики селища произведена при любезной консультации Г. П. Смирновой.

дают, как можно думать, курганы у д. Волочек, раскопанные некогда А. А. Спицыным.

Река Десна несомненно широко использовалась в древности как водная коммуникация. Об этом свидетельствуют как письменные источники (в 1168 г. умирающего Ростислава Смоленского везли по ней в Киев), так и археологические и, частично, монеты. Путь по Десне был, очевидно, торным, так как ее берега были сильно заселены (рис. 6), изредка здесь находят арабские и другие монеты (например, с. Митьковщина Брянской области, где в курганах встречены как диргемы, так и серебренники Владимира, Святополка и др.)[59]. Нужно полагать, что популярность Десны как водного пути объяснялась главным образом тем, что на этой реке лежал крупнейший древнерусский центр Чернигов.

Водный путь по Сожу был, по-видимому, не менее популярен, но он миновал этот большой город.

Некоторое значение, можно думать, имел путь с Остра в районе западнее Рославля на Ипуть в районе Доброносичей[60], где есть городище без культурного слоя (возможно, славянское городище-убежище) и много курганов[61]. Путь проходил вверх по Ипути до д. Переволочна, откуда волоком — в левые притоки Беседи, от деревни с наименованием Городок. Такое предположение, с нашей точки зрения, допустимо как по обилию курганов на верхней Ипути и курганов на притоках Беседи, так и по трем типичным топонимическим названиям волоков: «Переволочье» — на одном конце волока, «Городок» — на другом и в середине — «Княжин» (вспомним подобные топонимы у волоков на р. Сережа, на верхней Меже, на верхнем Днепре — Вазузе, о чем уже говорилось).

СУХОПУТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Сухопутные дороги Смоленской земли частично повторяли водные (вдоль берегов рек, зимой по их замерзшему руслу), а частично пролегали самостоятельно в отдалении от каких-либо рек. Так же, как и в Полоцкой земле[62], нам удается их проследить по нашей археологической карте (рис. 6). Прежде всего нужно сказать, что сухопутных дорог в древности было гораздо меньше, чем водных коммуникаций. Как мы уже показывали на примере Полоцкой земли, в домонгольское время сухопутные дороги почти никогда специально не прокладывались, а использовались уже наезженные пути между селениями. «Дороги прямоезжие» в полном смысле этого слова, т. е. дороги через леса и болота, появились гораздо

[59] *Мец Н. Д.* Серебренники из с. Митьковки.— СА, 1960, № 1.
[60] *Алексеев Л. В.* Работы в древней Смоленщине, с. 49.
[61] *Сизов В. И.* Раскопки в Смоленской губернии.— Древности, ТМАО, М., 1887, т. XI, вып. 3; см. также: *Шмидт Е. А., Ходченков А. А.* Археологические памятники, с. 41 и 42.
[62] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 89 и сл.

позднее, главным образом в эпоху артиллерии [63]. Это полностью подтверждается и в Смоленской земле. Длинные сухопутные дороги проходили здесь только в больших скоплениях поселений (например, в районе Смоленска, возможно, между Мстиславлем, Ростиславлем, Пацынем и т. д.; рис. 6), однако здесь их уловить не удается, и о направлении их могут быть только предположения. В остальных местах древние дороги нащупываются по «ленточному» расположению курганов и, следовательно, древних деревень.

Главная дорога северной части Смоленщины шла прямо на север от Смоленска к Вержавску через Иловку и Варнавино (где найдены арабские диргемы). Это тот самый «вержанский путь», который обозначен в поздних письменных памятниках «за Днепром бояре у Вержанском пути», «слуги деспешные у верьжавъском пути за Днепром» и т. д. [64] Один клад у д. Жигулино с находками арабских диргемов в двух пунктах в сочетании со скоплением поселений показывает, что вдоль р. Царевич шел довольно оживленный торговый путь от Днепра и Вопи через Бортницы к верховьям Гобзы, к Слободе (где тоже известны диргемы, правда, в виде украшений в курганах) и далее к Западной Двине. Этот путь был удобен тем, что в случае надобности позволял миновать Смоленск и проехать со стороны Дорогобужа на Двину, минуя этот город.

Очень трудно что-либо сказать о сухопутных дорогах Восточной Смоленщины. Во всяком случае, в «курганную» эпоху (до XII в.) каких-либо торных дорог через нее не было, так как на карте древних поселений они не прослеживаются. Всего вероятнее, что за данью в Искону и другие места верхней Москвы ездили по рекам (например, с верховьев Днепра через Волочек в Вазузу, затем вверх по Гжати и т. д.). Знаменитая впоследствии и, вероятно, учитывая исключительную залесенность этих мест, единственная дорога от Смоленска на Вязьму — Можайск, возникла, нам кажется, только в эпоху возвышения Москвы. В «послекурганный» период (XIV в.) поселения вокруг Дорогобужа, по верхней Вязьме (где много курганов) и по верхней Москве, разрастаясь, стали соединяться прямой дорогой, необходимость которой еще диктовалась усилением Москвы. На дороге этой теперь усилились или возникли вновь новые центры: Вязьма, которая, вероятно, существовала еще в домонгольское время, хотя и упоминается в летописи только под 1239 г. [65], Можайск, попавший в летописи, вероятно, ошибочно под 1277 [66], но который в 1293 г. уже был завоеван

---

[63] Там же, с. 90.

[64] *Востоков А. Х.* Описание славяно-русских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 129 (1492 г.).

[65] По поздним источникам, Вязьма существовала даже в XI в. (*Голубовский Т. В.* История Смоленской земли..., с. 66, 67, прим. 3). В 1897 г. при работах в городском саду была найдена сердоликовая бусина (дата этих бусин не позднее XIII в. См.: *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях русской деревни.— Труды ГИМ, 1959, вып. 33, с. 152) и пряслице «курганных типов» не позднее середины XIII в. (ЗРАО, т. XI, вып. 1/2, с. 185).

[66] ПСРЛ. СПб., 1856, т. VII, с. 173.

татарами[67], по-видимому, перерос другие феодальные пункты, возникшие в период власти в этих местах смоленского князя[68].

В Южной Смоленщине сухопутные пути сообщения не прослеживаются с такой четкостью, как в северной. Здесь, по-видимому, более всего пользовались реками (и их руслами), текущими на юг. Можно лишь предполагать, что из Заруба или Пацыни можно было беспрепятственно проехать к среднему Остру и далее во Мстиславль. Ленточных же скоплений поселений в этой части Смоленской земли нет.

В заключение отметим, что, как и в Полоцкой земле, изобиловавшей волоками[69], сухопутные пути сообщений тянулись вдоль рек и только в местах волоков между бассейнами приобретали самостоятельное значение.

[67] ПСРЛ, т. VII, с. 180.
[68] Основываясь на том, что в XIII в. Можайск становится уделом, В. П. Голубовский (История Смоленской земли..., с. 74) вполне резонно считал, что город существовал намного ранее.
[69] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 100.

ТОРГОВЛЯ

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Расположение Смоленской земли на главном водоразделе европейских рек способствовало торговым связям страны издревле. Здесь находили монеты греческие [1] и римские [2], неподалеку от Витебска была найдена уникальная для этих территорий латенская гривна [3] и т. д. Не приходится сомневаться, что в эпоху средневековья торговые связи земли необычайно усилились, здесь появились арабские, византийские, позднее западноевропейские монеты, большое количество иноземных товаров, часть которых мы находим в раскопках.

Ранний период денежного обращения в Смоленской земле характеризуют многократно находимые клады монет (рис. 5). Деревянная, полуземляночная Русь с ее постоянными междоусобицами, пожарами, нападениями врагов, хранила свои накопления в земле. «И в земле не хороните (богатства.— *Л. А.*) — то ны есть великии грѣхъ»,— поучал детей Владимир Мономах [4]. Сведения о находимых в Смоленщине арабских диргемах восходят еще к XVIII в. П. С. Паллас переслал в Академию наук несколько таких монет, определенных татарским муллой (1785) [5]. С тех пор средневековые монеты на нашей территории стали находить все чаще в Смоленской земле, более всего в Гнездове — первоначальном Смоленске. Всего известно сейчас 3,5 десятка кладов и 2,5 десятка монет в курганах. Дендрохронология Новгорода показала, что степень разрыва младшей монеты клада со времени его зарытия не превышает одного-двух десятилетий [6]. Смоленские и пограничные клады распределяются: Смоленский у.— 9 кладов в Гнездове, по одному в Дубровниках у Смоленска и у Ясеной [7]. В остальных уездах: Бельский (Ду-

---

[1] Найдены: у с. Городище Юхновского у. на р. Дебре (1882) («Смоленский вестник», 1882, № 76); у с. Михайловского Дорогобужского у. (ольвийская), также — на берегу Днепра у Смоленска с надписью ОЛВІЯ (*Грачев В. И.* Краткий каталог предметов древностей Смоленского городского историко-археологического музея. Смоленск, 1908, с. 51, 75. Описаны еще 24 монеты из неизвестных мест).

[2] Могилевская губерния: Климовичи и Новый Быхов (клад 1804 г. и монета Антония Пия). Из Быховского района происходит и монета Августа Траяна (209—212) (см.: *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР.— САИ, 1961, Г4-4, с. 40, 97).

[3] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 100, прим. 105, рис. 16.

[4] ПВЛ. М.; Л., 1950, т. I, с. 157.

[5] *Марков А. К.* Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, с. 10.

[6] *Янина С. А.* Второй Неревский клад куфических монет X в.— МИА, 1963, № 117, с. 288.

[7] Здесь и далее даются сведения о кладах, не вошедших в указанную сводку А. К. Маркова: в 1889 г. А. Г. Малеван передал в Смоленский музей 3 арабских

наево, 1925 г.), Горецкий (Горы, 1885 г.), Застенок (1901 г.), Романово (Ленино, 1892–1893 гг.); Соболево (1936 г.), Шавнево (?); Духовщинский (Жигулино – до 1888 г.); Дорогобужский (у г. Дорогобужа, 1847 г.); Климовичский (Старый Дедин, 1926 г.); Зубцовский (Дягунино, 1893 г.); Краснинский (р. Луппа, 1853 г.); Могилевский (Могилев? 1822 г.); Московский (Хитровка, 1932 г.); Мстиславский (Стайки, 1949 г.); Невельский (Глазуново, 1958 г.); Оршанский (Добрино, 1961 г.), Поречье (1886 г.), Суходрево (1867 г.), Прусиничи (1961 г.); Поречский (Кислая, 1967 г.); Ржевский (Мужищево, 1927 г.); Торопецкий (Торопец-Зеликовье, 1960, Набатово ?, Пальцево, 1923); Чаусский (Староселье, 1900), Юхновский (Долино, 1885) [8].

Древнейшими кладами на интересующей нас территории являются три, относящиеся к IX в. Один из них был найден в 1936 г. у совхоза Соболево (недалеко от Баево Дубровенского района Витебской области) и состоял из 138 целых, 168 обрезков диргемов с младшей монетой 856–857 гг. [9] Другой найден у д. Кислая Демидовского района Смоленской области в 1967 г. в культурном слое селища, датируемом последней четвертью I тыс. н. э. Клад еще не опубликован, по имеющимся сведениям, там было свыше 600 диргемов, несколько сасанидских драхм и единственный в нашей стране полубрактеат с изображением лодки на одной стороне, а на другой – оленя, чеканенный, очевидно, в Хедебю (Дания)

монеты из клада, «найденного в горшке у Гнездова» («Смоленский вестник», 1889, № 24); клад в Гнездове (1966) (*Кропоткин В. В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе.— В кн.: Нумизматика и эпиграфика, 1971, IX, с. 85); Гнездовский клад (1973 и 1975) (*Белоцерковская И. В.* и др. Раскопки в Гнездове.— АО 1973 г. М., 1974; *Авдусин Д. А.* и др. Раскопки в Гнездове.— АО 1975 г. М., 1976); Ясеная: *Грачев В. И.* Краткий каталог..., с. 79 (две монеты хранятся и сейчас в Смоленском музее, № 2657).

[8] Дунаевский клад (СОМ, № 2168); Горы (*Фурсов М. В.* Могилевский музей. Могилев, 1891, с. 46); Застенок (Россия, СПб., 1905, т. IX, с. 468); Романово (*Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.; Л., 1954, с. 149); Соболево (*Кузняцоў К. В.* Собалеўскі клад — Весці АН БССР, № 6); Шавнево (Россия, т. IX, с. 393); Старый Дедин (*Харлампович П.* Манетныя скарбы.— Гістарычна-археолегічны зборнік. Менск, 1927, с. 316—318); Дягунино (*Корзухина Г. Ф.* Русские клады, с. 148, 149); р. Луппа (там же, с. 95); Могилев (*Надеждин Н.* Геродотова Скифия.— Записки ОИДР. Одесса, 1884, I, с. 137, 138); Хитровка (*Мец Н. Д., Мельникова А. С.* Клады монет.— Ежегодник ГИМ, 1959. М., 1961); Стайки (*Кропоткин В. В.* Новые..., с. 85); Глазуново (письмо ко мне А. М. Микляева от 21 октября 1971 г. и любезное уточнение усвятского краеведа А. Т. Смирнова от 17 октября 1976 г., сохранилось 3 монеты, определена одна); Добрино (*Рябцевич В. Н.* Два монетно-вещевых клада IX в.— В кн.: Нумизматика и эпиграфика. М., 1965, т. V; Суходрево (дополнение к сводке Маркова: Отчет о действиях Витебского Губ. статистического комитета за 1868 г. Витебск, 1869); Прусиничи (*Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 105); Кислая (*Шмидт Е. А.* Раскопки в Смоленской области.— АО — 1968 г. (М., 1969); Мужищево (*Корзухина Г. Ф.* Русские клады, с. 148); Торопец-Зеликовье (*Кропоткин В. В.* Новые..., с. 80); Староселье (Працы III, с. 249); Долино (*Рыдзевская Е. А.* Клады старинных серебряных шейных гривен западного типа.— ЗОРСА, СПб., 1915, вып. II, с. 191 и сл.).

[9] *Кузняцоў К. В.* Собалеускі клад...

Рис. 6. Серебряные гривны. Клад у д. Долино, IX в.

Рис. 7. Серебряные гривны. Клад у д. Долино, IX в.

около 825 г.[10] Третий клад — у д. Долино состоял из хорошо сохранившихся серебряных шейных гривен (рис. 7, 8). Если клады IX и X вв. чаще располагаются на Пути из варяг в греки (Долино — исключение), то самый поздний клад XI в. найден от этого пути в стороне: в XI в. монеты обслуживали и внутренние потребности страны. Мы говорим о кладе из Старого Дедина (рис. 9), зарытом около 1065 г. (как и клад из Полоцка 1910 г., зарытый около 1060 г.)[11] Полоцкий и Стародединский клады, следовательно, располагались теперь на пути, идущем по географической параллели вдоль Западной Двины (Прибалтика — Полоцк — Витебск — Смоленск), движение по которому только еще начиналось.

Известно всего четыре места находок византийских монет в Смоленской земле: старейшие происходят из Гнездова (клад 1867 г. с младшей монетой 954 г. и византийской — 780—797 гг.)[12], самая младшая — из Харлапова Дорогобужского района (подвеска на костяке 976—1025 гг.). Всего зафиксировано сейчас в Смоленской земле 13 находок византийских монет: четыре медных (Гнездово: Центральное городище 867—888 гг., селище, две при трупосожжениях в курганах[13]), две бронзовых (в Гнездове на Центральном городище и в кургане[14]), пять серебряных (Гнездово — в трех курганах, также в курганах у деревень Саки и Харлапово), две золотых (Гнездово — на Центральном городище монета 912—913 гг. и в кургане № 47 монета 829—842 гг.). Ряд находок монет недавнего времени еще не определен и в изданиях имеются лишь краткие упоминания о них.

С прекращением притока восточного серебра на Русь, в ней распространились частично западноевропейские денарии, охватившие в основном Прибалтику и новгородских словен (XI в.)[15]. В Смоленской земле эти находки единичны, но именно здесь найден самый древний денарий на Руси (955—957 гг.[16]), который происходит из Стародединского клада, зарытого, как мы видели, около 1065 г. Отдельные находки западноевропейских монет, главным образом в курганах в виде подвесок, обна-

---

[10] *Шмидт Е. А.* Раскопки в Смоленской области.— АО 1968 г. М., 1969; *Потин В. М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России в IX—XX вв. Л., 1970, с. 76, пр. 51.

[11] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады, с. 97.

[12] *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР.— САИ, 1962, Е4-4 (все дальнейшие сведения о византийских монетах без ссылок берутся из этого издания).

[13] *Кропоткин В. В.* Клады..., с. 28; *Авдусин Д. А.* Работы Смоленской экспедиции.— АО 1970 г. М., 1971 (селище); *Он же.* Раскопки в Гнездове.— АО 1976 г. М., 1977, с. 41 (курган).

[14] *Кропоткин В. В.* Клады..., с. 28; *Авдусин Д. А.* и др. Раскопки в Гнездове.— АО 1976 г. М., 1977, с. 41.

[15] *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, с. 230 (карта).

[16] *Харламповiч П.* Монетныя скарбы, знойдзеныя у Беларусi, у зборах Беларускага дзержаунага музэю.— В кн.: Гiстарычна-археолёгiчны зборнiк. М., 1927, с. 317; см. также: *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 152 (с иной датой — 979 г.).

ружены на верхнем Днепре выше Смоленска, на верхнем и среднем Соже. Юго-восточнее этой реки (например, на Десне) эти находки неизвестны [17]. Наличие западноевропейского серебра в одних комплексах с византийскими монетами, ввозившимися по Днепру, показывает, что денарий покупался на тех же рынках, что и прочие монеты, хотя и попадали к нам через северо-западные земли. Всего вероятнее, это был Смоленск, располагавшийся в XI в. уже на современном месте (в Гнездове этих монет нет). В самом деле, именно в Смоленске при разрушении одной из башен крепости Федора Коня (очевидно, в земле, при разборке ее фундамента) [18] была найдена западноевропейская монета. По подсчетам В. М. Потина, клады с западноевропейскими монетами по русским землям распределяются так: Новгородская — 45 кладов и 83 отдельных находки, Полоцкая — 7 кладов и 5 отдельных находок, Ростово-Суздальская — 7 кладов и 44 отдельных находки, Волынская — 7 кладов и 2 отдельных находки, Смоленская — 6 кладов и 14 отдельных находок, в Киевской и Переяславской землях по 5 кладов и по 4 отдельных находки, Черниговская — 4 клада и 4 отдельных находки, Рязанская — 3 клада и 4 отдельных находки, Галицкая — 1 клад и 2 отдельных находки [19]. Характерно, Смоленская земля занимает промежуточное положение между северными, северо-западными и южными княжествами.

XII—XIII вв. связываются на Руси с «безмонетным периодом», когда прекратилось хождение монет и в обороте были слитки серебра определенного веса. Причины этого явления недостаточно ясны, наиболее компетентное решение принадлежит В. М. Потину, но есть и другие мнения [20]. В Смоленской земле такие слитки находили неоднократно. Клады: 1853 г. в русле р. Луппы Краснинского у. слитки и лом весом 37 ф. 77 зол. (15 кг 505 г); 1889 г.— клад богемских серебряных монет Венцеслава II (1303—1305 гг.) с тремя обрубками слитков найден в Смоленске; Поречье Оршанского у.— клад слитков, диргемов и т. д.; Дягунино Зубцовского у. на берегу Волги — три слитка киевского типа и другие вещи. Отдельные слитки: д. Михейково Смоленского у.— слиток серебра; д. Студенец Шамовской вол. Мстиславского у.— слиток весом в 12 лот (153,48 г) с надписью: «князь Волод»; д. Горы Горецкого у.— новгородский слиток весом 213 зол. +2 доли (92,64 г) [21].

В письменных источниках есть также материал о денежном обращении в Смоленской земле. Выше говорилось, что доходы первых смоленских князей (ок. 1054 г.) собирались с меньшей территории, чем в 30-х годах XII в., но исчислялись, по-видимому, как и тогда, в денежном

[17] *Потин В. М.* Древняя Русь...

[18] *Надеждин Н. И.* Геродотова Скифия, с. 146.

[19] *Потин В. М.* Древняя Русь..., с. 47.

[20] *Потин В. М.* Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в.— В кн.: Международные связи России. М., 1961; *Он же.* Древняя Русь..., с. 73, 100; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы..., с. 152, 185; *Котляр Н. Ф.* Еще раз о безмонетном периоде денежного обращения Руси.— ВИД. Л., 1973, т. V.

[21] *Ильин А. А.* Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг. 1921, с. 36, 46, 47.

выражении — гривнах [22]. Это подтверждается и в 70-х годах XI в. Как догадывался уже Б. А. Романов, в гривнах серебра собирали доходы смоленские князья, и в это время молодой Владимир Мономах в 1077 г. прокняжил в земле менее года, но уже вез свой первый доход в подарок отцу черниговскому Всеволоду, разменяв его для большего эффекта на гривны золота [23].

В Уставе Ростислава 1136 г. деньги упоминаются постоянно: это — гривны и куны. Мы знаем, что с прекращением притока серебра на Русь и с наступлением безмонетного периода в 20-х годах XII в., в 30-х годах, судя по актовому материалу, появляется новое значение гривны — «гривна кун», которая, как выясняется, в 4 раза меньше «гривны серебра» [24]. О каких же гривнах идет речь у Ростислава? Уже a priori кажется мало вероятным, что материальное обеспечение смоленской епископии, составленное в 1134 г., когда новые гривны еще только входили в обиход, было рассчитано именно в них. Противоречит этому, по-видимому, и указание нашего источника: «на Путине всегда платят 4 гривны...» и т. д. Однако новые денежные единицы в 30-х годах XII в. уже существовали и невероятно, чтобы в Уставе это не было бы оговорено. Действительно, Ростислав дает десятину «от всех даней смоленских, что ся с них сходит истых кун». А. А. Зимин переводил значение «истых кун» как «наличных денег» [25], что и было принято в науке. Однако гривны серебра и прежние куны не могли именоваться еще «ветхими», «старыми», как это было позднее. Они, видимо, и назывались «истыми» (истинными, подлинными), к которым привыкли [26]. Основываясь на других источниках (Устав Ростислава исключался, так как датировался тогда 1150 г.), В. Л. Янин отмечал, что «до конца первой трети XII в. слово «куна» на Руси применяется к серебряной монете» [27]. Итак, в Уставе Ростислава упоминается гривна серебра, та гривна, которая фигурирует в Русской Правде краткой редакции и господствует на Руси весь XI в. и часть XII в.

В XIII в. произошло дальнейшее развитие денежного обращения в Смоленской земле. Торговый договор 1229 г. свидетельствует о существовании теперь «куны смоленской» и «ногаты смоленской» [28] — особых смоленских денежных единиц, с которыми иностранные купцы должны были считаться.

---

[22] *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского и процесс феодализации Смоленской земли.
[23] ПВЛ. М., 1950, т. II, с. 442 (комментарий Б. А. Романова).
[24] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы..., с. 44, 45.
[25] ПРП. М., 1953, т. II, с. 146.
[26] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893, т. I, стб. 1157, 1158.
[27] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы..., с. 44.
[28] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963, с. 29 и др.

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

Путь из варяг в греки начал функционировать в IX в., он проходил через главный водораздел европейских рек и пересекал, следовательно, как мы говорили, Смоленские земли кривичей, что не могло не сказаться на их развитии. С нашествием половцев на южнорусские земли значение этого пути снизилось, а с усилением торгового значения Западной Двины и возникновением в ее устье Риги (1201 г.) и вовсе приобрело почти лишь местное значение. Меридиональный путь прошлого уступил место широтному по Западной Двине. Таким образом, вся торговля Смоленской земли домонгольского времени условно может быть разделена на три периода: в первом (IX – начало XI в.), когда Смоленск оказался связующим звеном в торговле стран арабского халифата и Скандинавии, Западной Европы, Византии; во втором он стал центром лишь внутренней торговли Руси; наконец, в третьем (конец XII – первая половина XIII в.) – он был крупным торгово-ремесленным центром, связующим европейские страны и о. Готланд с Русью, рядом других соседних земель. Рассмотрим эти периоды подробнее.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ (IX — начало XI в.)

Эпоха викингов отложила большой отпечаток на страны Западной и Восточной Европы. Расписные корабли варягов — воинов-торговцев бороздили все моря тогдашнего мира, наводя ужас на европейские страны. Плавание в Финском и Рижском заливах привело их в земли восточных славян, и далее на юг в Византию. Древнейшие скандинавские вещи и даже погребения скандинавов (в том числе женских) известны сейчас в районе Старой Ладоги, где они датируются первой половиной IX в.[29] В Смоленской земле варяжские вещи и погребения появляются тоже в IX в., но, видимо, несколько позднее. Таковы равноплечная фибула из д. Клименка на берегу Каспли (2-я четверть – конец IX в.), редчайший скандинавский полубрактеат, чеканенный в Хедебю (Дания, около 825 г.) и найденный в кладе у д. Кислая на притоке р. Каспли Жераспее, овальные фибулы с кольцом, щипчики, ланцетовидные стрелы, мечи из курганов у д. Новоселки к северо-западу от Смоленска[30], наконец, вещи из самых ранних курганов Гнездова (т. е. древнейшего Смоленска)[31], где

[29] *Корзухина Г. Ф.* Курган в урочище Плакун близ Ладоги.— КСИА, 1971, вып. 125.

[30] *Дедюхина В. С.* Фибулы скандинавского типа.— Труды ГИМ, 1967, вып. 43, с. 202, № 14 (Клименки); *Шмидт Е. А.* Раскопки в Смоленской области.— АО 1968 г. М., 1969 (Кислая. Клад зарыт на селище в конце Тушемлинского времени, т. е. где-то в середине IX в.); *Шмидт Е. А.* Археологические памятники вт. пол. I тыс. н. э. на территории Смоленской области.— МИСО, Смоленск, 1963, вып. V, с. 114—128 (Новосёлки); *Ширинский С. С.* Курганы IX — первой половины X в. у пос. Новоселки.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970.

[31] *Авдусин Д. А.* Гнездовские курганы. Смоленск, 1952, с. 22; *Булкин В. А., Назаренко.* О нижней дате Гнездовского могильника.— КСИА, 1971, вып. 125.

встречены также равноплечные фибулы [32] и другие норманнские древности, а также диргемы Аббасидов, подтверждающие эту датировку [33]. В. А. Булкин относит сюда и меч из кургана у д. Рокот (бассейн р. Каспли) с надписью ULFBERHT, которые, как отмечает В. А. Булкин, «северными археологами» датируются до 900 г., так как позднее они почти неизвестны [34]. Помимо бассейна р. Каспли, норманнские древности IX в. встречены и севернее в Смоленской земле. В курганном могильнике № 2 у Торопца Г. Ф. Корзухиной обнаружена также равноплечная фибула IX в., как и некоторые другие подобные предметы того же времени [35]. Все это показывает, что появление варяжских купцов-воинов в Смоленщине произошло в IX в. из района р. Каспли [36]. Характер взаимоотношений скандинавов и аборигенов этого времени еще неясен. Вероятно, он действительно носил «военно-торговый» характер и все зависело от ситуации, в которую пришельцы попадали. Обращаясь к этим сложным вопросам, нужно прежде всего отделить находки отдельных вещей скандинавского происхождения от скандинавских комплексов вещей. Первые могут свидетельствовать о торговле, вторые — о присутствии в восточнославянских землях самих скандинавов. Разработаны признаки погребального обряда скандинавов, а также специфические признаки их костюма, по наличию которых можно с уверенностью считать варяжское происхождение погребенного. Это прежде всего погребение в ладье (и некоторые другие признаки обряда) и наличие в женском костюме двух черепаховидных фибул, соединенных цепочкой, ожерельем, иногда с трехлопастной фибулой на груди, а также железные гривны с «молоточками Тора» [37]. Погребения в ладье в Смоленской земле обнаружены только в Гнездове, и, возможно, один случай на Соже (Туровичи) в Могилевской губернии [38]. Пришельцы-варяги погребены также по соседству с Гнездовым в Новоселках, где в кургане № 5 с погребенным по скандинавскому обряду найден меч типа «Н» вместе с другими вещами IX в. Крайне любопытно, что погребение здесь совершено в кургане квадратного плана (местный признак), и это показывает, что влияние местного населения на иноплеменников было велико. Может быть, не следует считать эту черту столь уж обычным явлением [39] для населения, только что переселившегося на эти земли, но факт такого

---

[32] *Авдусин Д. А.* Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 г.— МИСО, Смоленск, 1952, вып. I, с. 359, 360; *Дедюхина В. С.* Фибулы..., с. 202, № 9.

[33] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 59.

[34] *Булкин В. А.* О появлении норманнов в Днепро-Двинском междуречье.— ПИКС-3 РСФСР. Л., 1977, с. 102. Однако А. Н. Кирпичников датирует меч из д. Рокот X в. (*Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие.— САИ, 1966, Е1-36, с. 31, 80).

[35] *Корзухина Г. Ф.* Новые находки скандинавских вещей близ Торопца.— СС. Таллин, 1964, т. VIII.

[36] *Булкин В. А.* О появлении..., с. 102.

[37] *Клейн Л. С., Лебедев В. А., Назаренко В. А.* Норманнские древности на современном этапе археологического изучения.— ИССР IX—XX вв. Л., 1970, с. 232.

[38] *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии.— МАР, СПб., 1902, № 28, с. 77 (сведения, к сожалению, очень глухие).

[39] *Булкин В. А.* О появлении..., с. 103.

влияния на обряд здесь и в Гнездове (где ранние курганы с варяжскими вещами тоже прямоугольные в плане) несомненен. Итак, наличие норманнских вещей IX в. и норманнских захоронений этого времени показывает, что скандинавы не только проникали на берега Днепра во второй половине IX в., но и оседали там и не чуждались влияния аборигенов. Скандинавские вещи IX в., найденные на гнездовском селище (равноплечная фибула и др.) [40], подтверждают наши наблюдения: торговля древнейшего Смоленска с норманнами была эффективной уже в IX в.

К первой половине X в. относится уже довольно много гнездовских курганов, и именно в них более, чем в последующих насыпях (в Гнездове их более всего), обнаружено как отдельных варяжских вещей, так и варяжских захоронений. Из черепаховидных фибул здесь можно назвать тип 51 в., по Я. Петерсену, датирующиеся им 2-й четвертью X в. [41] Таких фибул не менее шести [42]. Подобные найдены и в Новоселках (курганы 2 и 3, 1968 г.) [43]. Из прочих скандинавских вещей этого времени можно назвать так называемые булавки с длинной иглой (семь — в Гнездове, несколько — в Новоселках) [44]. Важно иметь в виду, что все скандинавские вещи найдены в Гнездове в самых больших курганах, где обнаружен и самый богатый инвентарь, что свидетельствует о принадлежности там погребенных к самому высокому классу. К этому же классу относились и погребенные там скандинавы. Не случайно, именно в этих курганах найдены такие дорогие предметы, как мечи, изготовлявшиеся в землях франков и привезенные на Днепр варягами.

Основная часть Гнездовского могильника датируется, как известно, второй половиной X в. Теперь облик древнего Смоленска существенно меняется. Если ранее он имел много черт сходства с другими аналогичными поселениями (например, Тимирево под Ярославлем) [45], то теперь он вступает в период самостоятельного, отличного от других поселений, развития. Прежде всего здесь резко возрастает классовая дифференциация, что проявляется в курганном обряде (широкое распространение больших курганов с богатым инвентарем [46]), а также в появлении гнездовских кладов.

Скандинавские находки в Смоленской земле отражает табл. 2. Не претендуя на исчерпывающую полноту, она показывает, что вещей скандинавского импорта здесь было весьма много. По подсчетам М. В. Фех-

---

[40] *Авдусин Д. А., Каменецкая Е. В., Пушкина Т. А.* Раскопки в Гнездове.— АО 1975 г. М., 1976, с. 53.

[41] *Дедюхина В. С.* Фибулы...

[42] Там же; *Авдусин Д. А.* и др. Раскопки...; *Авдусин Д. А., Белоцерковская И. В., Пушкина Т. А.* Раскопки в Гнездове.— АО 1976 г. М., 1977.

[43] *Ширинский С. С.* Курганы IX — первой половины X в. у пос. Новоселки.— В кн.: Древние славяне и их соседи, с. 114, 115.

[44] *Дедюхина В. С.* Фибулы..., с. 205; *Ширинский С. С.* Раскопки...

[45] *Булкин В. А., Дубов И. В.* Тимирево и Гнездово.— В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978.

[46] *Булкин В. А.* Большие курганы Гнездовского могильника.— СС, т. XX.

Таблица 2

Категория предмета	Восточная Европа	Смоленская земля
Вещи всех категорий	284	Более 120
Из них фибул:	252	60
скорлупообразных	158	26
кольцевидных с длинной иглой	39	13
круглых	29	10
равноплечных	18	8
трилистных	8	3

нер, к 1967 г. в Восточной Европе было известно 284 скандинавские находки[47]. Исключив находки после 1967 г., когда была опубликована работа этой исследовательницы и В. С. Дедюхиной, и используя их сведения, можно составить таблицу соотношений главнейших категорий норманнских вещей во всей Восточной Европе и Смоленской земле.

Как видим, несмотря на существование крупнейших скоплений скандинавских древностей в Приладожье, в районе Ярославля, Чернигова, Киева, уже по материалу 10—12-летней давности видно, что скандинавский импорт в Смоленской земле занимал очень большое место в Восточной Европе. Нужно сказать, что 90% этих вещей происходят из Гнездова, а наличие там варяжских погребений показывает, что варяжские торговцы-воины не только приезжали туда торговать, но и длительно жили возле смоленской кривичской столицы.

Какие же страны Скандинавии более всего представлены в Гнездове? Ответ на этот вопрос мы находим у шведских археологов, и прежде всего у Т. Арне. Ряд археологических признаков указывает на среднюю Швецию — долину оз. Меларен, которое сообщается с Балтийским морем. Здесь располагался древнешведский город Бирка, жизнь в котором прекратилась в конце X в.[48] Именно на материковой территории Скандинавии только и носили скорлупообразные фибулы[49], они служили, как полагает X. Арбман, характерной особенностью женской одежды: платья, бретели которого скреплялись этими фибулами, а может быть, ими скрепляли бретели юбки, как думает другой исследователь[50]. Существует

[47] *Фехнер М. В.* Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X—XI вв.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967; *Дедюхина В. С.* Фибулы.

[48] *Arbman H.* Birka. Die Gräber. Stockholm, 1940—1943.

[49] *Oxenstierna E.* Så levde vikingarna. Stockholm, 1959, s. 73 (пользуюсь книгой И. П. Шаскольского: Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965, с. 121, пр. 93).

[50] *Arbman H.* Skandinavisches Handwerk in Russland zur Wikingerzeit.— In: Meddelanden från Lunds Universitets Historiska museum (1959). Lund, 1960, s. 118, 119.

мнение, что скорлупообразные фибулы скандинавов так были распространены в Гнездове, что местные мастера брали их за образец при изготовлении подражаний [51], а также, что фибулы, типичное норманнское украшение женщины IX—XI вв., не могли носить славянские женщины Гнездова [52]. Вопрос этот требует дальнейшей разработки.

Помимо фибул, из Швеции к нам попадали железные гривны с молоточками Тора. Этот предмет непосредственно связан со скандинавским языческим культом IX—X вв., и в том, кто его носил, скорее можно видеть варяжского выходца [53]. В Смоленской земле, помимо Гнездово, подобная гривна найдена на Ярцевском городище.

В науке имеется большая литература, посвященная спорам о так называемой варяжской колонии Гнездова. Из-за недостаточной публикации гнездовских материалов последних десятилетий этот вопрос дискутируется и теперь. Не приходится сомневаться, что варяги занимались в основном торговлей, но как это осуществлялось, до сих пор не изучено. Вопрос этот можно будет ставить, очевидно, только после полной публикации гнездовских материалов Д. А. Авдусиным.

Вопрос об экспорте из Руси в Скандинавские страны ставился уже давно. В последнее время М. В. Фехнер констатировала, что Русь поставляла туда «серебряные привески-лунницы, шейные гривны, состоящие из пластины, согнутой в трубку, один конец которой движется на шарнире», также украшения, выполненные в технике «витья», попавшие в Скандинавию в первой половине X в. из южной Руси [54]. О связях со Смоленской землей говорят не только находки подвесок-лунниц (здесь был один из центров их изготовления), но и обилие попавшего в Скандинавию восточного серебра. И, конечно, огромное количество товаров органического происхождения, о котором можно только догадываться (хлеб, иные съестные припасы, пряности, ткани, вина и т. д.). Из саги об Олафе Трюгвассоне мы узнаем, что, побывав в Киеве, он перевез в Норвегию шесть кораблей шелка, приобретенного на Руси. Возможно, что шелк он купил в Киеве, но этот товар мог продаваться и в других городах, в которых о связях с Востоком свидетельствует обилие восточного серебра, а следовательно, и в Смоленске.

Отметим, в заключение, что, по мнению некоторых лингвистов, древнерусское слово «скот» в смысле «деньги» (встречается уже в «Повести временных лет») «является вторичным заимствованием русскими из северо-германских языков». При наличии в древнерусском языке «щьлягъ» из «skillingr» вполне вероятно, полагают ученые, и вторичное заимствование из скандинавских языков слова «скот» в значении «деньги» [55].

---

[51] *Авдусин Д. А.* Варяжский вопрос по археологическим данным.— КСИИМК, 1949, вып. XXX, с. 7—9.
[52] *Шаскольский И. П.* Норманская теория..., с. 121.
[53] Там же, с. 120.
[54] *Фехнер М. В.* Некоторые..., с. 40; *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 450 (об импорте из Смоленской земли в Бирку).
[55] *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 268.

Рис. 8. Персидский светильник IX в. из кургана в Гнездове (бронза, раскопки М. Ф. Кусцинского 1874 г.)

Есть сведения о связях Смоленской земли и с другими странами тогдашнего мира. Помимо кладов монет, связь с Востоком подтверждают найденные материалы, например, персидский светильник из Гнездова (раскопки М. Ф. Кусцинского, рис. 8), восточное расписное блюдо оттуда же [56], иракское (?) тончайшей работы из клада у оз. Зеликовье под Торопцом (IX—X вв., рис. 9) [57]. Связи с Византией подтверждаются в это время многочисленными находками монет как в Гнездове, так и в других местах Смоленской земли (золотая монета-подвеска императора Феофила — 829—842 гг. из кургана в раскопках Д. А. Авдусина [58] и др.), и кладах (Гнездово, в окрестностях Дорогобужа, в Стародединском кладе [59]). Об этих связях есть и косвенные данные: Константин Багрянородный (905—959 гг.) о Смоленске, как крупной якобы крепости на Днепре, о чем он знал, всего вероятнее, от «всебывалых» купцов [60].

Связи с Западной Европой в это время документируются находками франкских мечей IX—X вв. в Новоселках, Гнездове, а недавно и в Семеновке к северу от Рославля (с надписью ULFBERHT, рис. 10, 11) [61], которые привозили, по-видимому, норманны. Были ли в это время прямые связи с Европой — не знаем. Это, вероятно, станет более ясным, когда, наконец, будет осуществлена полная публикация гнездовских раскопок.

---

[56] *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии, с. 60 и сл., табл. VIII, *1, 4*.

[57] *Корзухина Г. Ф.* Новые находки...; *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока. М., 1976.

[58] *Авдусин Д. А.* Гнездовская экспедиция.— КСИИМК, 1952, вып. 44, с. 101.

[59] *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР.— САИ, 1962, Е4-4.

[60] Памятники киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, с. 60.

[61] Возможностью публикации этого меча я обязан любезности директора Рославльского музея М. И. Ивановой.

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ СМОЛЕНСКОГО КНЯЖЕСТВА
во второй половине XI — первой половине XII в.

Основные данные черпаются как в материалах письменных источников, так и в археологии. Из уставной грамоты новгородского князя Всеволода Мстиславича церкви Иоанна на Опоках (1134—1135 гг.) мы узнаем, что в Новгород приезжали, по-видимому, систематически смоленские купцы, которые, как и полоцкие, обязаны были платить «по две гривны кун от берковъска вощаного», и плата эта была более высокой, чем та, которой обязывались купцы-жители Новгорода и Новгородской земли (Новоторжцы) [62], чем, видимо, погашалась посторонняя для Новгорода конкуренция. О существовании торговых связей Смоленска с Севером можно догадываться по подаркам, которые преподнес Ростислав Смоленский Святославу Ольговичу на званом обеде в Моровийске. Князь одаривал своего союзника «соболями, и горностаими, и черными кунами, и песци, и белыми волкы, и рыбьими зубы...» [63]. Уже П. В. Голубовский указывал, что большая часть этих подарков происходила с северо-востока русских земель через Новгород и Тверь [64].

Уже давно отмечалось, что «в Смоленской земле сильно чувствуется влияние смоленского (т. е. местного.— *Л. А.*) ремесла на инвентарь богатых курганов в деревнях», что «по густоте находок вокруг Смоленска мелких литых амулетов можно сделать вывод об их производстве либо в самой столице (княжеском Смоленске.— *Л. А.*), либо в его окрестностях» [65]. Так, решетчатые ромбические подвески, отлитые в одной форме, приобретены были как у д. Волочек под Дорогобужем, так и в Юхновском у. [66] Обилие находок других ювелирных украшений вблизи Смоленска, тянущихся между Двиной, Днепром, верхней Угрой, Десной и Болвой [67], указывают на производство этих изделий именно в этих местах. По другим материалам здесь также предполагается существование еще одного вида мастерских — стеклодельных, снабжавших соседние села в пределах Дорогобужского, Екимовичского и Ельнинского районов посеребренными бусами и бусами, имитирующими привозные золотостеклянные [68]. Можно было бы предположить, что эти бусы изготавливались в соседнем Смоленске, но против этого, как будто бы то обстоятельство, что они найдены только к востоку от него, т. е. там, где найдены и указанные выше ювелирные украшения. Совпадение ареала

---

[62] Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846, т. I, № 3.
[63] ПСРЛ. М., 1962, т. II, стб. 504 («рыбьи зубы» — клыки моржа).
[64] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли..., с. 10.
[65] *Рыбаков Б. А.* Ремесло..., с. 458.
[66] Там же, с. 449.
[67] *Рыбаков Б. А.* Ремесло...; *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески.— Труды ГИМ, 1967, вып. 43.
[68] *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни.— Труды ГИМ, 1959, вып. 33, с. 165; ср.: *Щапова Ю. Л.* О происхождении некоторых типов древнерусских бус.— СА, 1962, № 2, с. 94.

распространения бусин с металлической прокладкой («золотостеклянных») с ареалом в X в. диргема навело М. В. Фехнер на мысль об использовании этого рода украшений в качестве мелкой разменной монеты [69]. Существование деревенских ремесленных мастерских в междуречьях Двины — Днепра — Десны и Угры, видимо, указывает на оживленные торговые связи местного населения с проезжими торговцами в этих местах. Это заключение подтверждается подобным же скоплением ювелирных изделий в других аналогичных местах, например, в междуречье верховьев рек Москвы и Ламы, Москвы и Клязьмы [70]. Привески-амулеты и лунницы были распространены на всем протяжении между верховьями Западной Двины и Десны — Угры, круглые же привески, по данным А. В. Успенской, были более излюбленными в верховьях рек Москва, Лама и Клязьма, а также в междуречье Днепра и Угры у Дорогобужа [71], лишь в городских древностях они встречаются шире, по соседству с былыми кривичскими землями.

Есть материалы, указывающие на торговлю Смоленской земли и с другими русскими княжествами. О связях с Волынью свидетельствуют многочисленные шиферные пряслица, находимые во всех смоленских городах: Смоленске, Торопце, Мстиславле, Ростиславле и др. Кресты-энколпионы, встречающиеся более всего в Мстиславле и известные в Смоленске, Торопце и некоторых других местах [72], указывают на торговлю с «Русской землей», и прежде всего с Киевом. На эту же связь указывают и находки некоторых типов стеклянных браслетов, также предметов культа (иконка и лампадка из Бородинского городища [73]), некоторые виды других изделий из Смоленска, Воищины и того же Бородинского городища [74].

Но, как и везде, более всего материалов для суждения о торговле с иными странами. Помимо византийских и главным образом западноевропейских монет, на связи с этими землями указывают и другие предметы. В Смоленске, например, найдена западноевропейская гемма, аналогия которой известна из Киева, но обе происходят с южных берегов Немецкого моря и Ютландии, завезены, по-видимому, фризскими купцами [75]. О связях с Византией свидетельствуют находки стеклянных браслетов из Смоленска (некоторые даже с инкрустацией), костяная обкладка шкатулки оттуда же [76] и др. Связь с Кавказом подтверждают самшитовые гребни, большая часть которых, судя по Новгороду, проникла на Русь более все-

---

[69] *Фехнер М. В.* К вопросу..., с. 166.
[70] *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески..., рис. 15, 17, 19.
[71] Там же, рис. 15, 17, 19.
[72] *Алексеев Л. В.* Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель.— СА, 1974, № 3, с. 209, прим. 41 и др.
[73] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, 1960, № 96, с. 120.
[74] *Седов В. В.* Сельские...
[75] *Даркевич В. П.* Гемма из Смоленска.— КСИА, 1965, вып. 104, с. 38—40.
[76] *Авдусин Д. А., Асташова Н. И.* Раскопки в Смоленске.— АО 1975 г. М., 1976; *Авдусин Д. А.* Смоленская археологическая экспедиция.— АО 1967 г. М., 1968.

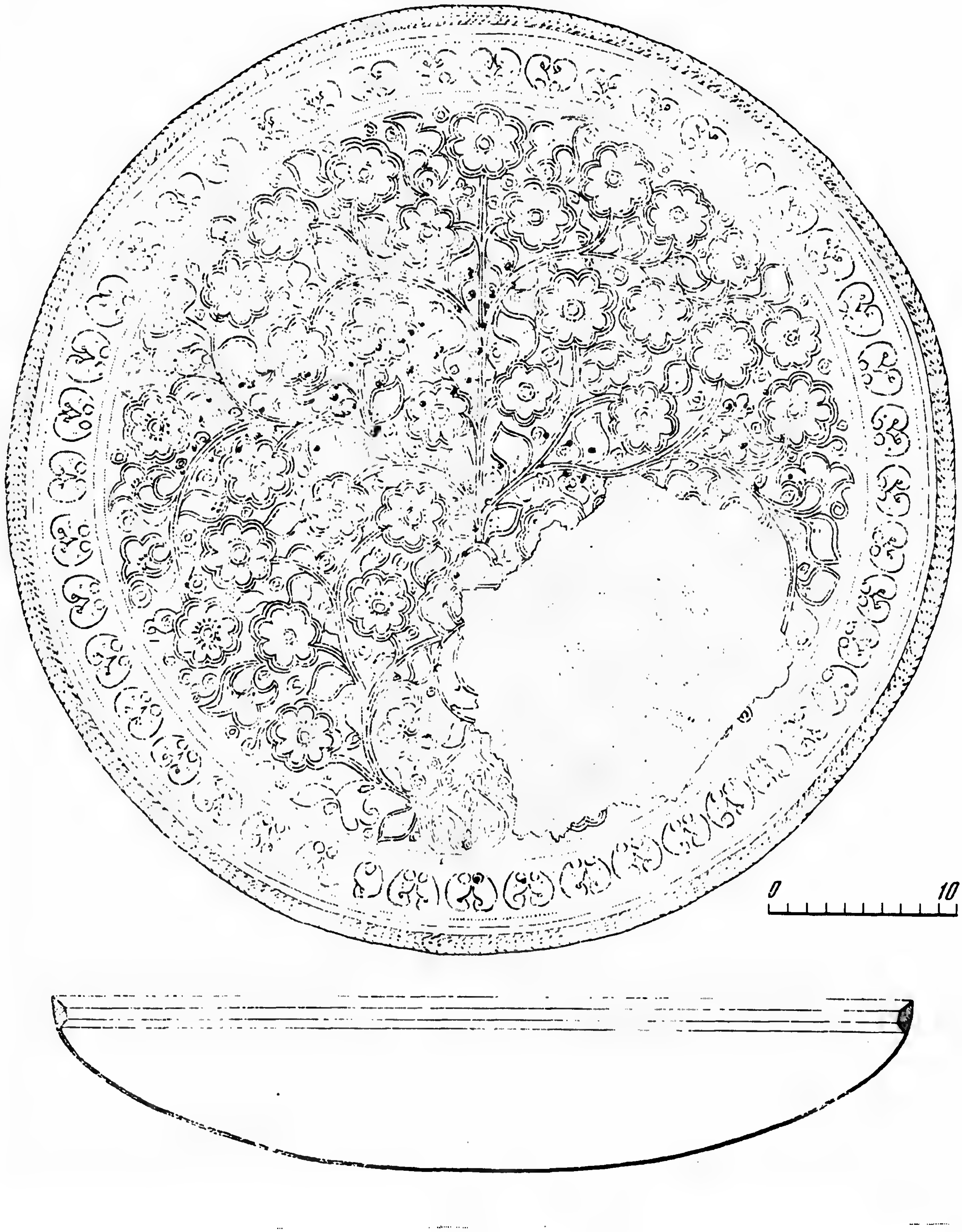

Рис. 9. Иракское блюдо из клада у оз. Зеликовье (VIII — вторая половина IX в.)

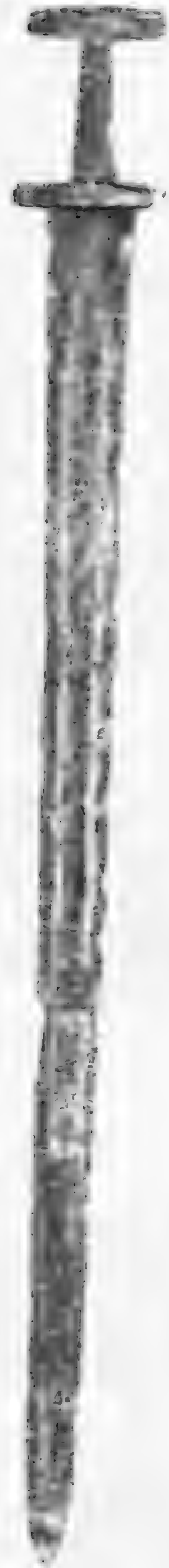

Рис. 10. Меч из д. Семеновка Рославльского района (X в., случайная находка, Западная Европа)

Рис. 11. Надпись и орнамент на мече из Семеновки

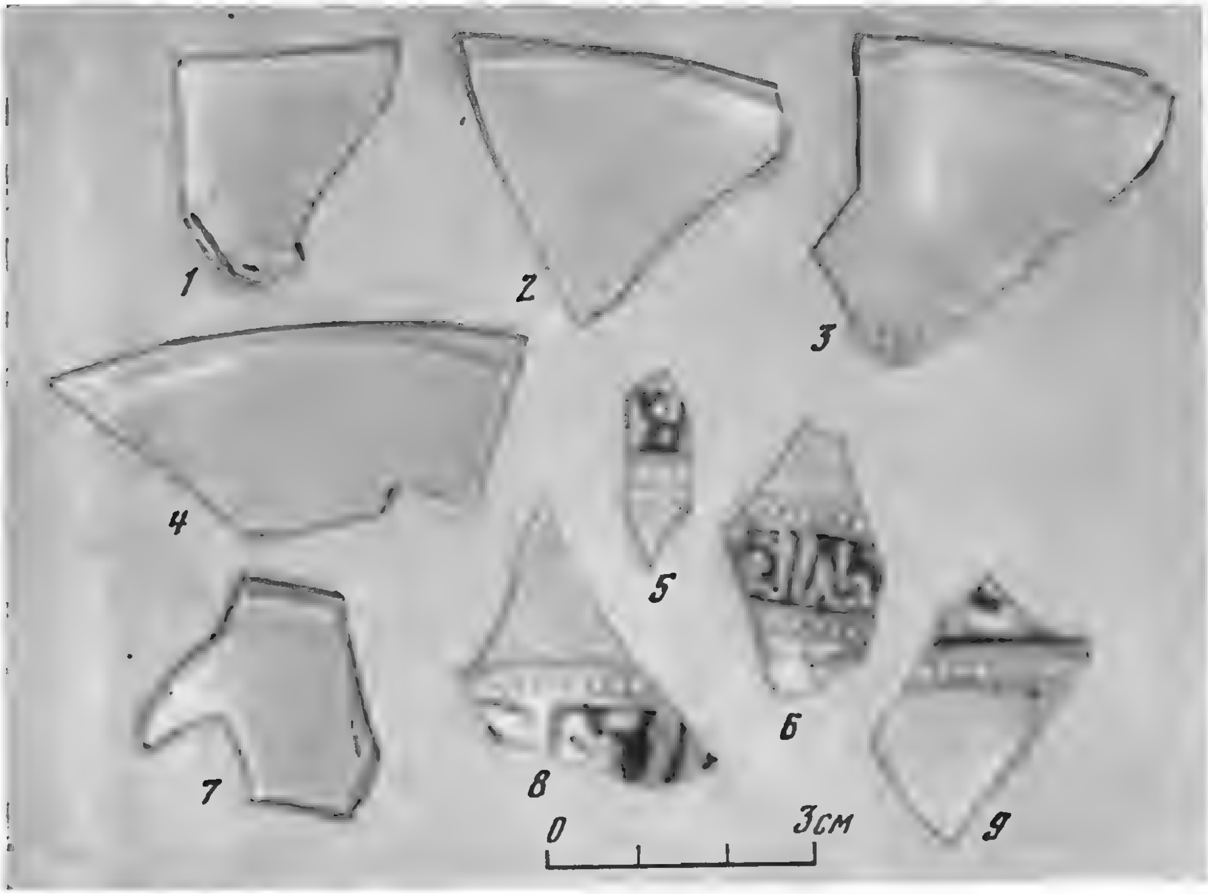

Рис. 12. Фрагменты арабского бокала из Мстиславля

Рис. 13. Скандинавская бляшка из кургана № 12 у д. Колодизская Могилевской области БССР (раскопки Я. Г. Риера)

го в XII—XIII вв.[77] Гребни найдены, сколько известно, в Смоленске, также в Ростиславле и Мстиславле[78].

Ряд находок указывает и на связи с арабским востоком: поливной[79] и стеклянный сосуды из раскопок Смоленска и Мстиславля (рис. 12) с арабскими надписями[80]. Большое количество предметов, указывающих на торговлю с Прибалтикой и Скандинавскими странами. Здесь, прежде всего, разумеется, находка янтаря в Смоленске, который, судя по Новгороду, более всего попадал на север Руси в 20—30-х годах XII в.[81] Скандинавские связи были распространены всего более в IX—начале XI в., но следы их прослеживаются и позднее. Так, подвески в виде «викинга» известны в курганах у д. Лудчицы, а недавно и из кургана у д. Колодизское (рис. 13, обе — в Могилевском Поднепровье[82]. Из Индии происходят раковины Каури (например, Смоленск[83], Мстиславль). В Верхнем Поднепровье эта находка редка: раковины возили, по-видимому, по Волге и их много лишь в Новгородской и Псковской землях[84].

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ СМОЛЕНСКОГО КНЯЖЕСТВА
во второй половине XII — первой половине XIII в.

Расширение международной торговли Смоленска в конце XII — начале XIII в. привело к необходимости международных торговых соглашений, результатом которых и явились дошедшие до нас договоры Смоленска с Ригой и г. Висби на о. Готланд[85]. Об участии Смоленска в переговорах Полоцка 1210 г. можно судить уже по сообщению Генриха Латвийского, который пишет, что в этом году от немцев в Полоцк прибыл для торговых переговоров «брат-рыцарь Арнольд». Переговоры были затем перенесены в Ригу, где, по поручению полоцкого князя, в них участвовал со стороны русских некто Лудольф (Рудольф) — «разумный и богатый человек из Смоленска»[86]. Целью переговоров была беспрепятственная торговля между договаривающимися сторонами, а также провоз товаров по территории этих сторон. Достигнутые соглашения гарантировали неприкосновенность грузов купцов, с которыми они двигались по землям заинтересованных сто-

[77] *Рыбина Е. А.* Из истории южного импорта в Новгород.— СА, 1971, № 1; *Она же.* Археологические очерки истории Новгородской торговли. М., 1978.

[78] *Авдусин Д. А.* Происхождение Смоленска. Смоленск, 1957, с. 47—49; *Алексеев Л. В.* Древний Ростиславль.— КСИА 1974, вып. 139; *Он же.* Древний Мстиславль.— КСИА, 1976, вып. 146.

[79] *Авдусин Д. А.* Происхождение Смоленска, с. 49, рис. 11.

[80] *Асташова Н. И.* Раскопки в Смоленске.— АО 1973 г. М., 1974, с. 41; *Авдусин Н. И., Асташова Д. А.* Раскопки в Смоленске.— АО 1975 г. М., 1976, с. 52.

[81] *Рыбина Е. А.* Из истории южного импорта...; *Она же.* Археологические очерки...

[82] *Петренко В. П.* О бронзовых «фигурках викинга».— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970; *Риер Я. Г.* Изучение курганов в Могилевском Поднепровьи.— СА, 1970, № 2, с. 190.

[83] *Авдусин Д. А.* и др. Смоленская экспедиция.— АО 1971 г. М., 1972.

[84] *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли. Рига, 1965, с. 59.

[85] Разбор этих грамот см. в разделе «Источники».

[86] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. Л., 1938, с. 136.

рон, а также и личности самого торговца. Специально рассматривался вопрос о беспрепятственном и организованном проезде иностранных купцов по смоленским волокам, была определена очередность перевозки по ним грузов «волочанами» (жителями волока, промышлявшими перевозкой судов по суху). В Смоленске немецкие купцы освобождались от пошлины, но обязывались к уплате княжескому чиновнику — «весцу» «одну куну с двух капий, т. е. с 8 пудов» [87].

Вопрос о товарах, которые участвовали в торговле Смоленской земли с другими странами в этот третий период смоленской торговли, достаточно исследовался [88]. Из Смоленска более всего вывозился в Западную Европу воск. Его взвешивали на специальных весах, гири которых имели особые эталоны, хранившиеся в смоленском Успенском соборе, а также в Латинской церкви. Далее был, очевидно, мед и другие товары. Смоленский рынок, по-видимому, предлагал и коней: во всяком случае, «немчи (которые приезжали по воде в ладьях) послали свои коне из Смоленска в Витебск». Есть сведения, что немцы покупали в Смоленске рожь и крупный рогатый скот. М. П. Лесников обнаружил в немецких источниках XV в. термин «смоленские кожи», «смоленская пушнина» [89]. П. В. Голубовский отмечал, что при большом количестве сведений о ловле бобров на Руси, в литературе нет сообщений о продаже бобрового меха за границу. Главным образом сбывались меха лисьи, соболиные, куньи, также волчьи [90]. Предметами ввоза были, без сомнения, разных сортов сукно (по более поздним документам, связанным со Смоленском — ипрское, трирское, скарлат — красное, французское), «рукавицы перстаты готские» [91] (меховые перчатки, Русь носила и выделывала, по-видимому, лишь меховые рукавицы). В более поздних грамотах упоминаются чулки, имбирь, засахаренный горошек, миндаль, копченая семга, треска, сладкие вина, соль, шпоры [92]. Как указывалось, в этот период с Кавказа в Новгород больше всего поступило самшитовых гребней. Их возили, конечно, по Волге, но они встречаются и в Смоленске, Мстиславле и Ростиславле в слоях этого времени [93]. Попадали они, вероятно, через Оку и Волгу, а может быть, и через Новгородские земли. Крайне интересен вопрос о торговле стеклом, и в частности наиболее массовым материалом — стеклянными браслетами. Как показали раскопки в Новгороде, браслеты калиево-свинцово-кремнеземного стекла поя-

---

[87] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, с. 143.

[88] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли...; *Усачев Н. Н.* К оценке западных внешних торговых связей Смоленска в XII—XIV вв.— В кн.: Международные связи России. М., 1961; *Он же.* О внешней торговле Смоленска в IX—XIV вв.— МИСО, Смоленск, 1970, вып. VII и др. работы этого автора.

[89] *Лесников М. П.* Ганзейская торговля пушниной в начале XV в.— Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, М., 1949, т. XIII, вып. 1, с. 81.

[90] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли..., с. 96.

[91] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963.

[92] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли..., с. 137.

[93] *Алексеев Л. В.* Древний Ростиславль, рис. 29, *1*, *5*; *Он же.* Древний Мстиславль, рис. 2, *18*.

вились там в XII в., причем в 1116—1197 гг. преобладали изделия, купленные в Киеве, а в 1224—1313 гг. — сделанные в Новгороде [94]. Можно думать, что та же картина с киевскими браслетами обнаружится и в Смоленске: киевский импорт там будет преобладать в XII в., пока не наладится местное производство. По свидетельству Ю. Л. Щаповой, браслетами, привезенными из Киева в Смоленск, следует считать изделия, сделанные из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Браслеты натриево-известково-кремнеземного стекла происходят также из Киева, но сделаны они, как она полагает, в греческих мастерских Киева, из них часть синих браслетов поступила из Византии [95]. Перстни XIII—XIV вв., сделанные из калиево-натриево-кальциево-свинцово-кремнеземного стекла (и несколько из такого же стекла браслетов) Ю. Л. Щапова предположительно считает привезенными из Западной Европы, что очень вероятно, так как именно тогда связи Смоленска с Западом широко распространились. Помимо смоленских, исследовательница изучила стеклянные изделия из Воищины (раскопки В. В. Седова). Оказалось, что здесь очень мало киевских браслетов, большинство же браслетов местного производства [96]. Возможно, некоторые сделаны в Смоленске. Изучение торговли по составу стекол обещает в будущем много важного.

Транзитные товары. Представление о смоленском рынке пополняет изучение товаров, прошедших через Смоленскую землю транзитом. Таких товаров было множество. Известны случаи, когда их умышленная задержка ставила Новгород в безвыходное положение: в 1141 г., например, новгородцам было трудно без князя —9 месяцев «ни жито к ним не идяще ни откуду же», в 1167 г. съложишася на Новъгородъ Андрѣи съ смолняны и съ полоцяны, и пути заяша, и сълы изъимаша новгородьскыя вьсьде, вести не дадуце Кыеву...» [97]. Крайне интересны наблюдения Е. А. Рыбиной над новгородским импортом, идущим через Смоленск: в Новгороде в конце XI—начале XII в. происходит резкое падение количества шиферных пряслиц, обломков амфор, грецких орехов. Поскольку товары, шедшие с юга по Волге (например, самшитовые гребни с Кавказа), такого падения не обнаруживают, исследовательница справедливо заключает, что это связано с какими-то внешними причинами, ограничивающими их провоз по днепровскому пути, и предлагает изучить это явление на археологических находках Смоленска [98].

Товары, которые возили через Смоленск в Новгород, довольно ясны: пшеница, рожь, пряности, вина, фрукты, некоторые виды овощей. Частично это были товары южной Руси, из Византии и через нее из других южных стран. Из Киева шли предметы культа — кресты-энколпионы, иконки; из Византии — византийские монеты, иконы, украшения. Из Западной

[94] *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 132, рис. 27.
[95] Там же, с. 137, 138.
[96] Там же, с. 132—136.
[97] ПСРЛ. Л., 1927, т. I, вып. 2, стб. 309; НПЛ. М.; Л., 1950, с. 32, 220.
[98] *Рыбина Е. А.* Из истории южного импорта в Новгород.— СА, 1971, № 1; *Она же.* Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978.

Европы в Смоленск и далее попадали мечи и многочисленные скандинавские украшения, которые теперь находят в Киеве, в Чернигове (в Шестовицах) [99]. Некоторые товары шли через Смоленск и с запада на восток: в Рязанском кладе был найден слиток серебра с надписью «Павел Рижанин» [100], что указывает на транзит по Западной Двине. Можно думать, что через Смоленщину возили на восток и прибалтийский янтарь. О провозе в Новгород стеклянных изделий Киева и Византии уже говорилось.

Служба мер и весов. В заключение несколько слов о службе мер и весов в Смоленской земле. Как отметил Я. Н. Щапов, вопрос об этом еще не поднимался в 30-х годах XII в. — Устав Ростислава и Подтвердительная грамота епископа 1136 г. об этом молчат, «хотя очень подробно оговаривают все источники материального обеспечения епископии, в том числе и ее компетенцию в суде» [101]. Однако судя по Договору 1229 г. в Успенском соборе и в «немецкой божнице», в Смоленске хранилась «капь» — эталон веса, гарантирующая равноправие в международной торговле Смоленска. Подобные эталоны, доказывает исследователь, были и в более мелких городах Смоленской земли, в частности на Касплянском волоке. Таким образом, источники по истории Смоленской земли впервые сообщают нам о службе мер и весов в древней Руси.

[99] *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1; *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.

[100] *Сотникова М. П.* Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода.— Труды Госэрмитажа, 1961, IV, с. 68.

[101] *Щапов Я. Н.* Из истории городского управления в древней Руси (служба мер и весов).— В кн.: Города феодальной России: Сборник памяти Н. В. Устюгова. М., 1966, с. 100.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

Вопрос о структуре организации населения Смоленской земли накануне выделения княжества крайне важен, ибо от него в значительной степени зависело дальнейшее экономическое развитие страны. Подобно другим славянским племенам, кривичи имели по меньшей мере двуступенчатую структуру организации населения: низшую — «малое племя» и высшую — «большое племя» («союз племен»). «Основу этой структуры представляло малое племя — небольшая территориально-этническая организация, занимавшая площадь обыкновенно 2 — 10 тыс. кв. км, известная всем ветвям славян»,— пишет Г. Ловмяньский и предлагает видеть ее в летописных полочанах, пещанцах и т. д. [1] Однако в XI в., судя по письменным источникам, картина была уже значительно сложнее.

Очень важно было бы получить хоть какие-либо сведения о наименованиях поселений, либо групп сел этого времени, потому что, как уже говорилось, можно предполагать, что в период до развитого феодализма эти названия отражали еще не владельцев поселений, а коллектив, который там жил. Крайне интересен список даней Устава Ростислава 1136 г., основная часть которого относится, как мы видели, к середине XI в. Г. Ловмяньский уже указывал семь патронимических топонимов этого документа [1]. Можно думать, что и другие географические наименования списка даней Устава указывают на какие-то еще группы населения земель, охваченных княжескими поборами. Большинство этих терминов могут быть сгруппированы по их типично славянским окончаниям. Так, 13 из них оканчиваются твердо — Торопец, Жижец, Хотошин, Былев, Витрин, Добрятин, Доброчков, Заруб, Копыс, Кречут, Лучин, а также Вержавск. Два оканчиваются на «яне» — Вержавляне, Дешняне. Шесть имеют окончания на «а», «я», «ая», «ея» — Женния Великая, Касплятно, Шуйская, Ветьская, Басея, Искона. Пять наименований с окончанием на «ицы» — Врочницы, Бортницы, Солодовницы, Беницы, Лодейницы. Четыре на «ичи» — Вотровичи, Жидчичи, Мирятичи, Погоновичи. Пять названий на «ое» — Ясенское, Дросненское, Моншинское, Немыкарское, Колодарское. Оставшиеся четыре наименования не могут быть введены в какие-либо группы по окончаниям — Пацынь, Путтино, Свирковы Луки, Прупой.

[1] Łowmiański Henryk. Początki Polski, t. 3, Warszawa, 1967, s. 89, 90; *Ловмяньский Г.* Основные черты позднеплеменного и раннегосударственного строя славян.— В кн.: Становление раннеславянских государств. Киев, 1972, с. 9.

Не соответствуют ли приведенные группы топонимов каким-либо группам населения? Вержавск, мы знаем, был включен в податной список князя намного позднее его области — Вержавлян Великих — и именно тогда, когда стал центром с самостоятельным бюджетом и с него было можно получить особую городскую дань [2]. Остальные 11 пунктов этой группы в 1136 г. такой дани еще не платили, так как не были, видимо, еще самостоятельными центрами, но были к этому на пути. Не случайно именно в этой группе топонимов встречаются упоминания о весьма крупных суммах, собираемых с округи: кроме Вержавска, через который шло в Смоленск 1030 гривен, Торопец — 400 гривен.

Если центры с окончанием на «Ъ» были самостоятельными пунктами, центрами больших округ населения, то чему же соответствуют остальные группы топонимов? Древнерусское население, мы знаем, членилось на села (которых было больше всего), объединенные часто в патронимические коллективы, сменяемые постепенно соседскими коллективами (соседской общиной — вервью), они составляли погост-область, со своими «центрами-погостами». Погосты, в свою очередь, объединялись в более крупные объединения и т. д. Вержавляне Великие, говорит наш источник, состояли из девяти погостов, которые платили подати около 100 гривен каждый. Это дает нам право, исходя из этой суммы, приблизительно представить, какие топонимы отражали в нашем списке погосты, хотя нельзя забывать, что погосты Вержавлян были самые большие, либо, во всяком случае, самые платежеспособные. Помимо погостов, наш источник называет еще и села — Дросненское, Ясенское, Моншинское, и сюда, по-видимому, нужно добавить Свирковы Луки — все это были села княжеского домена [3], почему они и попали в источник (с недомениальными селами княжеская канцелярия непосредственно дела почти не имела). Устав Ростислава подтверждает существование в Смоленской земле патронимических коллективов — наследия прошлой родо-племенной эпохи, открытых не так давно М. О. Косвеном и зафиксированных М. В. Витовым на русском севере [4]. Эти родственные по происхождению коллективы образовались в результате сегментации патриархальных общин и длительное время сохраняли в той или иной форме «хозяйственное, общественное и идеологическое единство» и имели также общее наименование, восходящее к имени? общего предка. «В славянских языках,— пишет М. О. Косвен,— это имена с окончаниями на «ичи», «овичи», что находит,— указывает он,— греческие, англо-германские, латинские и другие параллели» [5]. В отличие от простых сел с наименованиями чаще всего, видимо, на «ое» (вполне возможно, что Свирковы Луки именовались, как и теперь, вторым названием: Свирколучье), патро-

[2] *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли.— Słowianie w dziejach Europy, Posnań, 1974.

[3] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976.

[4] *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963; *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962, с. 165 и сл.

[5] *Косвен М. О.* Сельская община и патронимия, с. 111.

нимические коллективы носили названия типа Воторовичи, Жидчичи, Погоновичи. Наименования эти принадлежали, мы сказали, прошлому, и к 1136 г. эти коллективы составляли одно целое с соседской общиной, объединенной уже по территориальному принципу, а не родственному. Если села были мелки и не отражались в дани смоленских князей, то Мирятичи и Жидчичи были мельчайшей единицей обложения, платившей в Смоленск 10 гривен. Соседских общин с патронимическими наименованиями в Смоленской земле, нужно думать, было множество, но все они были, видимо, мельче этих двух, и только Воторовичи, уплачивавшие 100 гривен, очевидно, их сильно переросли и стали погостом.

Слово погост понималось в древней Руси и как определенный округ-волость и как центр этого округа. Грамота Ростислава называет девять погостов Вержавлян Великих — самой крупной области, которая платила 1000 гривен, и каждый погост, следовательно, вносил около ста гривен. По-видимому, погосты-волости отражены в нашем источнике группой с топонимами, оканчивающимися на «а», «я», «ая», «ея». Самыми крупными здесь были Женя Великая (200 гривен), Касплs (100 гривен), самыми мелкими — Басея (15 гривен). Все эти наименования женского рода, все они прежде всего волости. Сюда же, по-видимому, условно может быть включена и волость Пацынь (30 гривен).

В некоторых случаях погосты объединились в коллективы погостов, в этом случае их наименование отражалось той группой топонимов, которые имели окончание на «е»: Вержавляне Великие (их было очень много, откуда и добавление Великие), Дешняне. Как многочисленны были дешняне, мы не знаем, но, видимо, их было немного, так как они смогли вносить князю лишь 30 гривен. Это были, мы видели, деснинские кривичи. Подобно полочанам (кривичам на р. Полоте), песчанцам (радимичам на р. Песчане), дешняне был термин, обозначавший некогда малое племя кривичей, как и Вержавляне (кривичи у оз. Ржавец, Вержавец). Можно полагать, что ранее все население днепровских кривичей состояло из таких «малых племен», но теперь, к середине XI — началу XII в., они отошли в область прошлого и случайно сохранились в нескольких местах княжества.

Нам осталось разобрать последнюю группу топонимов на «ицы». В переводе на современный язык это Урочники (Врочницы), Бортники, Лодейники и Солодовники. Сюда же следует отнести, по-видимому, наименование Бѣницы, т. е. Беники. Если «урочники» неясны по смыслу и можно предположить лишь, что топоним означал поселение, жители которого были связаны каким-то уроком и уроками [6], то последующие три сомнения не вызывают: так именовались поселения с однородными жителями, посвятившими себя каким-либо промыслам — бортному, лодейному (о нем мы

[6] «Урок» — уговор, условия; определенное количество; плата; подать; налог; штраф; жалованье, оклад; иждивение; должность; срок, определенное время (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903, т. III; стб. 1258—1259).

читаем уже у Константина Багрянородного в X в.), солодовому. Мы теперь уже не знаем, кого в древности называли «бѣниками», но слово это явно существовало: бѣня по-древнерусски — баня [7], «бенечка» в ярославских диалектах — вилка, «беньки» — в костромских — рогатки, вилы для снопов, «бянки» — «бѣнки» — также род вил [8], наконец, Беницы — топоним, распространенный и в Белоруссии [9]. «Специализированные» поселения выделялись из общины, по-видимому, довольно поздно, и доход с некоторых из них смоленские князья даже включали в разверстку своих поступлений — так они попали в Устав 1136 г.

Пользуясь приведенными данными, очень условно (и с коррективами) можно наметить по ним организацию населения Смоленской земли накануне и в первые периоды выделения княжества.

1. Центры обложения

Торопец	— 400 гривен,	Витрин	— 30 гривен,	Былёв	— 20 гривен
Хотшин	— 200 »	Добрятин	— 30 »	Доброчков	— 20 »
Жабачев	— 200 »	Заруб	— 30 »	Копысь	— 12 »
Жижец	— 130 »	Вержавск	— 30 »	Кречут	— 10 »

2. Области обложения (бывшие малые племена?)

Вержавляне Великие — 1000 гривен, Дешняне — 30 гривен

3. Волости-погосты

Женя Великая	— 200 гривен,	Ветьская	— 40 гривен,	Путтино	— 32,5 гривен,
Воторовичи	— 100 »	Искона	— 40 »	Басея	— 15 »
Шуйская	— 80 »	Пацынь	— 30 »		

4. Поселения «специализированные» (с жителями, занимающимися однородной деятельностью)

Врочницы	— 200 гривен,	Лодейницы	— 20 гривен,	Беницы	— 2 гривен,
Бортницы	— 40 »	Солодовницы	— 20 »		

5. Крупные соседские общины (с патронимическими названиями)

Мирятичи — 10 гривен, Жидчичи — 10 гривен, Погоновичи

6. Простые села

Дросненское, Ясенское, Моншинское, Свирковы Луки (Свирколучье)

Как видим, наименования древнесмоленских поселений, дошедшие до нас по письменным памятникам, тесно связаны с историей их жителей и в известной мере отражают организацию населения страны в XI—XII вв. Есть данные, позволяющие рассмотреть это явление детальнее.

Вопрос о верви и погосте в Смоленской земле. Как принято считать, переходной ступенью от родового коллектива к политической организации была община-вервь, организованная не по признаку родства, а по территориальному признаку. В письменных памятниках Смоленской земли (Устав Ростислава), мы видели, встречается термин погост, однако польскими исследователями Д. и А. Поппэ установлено, что в этом же документе прослеживается и община-вервь. Эта работа, опубликованная, к со-

[7] *Срезневский И. И.* Материалы... СПб., 1893, т. I, стб. 120.
[8] *Даль В.* Толковый словарь живого Великорусского языка. М., 1955, т. I, с. 81, 159.
[9] Например, с. Беница в Молодечненском р-не Минской области БССР.

жалению, только по-польски, прошла в стороне от русской науки, а в единственном упоминании о ней на русском языке все дано слишком схематично [10]. Остановимся на этом интересном исследовании подробнее и внесем коррективы.

Д. и А. Поппэ, мы указывали, обратили внимание на текст Устава 1136 г. о Путтине, который как они установили, по своему характеру выпадает из всего стиля документа: «На Путтине присно платять четири гривны, Бѣници — 2 гривны, корчмити — полпяты гривны, дедичи и дань и вира — 15 гривен, гость — 7 гривен, а из того святеи Богородици и епископу три гривны без семи ногат». Исследователи Устава прежнего времени не замечали, что доход князя с Путтина высчитан суммарно («из того»), причем указывается лишь доля епископии, которая составляет 10% не от всей суммы (32 гривны 10 ногат), а от 26 гривен 10 ногат. Вглядываясь в текст пристальнее, авторы заметили, что последнюю выплату в Путтино вносил не населенный пункт, а «гость», т. е. категория населения. В тексте есть и «корчмити» — корчмари, возможно, тоже не топоним, а категория жителей. То же и с дедичами. По П. В. Голубовскому, топоним Дедичи, жители которого платили в Путтин, был на Соже («близкий» якобы топоним... Дедины!), что невероятно. Но дедичи вместе с тем — «реликтовая категория сельскохозяйственного населения, располагавшего наследственным правом на землю, известная западным и южным славянам» [11], и поэтому можно думать, что категория эта, полагают Д. и А. Поппэ, существовала некогда и на Руси (дополним, что подобные топонимы у нас действительно известны). Идя этим путем далее, исследователи считают, что и Беницы не топоним, а испорченное при переписке в XVI в. «бъртницы» (бортники), либо «бобровники», но с этим уже согласиться нельзя. Возможно и была некогда производственная категория людей, именуемая бениками (о чем уже говорилось), но у Путтина они жили в с. Беницы, сохранившемся и теперь, возле которого был обнаружен культурный слой XII в. [12] В заключение польские исследователи пишут о Путтине как о погосте, с которым связаны различные категории налогоплательщиков: «В пользу князя в Путтине собирались 32 гривны и 10 ногат, однако церковная десятина определена в 2 гривны и 13 ногат, т. е. 10% от 26 гривен и 10 ногат. Разница в 6 гривен объясняется весьма просто. Дедичи обязаны были князю (платить) дань и виру (т. е. штраф за убийство), вместе — 15 гривен, так как во введении к документу смоленский князь предварил, что дает десятину от всех (далее поименованных) даней, за исключением, между прочим, и виры, то совершенно очевидно, что именно она и была

[10] *Poppe D., A.* Dziedzice na Rusi.— Kwartalnik Historyczny, Warszawa, 1967, N 1, s. 3—19. *Поппэ А. В.* К изучению древнерусской верви (тезисы).— В кн.: Польша и Русь. М., 1974.

[11] *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, с. 70, 71.

[12] *Успенская А. В.* Древнерусское поселение Беницы.— Ежегодник ГИМ. М., 1964. Это именно путтинские Беницы, ибо они расположены в Боровском районе Калужской области (как и Путтино).

изъята из общей суммы княжеского дохода с Путтина и уже затем была вычислена десятина. Дедичи из Путтина платили, таким образом, 9 гривен дани и 6 гривен виры»[13]. Далее авторы привлекают четвертую статью «Пространной Правды»: «Которая либо вервь начнет платити дикую виру, колико лѣт заплатить ту виру, занеже без головника им платити»[14]... и заключают, что «путтинские дедичи, находясь в верви, платят виру сообща и в рассрочку»[15]. Итак, если следовать интересным построениям Д. и А. Поппэ, Путтин (Путтино) оказывается перед нами важным центром-погостом, с которого дань шла не в какой-либо более крупный центр (как, например, в Вержавск в Вержавлянах Великих), а непосредственно в Смоленск. Путтинский погост организовался на базе одной соседской общины-верви дедичей (Вержавлянские погосты, платившие втрое более, объединяли, видимо, большее количество общин, что отметили и Д. и А. Поппэ), но, помимо старой вервной организации дедичей, основанной на сельском хозяйстве, погост этот был организмом, объединяющим и новые явления, он был «многофункциональным сельским поселением XII в.» и получал дань в пользу князя с торга, с некоторых категорий ремесленников[16] и даже с одного небольшого населенного пункта Бениц (о чем уже говорилось). Перед нами — погост, зафиксированный документом в момент его постепенного роста, когда старое в нем боролось с новым, а новое ставило его на путь образования города, которым, однако, этот погостский центр так и не стал, и мы его не видим в грамоте «О погородьи» 1211—1218 гг., где поименованы все смоленские города[17].

Чем объяснить, что в отличие от большинства погостов (например, погостов Вержавлян), плативших дань в свои центры, путтинский погост вносил непосредственно в Смоленск, где даже точно знали, с кого эти доходы в погост поступали? Разверстка доходов, подобная той, которая попала в Устав Ростислава, для нас драгоценна, так как она показывает, какой род документов был в центрах, куда сходилась дань с погостов, например в Вержавлянах Великих (в Вержавске). Там точно знали, каково население погоста, кто платит дикую виру, количество вервей и т. д. Не приходится сомневаться, что путтинский погост платил 32,5 гривны непосредственно в Смоленск, потому что в этой отдаленной «вятическо-голядской» стране пунктов обложения было слишком мало и они (как, например, Искона, Добрятино) были связаны со Смоленском непосредственно. Расчеты с Путтиным были особенно сложными из-за разнородности его населения, и княжеская канцелярия предпочитала иметь у себя подробную роспись доходов с этого погоста. Развивая свои наблюдения, названные польские исследователи предлагают видеть аналогию путтинского погоста

[13] *Poppe D., A.* Dziedzice..., s. 7.
[14] *Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения «Русской Правды». М., 1953, с. 88.
[15] *Poppe D., A.* Dziedzice..., s. 8.
[16] *Поппэ А. В.* К изучению древнерусской верви, с. 297.
[17] *Алексеев Л. В.* Периферийные центры домонгольской Смоленщины.— СА, 1979, № 4.

в археологических памятниках, открытых В. В. Седовым на р. Березинка к востоку от Смоленска.

Действительно, на примере березинских памятников В. В. Седову удалось проследить историю и топографию одного смоленского погоста-волости [18]. «Вместо более раннего селища (Березняковского) с площадью около 0,75 га, к которому примыкал курганный могильник (16 насыпей), в начале XI в. в одном километре от него вырастает и функционирует до XIII в. новое большое поселение с площадью около 6 га (Яновское селище) с собственным некрополем (около 200 курганов). Помимо следов типичной крестьянской застройки, здесь открыты остатки двух построек значительных размеров (одна из них 12 × 5 м), которые интерпретируются как постройки княжеской администрации или, возможно, служащих для хранения натуральных даней. «Однако,— дополняют авторы,— с тем же успехом можно предположить, что это могли быть корчмы, а в самом же Яновском селище — тип поселения, приближающийся к Путтину» [19]. Я не убежден, что последнее предположение справедливее, чем то, которое предлагает В. В. Седов, так как мало вероятно, что маленький приток Днепра Березинка лежала на торговом пути и через нее ездили купцы, пользующиеся корчмой, как в Путтине, но это и не так важно. Исследования археолога нам показали топографию небольшого погоста-округи, охватывающего небольшую речку длиной. как отметили Д. и А. Поппэ, в 7 км, показали смену, по-видимому, центра соседской общины с курганным могильником и святилищем податным центром-погостом — значительно большим поселением, связанным непосредственно с княжеской данью. Археологические исследования на территории погоста-волости Путтина и поиски самого Путтина (вблизи Бениц) — одна из интереснейших задач археологов ближайшего будущего.

В Уставе Ростислава нет больше погостов с такой подробной разверсткой доходов, которые получает князь, но есть погосты, несколько его напоминающие. Копысь, например, собирала полюдья 4 гривны, с перевоза 4 гривны и столько же с Торга (т. е. Торг, как и в Путтине, там был отдан в аренду). К этим 12 гривнам прибавлялись доходы с корчем: в отличие от далекого Путтина, который Смоленску было трудно контролировать, корчемная дань здесь в аренду не отдавалась. Копысь была на бойкой торговой дороге, к перечисленным доходам прибавлялось еще и мыто — плата за провоз товара. Его также собирали княжеские чиновники, а не арендаторы.

Подводя итоги, нужно отметить следующее. Основу населения Смоленской земли IX—XIII вв. составляло сельское население, состоящее из больших и малых семей и объединенное в соседские коллективы — верви [20].

---

[18] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.).— МИА, 1960, вып. 92, с. 35 и сл., с. 134—142.

[19] *Poppe D., A.* Dziedzice..., с. 13.

[20] *Щапов Я. Н.* Большая и малая семья на Руси в VIII—XIII вв.— В кн.: Становление раннеславянских государств. Киев, 1972; *Он же.* О функциях общины в древней Руси.— В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975.

Коллективы эти прослеживаются здесь как по материалам письменных источников, так и по данным археологии. Власть над общиной-вервью (вервями) объединял в себе погост. Вопреки мнению Н. Н. Воронина [21], термин погост тесно связан «с гостьбой и остановками князей в полюдье» [22]. Используя сложившиеся ранее центры, князь приезжал в них за своими данями, а затем основал там пункты по ее сбору. Таким пунктом в Смоленской земле был Путтин (возможно, Путтин [23] — центр, Путтино — волость?), который был многофункциональным поселением, объединившим вервь дедичей, поселок (вервь?) Беницы, некоторые категории ремесленников и арендаторов Торга. Археологические исследования вблизи Смоленска показали, что варианты таких погостов-волостей были и в других землях Смоленской земли.

ДАНЬ И ЕЕ РОЛЬ В РАЗЛОЖЕНИИ КРИВИЧСКОЙ ОБЩИНЫ

Дань была наиболее ранней формой эксплуатации Киевом свободных общинников Руси [24]. Первоначально она налагалась наездами князей, которые носили случайный характер, затем наезды участились, стали регулярными, и, наконец, общинники были вынуждены платить ее ежегодно и часто вне зависимости от посещения князя или его чиновников. Так осуществлялось в общей форме закабаление свободных общинников. Дань из контрибуции (от случая к случаю) стала данью — феодальной рентой. Процесс смены дани-контрибуции данью-рентой был длительным и, как указал Л. В. Черепнин, точной датировки не имеет.

Варяжская дань. Не приходится сомневаться, что родоплеменная кривичская знать конца IX—X вв. (по материалам курганов) жила за счет эксплуатации местного населения, но об этом можно только догадываться. В нашем распоряжении имеются сведения лишь о внешней дани, которая выплачивалась кривичами сначала варягам. Как это произошло?

Слабая плодородность почв Скандинавского полуострова поставила его разрастающееся население в VII—VIII вв. перед угрозой голода и, как известно, стала причиной переориентации жителей на занятия торговлей и грабежом в чужих странах [25]. Традиции мореплавания шведов отмечались еще Тацитом [26], скандинавы бороздили моря и в IX в. оказались и на Руси. «Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнех, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ», — говорит летописец под 859 г. На радимичей

---

[21] *Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси: Погост. Слобода. Село. Деревня.— Известия ГАИМК, Л., 1935, вып. 138, с. 20—36.

[22] *Романов Б. А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма.— ВЭКОРГ. М.; Л., 1960, с. 415.

[23] Позднее центр назывался Путынь (Можайские акты. СПб., 1892, с. 198).

[24] *Черепнин Л. В.* Русь: Спорные вопросы феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— В кн.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972, с. 151 и сл.

[25] *Гуревич А. Я.* Походы викингов. М., 1966, с. 34.

[26] *Тацит К.* Сочинения в двух томах. Л., 1969, т. I, с. 371.

варяжская дань, видимо, не распространялась, там, судя по продолжению этого же текста, ее «козари имаху» [27]. Племенная граница между смоленскими кривичами и радимичами, следовательно, разделяла тогда даннические интересы варягов и хазар в русских землях.

Племенным центром смоленских кривичей, судя по летописи, был Смоленск («их же градъ есть Смоленскъ; тудѣ бо сѣдять кривичи» [28]) расположенный в IX—X вв. на месте современного Гнездова, в 10 км ниже нынешнего Смоленска [29]. По данным археологии, это был, как и писал летописец, крупный центр, знакомый к тому же хорошо скандинавам. Если верить летописи, в 882 г. он был взят двигавшимся в Киев Олегом, который значительно укрепил даннические отношения кривичей: «Олегъ нача городы ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери и устави варягомъ дань даяти от Нова города гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ». Новгородская летопись уточняет: дань варягам платили не только Новгород, но и словене, кривичи и меря [30].

Как собиралась варяжская дань с кривичей? В. Т. Пашуто полагает, что варяги, не имевшие, как он думает, среди покоренных для дани племен опорных пунктов, «совершали набеги, «приходяще из заморья». Эта дань платилась от мужа, т. е. ни племя, ни род, ни даже большая семья уже в оклад не шли» [31]. Как при такой стихийной системе обирания населения (когда жители, несомненно, прятались в лесах) получался доход от мужа, он не объясняет, но очевидно, что сбор дани с каждого жителя был возможен лишь при тесном контакте варягов с верхушкой общин (где это только и могли знать). В интересующее нас время у кривичей существовала система погостов раннего типа — административно-религиозных центров общин [32], куда стекалась, помимо других сборов, видимо, дань, предназначавшаяся воинственным норманнам. Позднее, когда дань шла уже в Киев, погосты приобрели твердое «новое назначение — административно-фискальных округов» [33]. Контакт иноплеменных даньщиков со старейшинами погостов был обычным явлением и намного позднее [34].

Присмотримся к летописи, где есть важный и развернутый во времени материал. Словене, кривичи, меря и чудь, узнаем мы, сначала жили родами, т. е. «большими родственными коллективами, со своим внутренним управлением» [35] и платили дань варягам. Затем, восстав против них, они

---

[27] ПВЛ, 1950, т. I, с. 20.
[28] ПВЛ, т. I, с. 13.
[29] *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске.— СА, 1977, № 1.
[30] ПВЛ, т. I, с. 20; НПЛ, с. 107.
[31] *Пашуто В. Т.* Особенности структуры древнерусского государства.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 85.
[32] *Мавродин В. В.* О племенных княжениях восточных славян.— В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 52.
[33] *Черепнин Л. В.* Русь..., с. 52.
[34] *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV—XV вв. М., 1955, с. 208.
[35] *Щапов Я. Н.* Большая и малая семья на Руси в VIII—XIII вв.— В кн.: Становление раннеславянских государств. Киев, 1972, с. 182.

«изгнаша я за море», после чего якобы убедились в несостоятельности собственного управления и вызвали варягов опять. Последние два факта имеют дату 862 г., и все предыдущее, следовательно (первая дань варягам), выплачивалось ранее, очевидно, в середине IX в.

Итак, с изгнанием варягов у интересующей нас ветви кривичей начался период развития, когда «нача сами володети и города ставити». Чем «володети» и для чего «города ставити»? Владеть, несомненно, не земельными участками, которых тогда на Руси было более чем достаточно. «Володение» самих кривичей здесь противопоставляется предшествующему «володению» варягов. Значит, термин «володети», охватывавший власть, суд, дань, в этом случае более всего относился к последней. Кто-то в среде кривичских племен теперь вместо варягов собирал дань и, очевидно, ставил укрепленные пункты для ее охранения. Так мы получаем первые, хотя и косвенные сведения о родоплеменной знати у словен, кривичей и других племенных объединений (о «нарочитых» и «лучших мужах», местных князьках), которая, по уходе варягов (а может быть, и при них), собирала дань со свободных общинников. Это была традиция, идущая с последних этапов первобытного строя [36], явление привычное для населения, но все же вряд ли проходившее без конфликтов как с самими данниками, так и с общиной и с другими такими же собирателями дани в пограничных зонах (где интересы тех и других сталкивались). Это, видимо, и нашло отражение в лаконической фразе летописца «всташа сами на ся».

Существовали ли в середине IX в. варяжские пункты по сбору дани, или они появились лишь при Олеге? Здесь важен вопрос о скандинавских захоронениях на Руси, и прежде всего, как я уже предполагал, о погребениях скандинавских женщин [37]. Древнейшие следы скандинавской культуры мы находим уже в горизонте E_3 Старой Ладоги (конец VIII – начало IX в. [38]), и далее по пути на Волгу – в Тимиревском комплексе под Ярославлем [39], также по пути на юг – близ Торопца и в гнездовском Смоленске, где обнаружено более всего скандинавских вещей на Руси. В остальных пунктах Руси (Чернигове, Киеве, на Оке и Десне) они появляются не ранее X в. [40] Скандинавские женские захоронения известны в Ярославском Поволжье, в юго-восточном Приладожье, близ Старой Ладоги, в Гнездове. Ясно, что жен варяжские купцы за море не возили. Это не были

[36] *Щапов Я. Н.* Церковь в системе государственной власти древней Руси.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 305.

[37] *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске, с. 89.

[38] *Корзухина Г. Ф.* О некоторых положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги.— СС. Таллин, 1971, с. 16; *Давидан О. И.* К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией.— Там же, с. 134—144; *Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманнские древности на современном этапе археологического изучения.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 239; *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя староладожского городища и вопросы датировки.— АСГЭ, Л., 1976, вып. 17.

[39] *Дубов И. В.* Ярославское Поволжье в IX ст.— Вестник ЛГУ, 1976, № 14.

[40] *Корзухина Г. Ф.* Новые находки, с. 312.

и купеческие наложницы, как полагает Д. А. Авдусин [41]: Гнездово — самая южная точка погребений скандинавок [42], и невероятно, чтобы наложниц возили не далее этого пункта. Г. Арбман предполагал, что в юго-восточном Приладожье мы имеем дело с мирной крестьянской колонизацией шведов [43], но и это кажется мало вероятным, так как подобные захоронения, как сказано, встречаются и в других, отнюдь не «крестьянских» местах (например, гнездовский Смоленск). Тонкий и осторожный исследователь Г. Ф. Корзухина напомнила, что в «восточной части северной Прибалтики на финнских и балтийских землях отдельные группы норманнов появились еще в вендельское (довикингское) время,— и заключала,— что, видимо, и Южное Приладожье в этом отношении не было исключением». Однако, «что привело норманнов в Ладогу в VIII в. и кто они были по своему социальному облику», она полагала решать еще рано [44]. Мужские и женские погребения скандинавов в урочище Плакун под Ладогой она трактовала как «могилы выходцев из Скандинавии, живших здесь постоянно и даже с семьями» [45]. Но что делали эти семьи в нашей стране, исследовательница не решила. Вместе с тем, как я уже указывал [46], норманские погребения мужчин и женщин концентрируются в основном в трех землях: в Приладожье, в Ярославском Поволжье и в районе Гнездова — первоначального Смоленска, т. е. в области обитания словен, кривичей и мери, где, по летописи, как раз и собиралась варяжская дань. Отсюда вероятно предположение, что скандинавские семьи жили на Руси только в северных районах потому, что там собиралась скандинавская дань, что это были семьи групп чиновников, заведовавших поступлением дани с окрестных племен [47]. Их окружало поселение варяжских воинов, охранявших собранное и требовавших силой дани в случае сопротивления. Воины эти могли использоваться и другими способами. Здесь мы ближе к мысли Б. А. Рыбакова, предполагавшего существование «укрепленных лагерей» варягов рядом с русскими городами [48]. Не исключено, что в некоторых случаях варяги были основателями таких административных

[41] *Авдусин Д. А.* Раскопки в Гнездове.— КСИИМК, 1951, вып. 38, с. 73—80.

[42] Предположение Т. Арне о захоронении скандинавки в Киеве не подтвердилось (*Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958, т. I, с. 220).

[43] *Arbman H.* Svear i östervikung. Stockholm, 1955, s. 40.

[44] *Корзухина Г. Ф.* Курган в урочище Плакун близ Ладоги.— КСИА, 1971, вып. 125, с. 64.

[45] *Корзухина Г. Ф.* Курган в урочище Плакун..., с. 63.

[46] *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске, с. 89.

[47] Конечно, наша мысль о роли скандинавских женщин на Руси — всего лишь предположение, и будущие исследования покажут, насколько это справедливо. Сейчас можно лишь констатировать, что скандинавских женских погребений на юге Руси почти нет: Т. Арне указал такое погребение в Киеве, но это оспорено М. К. Каргером (*Arne T.* La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914, p. 56, 57; *Каргер М. К.* Древний Киев, т. I, с. 220), в Шестовицах под Черниговом среди 22 скандинавских погребений, женских также почти нет (*Бліфельд Д. И.* Давниоруські пам'ятки Щестовіці. Киев, 1977, с. 103, 104).

[48] *Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX—XIII вв.— ВИ, 1962, 4, с. 37.

пунктов сбора дани. Ранние поселения Тимеревского могильника, по мнению И. В. Дубова, «видимо, возможно связывать с первыми поселенцами скандинавского происхождения, уже в это время появившимися в ярославском Поволжье» [49]. В Михайловском и Петровском соседних курганных могильниках столь ранних скандинавских погребений нет; недавно выявлено Тимеревское поселение, синхронное древнейшим курганам IX в.[50] где был обнаружен и клад, зарытый в последней трети IX в.[51], что вполне это подтверждает.

В раннем Смоленске, мы видели, также обитали варяжские семьи, как и в Тимереве. Однако в противоположность Тимереву, как и в Старой Ладоге [52], первопоселенцами в Гнездове, кривичском племенном центре на Днепре, они быть не могли. Норманны использовали в своих разнообразных целях (транзитный центр на Пути из варяг в греки, центр сбора дани и т. д.) уже существовавшее до них поселение.

Возникает вопрос: как давно были созданы пункты сбора варяжской дани? Можно думать, что образованы они были не сразу. Сначала дань собиралась набегами варяжских дружин, и лишь позднее, укрепившись, варяги стали устраивать постоянные пункты сбора дани на месте. Так, видимо, и следует понимать летописца. В Повести временных лет второй редакции было сообщено, что варягам дань платили: чудь, словене, меря и все кривичи [53]. Однако в третьей редакции есть уточнение (воспринятое затем большинством списков летописей): варяги, оказывается, «приходяще» (из заморья) собирали дань, т. е. первая варяжская дань собиралась с помощью набегов [54]. Изменилось положение лишь с 882 г.: Олег был первым князем, который внес в уплату дани кривичами какую-то систему [55]. Он, видимо, не смог перевести всю дань, уплачиваемую варягам еще с середины IX в., себе (ее платили кривичи до смерти Ярослава) и, как все последующие князья X и первой половины XI в., должен был с этой данью считаться (не забудем, что он сам был по происхождению по матери варягом). Но Олег ввел, можно думать, какой-то регламент в выплату этой дани, дополнив ее и своей дополнительной данью, которую кривичи были обязаны платить в Киев сверх варяжских поборов. С хазарской данью радимичей Олегу было справиться значительно легче: он просто ее перевел на себя (885) [56]. Эту новую двойную дань, можно полагать, и собирали теперь чиновники на местах, жившие там с семьями под охраной особых отрядов. Если дружины Аскольда и Дира были слабы и Смоленск к дани

[49] *Дубов И. В.* Ярославская экспедиция.— АО 1973 г. М., 1974, с. 51.

[50] Там же; *Дубов И. В., Кухарева Л. С., Чукова Т. А.* Ярославская экспедиция.— АО 1974. М., 1975, с. 57—58; *Добровольский И. Г., Дубов И. В.* Комплекс памятников у д. Большое Тимерево под Ярославлем.— Вестник ЛГУ, 1975, № 2; *Дубов И. В., Кухарева Л. С.* Раскопки Тимеревского поселения.— АО 1976 г. М., 1975.

[51] *Добровольский И. Г., Дубов И. В.* Комплекс памятников...

[52] *Корзухина Г. Ф.* Курган в урочище Плакун..., с. 63.

[53] ПВЛ, т. I, с. 18.

[54] ПВЛ, 1950, т. II, с. 233 (комментарий Д. С. Лихачева).

[55] ПВЛ, т. I, с. 20.

[56] ПВЛ, т. I, с. 20, 21.

ими не был принужден (они завоевали лишь по пути в страну кривичей, что видно по кладам 40–50-х годов IX в.[57]), то поход Олега на Киев и создание огромного войска для этого стоил кривичам и другим племенам дорого и сопровождался жестокой борьбой. Возможно, что именно результатом этого сопротивления был зарытый (и не «востребованный») клад последней трети IX в. в Тимереве (1973 г.)[58].

Киевская дань кривичей. О характере русской части дани кривичей и о способах ее взимания данных у нас почти нет. По Константину Багрянородному и нашей летописи, в X в. она собиралась с помощью походов князей в полюдье — в отдаленные центры земли. Дань, как мы знаем, иногда собиралась не один раз (что могло кончиться для сборщиков и плачевно — случай с данью Игоря у древлян). Можно думать, что в IX в. специальных податных центров в землях кривичей не было. А если они и были, то сборщики дани пользовались теми местными центрами-погостами, которые объединяли по тем или иным причинам окрестные села-общины (например, местное святилище и т. д.). У налогоплательщиков варягов и хазар существовала уже дифференциация населения. При убийстве князя Игоря древлянами выясняется, что среди населения был князь, также «лучшие люди» числом 20». Разложение соседской общины зашло, следовательно, достаточно далеко. На местную знать — лучших людей, по-видимому, и опирались все даньщики. Они не покидали местность, пока не получат все им причитающееся — так нужно понимать термин «полюдье» для IX–X вв. Лишь в XI–XII вв. походы в «полюдье» видоизменились и получаемый продукт именовался уже иначе.

Вопрос, обложения земель данью возник в 947 г., когда Ольга двинулась на Мсту: «...иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всеи земли, знаменья и мѣста и повосты (..) и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ...»[59]. С этим текстом я сопоставил текст поздней Витебской летописи, основанной на недошедших до нас источниках, о походе Ольги в 947 г. (там ошибочно 974) из Киева в устье Витьбы и основание ею погоста Витебска[60]. Ольга миновала западную Смоленщину потому, что там население было освоено данью уже давно, в частности, Олегом. Двигаясь в глухие места Новгородской земли, для учреждения там центров обложения, Ольга обошла Смоленское княжество по дуге (Десна, Верхний Днепр, Западная Двина, Ловать, Мста). Погосты учреждались вне зоны полюдья, а Смоленск его важнейшее звено[61].

---

[57] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 102, прим. О кладах в Смоленской земле, которые могут быть связаны с Аскольдом и Диром, говорилось выше.

[58] *Добровольский И. Г., Дубов И. В.* Комплекс памятников у д. Большое Тимерево под Ярославлем.— Вестник ЛГУ, 1975, № 2, с. 65—70.

[59] ПВЛ, т. I, с. 43.

[60] *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли.— In: S owianie w dziejach Europy. Poznań, 1974, s. 102.

[61] Попытка трактовки походов Ольги по-иному интересна, но, как кажется, вряд ли убедительна (*Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Л., 1974, с. 46 и сл.: *Рыбаков Б. А.* Смерды. ИСССР, 1979, № 1, 2.

Доходы смоленского князя. Княжеские доходы, их рост и виды характеризуют уровень экономического развития страны и рассмотреть их крайне важно.

Первым смоленским князем, навязанным Смоленску извне, был сын Владимира Святого Станислав, прокняживший в Смоленске (Гнездовском, где найдена его тамга [62]) несколько десятилетий и не оставивший после себя никакого следа [63]. Станислав, очевидно, мало включался в жизнь старинного торгового города, с варяжской данью не боролся (или не мог ее одолеть) и т. д. Его основной функцией, по-видимому, были осенне-зимние поездки к кривичам за данью и передача ее в Киев. Этими походами кормился он и его дружина. В те времена самостоятельный князь в Смоленске не был особенно нужен Киеву: после смерти Станислава новый князь туда не назначался 20 лет.

Все изменилось в 1054 г. Решение о выделении Смоленского княжения для сыновей Ярослава Мудрого осуществилось немедленно после его смерти. В этой ситуации вопрос о материальном обеспечении нового князя стал на очередь дня. Тогда же, мы видели, был составлен список княжеских доходов с подробным указанием, что и с каких центров причитается. Документ охватывал всего 5 пунктов в области древнейшей заселенности страны славянами (от Торопецких озер до Каспли и Вержавлян), два — на Верхней Волге, один — в центре страны и 4 — на ее востоке и юго-востоке (Вержавляне Великие — Былев, см. табл. 1). Основу дани составлял Путь из варяг в греки, где найдены варяжские погребения IX—X вв. (Гнездово, Новоселки, Торопец), и не приходится сомневаться, что это-то и были территории старой варяжской дани, собиравшейся с кривичей (как и с других мест) «до смерти Ярославли». Дань эта, отобранная у них позже, составляла основу дохода смоленского князя, к которой было приписано еще 8 пунктов. Далее князю предстояло уже действовать самостоятельно. Он и прибавил к своим первоначальным даням еще 5 пунктов внутри кривичских земель (Бортницы — Мирятичи, см. табл. 1): три в землях западных вятичей и одно — по соседству с ними (Дедогостичи). С захватом Заруба и Пацыни смоленская дань подошла вплотную к северным радимичам (о чем уже говорилось), однако до Ростислава Смоленского данническому подчинению подвергались далее только пункты внутри земли — на Верхней Волге, Протве, Днепре (Копысь).

Эпоха Ростислава Смоленского (1125—1159 гг.) ознаменовалась новыми явлениями в княжеских доходах. Как известно, XII в. был временем бурного развития феодальной вотчины на Руси. Крупнейшими вотчинниками были князья, и это все отразилось, безусловно, и в Смоленской земле. Рассмотрение доходов князя за 10 лет с 1116 по 1136 г. показывает, что данническое освоение смоленской территории продолжалось по-преж-

[62] *Ширинский С. С.* Ременные бляшки из Бирки и Гнездова со знаками Рюриковичей.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968.

[63] По сведению византийской хроники Скилицы-Кедрина, Станислав и умер в Смоленске в 1036 г. (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908, с. 89, прим. 2).

нему (были основаны новые пункты обложения на Пути из варяг в греки (2), верхней Волге. Протве и т. д.), но одновременно были захвачены огромные сильно заселенные земли северных радимичей, в землях которых определили всего два пункта обложения с ничтожной данью (по 10 гривен) на р. Соже (Кричев и Пропошеск). Начавшееся там вскоре построение крепостей Ростиславля, Мстиславля и, возможно, Изяславля (по именам смоленского князя, его отца, необычайно им чтимого, и ближайшего союзника — брата) указывает, что земли эти Ростислав оставил за собой, в качестве своих особых домениальных владений, передаваемых не всякому князю, сидящему в Смоленске, а по наследству[64]. У нас нет возможности установить домениальный доход Ростислава — он был, несомненно, очень велик, но его появление, видимо, сигнализирует новое: дань с 34 центров земли отныне была государственным княжеским доходом и поступала к нему только как к сюзерену страны и пока он им был. Домениальные же земли и доходы с них переходили к княжескому роду навсегда. Л. В. Черепнин говорил о таком расчленении княжеских доходов, и главным образом в более позднее время[65]. В самом деле, для ранних периодов нашей истории трудно расчленить то и другое, но здесь, нам кажется, удалось датировать такое расчленение: оно совпадает с появлением домениальных владений князя и в Смоленской земле датируется второй третью XII в.

Какова же сумма княжеских доходов «государственной» части? Уже говорилось, что дани в Уставе высчитаны в гривнах серебра. Можно считать, что в 1130-х годах Ростислав получал с «государственных земель» (без Суздальско-Залесской дани, без колеблющихся доходов с не отдаваемых в аренду корчем, гостинного и торгового обложения) 3087 гривен серебра[66].

Однако эта сумма — только часть доходов князя как сюзерена страны. Дань это только та их часть, которая делилась с новооткрытой епископией. Преамбула Устава называет несколько видов доходов, не поступающих епископу. Это — виры, продажи, полюдье, которые в отличие от Устава новгородского князя Святослава Ольговича Ростислав епископу не переда-

---

[64] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976.

[65] *Черепнин Л. В.* Русь..., с. 153—155.

[66] Цифра доходов смоленского князя всеми исследователями определялась и определяется по-разному, и здесь необходимо внести ясность: Макарий называл 3080 гривен (что ближе всего к истине. *Макарий.* История русской церкви. М., 1853, т. III, с. 241); И. М. Красноперов — 3150 гривен (*Красноперов И. М.* Некоторые данные..., с. 348); Б. А. Романов и Я. Н. Щапов — 3000 гривен (см.: ПВЛ, т. II. Комментарий Б. А. Романова. М., 1950, с. 442; *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы..., с. 136—150). Распространено и вовсе ошибочное мнение, основанное на неполном понимании источника: 4000 гривен, так как складывались доходы князя и епископа (в 1136 г. и в начале XIII в.) — (ПРП, т. II, с. 45; см. также: Церковь в истории России IX — 1917 г. М., 1967, с. 53; *Довженок В. И.* О некоторых особенностях феодализма в Киевской Руси.— В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972, с. 100).

вал. В грамоте указаны были нормы обложения, установленные для обычного урожайного года («в сии дни полны дани» [67]), и можно полагать, что в засушливые или дождливые годы в них вносились какие-то коррективы («по силе»). Любопытно проследить, как давно уже существовали нормы, близкие к тем, которые отражает наш документ? Установленный нами факт, что эти нормы здесь выражены в старых денежных единицах, позволяет беспрепятственно обратиться к временам более древним, предшествующим составлению нашего источника.

При перераспределении столов 15 июля 1077 г. на Волыни, Всеволод Ярославич получил Чернигов, а его бывший смоленский стол достался его сыну Владимиру Мономаху [68]. Не прокняжив и года в Смоленске, уже на Пасху 8 апреля 1078 г. благодарный Мономах торжественно въезжал в Чернигов, везя отцу на Красный двор солидный подарок: 300 гривен золота. Это 3000 гривен серебра — сумма огромная. Все денежное богатство минских князей, кроме потраченного ими на постройку трапезной в Печерском монастыре, составило 700 гривен серебра и 100 гривен золота (т. е. 1700 гривен серебра [69]). Откуда же молодой Мономах мог получить столь крупную сумму денег для сыновнего подарка? Не забудем, что, кроме того, он должен был обеспечить своих собственных вассалов, слуг домена и княжеского двора. Б. А. Романов уже предполагал, что сумма дара была собрана Мономахом в Смоленской земле, исходя из суммы дани, которая была близка к этому дару [70]. Действительно, неурожайный год миновал уже давно (1075 г.), следующие два года были урожайными, и за осень 1077 г. Мономах мог собрать причитающуюся сумму в полном объеме, а зимой (1077 г. был в источнике мартовским) мог даже превратить ее в золотые слитки. Однако предшествующие наблюдения заставляют внести в слишком прямолинейное построение Б. А. Романова важные коррективы: в 1077—1078 гг. смоленская дань была намного меньше дани 1134—1136 гг.: она не собиралась с вятичей и голяди и взималась только с первых 17 пунктов списка даней (не выходя за пределы кривичей). По нормам 30-х годов XII в. она должна была равняться всего 2705 гривнам серебра, а в 70-х годах XI в. была, возможно, и меньшей. Где же Мономах добыл недостающие (по нормам XII в.) 295 гривен? Он был еще молод и мало вероятно, что эту сумму он мог дополнить личными «сбережениями». Ясно, что недостающая сумма была им покрыта за счет вир, продаж и, главное, полюдья, лишь упомянутых в источнике 1136 г., так как епископии они не поступали. Все сказанное заставляет нас предположить, что нормы обложения в 30-х годах XII в. были близки к нормам 70-х годов XI в. и за 40 лет особых изменений не претерпели. Про-

---

[67] ПРП, т. II, с. 42. См.: *Черных Н. Б.* Абсолютные даты деревянных сооружений древнего Смоленска.— МИСО, Смоленск, 1967, т. IV.

[68] ПВЛ, т. I, с. 132.

[69] ПСРЛ, т. II, стб. 492—493. Расчет отношения золота к серебру как 1 : 10; см.: *Романов Б. А.* Деньги и денежное обращение.— В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948, с. 380; см. также его комментарий: ПВЛ, II, с. 442.

[70] ПВЛ, т. II, с. 442.

цесс их становления, видимо, приходится на начальные периоды княжеской власти в Смоленске — на вторую и третью четверти XI в.

Попробуем рассмотреть в общих чертах прочие княжеские доходы.

Полюдье, видимо, особый доход князя, который он не делил с епископией. Я. Н. Щапов даже предполагает, что система его сбора отличалась от других сборов и именно это не позволяло делиться им с церковью [71]. Но, кажется, здесь было иначе: «люди» — свободные общинники [72], полюдье в это позднее сравнительно время — осенний поход князя, именно в те отдаленные уголки земли, где общинники считали себя еще свободными от дани князю, но он уже числил ее по своей разверстке. Не случайно в тех случаях, когда полюдье «просочилось» в Устав Ростислава, дань не упоминается (Копысь, Лучин). Полюдье, таким образом, в 30-х годах выплачивалось только свободным населением. Кто не платил дани, тот должен был отдавать князю полюдье, и наоборот. Полюдье — это «даровая» дань со свободных (вспомним «осеньннее полюдье даровьное» грамоты Мстислава Владимировича и его сына Всеволода на с. Буйцы под Новгородом, 1125—1132 гг. [73]). Наша археологическая карта скоплений древних поселений в Смоленской земле такие уголки, не платившие дани, вполне отражает. Их можно видеть, конечно, более всего в северной части земли: на р. Вязьме, где много курганов, на Лучесе (притоке Межи), на р. Пырышне у с. Оковцы и т. д. (рис. 5) [74].

Сложнее с такими доходами, как «вира» и «продажа» — штрафы за убийство и оскорбление действием. Дедичи, мы видели, платили в Путтино «присно» 6 гривен с виры. Как ее можно было предугадать? Видимо, община иногда, отстаивая независимость от дани и не желая пускать княжеских даньщиков, вирников и т. д., откупалась согласием платить виру постоянно. То же и относительно продаж — еще одного вида побора князя с населения.

Князь получал еще «общесмоленские доходы» — «корчмити», «торговое», мыто, гостиную дань, «перевоз», и, наконец, «суждале-залесскую дань» (о которой говорилось).

«Корчмити» — дань с корчем упомянута в Уставе 4 раза. Она взималась на восточных окраинах земли (Путтино), на западных (Копысь), на южных (Прупой) и северных (Лучин), т. е. во всех тех местах, где въезжали в страну со стороны, стояли корчмы с постоялыми дворами. Лишь в одном случае — в самой отдаленной части земли, на территории голядско-вятических земель, корчмари выплачивали точно установленную сумму — полпяты гривны (4,5 гривны, что было связано, видимо, с труд-

[71] *Щапов Я. Н.* Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича.— АЕ — 1962. М., 1963, с. 41.

[72] *Черепнин Л. В.* Русь..., с. 168—170.

[73] ПРП. М., 1953, т. II, с. 102.

[74] Не исключено, что «полюдье» в XII в. имело и иной смысл: его взимали в Копыси, которая, мы видели, не имела даже населенной округи, и если это не ошибка составителя Устава (*Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского..., с. 92), то здесь под этим термином понималась дань с «людей», населявших (или прибывавших для торговли в Копысь).

постями контроля, и корчемная выручка была передана на откуп, в остальных — эти доходы зависели от доходов самих корчем).

«Торговое», т. е. дань с торга, упоминается в Уставе всего один раз. Взималось оно в Копыси. Как видно на карте (рис. 6), по цепочке курганов правой стороны Днепра, город этот, расположенный на левом берегу, стоял против ответвления от Днепра 60-километровой сухопутной дороги на Друцк (и далее на Полоцк). Днепр здесь летом мелок, и конница свободно его переходила в XVII—XVIII вв. [75], в осеннее и весеннее время, очевидно, существовал перевоз, дававший князю известный доход. Доход получался с существовавшего здесь оживленного торга и княжеской корчмы. На разнообразие торговых операций, возможно, указывает «громадный» клад арабских монет, найденный вблизи Копыси у д. Застенок в 1901 г. [76]

К «торговому» близка «гостиная дань» — дань за провоз товаров, упоминаемая в Уставе дважды (ее брали в Пацыни на Десне и еще восточнее на р. Болви в Оболви). Вероятно, эта же дань обозначена в источнике сокращенно, как «гость» (получалась в Путтине), а также «мыто» — дань за провоз товаров (в Лучине). Кажется неслучайным, что все эти торговые пошлины взимались на окраинах Смоленской земли, при въезде в страну.

Таковы были доходы смоленских князей исходя из Устава Ростислава Смоленского 1136 г.

ВЕЧЕ И КНЯЗЬ В СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Вече хорошо известно на Руси в Киеве и особенно в северных и северо-западных землях, в городах Новгороде, Пскове, Ладоге, Полоцке, Смоленске и т. д. Термин «вече» происходит, возможно, от слова вещать — говорить и связан с совещанием вообще. Оно применялось к самым разнородным явлениям [77]. «Вече» — народное совещание — уходит своими корнями в родо-племенные сходки. Вслед за предшественниками Б. Д. Греков рассматривает его как особый институт и выделяет три его стадии: «догосударственную» (вече в полной силе), «государственную» (эпоха Киевской Руси — вече почти не функционирует) и эпоху феодальной раздробленности (вече набирает вновь силу) [78].

Смоленск входил, как сказано, в северный круг русских городов, существовал уже с IX в., и не приходится сомневаться, что в этом городе вече прошло все три свои стадии. Можно думать, что в докняжеском Смоленске, который был «силен и мног людми», вече было сильным и подчинялось старейшинам, о которых говорит летопись. Аскольд и Дир, оста-

[75] *Трубницкие А., М.* Хроника белорусского города Могилева. М., 1887, с. 49.
[76] **Россия**, СПб., 1905, т. IX, с. 468.
[77] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 33.
[78] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949, с. 348 и сл.

вившие свои следы в Полоцкой земле, возможно, сжегшие и сам Полоцк [79], к Смоленску подступить не решились.

Вече на второй и третьей стадии связано со смоленскими князьями, поэтому нам следует рассмотреть характер княжеской власти в Смоленской земле.

Смоленский князь, его положение и права. В конце X в. Владимир Святой сменил смоленских посадников, навязанных Смоленску Киевом еще при Олеге (882 г.), своим десятым сыном Станиславом. Сообщение это сравнительно поздних летописей достоверно, так как подтверждается, как уже говорилось, хроникой византийца Иоанна Скилицы (переписанной еще в X в. Георгием Кедриным) [80]. Более чем сорокалетнее его правление в этом городе ничем не ознаменовалось, при нем, очевидно, даже не была снята с кривичей варяжская дань.

Возобновление князей в Смоленске в 1054 г. ознаменовало новую эпоху в истории земли. Как утверждались князья в Смоленске, мы не знаем. Известно лишь, что первые два князя — сыновья Ярослава Мудрого — прокняжили там не более трех лет каждый и потом внезапно скончались, а город был якобы разделен на три части [81], правда, ненадолго. Можно думать, что при этих первых князьях смоленского княжества (оно было организовано лишь теперь) была отстроена и княжеская цитадель выше Гнездовского Смоленска, на высоких отрогах гор левобережья Днепра (место современного Смоленска) [82]. Старый город был силен, и без нее князья борьбы с ним не выдерживали.

«Владельческие судьбы» Ростиславичей подробно изучены А. Е. Пресняковым [83]. Родоначальник их — Ростислав — получил Смоленск в год смерти деда — Владимира Мономаха (1125 г.). Вместе с братом Изяславом он был носителем политики Мстиславичей (А. Е. Пресняков). Очевидно, не желая дробить княжества и тем его необычайно ослабить (что произошло только что с Полоцкой землей), Ростислав Мстиславич выделил сыновей Рюрика и Давыда, дав им владения в Южной Руси, а Смоленск получил старший сын Ростислава Роман. Этот город стал «не старшим столом среди территориальных владений данной княжеской семьи, а столом старейшего в их среде» [84]. Младший сын Ростислава Мстислав получил Торопец — крупнейший после Смоленска город княжества

[79] ПВЛ, I, с. 18, 19; ПСРЛ, 1965, IX, с. 9; Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950, с. 20. Как ни кажется сообщение это легендарным, но оно основывается на фактах: 1) поход на Полоцкую землю и ее разграбление подтверждается 4 единовременными кладами 40—60 годов IX в. (*Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, 1956, с. 102, прим. 106). В самом Полоцке найдены следы пожара, близкого по времени (*Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. Минск, 1975, с. 24, 25); 2) Севернее Смоленска также найден клад IX в.

[80] *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1958, t. I, p. 273—4; *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 89—90, примечание 2.

[81] ПСРЛ. СПб., 1851, т. V, с. 139; 1856, VII.

[82] *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске.

[83] *Пресняков А.* Княжное право в древней Руси. СПб., 1909, с. 139—143.

[84] *Пресняков А.* Княжное право...

(см. ниже). После смерти Романа в Смоленске садится не его сын, как казалось бы логичным, а брат — Давыд Ростиславич. Рюрик же Ростиславич, наследуя столы в южнорусской земле, от претензий на Смоленскую землю отказывается, хотя он и пережил смоленского князя Давыда. «Смоленские князья,— писал А. Е. Пресняков,— кончают XII в., не водворив в своей вотчине начал отчинного раздела, не введя у себя частно-правового семейного наследования. Преемство в старшинстве, постепенно искажаясь, дожило у них до исхода рассматриваемого нами исторического периода» [85].

Смоленский князь является, безусловно, первым лицом в земле. Он руководит дипломатическими отношениями, издает постановления, утверждает договоры. Многое им решается, как увидим, с согласия веча, по военными походами, вопросами войны и мира руководит безусловно он. Он главный военачальник, которому подчиняется не только своя дружина, но и все смоленские ополчения. Впрочем, бывали случаи, когда последние устраивали во время похода свое вече и его решение определяло судьбу похода (как было с князем Давыдом, который вынужден был среди пути возвратиться в Смоленск, так как этого требовало, по-видимому, его войско) [86]. П. В. Голубовский был прав, когда указывал, что случаи, подобные этому, происходили редко и, по-видимому, тогда, когда поход вызывался не интересами Смоленской земли, а династическими соображениями князей [87].

Помимо случаев, оговоренных в Уставе Ростислава, князь представлял высшую судебную инстанцию. Епископ по Уставу в своем суде осуществлял семейное и брачное право и лишь в особом случае уголовное (отправление) [88], княжеский суд осуществляет остальные отрасли права: ему были подсудны дела, касающиеся крестьян, он урегулировал конфликты из-за земли бояр, крупной церковной знати, князей-вассалов, и, можно полагать, князь вершил суд на местах во время объезда своих земель [89]. В юрисдикции князя были все тяжбы с иностранцами (см. Договор 1229 г.). За отправление суда ему шли пошлины, виры и т. д. Вира даже планировалась.

У князя была разветвленная сеть чиновничьего аппарата: тиуны («тиун княжий городской», тиун на волоке и т. д.) — сборщики налогов, детские (исполняли решение суда [90]), куноемцы (вид сборщиков налогов и других поступлений князю, которым запрещалось «урывать бороду»). П. В. Голубовский отождествлял их с таможенниками [91]. Не приходится сомневаться, что тиуны назначались самим князем. Важным лицом был

[85] Там же, с. 143.
[86] ПСРЛ, 1962, т. II, с. 647 (1185 г.).
[87] *Голубовский П. В.* История..., с. 224.
[88] ДКУ. М., 1976, с. 144, 145; *Щапов Я. Н.* Смоленский Устав князя Ростислава Мстиславича.— АЕ — 1962. М., 1963, с. 41.
[89] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 69.
[90] *Голубовский П. В.* История..., с. 225.
[91] Там же.

тысяцкий, а за ним сотский. В 1159 г. должность тысяцкого занимал Внезд, в 1195 г.— Михалко. Это был высший воинский чин, назначаемый самим князем. П. В. Голубовский полагает, что сотский выбирался на вече, так как это было при посылке сотского в Ригу и на Готский берег. Но это мало вероятно: вече могло выбрать сотского для поездки в Ригу, уже давно назначенного в качестве сотского самим князем.

Вече и князь. Вопрос о взаимоотношениях веча и князя в Смоленской земле поставлен уже давно. Наиболее подробно он разработан был П. В. Голубовским, но не все выводы его можно принять. Изучение вопроса он начинает с Устава Ростислава, во второй фразе которого видит указание на вече: «Приведох епископа Смоленску, здумав с людми своими». Подкрепление мысли он видит также в конце документа: «Да сего не посуживаи никто же по моих днех, ни князь, ни людие...»[92]. Термин «люди» действительно употреблялся для наименования «широких слоев населения»[93] и, может быть, чаще — низших классов. Однако обозначало оно и просто людей. «Люди свои» — явно не вече, а ближайшие советники князя. О каких «людях» во втором случае ведется речь, неясно. Непременно ли о вече? Так или иначе, для нас очевидно, что в эпоху Ростислава вече было, но роль его еще не была столь могущественной, как впоследствии и как считал Голубовский (оно якобы решало вопрос о создании в Смоленске епископии, т. е. имело законодательные функции). Данные о смоленском вече мы получаем лишь во второй половине XII в., когда на смоленском столе сидели сыновья Ростислава. О столкновениях Романа Ростиславича со смолянами свидетельствует плач его княгини после его смерти (1180 г.): «...многия досады прия от смолян и не видѣ тя, господине, николи же противу ихъ злоу никотораго зла въздающа...»[94]. В чем заключались эти трения, мы не знаем, но летопись сохранила лишь известие, что в 1175 г., во время княжения Романа Ростиславича в Киеве, «смолянѣ выгнаша от себя Романовича Ярополка (оставленного на княжение в Смоленске отцом), а Ростиславича Мстислава вьведоша Смоленьску княжить»[95]. После смерти Романа при его брате Давыде атмосфера накаляется еще более. В 1185 г. смоляне делают вече в походе Давыда у г. Треполя, и, по их решению, князь вынужден возвратиться в Смоленск[96]. Это вече (хотя оно так в источнике и названо) лишь военный совет смолян, которые не желают слушать приказов своего князя, но оно весьма характерно для отношений Смоленска с Давыдом. В 1186 г. летопись говорит уже прямо о восстании смолян: «Въстань бысть Смоленьске промежи княземъ Давыдомь и смолняны и много головъ паде луцьшихъ муж». Это свидетельство находится в связи с новгородскими событиями, где только что «убиша Гаврилу Неревиниця, Ивана Свеневиця, и с моста

[92] ДКУ, с. 141, 144; *Сергеевич В. И.* Вече и князь. СПб., 1867; ***Голубовский П. В.*** **История..., с. 214; это же повторяет А. А. Зимин (ПРП, II, с. 45).**
[93] *Черепнин Л. В.* Русь..., с. 168 и сл.
[94] ПСРЛ, т. II, стб. 617.
[95] ПСРЛ, т. II, стб. 598.
[96] Там же, стб. 647.

съвьргоша»[97]. Гаврила был братом новгородского посадника Завида — сторонника смоленского князя Давыда, к которому тот в минуту жизни трудную и «ушел»[98]. Трудно расшифровать, что это была за «въстань». Кажется только, что здесь идет речь о борьбе богатых горожан, возглавляющих вече («лучшие мужи»), с князем, и головы этих мужей и мужей князя гибли в борьбе. Крупная роль смоленского веча выступает в тексте летописи 1190 г. Святослав Всеволодич имел «тяжу» с Рюриком и Давыдом Ростиславичами и с «Смоленской землею»[99]. «Земля» эта, следовательно, была самостоятельной силой, с которой необходимо было считаться, как и с князем. Столкновения Давыда со смолянами продолжались. В 1195 г. Олег Святославич писал в Чернигов братьям о победе над полком Давыда и дополнял: «сказывають ми и смолнян изыимани, ажь братья ихъ не добрѣ с Давыдомъ (живут)»[100]. В XIII в. роль горожан особенно усиливается. Под 1214 г. читаем о распре, проходившей через Смоленск рати новгородцев («бысть распря со смолянами и убиша смолянина»[101]). В еще большей мере это подтверждается в договоре Смоленска с Ригой 1229 г., который составлен явно с участием смолян[102]. В 1222 г. полоцкий Святослав Мстиславич (сын Мстислава Романовича) сносится со смолянами, предлагая сесть у них на стол, но вече его отвергает[103]. В 1239 г. князь Ярослав захватывает Смоленск и, сажая Всеволода на смоленский стол, вынужден «урядить смолнян»[104]. «До последних дней самостоятельного существования Смоленска вече является главой земли наравне с князем, и если вечу приходится уступить, то только после энергичного с его стороны сопротивления под давлением внешней силы»,— писал П. В. Голубовский и был, несомненно, прав[105].

---

[97] НПЛ, 1950, с. 38, 228.
[98] Там же. См. также: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 108, 109.
[99] ПСРЛ, т. II, стб. 670.
[100] ПСРЛ, т. II, стб. 692.
[101] НПЛ, с. 53, 251.
[102] *Голубовский П. В.* История..., с. 220.
[103] Там же, с. 221.
[104] ПСРЛ, т. VII, с. 144.
[105] *Голубовский П. В.* История..., с. 222.

ДЕРЕВНЯ И ВОТЧИНА

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

История древнерусской деревни домонгольского времени из-за скудости источников изучена еще весьма слабо. Курганы дают одностороннюю информацию; нужны сплошные археологические исследования остатков древнерусских селищ. Единственная работа подобного рода была проведена на ограниченной территории в конце 50-х годов В. В. Седовым, получившим первый полноценный материал [1]. Территория, выбранная им для исследования, как отмечал П. Н. Третьяков, изобилует заболоченными местностями и малоплодородна. Там сравнительно мало деревень и почти нет феодальных усадеб [2], поэтому выводы этой работы нельзя безоговорочно распространять на всю территорию Смоленской земли. Наиболее излюбленными местами расположения древнерусских поселений здесь были районы, где «в более или менее крупные реки впадают мелкие реки и ручьи». Подъемный материал позволил разделить селища к востоку от Смоленска на три хронологические группы: с лепной и раннегончарной керамикой (IX—X вв.), с гончарной керамикой, характерной для древнерусских курганов с ингумацией (XI—XIII вв.), с керамикой, не встречающейся в смоленских курганах (XIV—XV вв.). Размеры селищ ранней группы самые крупные — от 6,5 до 40 га. Небольшие селища появляются (начиная со второй группы) в XI—XIII вв. В. В. Седов объясняет это постепенное уменьшение сел тем, что славяне сначала заселяли территорию крупными группами и этими группами селились. Расцвет сельских поселений падает на древнерусский период — XI—XIII вв. На изученной территории центральных районов Смоленской земли оказалось 30 деревень IX—X вв., 89—XI—XIII вв., 52—XIV—XV вв. [3] Но нельзя забывать, что цифры 30 и 89 весьма условны, так как прежние большие коллективы стали, по-видимому, дробиться, и количество поселков, следовательно, не было пропорционально увеличению числа жителей (чем сопровождается, обычно, расцвет деревенского хозяйства).

Детальные исследования В. В. Седова археологических остатков древнерусских деревень (селищ) привело его к важным выводам о том, что для центральной части Смоленской земли была характерна прибрежнорядовая постройка поселений, поселения же с кучевой застройкой, или улич-

---

[1] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, 1960, вып. 92.

[2] *Третьяков П. Н.* Средневековые замчища Смоленщины.— В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962.

[3] *Седов В. В.* Сельские поселения..., с. 24.

ной, были особенно редки. Любопытны сравнения с наблюдениями этнографов, и в частности М. В. Витова, в глухих районах русских деревень на южном берегу Белого моря. Им установлено, что «по течению больших сплавных рек господствует рядовая прибрежная планировка, чаще однорядовая (..); в глухих водораздельных районах — беспорядочная, местами рядовая, ориентированная на юг, которая чаще встречается в отдалении от рек; наконец, в наиболее экономически развитых местностях, где большую роль играет сухопутный транспорт, преобладает уличная деревня» [4].

Виды сельских поселений: погосты, села. Письменные источники сохранили, как известно, целый ряд наименований отдельных видов древнерусских сельских поселений, однако значение многих из них остается неясным. Это породило довольно большую литературу, где называются «погосты», «слободы», «села», «деревни», «жито» и пр. Летопись упоминает Дубровну — «селище в Торопецкой волости» (1234 г.) [5]; «селищѐ», видимо, крупное село, но его соотношение с «погостом» и другими неясно.

«Погост» появляется в летописи уже в X в. О существовании его в Смоленской земле известно лишь из Устава Ростислава 1136 г., который основывается на источнике середины XI в., и можно полагать, что тогда этот термин здесь существовал. Область «Вержавлян Великих» состояла из девяти погостов, возможно, что был и десятый — Вержавск, который в 1136 г. уже был самостоятельным центром, платил в Смоленск самостоятельную сумму, а дани с погостов были как-то пересчитаны [6]. Н. Н. Воронин некогда полагал, что погостом, с одной стороны, именовалась система поселений — сельская община, а с другой стороны — вид дани [7]. Нам ясно, что погосты существовали еще до феодализации, являлись центрами, объединяющими местное население, а позднее при феодализации они были использованы как центры обложения прилежащей к ним округи.

Термином «село» в древней Руси обозначали владельческие поселения феодалов. Из Смоленских сел XII в. известны по грамоте Ростислава 1136 г. села его домена — Ясненское, Дросенское, возможно также, что в названном документе имелись в виду и иные, например Моншино, землю которого князь передавал епископу, может быть, Погоновичи, хотя скорее это был погост [8].

Термин «деревня», как известно, сравнительно поздний; он сменил собою, вероятно, «весь».

В. В. Седову принадлежит первая археологическая интерпретация всех этих названий, и мы приведем несколько его примеров. Бассейн р. Лосни, как выяснилось, сохранил остатки всего одного Белорученского

[4] *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVII—XVIII. М., 1962, с. 148.
[5] НПЛ, 1950, с. 73.
[6] Подробнее: *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава...
[7] *Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси.— Известия ГАИМК, Л., 1935, вып. 138, с. 24. Критику см.: *Романов Б. А.* Изыскание о русском сельском поселении.— В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.; Л., 1960.
[8] ДКУ. М., 1976, с. 143.

селища площадью 30 тыс. кв. м., в 600 м от которого находился, по-видимому, обширный курганный могильник. Напротив селища располагалось городище-убежище (без культурного слоя) с площадкой 37×58 м. Рядом — селище XI—XIII вв., а в округе, на расстоянии 1,5—5,5 м, было еще 5—6 остатков домонгольских деревянных поселений. По свидетельству этого автора, Белорученское селище — единственное в бассейне р. Лосни, имеющее лепную славянскую керамику IX—X вв. Оно, следовательно, в данном районе является древнейшим, откуда шло дальнейшее расселение славян в этом районе. Остальные поселения относятся ко времени X—XII вв., а некоторые и к XIV в.[9] В. В. Седов полагает, что «в IX—X вв., когда (в Смоленской земле. — *Л. А.*) преобладали сравнительно крупные поселения, каждое из них соответствовало сельской общине». Белорученское селище автор предлагает считать погостом, выросшим на общинной основе. Другой такой же погост обнаружен им в бассейне р. Березинка, где найдено девять селищ с материалами древнерусского времени. Здесь удалось установить смену населения. Более раннее — Березинское селище IX—X вв. с прилегающим курганным могильником. В отдалении от него — Яновское селище — погост XI—XII вв., что, по В. В. Седову, связано с княжеской властью. Это был погост, собиравший теперь дань с соседских общин в пользу феодала. Общинный характер Березинского селища подтверждает, по мнению В. В. Седова, общинное святилище в среднем течении этой небольшой речки[10].

ЗАНЯТИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Для домонгольского времени данных письменных источников нет, но есть свидетельства иностранцев XVI—XVII вв.[11]

Земледелие, скотоводство, охота. В X—XI вв. почти везде в лесной полосе жители перешли от подсеки к пашне[12], правда, подсеку было можно встретить в глухих местах и в XIX в.[13] В XI в., как известно, рожь вытеснила просо. В смоленской феодальной усадьбе найдено: ячмень (78,4%), овес (15,4%), мягкая пшеница (6,2%) (городище Ковшары[14]), случайные зерна ячменя, конских бобов (Воищина). Они есть и в крестьянских курганах (Маркатушино, Катынь[15]), особенно много их в Бородинском го-

---

[9] *Седов В. В.* Сельские поселения..., с. 17—19; 31—33. Белорученское селище, расположенное на притоке р. Лосни — Солодовой, возможно, является Солодовничами Устава Ростислава? В соответствии с указанием И. Красноперова мы его видим на Верхней Волге, где есть городище. Вопрос должна решить археология.

[10] *Седов В. В.* Сельские поселения..., с. 35.

[11] Сказание Адольфа Лизека о поездке в Россию в 1675 г.— ЖМНП, 1837, XI, с. 340, 341.

[12] *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси. М.; Л., 1965, с. 78.

[13] *Петров В. П.* Подсечное земледелие. Киев, 1968.

[14] *Лявданский А.* Некоторые данные..., с. 250.

[15] *Ляудансκi А. Н.* Археалогічныя дасьледы у вадасборах рр. Сажа, Дняпра и Каспли Смаленскае губерніі.— Працы II, с. 296, 317.

родище [16]. Обнаружены косы (Ковшары, Воищина, Бородинское), мотыга (Бородинское), жернова (хлеб мололся вручную).

Виды скотоводства в древней Руси не претерпевали больших изменений. Судя по костям животных, улучшалась лишь породность скота. В отличие от балтских аборигенов [17] у местного населения в это время в скотоводстве стала доминировать не свинья, а крупный рогатый скот:

Вид животного	Отдельные кости, %	Особи, %	Вид животного	Отдельные кости, %	Особи, %
Крупный рогатый скот	46,7	35,4	Лошадь	6,9	10,8
Свинья	36,7	26,2	Собака	1,1	6,1
Мелкий рогатый скот	3,5	20,00	Кошка	0,1	1,1

Есть свидетельства о наличии стада — колокольца для коров из раскопок в кургане у д. Слобода, из Мстиславля, в ряде городских памятников найдены и скребницы.

Видное место принадлежало охоте, не говоря уже о замках феодалов, охотилось, безусловно, и население деревни. Если судить по находимым в раскопках костям, более всего охотились на бобра, лося и лисицу. В одном позднем документе сказано: «...тыми разы Гаврило Полтевич послал люди свои до отчины своей до Пристары (Присмары?) бобров гонити; ино людей его перебили и сети бобровые и собаки поотнимали» [18]. На бобров, следовательно, охотились с сетями и собаками. Так было, очевидно, и ранее. О том, что именно крестьяне занимались охотой на бобров, говорит 32 статья «Устава о волоках» короля Сигизмунда-Августа 1557 г.: «А во всех пущах наших и общих, где прежде крестьяне наши бобров ловили, там и теперь по-прежнему ловить должны. А если бы где в реках и озерах наших бобры показались вновь, то и там крестьяне ловить должны, а за работу брать им пятого бобра или подбрюшек от каждого» [19]. Охоте на бобра в древности на Руси посвящено специальное исследование В. П. Кеппена, бобру в Смоленской земле — В. Н. Добровольского [20]. В грамоте «О погородьи» 1211—1218 гг. упоминаются под Дорогобужем «три гоны короткии», вероятно, бобровые. Есть сведения, что Посожье некогда было поделено на бобровые гоны: в жалованной грамоте мстиславского князя Онуфриевской церкви говорится: «Дали есмо на церковь божию храму св. Онуфрия берегы на Сожи гоны бобровые, почонши от Молотомля до

---

[16] *Седов В. В.* Сельские поселения...

[17] *Краснов Ю. А.* Локальные особенности животноводства в лесной полосе Восточной Европы в эпоху железного века.— КСИА, 1967, вып. 112, с. 33.

[18] Бобр в Смоленской земле.— Смоленская старина, Смоленск, 1916, вып. III, с. 59 (Присмара — в южной части Ельнинского у.).

[19] *Пичета В. И.* Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958.

[20] *Кеппен Ф. П.* О прежнем и нынешнем распространении бобра в пределах России.— ЖМНП, 1902, т. VI, с. 333; *Добровольский В.* Бобр в Смоленской земле по летописным и археологическим данным.— Смоленская старина, 1916, т. III, вып. 2, с. 57—62; ср.: ИАК, СПб., 1915, вып. 58 (прибавление), с. 33.

Лобковский рубеж по Сожу» [21]. Упоминаются «бобровые гоны» и на острове Западной Двины несколько выше с. Курино, на половине пути между Суражем и Витебском (1627 г.) [22] и т. д.

Особым спросом пользовались шкуры медведя, охота на которого была распространена вплоть до XIX в. В верховьях Днепра, у его истоков, «множество медведей, — писал Д. Н. Анучин, — которые летом чуть не забираются в овсы, с которыми и вообще приходится встречаться нередко, рассказы о них здесь приходится слышать беспрестанно» [23]. Мясо медведя, видимо, охотно употребляли в пищу: его кости находят не только в культурных слоях древнерусских городов, но и в курганах (правда, уже за пределами Смоленской земли) [24].

Медведей было много еще в XVII в., так, в 1675 г., заночевав 17 августа в 8 милях от границы Смоленской земли, Адольф Лизек писал, что «по причине опасности от медведей мы приказали часто стрелять и развели большие огни» [25]. Крестьяне охотились и на других животных, в частности на рысей, хотя кости этого животного не находят (рысь свежевали в лесу). Даже в XX в. рысей было много в лесной части Ельнинского уезда (леса Заболотской волости) [26].

Рыболовство и бортничество. Через Смоленскую землю протекали основные русские реки, и рыбный промысел, поддерживавший человека, особенно в неурожай, был несомненно широко распространен, что подтверждают находки костей рыб и рыболовных снастей при раскопках. Свидетельство тому и топонимика: р. Жукопа по аналогиям из западнобалтийских языков, означает «Рыбная река» [27], также наименование озера — Щучье (в XIX в. там были судаки, окуни, караси, но главным образом щуки [28]). Река Молодой Туд славилась голавлями, окунями, щуками «замечательного размера» и лососями [29]. Устав Ростислава 1136 г. упоминает поставки князю рыбой, рыбу получал в 1211 г. и епископ («трои сани рыбы»). Бортничество также упоминается в Уставе (село Ясенское «и з бортником»). С этим связано и «осм капии воску». По Правде Ярославичей, воровство княжеской борти наказуется 3 гривнами серебра, а по Пространной Правде «разнаменовывание» (борти) каралось 12 гривнами серебра [30].

---

[21] ДКУ, с. 146. Акты Западной России. СПб., 1848, т. II, № 132.

[22] Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. № 35, хранящихся в Центральном архиве в Витебске и изданных под редакцией [...] Сазонова. Витебск, 1871.

[23] См.: Охота на медведя в Копысском уезде.— МГВ, 1861, № 25; *Анучин Д. Н.* Истоки Днепра.— Северный вестник, 1891, август; перепечатка: Смоленский вестник, 1891, № 95.

[24] *Андреева Е. Г.* Кости животных из курганов в окрестностях Вышнего Волочка.— Экспедиции ГИМ. М., 1969.

[25] Сказание Адольфа Лизека, с. 337.

[26] *Добровольский В.* Бобр в Смоленской земле, с. 59.

[27] *Топоров В. Н.* Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий.— Вестник географии. М., 1962, вып. 58, с. 46.

[28] *Шестаков П.* География Смоленской губернии.— ПКСГ 1857, Смоленск, 1858, с. 70.

[29] ПКСГ, 1857, с. 128.

[30] ПРП, 1953, т. I, с. 79, 116.

В XIII и XIV вв. Смоленщина и Полотчина были основным районом развития бортничества [31].

Производство. Деревня не могла соперничать с городом в производстве, оно было развито слабее и имело свою специфику: добывалась руда и вырабатывалось из нее железо. В Смоленской земле много болот, на которых «обильная ржавая плесень» (П. В. Голубовский), и много топонимов типа Ржавец, Ржава, Рудня и т. д. В 1850 г. в с. Ивановское Ельнинского у. были открыты большие залежи железной болотной руды [32]. Особенно богат железными рудами Вяземский у. [33] В XVII в. в Смоленской земле было известно 6 месторождений руды по Днепру, 10 — по Вопи, 2 — по Угре, 1 — по Хмости, 2 — по Десне, 3 — по Уже и т. д. [34] Если в XV в. Деревской пятине зафиксировано 700 «копачей» (1495 г.) [35], то можно думать, что достаточно их было и в Смоленской земле и в более раннее время. Руда, добываемая из болот, низкого качества, железа она давала по сведениям Б. А. Рыбакова, от 18 до 40%. 42,9% железа дал анализ руды и на близких Смоленщине территориях (им. Вихря Сеннеского у. Могилевской губернии), однако рядом руда из им. Ляхи дала лишь 14,64% железа (анализы уральского горного управления) [36]. У Пропойска (Пропошеск) железо производилось еще и в XVIII и XIX вв., правда, «на крестьянски токмо нужды» [37].

Не приходится сомневаться, что древний смоленский крестьянин занимался и лесопильным промыслом. Одна из смоленских берестяных грамот говорит о вывозке бревен. Из особо толстых стволов в X в. делали однодревки, о которых упоминается у Константина Багрянородного — «моноксилы». Существовало, несомненно, и смолокурение, что, возможно, и дало наименование столицы княжества — Смоленска. В 1865 г. возле деревень Толстобино, Селец и Прилепы якобы было найдено несколько курганных насыпей из смолы [38], очевидно, запасы так и не употребленной в дело (?). Обилие гончарных глин успешно служило гончарству смоленских деревень. Еще в XIX в. изделие горшков было основным крестьянским производством. На всех раннесредневековых деревенских поселениях, исследованных В. В. Седовым, керамика была основным контингентом находок. В. И. Сизов был первым и пока почти единственным исследователем керамического производства на материалах гнездовских раскопок. Сейчас эти наблюдения требуют проверки, гнездовской керамикой занималась

---

[31] *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода в XIV—XV вв. М., 1963, с. 126.
[32] *Семенов П. П.* Географо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1865, т. II, с. 95.
[33] ПКСГ, на 1857 г. Смоленск, 1857, с. 78.
[34] Историк-марксист, 1935, № 1, с. 63—81 (раздел «Документы»).
[35] *Гадзяцкий С. С.* Водская и Ижорская земли Новгородского государства.— ИЗ, М., 1940, кн. 6, с. 120, 145.
[36] *Рыбаков Б. А.* Ремесло..., с. 545; Железная руда в Сенненском уезде Могилевской губернии.— МГВ, 1869, № 40.
[37] *Щекатов А.* Географический словарь Российского государства. М., 1805, с. 1146.
[38] *Рокачевский С.* Опыт собирания исторических записей о г. Рославле.— ИРАО, 1880, т. IX, с. 509.

Т. А. Пушкина.[39]. Существует мнение, что феодальные усадьбы керамическим производством часто не занимались: керамика покупалась, вероятно, у деревенских мастеров[40]. В Смоленской деревне были, несомненно, и другие производства. У д. Митяево близ Вереи в курганах найдены литейные формы[41].

Расположение основной массы смоленских деревень именно в западной части земли, по Пути из варяг в греки, свидетельствует о роли обмена в жизни смоленской деревни. Села могли предлагать проезжим продукты питания, меха, воск, получая в обмен диргемы, готовые орудия труда, т. д. В города деревня продавала кричное железо. О деревенской торговле свидетельствуют, мы говорили, ювелирные изделия, находимые в курганах к востоку от Смоленска (см. выше). Наиболее покупательной способностью обладали деревни в междуречье Болвы, Десны, Угры и Днепра, Днепра и Западной Двины[42].

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ДЕРЕВНИ

Основу смоленской деревни X—XIII вв. составляли, как и во всей Руси, «люди» — лично свободные общинники, которых становилось все менее. Положение их изучено все еще недостаточно[43]. Устав 1136 г. подробно перечисляет податные волости князя. Можно думать, что удаленные от этих центров селения у городища Оковцы (X в.), например, также в верховьях р. Молодой Туд, на притоках рек Межа, Лучеса, Белая, Обша, на верхнем Днепре, на р. Вязьме и т. д., от личной зависимости еще были свободны. Сюда могли внезапно завернуть княжеские вои и обложить жителей данью-контрибуцией, князь даже мог планировать «полюдье» с этих удаленных уголков, но население считало еще себя свободным и уступало лишь силе.

Наши источники упоминают несколько категорий населения. Устав Ростислава называет еще «истужников», которые населяли, помимо других крестьян, 9 погостов Вержавлян Великих: «у Вержавлянех у Великих 9 погостъ, а в тех погостех платит кто же свою дань и передмѣръ истужници по силѣ, кто что мога»[44]. «Истужники» не встречается в других источниках. А. А. Зимин полагал, что это «быть может, лица, не участвовавшие в общинной раскладке податей», Т. А. Сумникова не дала объяснения этого слова, определив его лишь как существительное[45].

[39] *Сизов В. И.* Гончарное дело в Гнездовских курганах Смоленской губернии.— Труды XII АС, М., 1905, т. III, с. 312, 313; *Пушкина Т. А.* Лепная керамика Гнездовского селища.— Вестник МГУ. Сер. история, 1973, № 3.
[40] *Седов В. В.* Сельские поселения..., с. 120—122.
[41] *Арциховский А. В.* Митяевские литейные формы.— В кн.: Техника обработки камня и металла. М., 1930; *Рыбаков Б. А.* Ремесло..., с. 147.
[42] *Успенская А. В.* Нагрудные поясные привески.— Труды ГИМ, М., 1967, вып. 43, карты на с. 97, 101, 109.
[43] *Черепнин Л. В.* Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности IX—XV вв.— В кн.: Пути развития феодализма. М., 1972, с. 169.
[44] ДКУ, с. 141.
[45] ПРП, 1953, т. I, с. 46; Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963, с. 106.

Наименование податного населения княжеских домениальных владений тоже не вполне ясно, как неясно и то, в каких формах получался с них княжеский доход. Л. В. Черепнин отмечал, что смерды княжеских вотчин весьма близки к положению княжеского холопа. «Эксплуатация смерда государством, а затем князьями-вотчинниками» — вехи на пути закрепощения населения в эпоху древней Руси [46]. Закладничество — одна из форм перехода смердов-данников в разряд зависимого населения княжеского домена» [47], но наблюдения над историей Смоленской земли и ростом ее территории показали, что при Ростиславе значительная (если не основная) территория княжеского домена была получена путем насильного захвата части северных радимичей, два-три малых племени которых, как мы говорили, составили особую часть княжеской вотчины, удаленной от Смоленска [48].

Устав Ростислава называет два, очевидно, домениальных села, передаваемых князем церкви в 1136 г.: «село Дросенское со изгои и землею» и «село Ясеньское и з бортником и з землею, и с изгои». Заметив, что Ростислав жаловал церкви земли в разных местах, И. И. Смирнов пришел к выводу, что два названных села в домен не входили и Устав, следовательно, демонстрирует «факт превращения в земельные владения смоленского епископа общинных земель». А. А. Зимин показал ошибочность этого построения: эти села «резко отделены от основных смоленских земель и (как раз!) помещены среди тех, к которым применительно понятие «уезд княж». Причина «лоскутности» владений, передаваемых церкви, имеет, мы видели, свое объяснение» [49]. Если оба села были домениальными, то как же назывались их основные жители? Эти смерды на княжеской земле, видимо, были холопами [50].

Изгоев также упоминает Устав Ростислава. Говоря о них, исследователи прежде всего обращаются к нему, ибо в нем «изгойство» выступает не как «юридический институт», а как «явление исторической действительности» [51], но выводы у многих не совпадают. «Изгой» происходит от слова гоить — жить. Это лицо, следовательно, лишенное прежней жизни, но кем лишенное и куда затем приставшее? По И. И. Смирнову, это выходцы из свободных общин, перешедшие к другой общине, по Б. Д. Грекову, изгои это те, которые жили в селах церковных, княжеских, боярских; состав их сложен, наиболее часто они выходили из холопов через отпуск-выкуп, А. А. Зимин также связывает их с церковью [52]. В Уставе

---

[46] *Черепнин Л. В.* Русь..., с. 182.
[47] Там же, с. 178.
[48] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976.
[49] *Смирнов И. И.* К вопросу об изгоях: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 105—107; *Зимин А. А.* Холопы на Руси. М., 1973, с. 268; *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава..., с. 106—107; *Он же.* Домен Ростислава Смоленского...
[50] *Зимин А. А.* Холопы на Руси.
[51] *Смирнов И. И.* К вопросу об изгоях, с. 106.
[52] *Зимин А. А.* Холопы на Руси, с. 268.

Ростислава, мы полагаем, это смерды, порвавшие с общиной, став изгоями, стремились попасть под власть феодала в селах его домена, где они оказывались на полусвободном положении, но где их охранял господин.

В селах феодалов, нужно думать, были и другие категории населения. Устав Ростислава называет нам прощеников и бортника в селе Ясенском. Возможно, что прощеники — несвободное население усадьбы, переданное церкви (феодал «простил» им их обязательства) [53].

ВОТЧИННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Письменные источники почти не сохранили сведений о возникновении смоленской вотчины, неясно, когда она возникла. Г. Ловмяньский справедливо полагает, что «села племенной знати, по всей вероятности, гораздо древнее, чем села князей» [54].

До захвата Смоленска Олегом (882 г.) им правили старейшины — выходцы местной родо-племенной знати кривичей. Знать эта, без сомнения, уже владела собственными земельными угодьями и, богатства ее все возрастали. Сплошными разведками П. Н. Третьякова вблизи Смоленска среди других многочисленных поселений было выявлено много укрепленных замков ранних феодалов, которых в других частях земли, по свидетельству того же П. Н. Третьякова, гораздо меньше. В Краснинском районе, например, на крайнем западе левобережной Смоленщины по Днепру и его левым притокам Мерее, Лупне, Свиной, Лосвине он обнаружил десять городищ, из которых девять оказались раннесредневековыми замчищами, хотя некоторые имели и более ранние напластования [55]. Наблюдения исследователя были мною продолжены: в этих же районах постоянно находят различные вещи, которые можно связать со смоленской домонгольской знатью. Золотой змеевик из Краснинского у. (с. Ковшичи, 1888 г.), великолепный браслет-наручник с изображениями птиц в романских арочках (Романово Горкинского у., 1897 г.), клад домонгольского серебра из русла р. Лупны Краснинского у. (1853 г.), крест-энколпион из того же уезда (1892). Напомню село со знаменательным названием Княжево (Княжее) в Краснинском у., с большим сравнительно количеством богатых инвентарей в курганах [56]. П. Н. Третьяков верно объяснил скученность феодальных усадеб к западу от Смоленска большей плодородностью земель. В районах восточнее Смоленска или значительно южнее — по Сожу, Остру и Десне, несмотря на сравнительную густоту крестьянского населения древности, феодальных усадеб было гораздо менее. Зем-

---

[53] *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского..., с. 88.

[54] *Ловмяньский Г.* О происхождении русского боярства.— В кн.: Восточная Европа в древности и в средневековье. М., 1978, с. 95.

[55] *Толстой И. И.* О русских амулетах, именуемых змеевиками.— ЗРАО, нов. сер. СПб., 1888, т. III, вып. 3/4; *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1897, т. V, с. 158, рис. 219; Смоленский вестник, 1853, № 21; *Писарев С.* От исторического музея.— Смоленский вестник, 1892, № 111.

[56] Хранится в ГИМе.

ли там были сильно заболочены (районы работ В. В. Седова по Наготи и т. д.), либо слишком удалены от Смоленска (территории на трех остальных реках).

КНЯЖЕСКИЙ ДОМЕН

Княжеский домен историки Руси часто понимают по-разному. Говорят о домене «Русская земля» и о разделе его между Киевом и Черниговом (1024) [57], о «черниговско-северском домене» [58] и т. д. Под княжеским доменом мы понимаем личные владения князя, которые остаются за ним вне зависимости от занимаемого им княжеского стола и являются, следовательно, наследственной собственностью. Другой вопрос, когда эти личные владения князя возникают. И. Я. Фроянов приходит к справедливому заключению, что княжеский домен в X в. еще не существовал [59]. О развитом домениальном хозяйстве мы читаем лишь в XI в. в Правде Ярославичей. Значит, XI в.— время формирования княжеского домена в южнорусских землях. Но это не везде так. В Смоленской земле княжеский домен начал возникать, очевидно, в XI в., когда было выделено княжество. Первый смоленский князь Станислав, направленный в Смоленск еще Владимиром Святым, был, как мы говорили, чисто номинальной фигурой, у него, вероятно, были свои владения, но о них и нет никаких данных. Этот князь не вмешивался капитально в местные дела и, можно полагать, лишь вживался в местную боярскую среду, хотя и прокняжил в Смоленске несколько десятилетий.

Положение изменилось в корне после организации для младших Ярославичей Смоленского княжества. Перед Вячеславом Ярославичем, несомненно, сразу же возник вопрос о его материальном обеспечении, о данях, видимо, и о личных земельных владениях, необходимых для прокормления княжеской семьи и т. д. В том же 1054 г. дань у варягов была отнята, что было, очевидно, первым условием существования нового самостоятельного княжества в то время. Дань тогда взималась только с 12 пунктов [60] и доходы этого рода были, следовательно, намного скромнее, чем в XII в. Не был простым и вопрос о княжеских личных землях, поскольку земли вокруг Смоленска захвачены смоленской родовой знатью, «старейшинами» [61] и князю удалось втиснуться в их владения, как мы показывали, лишь чересполосно (почему в XII в. смоленская епископия и получила земли вокруг Смоленска не компактным куском, а в разных местах) [62]. Чересполосные владения долго князя удовлетворять не могли, особенно при Ростиславе, семья которого была непомерно большой и в его

[57] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика древней Руси. М., 1968, с. 27.
[58] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 156.
[59] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974, с. 51. См. также: *Черепнин Л. В.* Еще раз о феодализме в Киевской Руси: Из истории экономической и общественной жизни России. К 90-летию Н. М. Дружинина. М., 1976.
[60] *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского..., с. 91.
[61] Там же, с. 96; *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского.
[62] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского..., с. 56.

долгое княжение все разрасталась. Нужны были новые владения и не разбросанные, но компактные, пусть и в отдалении от столицы. Такие отдельно лежащие земли в XII в. были в Ростово-Суздальской земле, в Турово-Пинской, в Черниговской и, вероятно, в др.[63] По мнению В. В. Седова, районы междуречья Двины — Днепра — Ловати — Волги были землями, освоенными смоленскими кривичами в IX—X вв. «Все (эти) наиболее платежеспособные волости расположены в той части,— добавлял он,— где известны длинные курганы и где, следовательно, славянизация края началась еще в середине I тыс. н. э.». Однако причины платежеспособности северо-западных земель Смоленской земли оппоненты В. В. Седова справедливо видели не в этом и не в особом плодородии их (доказана их меньшая плодородность в сравнении с землями южной Смоленщины), но в расположении на волоках великого водного пути[64]. Южные, сильно заселенные земли северных радимичей, по предположению Е. А. Шмидта, платили князю не непосредственно, как на севере, а через феодалов, их поселения нам неизвестны, так как в источник (Устав Ростислава) не включены. Н. Н. Воронин предположил, что разница в поступлениях с «Севера» и «Юга» — в меньшей христианизации населения юга[65]. Ближе всего к истине был, по-видимому, Е. А. Шмидт. Южные земли, присоединенные к Смоленску лишь между 1116 и 1136 г.[66], платили смоленскому князю, но не посредственно через феодалов (как он предположил), а прямо самому князю. В раскладку же даней они не шли, так как земли, на которых жило это податное население, были личным княжеским доменом.

Не расчленяя княжеских доходов и полагая, что все это была княжеская дань, А. Н. Насонов показал, что «в первой половине XII в. явилась потребность у смолян укрепить свои права на территории радимичей, где смоленская дань дошла до Пропойска на Соже и до Зароя (Заруба.— *Л. А.*) на Ипути (Десне.— *Л. А.*) и образовались смоленско-черниговские рубежи». Оплот этого наступления исследователь справедливо видел в пограничных с радимичами городах Мстиславле и Ростиславле, которые, «судя по их названиям, были построены только в первой половине XII в.»[67]. Эти наблюдения можно уточнить и развить. «Дань» проникла к северным радимичам лишь по их водным магистралям — Десне (Пацынь, Заруб) и Сожу (Кречут, Прупой). Она не была большой, и с большей реки — Десны — ее поступало больше (по 30 гривен), с меньшей же — Сожа — меньше (по 10 гривен). Мы видели, что северные земли радимичей были сильно заселены, а это означает, что дань с основной части сел в названных пунктах не собиралась. Они вносили только «свою» дань

---

[63] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского..., с. 56.

[64] *Седов В. В.* Некоторые вопросы географии Смоленской земли. Приложение. Обсуждение доклада.— КСИА, 1962, вып. 90, с. 22, 23.

[65] Там же, с. 24.

[66] *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского...

[67] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 159, 171.

как центры на путях сообщения. Прочие же села были захвачены князем себе немедленно после того, как все северные радимичи были присоединены к Смоленску. Центром этих земель стали княжеские города Мстиславль и Ростиславль, возникшие почти одновременно (возможно, Ростиславль немного ранее). О связи с князем свидетельствуют находки в том и другом городе — костяное навершие с княжеским знаком, близким Ростиславу Смоленскому, найденное в слое пожарища первоначального поселения (обгоревшим); также части деревянной чаши с рисунками воинов, «распревшихся» с князем [68]. В Мстиславле таких прямых находок, связанных с князем, не встречено, но есть предметы, возможно, имеющие отношение к князю: костяные пластины колчана с тонким резным орнаментом (XIII в.), подражающие кочевническим пластинам, но и с влиянием романского искусства [69]. Кажется неслучайным возникновение именно в этих княжеских городах (помимо Смоленска) не менее трех церквей, выстроенных из плинфы в конце XII — начале XIII в.— в период грандиозного каменного строительства в самом Смоленске. В крупном городе младших Ростиславичей — Торопце таких построек не возводилось. Мы уже отмечали, что предположение о компактной части княжеского домена подтверждается летописью: в 1154 г., узнав о смерти киевского князя Изяслава, Долгорукий немедленно двинулся в Киев, где сел его брат Вячеслав с Ростиславом Смоленским. У Смоленска его застает новая весть: «...брат ти умерл Вячеслав, а Ростислав побежен, а Изяслав Давыдович седить Киеве». Узнав это, «Гюрги поиде к волости Ростиславли. Ростислав же, слыша то и тако, скупя вои своя многое множьство, исполця полкы своя и поиде противу ему к Зарою...» [70]. Новая весть заставила Юрия Долгорукого спешить. Он переменил маршрут и пошел «к волости Ростиславли» [71], т. е. не к Смоленскому княжеству, в котором он уже находился, а к домениальным владениям Ростислава на юге страны, к Зарою (т. е. к Зарубу — Зароя в Смоленской земле нет, «Разрытый» же, принятый П. В. Голубовским, неверен по антитезе смысла). Показательно, что Ростислав пошел не вдогонку Юрию, как было бы, если бы он был в Смоленске, а против, навстречу. Значит, бежав через Любеч из-под Чер-

[68] *Алексеев Л. В.* Древний Ростиславль.— КСИА, 1974, вып. 139.

[69] *Алексеев Л. В.* Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии.— СА, 1962, № 4.

[70] ПСРЛ, 1962, т. II, стб. 476, 477.

[71] Указание на эту волость смущает исследователей со времен В. Н. Татищева. Он переводил его, изменив текст и события: Юрий «пошел к Смоленску. И пришед к области Смоленской, уведал.. (.) пошел в пределы Смоленские» (*Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1964, т. III, с. 51). Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев это место обошли. С. А. Андриянов считал, что Ростислав достиг Смоленска и оттуда начал переговоры с Долгоруким (Указатель к осьми томам ПСРЛ, отд. II. Географический. СПб., 1907, с. 430). Сейчас неверно истолковал это место Ю. А. Лимонов, вновь приблизившись к В. Н. Татищеву: «Когда Юрий подходил к Смоленску, навстречу ему вышел Ростислав» (*Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967, с. 59). Неточен в его понимании и Б. А. Рыбаков: «...все князья встречали его (Долгорукого) у своих владений: Ростислав у Заруба...» (*Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 114).

нигова, где он едва не погиб, Ростислав бросился в свои домениальные земли на юге Смоленской земли: это и была та «волость Ростиставля», о которой упоминает летописец. Здесь он собирал расстроенные войска и, узнав о движении Долгорукого через его домен, ринулся ему навстречу. Ясно, что суздальский князь, узнавший о событиях в Киеве, от Смоленска пошел кратчайшим путем, по которому через 16 лет везли самого умирающего Ростислава [72].

Итак, в районе Десны были земли княжеского домена и земли эти соседили с территориями по Десне, платившими в Смоленск дань, а может быть, даже частично на них находили. Село Рогнедино, где умер Ростислав (1167 г.), было в даннической волости Заруб [73], но принадлежало сестре Ростислава — Рогнеде. Соседний топоним Княгинино (именуемый ранее и Малым Рогнединым) [74] также принадлежал, очевидно, ей. На поле у Рогнедина есть остатки каких-то построек из плитнякового кирпича («плитняк своеобразной формы» [75]). Как я указывал, плитняком в Рославльском у. называли, судя по А. Ракочевскому, плинфы [76]. Крестьяне, видимо, распахивали землю, где стояла церковь из плинф, принадлежащая Рогнеде или ее потомкам.

Рост княжеского домена не ограничивался лишь южными территориями — росла и центральная его часть. В Уставе 1136 г. названа волость Мирятичи с малой данью в 10 гривен. Она прилегала с запада к землям центрального домена Ростислава и получила свое наименование от р. Мерея. В 1165 г. Ростислав (уже киевский) передал Василев и Красн «Романови Вячеславлю внуку» [77]. По упоминанию далее Витебска, ясно, что речь идет именно о смоленских городах, а не о киевских (как иногда думают, не углубляясь в источник) [78]. Современный смоленский город Красный — на р. Мерее, летописный Красн — в 12 км от него на притоке Мереи — Луппе [79] (рис. 14). Неподалеку и Василев (усадьба декабриста

[72] ПСРЛ, т. II, стб. 530—531; *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава, с. 57. Наше определение термина «волость Ростиславля», как название его домениальных владений подкрепляется «Похвалой князю Ростиславу», написанной вскоре после смерти этого князя (1167 г.), где сказано, что он «уял часть области своея» для епископии, а часть эта, мы видели, и выделена из княжеского домена (*Щапов Я. Н.* Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в.— ТОДЛ, Л., 1974, том XXVIII, с. 59).

[73] *Раппопорт П. А.* О местоположении смоленского города Заруба.— КСИА, вып. 129, с. 172.

[74] Областные известия.— Смоленский вестник, 1891, № 87, с. 3.

[75] *Ш(ук)ин Ал(ексей).* Памятники рославльской старины.— Там же, 1894, № 81. Это же сообщал И. И. Орловскому в 1894 г. и любитель местной старины рогнединский дьякон Алексей Садовский (СОГА, ф. 391, оп. 4, д. 139); есть и более точные сведения: «...камни и обломки плитняка» разбросаны «среди крестьянских полей между деревнями Вормино и Княгинино» [Щ(укин?). Село Рогнедино.— Смоленский вестник, 1891, № 55, с. 2].

[76] *Алексеев Л. В.* Древний Ростиславль, с. 83.

[77] ПСРЛ, т. II, стб. 525.

[78] *Толочко П. П.* Киевская земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв., 1975, с. 33.

[79] *Седов В. В.* Некоторые вопросы географии Смоленской земли XII в.— КСИА, вып. 90, 1962.

Рис. 14. Городище Зверовичи — древнерусский «город» Красн (Краснинский район Смоленской области)

М. Пестеля). Близкое расположение этих двух пунктов и также «парой», как расположены одноименные города в Южной Руси (Василев на левом берегу Стугны, а Красн — на правом), наводит на мысль, что смоленские два города возникли не стихийно, были выстроены почти одновременно и по каким-то причинам получили наименования двух близко расположенных в Южной Руси городов. Как это могло быть? Замечено, что наименования некоторых городов Ростово-Суздальской земли повторяют названия городов Переяславской земли и земли далекого Галича и что связано это с Юрием Долгоруким, опиравшимся на поддержку войск Переяславского княжества, где обычно сидел один из его сыновей, и на тесный политический союз с галицкими князьями [80]. Так возникли наименования суздальских городов: Переяславля-Залесского, Галича, Звенигорода, Перемышля, Ярополча и Микулина. Подобное явление мы видим и в Смоленской земле, но наименования заимствуются здесь и в других местах. Если более ранний Заруб повторяет Заруб на устье Трубежа, то города середины XII в. повторяют наименования городов на Стугне и только Дорогобуж — Дорогобуж на Волыни. Какие же события середины XII в. в Южной Руси произвели столь сильное впечатление? Несомненно блестящий поход Изяслава и Ростислава Смоленского (и их дяди Вячеслава) на Юрия Долгорукого 1151 г., кончившийся позорным бегством Долгорукого и его сыновей на р. Руть [81]. Красн, правда, не назван в летописях,

[80] *Раппопорт П. А.* Круглые и полукруглые городища.— СА, 1959, с. 119.
[81] ПСРЛ, т. II, стб. 434—438.

но он был рядом с Василевым, и с ним наверняка были связаны также какие-то действия победителей (и может быть, именно смоленского князя). Дорогобуж волынский был связан с той же борьбой Ростиславичей с Юрием Долгоруким, причем дорогобужцы были всегда на их стороне [82]. Когда в очередной раз Дорогобуж был отнят у Изяслава Долгоруким, тот вызвал из Смоленска помощь, в борьбе участвовали Роман Ростиславич и Ростислав. Оба они на Волынь не ходили, но помогали Изяславу в черниговско-киевских землях. Возвратившись из Южной Руси с победой над грозным Долгоруким, Ростислав, видимо, и решил назвать новые крепости в память этой борьбы: в «окняженных» теперь Мирятичах и далее на восток от Смоленска.

По Уставу 1136 г., «уезды княжи» (рис. 4) были вблизи оз. Немыкарский и с. Свирковые Луки. Это были, видимо, княжеские угодья, которыми кончался княжеский домен в то время (самые удаленные части центрального домена). Судя по курганам, через небольшой безлюдный (лесной?) промежуток начинались новые скопления поселений, тогда еще князем не освоенные. Они действительно были многолюдны (на р. Каменка, притоке Днепра, в XIX—XX вв. было свыше 100 курганов — д. Харлапово, и много было у соседних деревень) [83]. Население, мы говорили, притягивал здесь волок на Угру. Другое скопление жителей X—XII вв. было и севернее на р. Вязьме. Смоленский Дорогобуж упоминается впервые в грамоте «О погородье» (1211—1218 гг.), когда он был уже развитым и платил крупную сумму епископии, но возник он в середине XII в.[84] По И. М. Хозерову, в Дорогобуже имеются остатки домонгольской церкви из плинф [85]. Все это позволяет заключить, что наступление княжеского домена на скопления свободных общинников в местах, где позднее построили Дорогобуж, началось вскоре после создания епископии (1136 г.), но до 1151 г. (постройка Дорогобужа). Владения Ростислава, очевидно, распространялись на всю волость вокруг, и прежде всего на волок Днепр — Угра. Не исключено, что некоторые современные топонимы отражают это явление [86]. К 1211 г., став «самостоятельным» княжеским центром, Дорогобуж с его каменным храмом из плинф оказался, видимо, и крупнейшим среди периферийных смоленских городов религиозным центром.

---

[82] ПСРЛ, т. II, стб. 395 и сл., 410 (встреча Изяслава дорогобужцами с крестами), 423—441 (участие Романа и Ростислава в делах 1151 г.).

[83] *Чебышева В. М.* Раскопки курганов Смоленской губернии Дорогобужского у. летом 1879 г.— ИОЛЕАЭ, 1886, т. XIIX, вып. 1/2; *Шмидт Е. А.* Курганы XI—XIII вв. у д. Харлапово в смоленском Поднепровье.— МИСО, Смоленск, 1957, вып. 2, с. 184—280.

[84] *Алексеев Л. В.* Исследования в древней Смоленщине.— АО 1972 г. М., 1973.

[85] *Хозеров И. М.* Рукопись в ГТГ, с. 41. (*Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979, с. 347).

[86] Например: с. Рославль и р. Рославка под Дорогобужем у волока; оз. Свядицы-Акатово, оно же Ростиславово в Духовщинском у. (*Орловский И. И.* Краткая география Смоленской земли. Смоленск, 1907, с. 165); также д. Рославичи на верхнем Соже (Россия, СПб., 1905, т. IX, с. 321).

Расширение княжеского домена предположительно может быть намечено и далее. Красн и Василев, мы знаем, в 1165 г. были отданы Ростиславом Роману, Вячеславлю внуку. Немного западнее Красна (Зверовичи) мы видели действительно топоним Романово (ныне Ленино) с городищем средневекового времени[87]. Еще западнее в верховьях р. Прони, указывал В. Н. Татищев со слов «знатного дворянина», «запустелое городище и неколико здания каменного видно, имени же никто не знает»[88]. Не остатки ли это церкви домонгольского времени в домениальных владениях смоленских князей? Все остатки древних храмов домонгольского времени в Смоленской земле вне Смоленска находятся на домениальных землях смоленских князей (Мстиславль, Ростиславль, Дорогобуж, возможно Вязьма). Не приходится сомневаться, что рост домена в центральной части Смоленской земли шел в направлении юго-запада.

Домен Ростислава продолжал развиваться и при его потомках. Если все церкви из плинфы вне Смоленска действительно отражают домениальные княжеские города, то и Вязьма, где также найдены плинфы[89] и вещи «курганных типов»[90], и есть остатки средневекового городища[91], в конце XII в., или скорее в первой половине XIII в. вошла в княжеский домен. Вязьмы нет в грамоте «О погородьи», видимо, центром, контролирующим все течение Вязьмы, она стала между 1218 г. и серединой XIII в. (когда постройки из плинф прекратились). В 1239 г. Вязьма была якобы у Андрея Владимировича Долгорукого[92]. Раскопки, вероятно, прольют свет на время возникновения этого города.

Итак, смоленский княжеский домен состоял из двух частей — той, которую князь получил при создании смоленского княжения (1054 г.), и той, которую он захватил в соседних землях. Домен неуклонно разрастался за счет «окняжения» свободных общинников — мирятичей, и западнее их территории (Басея?), жителей вокруг волока Днепр — Угра, на р. Вязьме. Рост княжеской семьи приводил к дележу домениальных владений и передаче части из них другим княжеским родственникам. Так, в 1180 г. Мстислав Романович получил Мстиславль и т. д.[93].

Княж двор. Центром княжеского домена был, как обычно, «княж двор» — термин, под которым понимали и двор самого князя и его хозяйство[94]. На княж двор сходились все нити княжеского хозяйства и управления как доменом, так и всей землей. Здесь концентрировались главные чиновники князя, охраняемые, судя по Правде Ярославичей, двойной вирой. Подобно тому как у Юрия Долгорукого был Красный двор в городе Киеве и «другой за Днепром», у смоленского князя был двор в самом Смо-

[87] *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. Минск, 1971, с. 218.
[88] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1963, с. II, с. 240.
[89] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска..., с. 347.
[90] В городском саду Вязьмы в 1897 г. найдена сердоликовая бусина и пряслице (Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1897 г., № 119; *Спицын А. А.* Обозрение, с. 185).
[91] Россия, т. IX, с. 353.
[92] Россия, т. IX, с. 349.
[93] *Краснянский В. Г.* Город Мстиславль. Вильна, 1812, с. 42.
[94] *Львов А. С.* Лексика Повести временных лет. М., 1976, с. 109.

ленске (позднее перенесенный на Смядынь) и двор за Днепром у ц. Петра и Павла. В каждом дворе была своя церковь, которая сообщалась обычно с дворцом (ц. Петра и Павла соединялась хорами со вторым этажом дворца). На княжих дворах (Красном и остальных), судя по описанию дворов Святослава Ольговича в Путивле и Игоря в сельце [95], был хлев, амбар (бретьяница), имелся «товар», который «не мочно двигнути» (в сельце это слитки меди, железа и т. д.). В погребах — съестные припасы и вина. В путивльском дворе было 700 человек челяди, в смоленском, вероятно, и больше. В сельце еще упомянуто хранение на дворе 900 стогов сена. В смоленский княж двор поступали «все дани смоленские» в «истых кунах», «продажи», «виры», «полюдье» и все натуральные доходы: рыба, измеряемая санями, воск, хранящийся в «головах» и т. д.[96] В 1136 г. двор был еще на детинце, а после передачи его епископии (1150 г.) он переехал на Смядынь, либо (и, возможно, это вернее, ибо только там был найден домонгольский слой) к ц. Петра и Павла за Днепр. Переданный по Уставу «тетеревник» в действительности — княжеский егерь и отношения к заднепровской церкви не имел [97]. Вопрос о княжеском дворе в Смоленске может быть решен только археологически.

УСАДЬБЫ ПРОЧИХ ФЕОДАЛОВ

В Смоленской земле обнаружены не только поселения соседских общин — миров, вервей с их погостами и святилищами, но и укрепленные замки феодалов. Особенно много их, мы указывали, на запад и юго-запад от Смоленска, где земли были более плодородными. По раскопкам городища Ковшары выяснилось, что население этой усадьбы было занято различными производствами — кузнечным, гончарным, бондарным, косторезным, ювелирным, литейным, обработкой дерева, кожи и, вероятно, кости [98]. Ремесло там стояло выше деревенского и отличалось от городского [99].

На городище в устье р. Россажи было выявлено 19 остатков древних деревень (древнейшие, как полагает В. В. Седов, X—XI вв.), вблизи были (ныне распаханные) курганные могильники. В начале XII в. у самого большого селища в устье Россажи, на правом берегу Сож возник феодальный за́мок — Ковшаровское городище, владелец которого, очевидно, подчинил себе ближайшее сельское население. Верховья Россажи, где остатков феодальной усадьбы нет, но есть остатки, как считает В. В. Седов, святилища, ковшарскому феодалу уже не принадлежали и, по мысли названного исследователя, были заняты свободными общинниками [100].

---

[95] ПСРЛ, т. II, стб. 333—334.

[96] ДКУ, с. 141—145.

[97] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Раскопки в Смоленске в 1966 г.— СА, 1969, № 2, с. 210.

[98] *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии.— Научные известия Смоленского государственного университета, Смоленск, 1926, т. 3, вып. 3, с. 225 и сл.

[99] *Рыбаков Б. А.* Ремесло..., с. 496, 497.

[100] *Седов В. В.* Некоторые вопросы...; *Он же.* Сельские поселения...

Такое сочетание офеодализированных и свободных деревень (если предположение В. В. Седова верно) крайне интересно и важно для наших дальнейших заключений.

Сходная картина — в бассейне р. Наготи. Здесь есть феодальное поселение Воищина, известная из летописи, а также сохранились остатки не менее восьми деревень домонгольского времени, самое раннее из которых относится к IX—X вв. В стороне был (ныне распаханный) курганный могильник, который к тому же (как считает автор исследования) был «при святилище наготьской общины, удаленной от поселений языческой поры» [101]. Появление в этих местах крепости феодала и здесь подчинило общинников, а под давлением христианизации святилище перестало функционировать.

Несколько иначе было в наиболее близком к Смоленску бассейне р. Десна. Крупных болотистых местностей (в отличие от предыдущих местностей на Наготи и выше) здесь не было, и не удивительно, что с. Дросненское принадлежало, как мы видели, князю. В этих местах археологически выявлен центр местной общины IX—XI вв.— Богородицкое селище, названное по располагавшемуся здесь некогда монастырю Богородицы. В нем, в «пяти поприщах» от Смоленска, спасался в конце XII в. Авраамий Смоленский, и место это, так сказано в его житии, «Селища нарицают» [102]. Монастырь, возникший, видимо, в XII в., именовался «Богородицким на Селище», и В. В. Седов предполагает, что он был первым «феодалом» окрестных земель, который уже в XII в. выполнял административно-судебные функции и собирал поборы с общинников [103].

Исследования названного ученого позволили наметить следующие археологические признаки, характерные для городищ — феодальных замков, которыми они отличаются от сельских поселений: 1) наличие укреплений; 2) находки предметов вооружения (в частности, оружия, характерного, как он считает, для феодалов, и предметов вооружения всадников); 3) находки стеклянных браслетов (сельское население их не носило); 4) следы имущественного неравенства (различие жилищ, наличие богатых вещей и т. д.) [104].

Городища Воищина и Бородинское. В качестве примера феодальных усадеб служат раскопанные В. В. Седовым городища Воищина и Бородинское. Воищина, упоминаемая летописью под 1258 г., находится на останце среди болот р. Наготь. Почти треугольная площадка (30/45 м) была окружена валом с деревянными стенами и имела шестиугольный донжон. На площадке находилось 9 бревенчатых построек без полов (пол был настлан лишь в одной). Жилища отапливались глинобитными печами. Судя по находкам, основным занятием жителей было земледелие и скотоводство (где на первом месте был рогатый скот). Охота имела меньшее

---

[101] *Седов В. В.* Сельские поселения...
[102] *Розанов С. П.* Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912, с. 24.
[103] *Седов В. В.* Сельские поселения..., с. 48.
[104] Там же.

значение. Ремесло не было особенно развито, местным было только производство стеклянных браслетов [105]. Жители Воищины пользовались оружием — луком, стрелами, копьями, кинжалами. Из орудий труда найдены топоры, долота, токарный резец. Во всех домах обнаружены шиферные пряслица. Украшений мало: стеклянные браслеты, три бусины, три перстня, две булавки (одна с красной эмалью), из предметов культа — два крестика. Много и бытовых предметов — замки, ключи, гребни и т. д. Не занимавшаяся ремеслом Воищина, заключает В. В. Седов (исключение — стеклянные браслеты), вывозила в Смоленск меха и продукты сельского хозяйства из подвластных феодалу деревень. В обмен ввозилось все необходимое в хозяйстве феодала.

Нарисованная картина повторяется и на Бородинском городище, но есть и отличия: много сельскохозяйственных орудий (серпов, кос, жерновов). Для потребностей феодала были развиты, как думает В. В. Седов, некоторые виды ремесла. Однако топоры, тесла, скобель, долото, перовидное сверло — вряд ли говорят об этом — это предметы хозяйственного быта городища, которые не непременно свидетельствуют о ремесле. На Бородинском городище занимались домашним ювелирным делом (ювелирная наковальня), волочением проволоки (волочило). Оружия здесь больше, чем на Воищине, и найдена великолепная бронзовая булава, упомянем кольчугу, стремена, удила и т. д. Украшений также больше и многие из них вятические — билоновые семилопастные кольца, например хрустальные шарообразные бусы, двурешетчатые двузигзаговые перстни. Эти вещи вятического ареала в Смоленщине редки, но есть: с. Княжее Краснинского у. (раскопки В. И. Сизова: 7 хрустальных бусин с кривичскими височными кольцами и одним ромбощитковым — новгородских словен, ГИМ), под Дорогобужем (такая же бусина, раскопки А. А. Спицына и Эйбоженко, ГИМ), решетчатые перстни, Климово (раскопки В. И. Сизова — двузигзаговый перстень). Таким образом, мысль В. В. Седова о возможной колонизации волости вятичами [106] вероятна, но наверняка это утверждать нельзя. Здесь есть характерная прибалтийская пряжка [107], перстни с изображением грифона и др. Самая ранняя вещь на памятнике — серебряная лунница скано-зерненая, известная, как указывает автор раскопок, из кладов X—XI вв.

---

[105] *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 132—135.

[106] *Сергеева З. М.* О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории древней Руси.— КСИА, 1977, вып. 150.

[107] *Седов В. В.* Сельские поселения..., с. 80, табл. II, с. 117, табл. 116.

ГОРОДА

ДРЕВНИЙ СМОЛЕНСК

В малоразработанной еще теме о древнерусских городах домонгольского времени городам Смоленской земли принадлежит особенно важное место. Здесь был расположен кривичский племенной центр Смоленск [1], контролировавший важнейшую водную коммуникацию древности — Путь из варяг в греки. В IX—X вв. город был известен византийцам и скандинавам (а последние не только здесь торговали, но также и жили). Изучению древнейшей истории Смоленска способствует прекрасный комплекс археологических памятников в Гнездове. История других смоленских центров также в особо благоприятных условиях: помимо кратких летописных сообщений и данных археологии здесь сохранился комплекс смоленских епископских грамот XII—XIII вв., который позволяет проследить развитие почти 50 местных центров от середины XI в. до второго десятилетия XIII в. и выяснить, какие и когда из них безусловно стали городами, а какие этого уровня еще не достигли.

Наши древнейшие летописи свидетельствуют, что Смоленск известен уже в IX в. В недатированной части Повести временных лет о нем говорится как о городе, существующем исстари. Под 862 г. в сравнительно поздней, Устюжской (Архангелогородской) летописи [2], сохранившей следы смоленского летописания [3], сообщается, что Смоленск «велик и мног людми» и управлялся старейшинами [4]. Плывшие мимо Аскольд и Дир не решались его взять и довольствовались, видимо, захватом Полоцка и маленького градка Киева. Олег завоевал Смоленск и посадил там «муж свои», но для такой операции потребовалось войско из варягов, словен, мери, веси и кривичей (вероятно, псковских). С независимостью Смоленска было покончено, и летопись умолкает о нем на 133 г. Только из труда Константина Багрянородного мы знаем о Смоленске X в.: отсюда сплавляют по Днепру однодревки, продают в Киеве для оснащения ладей и плавания по морю [5].

[1] «...их же (кривичей.— *Л. А.)* градъ есть Смоленскъ, тудѣ бо сѣдять кривичи...» (ПВЛ. М.; Л., 1950, т. I, с. 13).

[2] О ней см.: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, с. 346—350.

[3] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 161; *Воронин Н. Н.* Следы раннего смоленского летописания.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972; *Воронин Н. Н.* Два смоленских фрагмента в Устюжском летописном своде.— ВИ, 1975, № 2.

[4] Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950, с. 20.

[5] Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, с. 60.

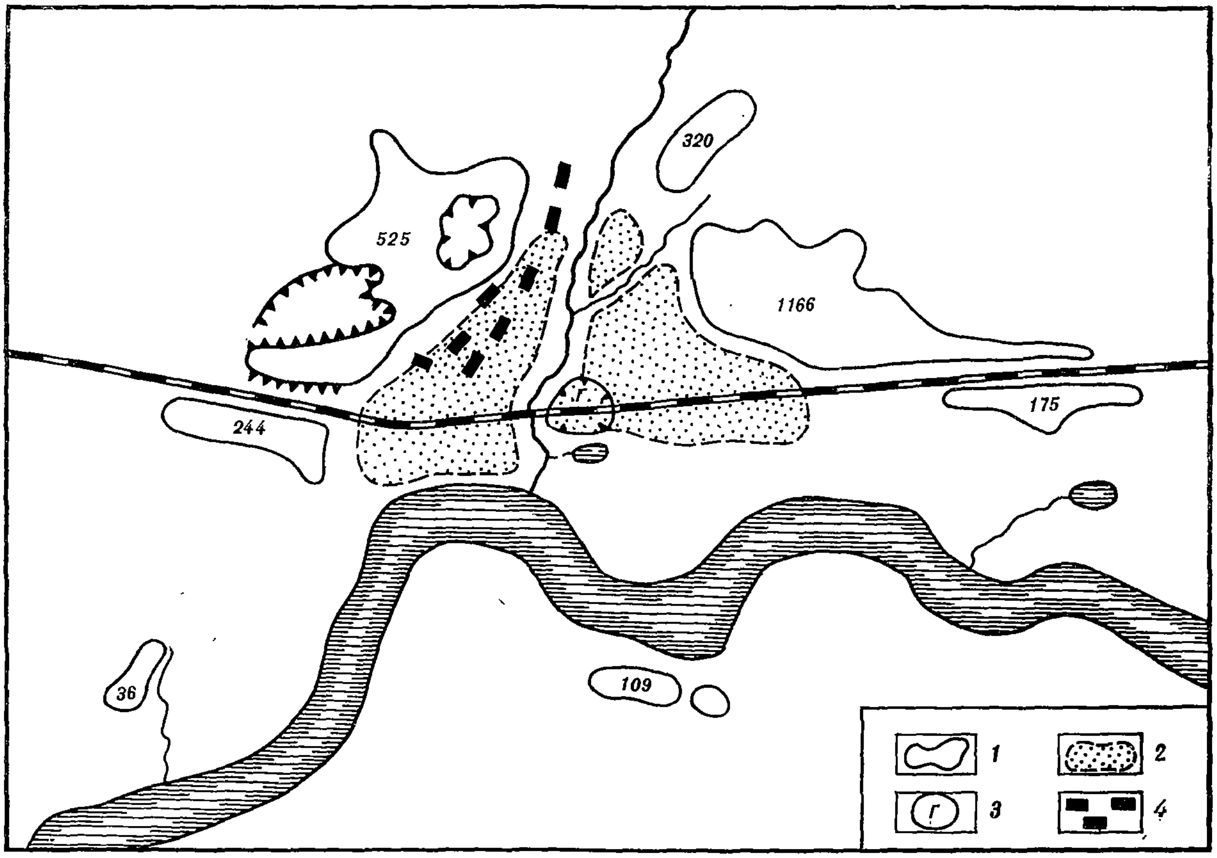

Рис. 15. Гнездовский комплекс памятников (древний Смоленск IX — начало XI в.). План (по А. Н. Лявданскому, Е. А. Шмидту)

1 — курганы, 2 — селище, 3 — городище, 4 — современная д. Гнездово (цифры — количество курганов)

Итак, в воспоминаниях о древнейшем Смоленске, которыми пользовались летописцы XII в., Смоленск отложился как крупный племенной центр кривичей — многолюдный город, управлявшийся старейшинами, имевший, можно думать, свое племенное святилище, обширный курганный некрополь и т. д. Однако 25-летние раскопки Смоленска Д. А. Авдусиным не обнаружили следов пребывания там человека в IX — начале XI в. Значит, в то время город находился где-то в другом месте поблизости: перенос городов — частое явление средневековья[6].

«Гнездовский» Смоленск. Западнее современного города, по Днепру, расположен знаменитый громадный комплекс памятников у с. Гнездово, датируемый IX — началом XI в. Он состоит из небольшого городища, селища вокруг него (площадью в 16 га) и подковообразно окаймляющего их крупнейшего в мире курганного могильника (37,525 га)[7], состоящего здесь сейчас из 2539 насыпей, делящихся на группы: центральную (769),

[6] См.: *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске.— СА, 1977, № 1, с. 84.

[7] *Кислов М. Н.* Приемы топографической съемки гнездовских курганов.— КСИИМК, 1952, вып. XLVII, с. 118.

Рис. 16. Вещи из раскопок гнездовских курганов (некрополя древнего Смоленска IX — начала XI вв.).

лесную (1661) и левобережную (109) (рис. 15, 16). Курганы тянутся также и дальше вдоль Днепра. Сохранилось всего 3 тыс. насыпей, в 1923 г. удалось проследить уничтоженные курганы, составляющие $^1/_5$ существующих. Всего, следовательно, в районе Гнездова было не менее 5 тыс. курганов [8]. Из Гнездова происходят и восемь (9?) кладов арабских монет, найденных только за последние сто с лишним лет (!), датирующихся X в., т. е. тем же временем, что и весь комплекс [9].

Изучение гнездовских памятников началось с раскопок курганов М. Ф. Кусцинским в 1874 г. и затем продолжалось В. И. Сизовым, В. Д. Соколовым, С. И. Сергеевым, Е. Н. Клетновой, Г. Бугославским и др.

Первые исследователи интерпретировали памятник по-разному. В. И. Сизов, раскопавший 500 курганов, в 1902 г. характеризовал его как чисто славянский, «где возможный варяжский элемент не играл господствующей роли». Среди прочего населения он выделил купцов-воинов — зажиточных людей (захоронение в центральной группе курганов). К этой группе населения он отнес и похороненных в Гнездове варягов. При этом ученый недоумевал: «каким образом такая населенная и промышленная (ремесленная — *Л. А*). местность могла остаться незамеченной для древних летописцев?»,— и твердо находя, что Гнездово связано со Смоленском, предположил, что Гнездово «было погостом Смоленска и что здесь в Гнездове с древнейших времен развивалась торгово-промышленная жизнь, в то время как Смоленск был только острожком, или крепостью, где сидел правитель («муж княжой»), ездивший на полюдье, или принимавший дань, или товар, с окрестных мест. Население Смоленска, писал В. И. Сизов, было в то время незначительное и только административно-военное, и потому оно не оставило после себя ясных следов. «Основываясь на находках в Смоленске С. П. Писарева, ученый отметил отсутствие с них аналогий с курганными древностями Гнездова [10]. В. И. Сизов полагал, что оба гнездовских городища (Центральное — у самой деревни, при ручье Свинец (Свинка), и другое, расположенное западнее, у р. Ольши) служили укреплениями древних поселков, которые тянулись, судя по курганам, «длинной полосой» у правого берега Днепра [11]. После смерти В. И. Сизова (1904) эту мысль развивал А. А. Спицын: Гнездово — древний Смоленск, который располагался на Ольшанском городище, откуда Олег перенес его на Центральное городище, а при Ярославе Мудром город был перенесен на новое место [12]. Мысль ученых в основном, мы уви-

[8] *Лявданский А. Н.* Материалы для археологической карты Смоленской губернии.— Труды смоленских музеев, Смоленск, 1924, вып. I, с. 5.

[9] Д. А. Авдусин полагает, что Гнездово в IX в. не существовало, но большинство исследователей с этим не согласно (*Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152, с. 114, 115; *Булкин В. А., Назаренко В. А.* О нижней дате Гнездовского могильника.— КСИА, 1971, вып. 125).

[10] *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии.— МАР, СПб., 1902, вып. 28, с. 125 и сл.

[11] Там же, с. 125, 126.

[12] *Спицын А. А.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева.— ИАК, 1905, вып. 15, с. 7.

дим, была верной (но к этому мы возвращаемся лишь теперь). В 1909 г. местным историком Г. К. Бугославским было выдвинуто утверждение, что у Гнездова «не было никакого поселения», ибо это некрополь Смоленска, находящегося на современном месте [13]. Тщательное обследование окрестностей Гнездова А. Н. Лявданским ранней весной 1924 г. позволило установить, что в Гнездове есть обширное селище, где «хорошо виден культурный слой» с посудой, которая «ничем не отличается (..) от большинства керамики Гнездовского могильника». «С открытием селища,— писал А. Н. Лявданский,— становятся более понятными и те случайные находки отдельных вещей и кладов, которые имели место в Гнездове» [14]. Помимо селища ученый определил, что от его керамики не отличается и посуда Центрального и Ольшанского городищ. Таким образом, А. Н. Лявданский был первым, кто установил, что Гнездово — сложный комплекс единовременных памятников, и тем самым поставил всю проблему Гнездова на подлинно научные рельсы. Однако сделав свои поразительные открытия и отвергнув «неосновательное заявление Бугославского» [15], вопрос о взаимоотношениях Гнездова и Смоленска ученый предоставил решать другим. В 40—50-х годах наука была возвращена к Бугославскому (Д. А. Авдусин), и только после кратковременных раскопок селища И. И. Ляпушкиным (1967—1968 гг. рис. 17) взгляды А. Н. Лявданского наконец получили права гражданства (см. раздел «Историография»). Гнездовское селище изучается Д. А. Авдусиным специально, и на его материалах его ученики пишут диссертации [16].

Рис. 17. Серебряное семилучевое височное кольцо из раскопок И. И. Ляпушкина 1967 г. на Гнездовском селище, IX в.

Что же собой представляет древнее население Гнездова? Прежде всего оно было в значительной мере полиэтничным. Помимо пяти десятков курганов с захоронениями норманнов (их было намного более, чем полагает Д. А. Авдусин, так как огромное количество погребений — особенно муж-

[13] *Бугославский Г.* О результатах изысканий Гнездовского могильника.— Смоленская старина, Смоленск, 1909, т. 1, вып. 1.
[14] *Лявданский А. Н.* Материалы..., с. 15—18.
[15] Там же, с. 15, прим. 1.
[16] *Пушкина Т. А.* Гнездовское поселение в истории смоленского поднепровья (IX—XI вв.): Автореф. канд. дис. М., 1974.

ских — этнически неопределимы) [17] и одного — финки с Верхнего Поволжья, в курганах найден ряд погребений с обрядом, напоминающим восточных балтов (типа Акатовского могильника V—VII вв.). От последних, как полагает Е. А. Шмидт, этот обряд воспринят населением, оставившим длинные курганы. Есть и другие захоронения, которые, по мысли того же исследователя, деталями инвентаря напоминают погребения восточных балтов и перенесены сюда как «субстратный» пережиток «ассимилированного местного населения» [18]. Та же картина наблюдается при исследовании гнездовского поселения: «орудия труда, приемы домостроительства, формы керамики имеют широкие аналогии в первую очередь среди древностей балтских и славянских (вероятно, точнее, славянских и балтских.— *Л. А.*) племен Восточной Европы» [19]. Норманнские древности обнаружены также на гнездовском селище. Исследовавшая его Т. А. Пушкина отмечает, что первоначальный гнездовский поселок был смешанным из славян и скандинавов и лишь к концу X в. «местные балты и пришлые скандинавы были ассимилированы мощным потоком славян» [20].

Занятия населения Гнездова с отчетливостью прослеживаются на материалах как из раскопанных курганов, так и из селища и городища. Остатки земледельческих орудий крайне редки, больше свидетельств о ремесле и торговле. На селище еще И. И. Ляпушкиным было найдено много остатков шлаков, тиглей, литейных форм и незаконченных вещей. Документированы специальности: кузнечное и слесарное дело, ювелирное, стеклоделательное, керамическое производства и др. Ювелиры Гнездова создавали свои изделия, по-видимому, в расчете на местный рынок: спектральный анализ их продукции выявил ряд местных особенностей сплавов, которые частично напоминают сплавы Скандинавии и Прибалтики. Это, возможно, свидетельствует о едином источнике сырья, попадавшего в Гнездово путем торговли [21]. В разноэтничной среде мастеров появлялись изделия «смешанных типов». Клейма гончарной посуды, по предположению Т. А. Пушкиной, указывают на несколько гончарных мастерских [22]. Среди домашних промыслов материалы селища свидетельствуют об охоте, рыболовстве. Есть данные о ткачестве, обработке кости, домостроительстве, изготовлении ладей.

Торговля играла в гнездовском поселении едва ли не первую роль: памятник расположен в начале пути из Днепра на Двину. Здесь, как мы говорили, найдено самое большое количество кладов (и отдельных нахо-

---

[17] Оппоненты Д. А. Авдусина вполне правомерно предлагают исключить из рассмотрения все этнически неопределимые курганы и не считать их славянскими (*Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения.— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 247).

[18] *Шмидт Е. А.* Об этническом составе населения Гнездова.— СА, 1970, № 3.

[19] *Пушкина Т. А.* Гнездовское поселение..., с. 15.

[20] Там же.

[21] *Пушкина Т. А.* Гнездовское поселение..., с. 15, 16.

[22] Там же.

док) арабских монет на территории Смоленской земли, и их численность ежегодно возрастает, как и количество импортных вещей. В Гнездове, мы видели, особенно сильна была связь со Скандинавскими странами, а весь характер памятника, как недавно доказано, близок многим поселениям Скандинавии [23].

Социальный состав населения Гнездова выявлен довольно определенно. Как уже показал Д. А. Авдусин, и с ним согласился Т. Арне, гнездовское население делится на три ярко выраженные группы: дружинный, подчинявший себе остальное население и состоявший из двух групп — военных вождей «пока еще племенной дружины» и рядовых дружинников и третьей группы — «воев»-ополченцев [24]. Первая представлена «Большими курганами» с богатым инвентарем вместе с женскими погребениями (по Д. А. Авдусину, рабынями), вторая — курганами с предметами вооружения, поясными наборами, гирьками от весов и весами, третья — самые многочисленные — безынвентарными погребениями в курганах.

Серьезнейший вопрос датировки гнездовского комплекса памятников все еще решается исследователями неоднозначно. В. И. Сизов и А. А. Спицын верно датировали его IX — началом XI в. В работах раннего периода Д. А. Авдусин нижней датой Гнездова считал IX в. и видел этому основания, например, в древностях раскопанного им кургана № 38 (две монеты династии Аббасидов, из которых на одной читается дата 842—843 гг., сердоликовые и хрустальные 14-гранные бусины IX в. [25]). Сейчас исследователь пересмотрел датировки гнездовских курганов и значительно их «омолодил» (подробному рассмотрению, правда, подвергнуты всего три кургана [26]). Основываясь на датировках М. В. Фехнер скандинавских гривен с молоточками Тора (X — начало XI в.), он считает, что IX в. «в Гнездове нет вовсе», курганов первой половины X в. немного, а основная масса насыпей, поддающихся датировке, относится ко второй половине X в., где якобы более всего и скандинавских захоронений [27]. Подобная передатировка гнездовских древностей значительно «облегчает» решение гнездовской проблемы, ибо все скандинавские вещи оказываются несвязанными с варягами IX в., о которых говорит летопись, но на самом деле затемняет его, так как вводит новые неясности и главное, как увидим, не соответствует истине. На IX в. в Гнездове настаивают И. И. Ля-

---

[23] *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка.— В кн.: Культура средневековой Руси: К 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974, с. 11—17.

[24] *Авдусин Д. А.* Раскопки в Гнездове.— КСИИМК, 1951, вып. 38, с. 80; *Arne T. J.* Op. cit., S. 146.

[25] *Авдусин Д. А.* Раскопки в Гнездове.— КСИА, 1951, вып. 38, с. 79.

[26] Особенно сильному «омоложению» подверглись датировки курганов в популярных и научно-популярных работах Д. А. Авдусина (см. об этом *Булкин В. А., Назаренко В. А.* О нижней дате Гнездовского могильника.— КСИА, 1971, вып. 125, с. 14).

[27] *Фехнер М. В.* О происхождении и датировке железных гривен.— Труды ГИМ, 1966, вып. 40; *Авдусин Д. А.* К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии.— В кн.: Смоленск: К 1100-летию упоминания города в летописях. Смоленск, 1967, с. 74 и сл.

пушкин, В. А. Булкин, В. А. Назаренко, Е. А. Шмидт [28] и др. Как указывают исследователи, определяя датировки железных гривен, М. В. Фехнер рассматривала их суммарно. На самом же деле было необходимо дифференцировать на группы: железные гривны без подвесок, амулеты-подвески в виде молоточков Тора без гривен, гривны с амулетами-подвесками в виде молоточков Тора — и разбирать датировку каждой группы в отдельности [29]. И. В. Дубов отмечает, что в Бирке найдена 51 гривна с молоточками Тора, но город прекратил существование к концу X в., и гривны эти найдены далеко не в поздних комплексах [30]. Он указывает находки этих предметов в довикингских погребениях Швеции (комплекс Вальсгерда 6), датируемый Г. Арвидссоном около 750 г. [31], и приводит ряд указаний на то, что гривны с молоточками Тора в Скандинавии датируются широко — с VIII по начало XI в., заключает, что так они должны датироваться и у нас, и исправляет Д. А. Авдусина в датировке кургана № 15 (10) из раскопок М. Ф. Кусцинского в Гнездове, который датируется не серединой X в., а около 900 г. (как его датировал А. Н. Кирпичников по типу найденного меча) [32]. Как мы видим, по приведенным данным, IX в. в Гнездове присутствует несомненно, что не отрицается также и учениками Д. А. Авдусина [33].

Рядовые жители Гнездова, по-видимому, более всего занимались торговлей, но также и ремеслом. Отмечалось, что поселение это значительно отличалось от древнерусских городов X — начала XI в. как по планировке, так и «по времени существования, а в известной мере и по формам социальной организации». «Появление такого рода поселений обусловлено в первую очередь своеобразием торговли IX—XI вв., охватывающей широкие слои населения». Такие центры возникали на «бойких перекрест-

---

[28] *Ляпушкин И. И.* Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы.— В кн.: Культура древней Руси. М., 1966; *Он же.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152, с. 114, 115; *Булкин В. А., Назаренко В. А.* О нижней дате Гнездовского могильника; *Шмидт Е. А.* К вопросу о древних поселениях в Гнездове.— МИСО, Смоленск, 1974, вып. VIII.

[29] *Дубов И. В.* О датировке шейных железных гривен с привесками «молоточков Тора».— Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 262 и сл.; *Булкин В. А., Назаренко В. А.* О нижней дате..., с. 15.

[30] *Arbman H.* Birka: Die Greber. Stockholm, 1943, Bd. 1, S. XVII; *Дубов И. В.* О датировке..., с. 264.

[31] *Arwidsson G.* Volksgäre 6. Uppsala, 1942, taf. 36 (пользуюсь указанием на это издание И. В. Дубова: *Дубов И. В.* О датировке...).

[32] Ответ И. В. Дубову Д. А. Авдусина удивляет: «Возражение Дубова (1970) не может быть принято, ибо он учитывает датировку подобных гривен в Скандинавии, а не в СССР и не принимает во внимание, что М. В. Фехнер (1967) уже сравнивала датировки этих находок на обеих территориях» (*Avdussin D. A.* Gniozdowo — der Nachbar von Smolensk.— Zeitschrift für Archäologie, 1977, N 2, S. 282). Во-первых, указанная работа И. В. Дубова посвящена именно пересмотру сравнительной датировки гривен М. В. Фехнер, а во-вторых, если автор не воскрешает некогда им оставленную идею о русском производстве гривен с молоточками Тора, то выходит, что скандинавские гривны, попав на Русь, приобретают иную датировку!

[33] *Пушкина Т. А.* Гнездовское поселение...

ках торговых путей» и именовались в Северной Европе «виками» [34]. Идея о сходстве Гнездова с такими «виками», в частности с Биркой в Швеции, Скирингссалем в Норвегии и Хедебю в Дании мне представляется исключительно плодотворной [35]. Это объясняет многое в истории Смоленской земли IX–X вв., всей Руси (и ждет своего исследователя).

Правомерно ли вслед за последними построениями Д. А. Авдусина [36] считать, что в IX–XI вв., на верхнем Днепре всего в десяти километрах друг от друга располагались два огромных древнерусских центра, один из которых — кривичское торгово-ремесленное поселение, где в течение одного столетия (судя лишь по захоронениям!) жило не менее 4–5 тыс. человек, в основном торговцев-воинов, которое было окружено крупнейшим в мире курганным могильником, имело городище (может быть святилище), а другой (только по современному названию!) должен быть летописным Смоленском, который «велик и мног людми» и управлялся старейшинами [37]. Как представляет себе Д. А. Авдусин реальные взаимоотношения предполагаемых им «политического» и «торгового» центров [38], расположенных бок о бок? Знает ли он этому исторические примеры? Не приходится сомневаться, что подобный уникальный симбиоз двух крупнейших центров древней Руси («удвоенный Смоленск») должен был бы играть выдающуюся роль в экономической и политической жизни Восточной Европы и может быть, даже соседних стран X в. Возможно ли, чтобы летописцы не нашли бы случая о нем упомянуть хоть раз? М. Н. Тихомиров первый указал на «малую вероятность» такого соседства (Д. А. Авдусин это место из его труда всегда опускает!) и, не зная об отсутствии в Смоленске слоев IX–X вв., присоединился к тогдашней точке зрения Д. А. Авдусина, что Гнездово — удаленный от Смоленска городской некрополь [39].

[34] *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка, с. 15. О северо-европейских торговых центрах типа «вик» см.: *Jankuhn H.* Typen und Funktionen vor- und früwikingerseitlicher Handelsplätze im Ostseegebiet. Wien, 1971.

[35] *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка.

[36] *Awdussin D. A.* Gniozdowo — der Nachbar von Smolensk.— In: Zeitschrift für Archäologie, 1977, H. 2.

[37] Устюжский летописный свод, с. 20, 21.

[38] *Avdussin D. A.* Gniozdowo — der Nachbar von Smolensk, S. 288, 289. Других примеров аналогичного соседства где-либо двух крупных городов в IX—X вв. здесь не приводится. Я получил любезную консультацию специалистов по западноевропейскому средневековью Л. А. Котельниковой и Ю. Л. Бессмертного: подобного сосуществования рядом двух городов в гораздо интенсивнее населенной Западной Европе в IX—X вв. они не знают и считают это невозможным.

[39] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956, с. 28. У этого исследователя проскальзывает еще один «аргумент» в пользу изначального места Смоленска: по житию Бориса и Глеба, ладья Глеба, остановившаяся на Смядыни, была якобы видна из города — «подробность заимствована, видимо, из рассказов очевидцев»,— писал М. Н. Тихомиров (*Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 30). Но он был не прав: в Житии фигурирует распространенный на Руси идиом, встречающийся и позднее и означающий близость того, о чем идет речь: «и поиде от Смоленьска, яко зрѣемо, и ста на Смядынѣ» (ПВЛ. М.; Л., 1950, т. I, с. 92; ср.: татары «стапа перед Златыми вороты яко зрѣимо» — ПСРЛ. Л., 1928, т. I, вып. 2, стб. 517). Этот

«Летописи не знают Гнездова, вероятно, по той причине,— пишет Д. А. Авдусин, почему им мало знакома и вся Смоленская земля со Смоленском» и видит этому основания в том, что Смоленск не упоминается в летописи с 882 по 1015 г.[40] Но летописцу не мог быть мало известен главный город у волоков крупнейшей коммуникации Руси, и причины здесь, очевидно, в ином. Автор также забывает, что Смоленск все-таки неоднократно фигурирует в летописях, Гнездово же — ни разу! «Летописи не знают Гнездова» потому, что именуют его Смоленском! Существование «Гнездовского» Смоленска подтверждается и археологией. Ряд летописей сообщает, что Владимир Святой посадил в Смоленске своего десятого сына Станислава[41]. Этот факт, мы говорили, бесспорен, так как о нем сообщает византийская хроника Георгия Кедрина, в этой своей части восходящая к Иоанну Скилице (XI в.)[42], и известие это, как показал А. А. Шахматов, «заслуживает всяческого внимания» (вероятно, Станислав и умер там в 1036 г.)[43]. Где же был город, которым управлял Станислав? Остается предположить — в Гнездове. И действительно, именно там найдена его тамга![44]

Смоленск предстает теперь как центр смоленских кривичей, обнесенный, вероятно, какими-то укреплениями (деревянными и небольшими), и не удивительно, что, узнав о его величине и многолюдстве, Константин Багрянородный принял его за большую крепость. Дань в этом городе делилась с варягами и со Станиславом (и через него с Киевом),— город был достаточно богат. Князь же его был слаб, с варяжской данью не боролся, а проезжие купцы по тогдашнему времени вынуждены были блокироваться друг с другом и быть воинами. Не исключено, что соседние Полоцк и Витебск имели то же происхождение, что и Смоленск, правда, пока это лишь предположение.

Все больше раздается голосов в пользу того, что Гнездовский комплекс — остатки первоначального Смоленска IX—X вв., но оснований этому почти еще не приводится[45].

идиом совершенно верно и не буквально переведен Д. С. Лихачевым («отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне» — ПВЛ, т. I, с. 292). Аналогичный идиом есть и в современном русском языке, отнюдь не понимаемый буквально: «рукой подать». Что касается очевидцев, то в 1072 г., когда создавалось Житие, об убийстве знали по рассказам уже отцов и дедов. Житие, к тому же, далеко не полноценный источник для наших целей: он был испорчен вставками, подгонявшими его под шаблон, пришедший из Западной Европы (легенда об убийстве Вячеслава чешского X в. (*Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957, с. 52), также вставками «благочестивого» характера (обоих святых убивали чуть ли не во время молитвы) и т. д.

[40] *Авдусин Д. А.* Гнездово и Днепровский путь, с. 168.

[41] ПСРЛ. М., 1965, т. XV, стб. 113 (и другие летописи).

[42] *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1958, t. I, S. 273, 274.

[43] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908, с. 89, и прим. 2.

[44] *Ширинский С. С.* Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1966, с. 223.

[45] В работах В. Л. Янина и М. Х. Алешковского этот сложный вопрос лишь ставился (*Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода.— История СССР,

Не обойдем и наименования «Гнездово». Здесь оно встречается в документах сравнительно поздно, но вряд ли случайно, а в нашем толковании приобретает и особый смысл. «Название «Гнездово»,— писал М. Н. Тихомиров,— связывается с понятием «гнезда», по-древнерусски, рода. Вероятно, такого происхождения и название одного из древнейших польских городов — Гнезно» [46]. Гнезно — столица древнепольского государства IX в. На денарии Болеслава Храброго (около 1000 г.) есть надпись civitas Gnezdun (город Гнездун), что может быть, подкрепляет эту гипотезу Тихомирова [47]. Гнездовский Смоленск — родоплеменной центр днепровских кривичей с громадным некрополем и может быть святилищем — был в представлении современных ему жителей тоже «гнездом» с названием Смоленск. После переноса Смоленска на современное место весь старый комплекс города стал именоваться Гнездом, и отсюда наименование деревни, которая ныне стоит на месте заброшенного древнего центра [48]. Эту же мысль мы находим у Т. Арне, который не согласился с Д. А. Авдусиным в его требовании возвратиться к Г. К. Бугославскому и придерживался точки зрения А. А. Спицына: «Я предполагаю, что наименование Гнездово возникло после основания теперешнего Смоленска, чтобы обозначить гнездо, из которого развился город» [49]. Впрочем известны случаи, когда старые части городов, когда они не забрасывались, получали и особое наиме-

1972, № 2, с. 61; *Алешковский М. X.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV вв.— СА, 1974, 3, с. 110; *Он же.* Повесть временных лет. М., 1971, с. 128). Осторожнее высказывался В. А. Булкин: «До настоящего дня поселение в Гнездове относится к более раннему периоду, чем жизнь в Смоленске. Это не дает, однако, основания для утверждения, что Гнездово — место происхождения Смоленска, но делает такое предположение вполне вероятным» (*Bulkin V. A.* On the Classification and Internation of Archaeological Material from the Gnezdovo Cemetery.— NAR, vol. 6, N 1, 1973, S. 121). Сейчас наши выводы о тождестве Гнездова и Смоленска этим исследователем полностью поддерживаются (*Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске...; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники древней Руси IX—XI вв., Л., 1978, с. 51). К тому же убеждению пришли независимо от нас сейчас П. А. Раппопорт и Н. Н. Воронин (*Раппопорт П. А., Смирнова А. Т.* Архитектурные достопримечательности Смоленска. М., 1976; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Древний Смоленск.— СА, 1979, № 1).

[46] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 17.

[47] *Hensel W.* Najdawnijsze stolice Polski. Warszawa, 1960, c. 15 и сл. Автор указывает еще подобное наименование под Пуцком — «Гнежджево» (Любопытно, что подобно Гнездову, Гнездо также имел, видимо, святилище, с которым связан, можно полагать, топоним Святое озеро).

[48] Нужно сказать, что наименование Гнездово и близкие в Восточной Европе часты и обычны там, где есть следы древних жителей (курганы и т. д.): *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94, с. 192, прим. 10 (Гнездилово); *Ляпушкин И. И.* Славяне накануне образования древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152, с. 82 (Гнездилово); *Покровский Ф. В.* Археологическая карта Виленской губернии.— Труды ВОМПК, Вильно, 1893, с. 5 (Курганы у д. Гнездилово). *Лявданский А. Н.* Некоторые..., с. 281; *Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды.— Известия ОРЯС, Л., 1924, с. 259 (Гнезна); *Писарев С. П.* О городках Смоленской губернии.— Смоленский вестник, 1882, № 52 (городище у д. Гнездилово).

[49] *Arne T. J.* Die Waragerfrage und die sowietrussische Forschung.— In: Acta Archeologica, København, 1952, vol. XXIII, S. 143.

нование другого рода[50].

Княжеский Смоленск. Не приходится сомневаться, что в таком историческом городе, как современный Смоленск, древности находят постоянно: остатки древних церковных зданий и деревянных построек, «россыпи» плинфы и цемянки (по И. Д. Белогорцеву, таких мест в городе 46), деревянные мостовые, саркофаги, гробы в виде «дубовых колод», «каменные трубы» (?), древние вещи и монеты[51]. Классификация всего этого еще ждет исследователя.

Древний Смоленск располагался на обеих сторонах Днепра. На левом возвышенном берегу среди холмов Соборный, Вознесенский, Казанский и Георгиевский протекают ручьи (соответственно): Пятницкий, Воскресенский и Егорьевский. На правобережье возвышается в отдалении от берега Покровская гора и текут ручьи: Городянка, Ильиновский и Курпошевский. Мысль, что древнейшая часть современного Смоленска была на Соборной горе, высказывалась уже давно. И. И. Орловский отметил между Троицким монастырем и этой горой «сухой ров», через который некогда был перекинут якобы подъемный мост[52]. На этой же горе еще в 1902 г. виднелись еще следы вала — ныне лишь небольшое повышение уровня южной части[53].

Культурные отложения на детинце датируются не ранее второй половины XI в. В монгольское время здесь высилось не менее трех каменных построек (из плинф): Успенский собор Мономаха (1101 г.), кирпичное здание со сходом с угла вблизи края детинца и бесстолпная капелла[54].

[50] Во Владимире древняя часть города именовалась Ветчаный город, что принято связывать с термином «обветшавший» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975, т. II, с. 127, 128), правда, есть диалектное слово вѣтчанин — житель вѣтки, вѣтка — владельческий участок, вдающийся в чужое владение (см.: *Диттель.* Сборник рязанских областных слов.— Живая старина, СПб., 1898, вып. 2, с. 209).

[51] *Белогорцев И. Д.* Новые исследования древнесмоленского зодчества.— МИСО. Смоленск, 1952, вып. 1, с. 88—92; *Правдин В.* Интересная находка.— Рабочий путь, Смоленск, 1927, № 140 (деревянные сооружения); Отклики на заметки.— Рабочий путь, Смоленск, № 166 (по определению И. М. Хозерова, это настил дороги, изображенной на плане Гондиуса 1634 г.); *Мурзакевич Н. Н.* Об открытии древней гробницы в окрестностях г. Смоленска.— Труды и летописи ОИДР. М., 1837, т. VIII, с. 307—309 (саркофаг из Смядынского монастыря); ИАК, СПб., 1907, прибавления к вып. 21, с. 41 (перепечатка из «Нового времени» о находке крестьян д. Чернушки, очевидно, остатков Спасского храма Спасского монастыря с двумя саркофагами белого камня и костяками); Цікавая знаходка.— Савецкая Беларусь. Минск, 1927, № 257 (гробы из колод); «каменные трубы» найдены в 1889 г. на Кирочной ул. (Пушкинской). Ширина 1 ар. 6 вершков, высота 1 ар. 26 вершков. Исследованы на 88 сажень (дневниковая запись В. Грачева.— Архив ГИМ, ф. 350 (В. И. Грачева), д. 2, л. 45). О находках отдельных вещей см., например: Смоленский вестник, 1889, № 204/205. В 1887 г. на р. Чуриловка была найдена часть энколпиона (*Писарев С.* Пожертвования в Смоленский музей.— Смоленский вестник, 1887, № 153).

[52] *Орловский И. И.* Священник Н. А. Мурзакевич, обвиняемый в измене в 1812 г.— Русская старина, СПб., 1903, вып. V, с. 338.

[53] *Орловский И. И.* Смоленская стена. Смоленск, 1902, с. 3, 4; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Смоленский детинец и его памятники.— СА, 1967, № 3, с. 287 и сл.; *Они же.* Древний Смоленск.— СА, 1979, № 1.

[54] По Н. Н. Воронину и П. А. Раппопорту, это — терем (возражения см. в гл. «Архитектура»).

Дальнейший рост города начался с примыкавших территорий ко рвам детинца. При Мономахе если и был окольный город, то непосредственно за Сухим рвом, и его рельеф всего яснее читается на рисунке Гондиуса 1634 г. [55] В 1135 г. этот «город» был уже, видимо, мал: Ростислав «устрои град великии Смоленъскъ» [56]. На изображении Смоленска 1627 г. (рис. 18, 19) С. П. Писарев заметил вал, отсутствующий на позднейших рисунках начиная с 1637 г. (видимо, за десятилетие вал был срыт). «Начинаясь на востоке у Зеленого ручья,— писал историк,— вал шел к западу приблизительно по теперешней улице Козловой Горе (ул. Ленина), в Козловом Овраге он пропадал, а с другой стороны снова появлялся. Далее, пересекая улицы, он имел переправы для переезда (видимо, места проездных башен.— *Л. А.*). Дойдя до Почтовой площади (К. Маркса), он круто повернул к северо-западу (...) и направился по окраине оврага за теперешнею Воскресенской церковью (ул. Большая Воскресенская, ныне — Войковская), наконец, спустился к Днепру, к Пятницким воротам». Справедливость предположения, что это был вал окольного города, подтверждается еще: 1) Авраамиев монастырь, как и Блонье, оказывается за пределами города (что в первом случае соответствует житию Авраамия, а во втором — смыслу наименования [57]); 2) в этой реконструкции укрепления пересекают лишь один овраг; 3) по многолетним наблюдениям Е. А. Шмидта, домонгольские вещи встречаются в городе на территории от Днепра и не далее ул. Ленина (т. е. упомянутой Козловой Горы).

В северной части окольного города его укрепления проходили по кромке верхнего плато Соборной горы, за северной стороной ул. Нижне-Митропольской. Судя по наименованиям расположенных ниже Армянской улицы (Соболева) и севернее, за стеной кремля — Армянской набережной, вся низинная часть до постройки годуновского кремля воспринималась единой территорией с единым, сравнительно правда, поздним названием («Армянская слобода» (?)). Другой единой территорией, относящейся к «митрополичьей» Соборной горе, были два плато: ее северного склона с улицами Верхне- и Нижне-Митропольскими. Вал, следовательно, проходил между этими едиными территориями. Наличие склона и дальше — Днепра, можно думать, позволяли возвести невысокий и неширокий вал.

Низинная церковь Пятницы на Малом Торгу (видимо, некогда не он был основным) располагалась вне пределов окольного города, на Подоле

---

[55] *Покрышкин П. П.* Смоленская крепостная стена.— ИАК, СПб., 1904, вып. 12.

[56] *Щапов Я. Н.* Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 году.— В кн.: Новое в археологии, с. 282, приложение.

[57] *Писарев С. П.* Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 201. *Розанов С. П.* Житие Преподобного Авраамия смоленского и службы ему. СПб., 1912 (епископ Игнатий возвел монастырь вне города). «Блонье» на Руси всегда было вне города: «Володимир (...) ста, исполчивъся передъ городомъ на Болоньи» ПСРЛ, 1962, т. II, стб. 315; 1144 г. «Изяслав же (...) выправися весь из города и ста на болоньи» (ПСРЛ, II, стб. 380, 1149 г.); «поиде полки к Киеву и пришедши, сташа на болоньи в лозах противу Дорогожичу» (ПСРЛ, т. II, стб. 515, 1161 г.), «Видев же Мстислав Ростиславичь пришедшю рать, израдив полки своѣ, выеха на болоньи» (ПСРЛ, т. II, стб. 575, 1174 г.).

Рис. 18. Изображение Смоленска на гравюре 1627 г.

(Подол упоминается в Житии Меркурия Смоленского — местном, хотя и позднем источнике). Рельеф местности показывает, что от упомянутой кромки Нижне-Митропольской улицы вал шел вдоль Воскресенского переулка к Воскресенскому холму (с церковью Воскресения первой половины XIII в., открытой Н. Н. Ворониным). Холм, таким образом, входил в окольный город. Слабые следы этой первой обороны города вне детинца видны еще на рисунке 1627 г. (рис. 18), однако оборонное значение ее было, видимо, утрачено, и впоследствии на гравюры Смоленска она не попадала.

Здесь уместно поставить вопрос о втором вале Смоленска, описанном Н. Н. Мурзакевичем и частично сохранившемся до наших дней. По всем гравюрам XVI—XVII вв. вал этот шел внутри годуновского кремля, у самых его стен. Для Н. Н. Воронина (а затем и П. А. Раппопорта) несомненно, что «к XIII в. левобережный город имел уже два оборонительных пояса, прикрывавших его с напольной стороны; они сохранялись еще в

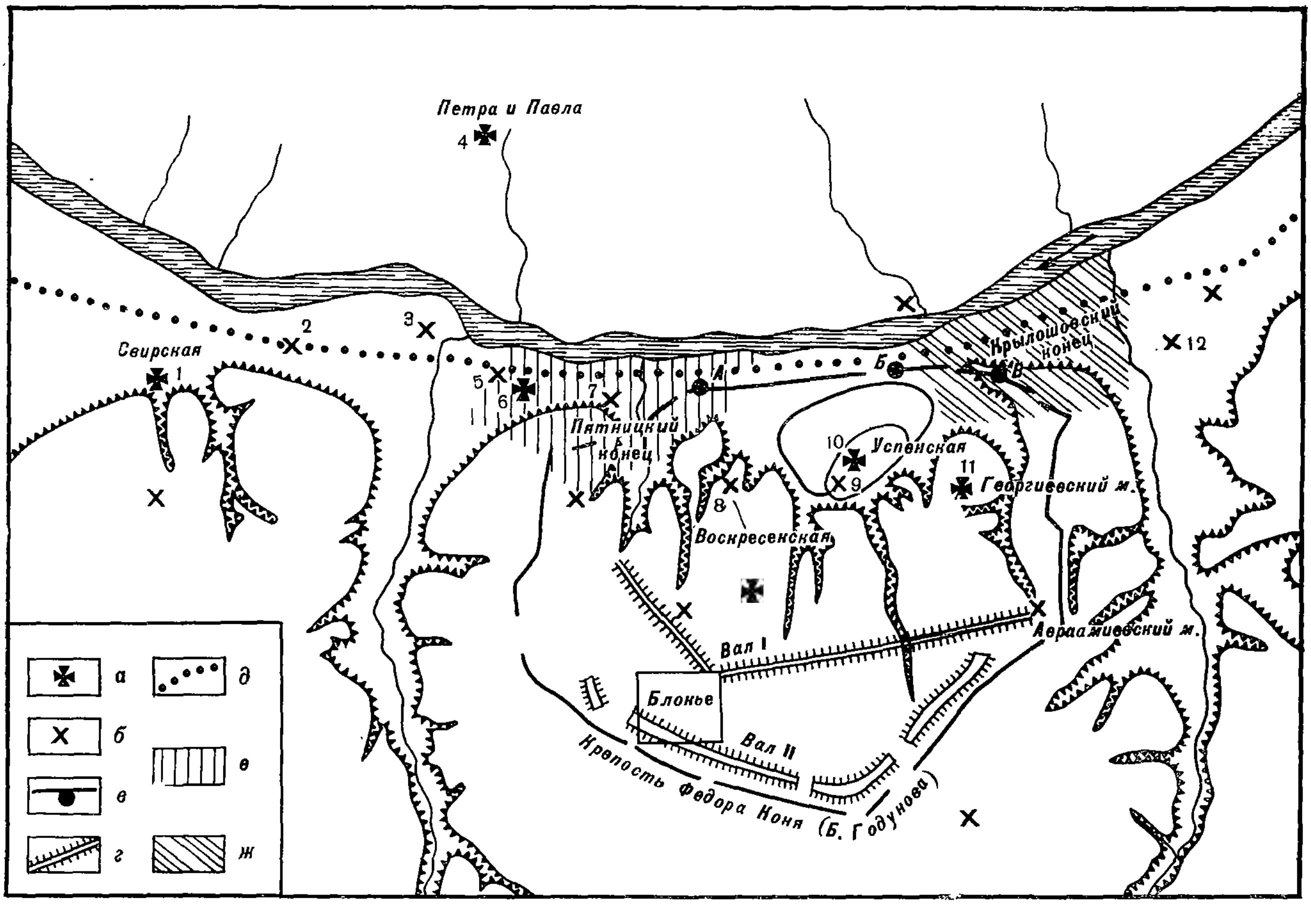

Рис. 19. Топография «княжеского» Смоленска (реконструкция автора) Церкви:

1 — Михаил Архангел, *2* — Безымянная на Б. Краснофлотской улице, *3* — Кирилловская, *4* — Петра и Павла, *5* — «Латинская Божница» (ротонда), *6* — Иоанна Богослова, *7* — Пятницы на Малом Торгу, *8* — на Воскресенской горе, *9* — бесстолпная капелла, *10* — собор Мономаха (1101 г.), *11* — «Терем», *12* — на Большой Рачевке, *13* — Авраамиев монастырь (*9—11* — на детинце); *а* — домонгольские церкви сохранившиеся, *б* — домонгольские церкви, известные по раскопкам, *в* — линия стен и башен крепости Бориса Годунова (зодчий Федор Конь), XVII в. (*А* — Пятницкая башня, *Б* — Крылошанская башня), *г* — валы окольного города Ростислава Смоленского (1135 г.) — внутренний, эпохи развитого средневековья (внешний), *д* — предполагаемая линия улицы Великой, *е* — Пятницкий конец, *ж* — Крылошанский конец

XVII в»[58], т. е. вал у стен Годунова возведен в 1135 г., а внутренний вал. по-видимому, Мономахом в начале XII в. Однако это означало бы, что стены Федора Коня (Годунова) прошли по «живому» городу, так как с XIII по XVI в. он не мог не развиваться вширь. Вместе с тем все рисунки Смоленска за пределами крепости никаких строений не изображают. Их могли не нарисовать, но отсутствие города за крепостью подтверждает опись его 1609 г. Из 38 башен лишь 12, расположенных вдоль Днепра, т. е. как раз

[58] *Мурзакевич Н. Н.* Достопримечательности Смоленска.— ЖМНП, 1835, № 12, с. 11, прим. 24; *Воронин Н. Н.* Два смоленских фрагмента... ср.: *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Древний Смоленск.— СА, 1979, № 1, с. 82, 83.

на местности исстари заселенной, имеют название, остальные 26 в описи названы только в восьми случаях либо когда они были проездными (Копытинская, Молоховская, Еленовская, Авраамовская), либо находились у какого-то известного здания (церкви, монастыря), урочища, возможно, местности (Стефановская, Городецкая, Заалтарная — Авраамовская, Лучинская). Между ними было 18 башен, которые в начальный период существования крепости названий не имели, очевидно, стены были проведены Годуновым по пустырю, и башни были наименованы лишь позднее [59]. Видимо, валы, включающие Блонье (вряд ли это название дошло до нас, если бы эту часть города поглотил бы окольный город еще в XIII в.), были возведены в XV—XVI вв., а кремлем Ростислава следует признать лишь первую систему укреплений, ближайшую к детинцу, укрепленному, возможно, Мономахом. Это был «Старый деревянный город», сохранивший это наименование до Годунова, когда было объявлено: «...ездити в Смоленске в старом городе от Крылошовских ворот на Пятницкие и от Днепра на Духовские ворота» [60].

Кончанское деление было характерно для многих городов Руси. Сохранилось два наименования смоленских концов, которые значатся в письменных источниках: Пятницкий и Крылошанский. Есть глухие данные и о третьем конце — Ильинском [61]. Пятницкая и Крылошанская башни крем-

---

[59] Безымянные в 1609 г. башни получили со временем свои наименования, что и отразилось в более поздних описях: «меж Лучанской и Городецкой» стала именоваться Поздняковской и еще позднее — Роговской; «Первая от Авраамиевых ворот» (1609 г.) — Долгочевской; «Другая от Авраамиевых ворот» (1609 г.) — Зимбулка и т. д. (*Покрышкин П. П.* Смоленская крепостная стена, с. 16—18). Городецкая башня выходила, как предполагалось, на древнее городище (*Орловский И. И.* Смоленская крепостная стена). Любопытно наименование Лучанская. К востоку от Смоленска, юго-восточнее Дорогобужа, на Угре, по письменным источникам, известен Лучин-Городок — ныне д. Городок, возле которого есть курганы и селище с домонгольской керамикой (*Алексеев Л. В.* Исследования в древней Смоленщине.— АО 1972 г. М., 1973, с. 49). Не к нему ли выводила догодуновская дорога (ликвидированная его кремлем) и сохранившаяся в названии башни? В этом случае и Городецкая башня могла бы быть в своем наименовании связана не с городищем, а именно с Лучиным-Городком (следов городища сейчас, по-видимому, нет. Оно предполагается).

[60] Извлечение из Актов исторических. СПб., 1842, т. II, с. 146.

Исторические примеры показывают, что в тех случаях, когда глухие башни возводились на уже заселенной территории, они получали сразу же наименование, даже тогда, когда рядом не было объекта, по которому их можно было бы назвать. Так, в Московском Кремле есть Безымянная Первая и Безымянная Вторая башни. Несмотря на «безымянность», позднее они не были переименованы, так как это были их названия. В Смоленской крепости все неназванные сначала башни позднее были, мы видели, названы. В этом отличие названий башен Кремля, стоящего в центре города, от башен крепости, охватывавшей весь город, включая и необжитые места (как было в Смоленске). Наши соображения о позднем происхождении второго смоленского вала теперь подтвердилось раскопками (*Сапожников Н. В.* Раскопки городского вала в Смоленске.— АО 1978 г. М., 1979, с. 87, 88).

[61] *Арциховский А. В.* Городские концы в древней Руси.— ИЗ, 1945, вып. 16, с. 3. В литературе уже отмечалось, что кончанское деление характерно для северных областей Руси, на юге же киевский Копырев конец является исключением. Со-

ля (рис. 19) указывают, что первый конец лежал к западу от него, а Крылошанский — к востоку. Ильинский ручей — за Днепром, видимо, там только и мог существовать Ильинский конец. Пятницкий конец, очевидно, примыкал к окольному городу Ростислава и включал торг. Он, следовательно, был главным и самым заселенным.

Судя по топографии местности он, по-видимому, охватывал все низинное пространство на правом и левом берегах Пятницкого ручья и доходил до востока до основания Соборной горы. Крылошанский конец занимал всю низину над Днепром на левом берегу Рачевки и, возможно, заходил и на правую сторону, где есть церкви домонгольского времени на Большой и Малой Рачевках, в Окопном переулке и т. д. [62] Имевший, возможно, свою пристань, но удаленный от торга, Крылошанский конец был заселен менее интенсивно, чем Пятницкий, и в XV в. там еще были пустопорожние места. В документе 1492 г. сказано: «...сверх этого позволено церкви и епископу иметь в городе 8 дворов с людми (..) и дано место в Крылошовском конце на пристане Днепра» [63]. Сравнительно поздняя застройка конца домонгольскими церквями (не ранее рубежа XII—XIII вв.), видимо, тоже не случайно: в интенсивности жизни он отставал от Пятницкого. Это, конечно, возможно, но требует дополнительных доказательств.

Как датируются поселения, примыкавшие к детинцу? Дата окольного города неизвестна, так как целенаправленных раскопок не было. Лишь небольшая часть его была затронута работами Д. А. Авдусина на верхней террасе склона соборного холма (Верхне-Митропольская, ныне — Школьная улица), но полученные здесь результаты нельзя, кажется, распространять на весь окольный город. Пятиметровый культурный слой здесь оказался старше XIII в. [64], и это не удивительно, так как, по грамотам епископии 1136 и 1150 гг., в XII в. какая-то часть холма (всего вероятнее, его террасы и склоны) была занята огородами. Важнее нижняя дата 75-метрового культурного слоя — ниже, на Армянской улице (Соболева): слой здесь начал образовываться одновременно с детинцем — во второй поло-

ответствует ли понимание этого наименования «конец» северо-русскому концу, не просто ли это «окраинный конец городской территории», как предположили В. Л. Янин и М. Х. Алешковский (правда, не подтвердив доказательствами)?; *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода..., с. 56). «Копырев» у тюркоязычных народов означает заносчивый, зазнавшийся (т. е. богатый). См.: *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения.— СЭ, 1969, № 4, с. 18. Таким же географическим концом Киева было «Жидове» («Погоре Гора») (...) и в городе «Жидове»: ПСРЛ, М., 1962, с. 228). Видимо, «концы» Киева с его происхождением не связаны, кончанское членение города — северная черта. Есть мысль о связи древнерусских концов с малыми племенами восточных славян (см.: *Lowmianski H.* Poczatki Polski. Warszawa, 1967, t. III, s. 386).

[62] См.: *Писарев С. П.* Княжеская местность. СПб., 1846, т. I, с. 91; *Авдусин Д. А.* Новый памятник смоленской архитектуры (церковь в Перекопном переулке).— СА, 1957, 2; *Воронин Н. Н.* Памятник смоленского искусства XII в.— КСИА, 1965, вып. 104, *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Раскопки в Смоленске в 1966 г.— СА, 1969, № 2; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Раскопки в Смоленске в 1967 г.— СА, 1971, № 2.

[63] *Писарев С. П.* Княжеская местность...

[64] *Авдусин Д. А.* Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957, с. 39.

вине XII в. Он был оставлен, следовательно, теми жителями, которые перешли под стены нового мощного укрепления из Гнездова.

Вдоль левого берега Днепра через городские концы к смядынской пристани и монастырю тянулась длинная дорога-улица. В ряде других городов (Новгород, Полоцк, Витебск, Брячиславль и др.[65]) улица, расположенная так же, именовалась Великой. Наименования этого в Смоленске не сохранилось, но можно думать, что здесь оно также было. В самом деле: в документе 1495 г.: «Дали есмо к церкви Божои Пречистои Соборнои (..) (место) от реки Большое Рачевы обапол дороги Великое, что идет перевозу...» [66] Если так именовалась восточная часть улицы (и у перевоза она не кончалась), то так она могла именоваться и западнее (ее поздние наименования: Богословская, Свирская, ныне обе они составляют Большую Краснофлотскую).

Помимо двух небольших по площади концов, подобно псковским небольшим, тесно прижавшимся к реке[67], в Смоленске была, по-видимому, еще одна густо заселенная территория, примыкавшая с запада к Пятницкому концу, и тянувшаяся, как увидим, до церкви Архангела Михаила. Западная часть этой территории позднее именовалась Свирской слободой, однако при П. Свиньине еще помнили, что раньше слобода эта именовалась Чуриловкой[68]. Речка Чуриловка впадает в Днепр почти сразу же за церковью Иоанна Богослова (XII в.), у ее устья возвышалась некогда домонгольская церковь, остатки которой, известные и ранее, были раскопаны П. А. Раппопортом и датированы временем XII — начала XIII в.[69] Упоминая этот памятник, М. К. Каргер отмечал, что никаких данных для установления его наименования нет. Н. Н. Воронин вслед за местными историками-краеведами называл его церковью св. Марии; но это церковь св. Кирилла: других церквей домонгольского времени на Чуриловке нет. Чурило — по-древнерусски Кирилл. После разрушения в XVI—XVII вв. церкви св. Кирилла приходским храмом этих мест стала, по-видимому, церковь Архангела Михаила и древнее наименование слободы отошло на второй план. Для понимания назначения этой части города необходим небольшой экскурс в смоленские события XII в.

В 1136 г. Ростиславу удалось, наконец, учредить в Смоленске епископию. Приняв это решение в 1134 г., после смерти переяславского епископа

---

[65] *Колчин Б. А.* Топография Неревского раскопа.— МИА, 1956, № 55, с. 47; *Алексеев Л. В.* К истории и топографии древнейшего Витебска.— СА, 1964, № 1; *Он же.* Полоцкая земля, с. 139; *Алексеев Л. В.* Раскопки древнего Браслава.— КСИА, 1960, вып. 81, с. 95; Города, расположенные вблизи торговых путей по рекам, вытягивались вдоль реки, и улица Великая чаще шла параллельно берегу.

[66] АЗР, СПб., 1846, т. 1, № 144.

[67] *Лабутина И. К.* К топографии городских концов Пскова в XV в.— В кн.: Новое в археологии, с. 265, 267 и рис. 1.

[68] *Свиньин П.* Взгляды на достопримечательности здания в городе Смоленске и урочищах, находящихся в Смоленской губернии.— Отечественные записки, 1826, сентябрь, с. 310—311.

[69] *Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Раскопки церкви у устья Чуриловки в Смоленске.— КСИА, 1975, вып. 144.

Маркелла, который противился этому, в 1135 г. Ростислав укрепляет «град великии Смоленск» [70], т. е. окольный город, и отстраивает церковь Спаса «верх Смядыни» [71]. Новый епископ грек Мануил получает на детинце среди других княжеских пожалований «огород с капустником» [72], т. е. рядом с княжеской резиденцией. Почему? Не здесь ли на одной горе с князем было первое епископское местообиталище? Проследим дальнейшее строительство Ростислава в городе. Оно теперь идет в двух направлениях. В 1145 г. он отстраивает в Смядынском монастыре каменный храм [73], в эти же годы на детинце строится бесстолпная капелла, а также какое-то здание (терем или башня). В 1150 г. 15 августа по какой-то причине на детинце происходит освящение собора Мономаха [74], а 30 сентября весь детинец передается уже официально епископу [75].

Если учесть, что в домениальных владениях в южной части земли Ростислав отстроил две крепости — одну назвав своим именем — Ростиславль, а другую именем отца — киевского князя, которого он необычайно чтил,— Мстиславль, то можно признать, что этот князь, может быть понимавший, что его княжение в Смоленске будет длительным, имел крупные планы преобразования и укрепления Смоленской земли. Неизвестно, понимал ли он, укрепляя столицу, грядущую опасность княжеской власти — ее борьбу с растущими силами горожан, но мы видим, что постепенно передавая церкви старую крепость — городской детинец (в 1136 г. огороды и, возможно некоторые строения у Успенского собора, а в 1150 г. уже весь холм детинца), Ростислав усиленно возводил здания (и, вероятно, стены) смоленской святыни — «второго Вышгорода» — Борисоглебского монастыря на Смядыни и рядом еще один монастырь. Заложив в 1145 г. основу — храм Бориса и Глеба, через 5 лет, в 1150 г., т. е. тогда, когда храм был готов, Ростислав смог, видимо, наконец окончательно оставить детинец и переехать в новую удаленную от горожан резиденцию (ее филиалом, полагает Н. Н. Воронин, была еще и загородная, возможно, летняя резиденция в местах княжеской охоты [76] и сохранившаяся до сих пор церковь Петра и Павла, построенная этим князем), находящуюся за Днепром. «Загадочное» освящение епископского собора, следовательно, объясняется просто: храм ремонтировался при окончательной передаче старой крепости епископии.

Итак, к 50-м годам XII в. смоленский князь покинул первоначальную

---

[70] ДКУ. М., 1976; *Щапов Я. Н.* Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича.— АЕ — 1962. М., 1963; *Поппэ А. В.* Учредительная грамота смоленской епископии.— АЕ — 1965. М., 1966; *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации в Смоленской земле.— In: Slowianie w dziejach Europy. Poznan, 1974.

[71] *Щапов Я. Н.* Освящение..., с. 282.

[72] ДКУ, с. 144.

[73] НПЛ. М., 1950, с. 213.

[74] *Щапов Я. Н.* Освящение...

[75] Дата 6659 и 14 индикт указывает на ультрамартовское исчисление, следовательно, дата не 1151, а 1150 год.

[76] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Раскопки в Смоленске в 1966 г.— СА, 1969, № 2, с. 200—211.

резиденцию в городе и, подобно полоцкому князю (в Бельчицах), обосновался либо в самом Борисоглебском монастыре, либо вблизи от него: наступала пора конфликтов князей с горожанами и вне городских стен князь чувствовал себя свободнее... Теперь надлежит вернуться к слободе Чуриловке, для интерпретации которой потребовался весь этот экскурс.

Ростислав правил в Смоленске 35 лет (1125—1159 гг.), за это время у него родилось пять сыновей и, можно полагать, существовали уже и внуки. Семьи сыновей выделялись, многие из них получали, несомненно, земельные наделы в городе в княжестве (в Торопце, мы знаем, позднее сидели князья младшей линии Ростиславичей), но не приходится сомневаться, что каждый Ростиславич, подобно уже упомянутому Давыду, имел свой двор в княжеской столице. Чуриловка была, по-видимому, той территорией вне пределов детинца и окольного города (они были, несомненно, давно застроены, да и селиться князьям, мы видели, там было неразумно), где селились князья. Лучшее место занял, как мы видели, первенец Ростислава Роман. Его двор был у самого Торга. При выделении этого княжича городские конфликты еще так князьям не угрожали. Двор Давыда с церковью Михаила Архангела был уже значительно дальше и ближе к Борисоглебскому монастырю. Ростиславичей было пять, и можно ожидать, что на Богословской и Свирской улицах (в древности Великой?) было еще три двора остальных княжичей и, вероятно, с особыми церквями, которые могли носить названия по их христианским именам. Есть ли какие-либо данные об этих именах? Могли ли так именоваться смоленские княжеские церкви?

Данные, которыми мы располагаем, позволяют говорить уверенно лишь о трех крестильных именах Ростиславичей: судя по летописи, второго сына Ростислава звали Рюрик-Василий, первого же Романа звали в крещении Борис, а третьего — Глеб, крестильные имена остальных Ростиславичей неизвестны, может быть их прояснят новые находки сфрагистических материалов. В Смядынском монастыре при Романе уже стоял Борисоглебский собор, что и объясняет, почему он назвал свою церковь по имени патронального святого его отца — Михаил Архангел. На интересующем нас участке в Чуриловской слободе было еще два храма — св. Кирилла и неизвестного святого на Свирской улице (Большой Краснофлотской). В Борисоглебском монастыре была еще церковь св. Василия, выстроенная в 80-х годах XII в., чуриловские же церкви — в конце XII — начале XIII в.[77] В Киеве в 1197 г. Рюрик Ростиславич на Новом дворе построил церковь своего патрона Василия. Можно полагать, что и в Борисоглебском монастыре им же была построена церковь св. Василия. Остаются две церкви в Чуриловке, которые было бы очень соблазнительно связать со строительством последних сыновей Ростислава (их имена в крещении неизвестны). Церкви могли быть сначала деревянными, но данных для этого, правда, нет.

[77] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв.— В кн.: Древнерусское искусство. М., 1977.

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЦЕНТРЫ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

Источники называют свыше десятка крупных центров Смоленской земли, которые, всего вероятнее, были городами. Летописи говорят о Торопце (XI в.), Мстиславле (1156 г.), упоминаются и другие пункты: Василев, Красн (1165 г.) и др. Однако наиболее ценным является комплекс грамот смоленской епископии, где Устав Ростислава 1136 г. среди трех десятков наименований центров городом называет, мы увидим, только Вержавск [78]. Последний документ комплекса — так называемая грамота «О погородьи и почестьи», написанная во втором десятилетии XIII в., приводит наименования 12 «городов», из которых шесть оказываются новыми по сравнению с Уставом. Однако какие же из названных центров были всего вероятнее городами? Усматривая в епископских грамотах Смоленска эту неясность, М. Н. Тихомиров призывал пользоваться ими с максимальной осторожностью. Впрочем, он отмечал, что в Уставе «проводится ясное различие между городом и погостом. Так, у Вержавлян Великих показано 9 погостов, а далее говорится о городе Вержавске, как центре значительной сельской округи, состоящей из девяти погостов» [79]. Однако дальнейших источниковедческих выводов из этого наблюдения (см. Введение к этой книге) М. Н. Тихомиров не сделал. Что же дают письменные источники?

Мы видели, что список доходов князя, по Уставу Ростислава, составлен был в 1054 г. при выделении смоленского княжения [80]. Он начинался Вержавлянами Великими — волостью наиболее богатой и платежеспособной. В XI в. Вержавск не платил еще специальной дани: возможно его еще вообще не было, а может быть, он рассматривался тогда лишь как центр почти рядового погоста Вержавлян. Между 1116 и 1136 гг. он попал в число даньщиков князя как отдельный центр, независимый от своей волости, вносивший ему отдельно 30 гривен серебра. Если один из подвластных князю пунктов в 1136 г. уже мог выплачивать самостоятельную дань, то можно полагать, что позднее через несколько десятков лет в Смоленской земле будет уже несколько пунктов, «доросших» до такой же самостоятельности. Княжеских документов не сохранилось, но есть епископский, где действительно упоминается целый ряд, правда, не княжеских, но епископских доходов с самых крупных, по-видимому, центров земли. Это — последний документ комплекса смоленских епископских грамот, до сих пор должным образом не изученный. К нему мы и перейдем.

«Города» уставной грамоты «О погородьи». Уставная грамота «О погородьи» относится только к епископии и датируется 1211—1218 гг. В ней фиксируется получение двух видов поступлений: погородья и почестья.

---

[78] *Алексеев Л. В.* Периферийные центры домонгольской Смоленщины.— СА, 1979, № 4.

[79] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 39, 40.

[80] См. также: *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли...; *Он же.* Периферийные центры...

Как видно уже из термина, «погородье» — доход, поступающий со смоленских городов. Он состоял главным образом из денежных взносов — урока, но включал и натуральные поступления лисицами[81]. Погородье уплачивалось всеми пунктами, внесенными в грамоту. Уже П. В. Голубовский отмечал, что в «летописи уроку всегда придается значение определенной дани, или определенного периодического денежного взноса»[82]. Погородье, следовательно, епископская дань с городов, аналогичная дани князя с Вержавска в 1136 г. (а позднее, вероятно, и с других городов).

Почестье — нечто иное. Прежде всего, оно не входило в состав погородья, как это казалось П. В. Голубовскому, а за ним А. А. Зимину[83], так как его вносили далеко не все города и исчислялся он в грамоте не пропорционально величине погородья, т. е. явно отдельно от него. П. В. Голубовский неуверенно склонялся к мысли, что почестье — «годовой взнос, соответствовавший полюдью с волостей», но данных в пользу такого предположения нет никаких. А. А. Зимин видел в почестье «натуральные дары, входившие в состав погородья»[84]. Но и это не так: Копысь, по грамоте, вносила епископии «6 гривен урока и две лисицы, а почестье 35 кун»[85]. Лисицы с уроком здесь составляют дань (погородье) и не входят в почестье.

В новгородской берестяной грамоте № 215 (ярус 1268 г.) встречается фраза: «У Марка у половника 3 гривне по 10 резано и полоте дару и поцте». Подобный же текст читается и в грамоте № 218 (которая, возможно, составляла с ней одно целое)[86], «у Осп... гривне на туске по 10 цело и полость почты и четверть пшенице (...) у Мануиле у кума полоцетве... кюпанка перешло по семцине наме, кроме поцте»[87]. Считая, что перед нами список должников, А. В. Арциховский отметил, что слово «поцте» ему непонятно, а Л. П. Жуковская пыталась связать его со словом «почтуха» — почетное угощение[88]. Но документы (в обоих случаях) составлены от нескольких лиц («намо»), и Л. В. Черепнин определил, что, следовательно, это список повинностей, по которому Марк вносил «дар» и «почестье» (поцте), так же, как и Осип («туска» — дар), и Воило, и Мануил[89]. Точно так же «дар» и «почестье» сопутствуют один другому в ханских ярлыках русским митрополитам («А пошлина ему не надобе...,

---

81 ДКУ, с. 146.
82 *Голубовский П. В.* История Смоленской земли..., с. 229, 230 пр. 5.
83 Там же, с. 230; ПРП. М., 1953, т. II, с. 51.
84 *Голубовский П. В.* История..., с. 230; ПРП, т. II, с. 51.
85 ДКУ, с. 146.
86 *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту. М., 1965, с. 164.
87 *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, с. 36—39.
88 *Жуковская Л. П.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, с. 75.
89 *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 254—256. О почестье идет речь и в берестяной грамоте № 147, как недавно доказали А. В. Куза и А. А. Медынцева (*А. В. Куза, А. А. Медынцева.* Заметки о берестяных грамотах.— НЭ, вып. XI. М., 1974, с. 224), где оно употреблено также в форме «поцта».

никаков дар, ни почестье» — 1351 г., «никоторая пошлина, ни корм..., ни дары, ни почестья не воздают никакова» — 1379 г.) [90].

Итак, при определенных ситуациях, государственные (берестяные грамоты, Л. В. Черепнин) либо церковные чиновники (наш случай) на Руси взыскивали повинности двух видов: дар — туска — погородье (также дань) и почестье. Первое принадлежало государству либо церкви, второе вносилось кому-то лично (за честь), в нашем случае — епископу, по-видимому, за честь архиерейского служения в главном храме города в престольные праздники и т. д.

Вернемся к документу. Все поступления церкви, отраженные в нем, мы сводим в таблицу условно, где принято, гривна кун — 50 кун [91], а 1 лисица — 11 кун. [92] Таблица составлена в зависимости от величины погородья в нисходящем порядке. Одновременно даются и другие данные:

Таблица 3

Наименование пункта	Доходы епископии в конце XII — начале XIII в. (гривны кун)			Дань князя в 1136 г., (гривны серебра)		Данные археологии		Дата по письменным источникам
	погородье	почестье	всего	с округой	без округи	Начальная дата	Тип городища	Древняя
Торопец	2187,5	–	397,5	400	–	XI в.	Округлое	С XI в.
Копыс	325	35	360	12*	–	XI в.	?	1059 г.
Мстиславль	300	87,5	387,5	–	–	Сер. XII в.	Округлое	1156 г.
Жижец	250	62,5	312,5	130	–	XI в.	Мысовое	1136 г.
Лучин	175	–	175	?	–	?	?	1136 г.
Елна	161	–	161	–	–	Сер. XII в.	Округлое	К. XII – н. XIII в.
Ростиславль	150	100	250	–	–	Сер. XII в.	Округлое	К. XII – н. XIII в.
Вержавск	137,5	–	137,5	1000	30	X–XI в.	Мысовое	1136 г.
Пацынь	97	–	97	30	–	?	?	1136 г.
Дорогобуж	75	112,5	187,5	–	–	Сер. XII в.	Округлое	К. XII – н. XIII в.
Крупль	62,5	–	62,5	–	–	–	?	К. XII – н. XIII в.
Изяславль	50	–	50	?	?	?	?	К. XII – н. XIII в.

* Сумма условна, так как слово «дань» здесь отсутствует.

[90] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895, т. II, стб. 1331.

[91] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.

[92] Цены на лисиц колебались: в Пацыни она стоила не 5, а 4,4 ногаты (см. комментарий А. А. Зимина; ПРП, т. II, с. 52).

Из таблицы следует, что из всех административно-податных центров Устава 1136 г. лишь пять выплачивали кафедре погородье и три почестье (Копыс, Мстиславль, Жижец). Всего же в Смоленской земле во время составления грамоты о погородье, помимо Вержавска, было еще 11 самостоятельных центров, причем прежний Вержавск обогнали другие города и на первое место среди периферийных центров вышел Торопец (что согласуется и с летописью).

Как видим, почестье получалось с крупнейших поселений. Действительно, самое большое почестье вносит три смоленских центра — Дорогобуж, Ростиславль, Мстиславль. Все они Уставу 1136 г. неизвестны, так как возникли около середины XII в. (см. с. 167). Все образовались в середине XII в. в землях, не плативших смоленскому князю так называемых государственных доходов (дани Устава 1136 г.), все имеют округлые городища, на всех зафиксированы следы домонгольских церквей из плинфы, причем в Ростиславле было, видимо, две церкви (на детинце — конец XII — начало XIII в., на посаде — конец XII — начало XIII в.), в Мстиславле одна (на детинце — конец XII — начало XIII в.), в Дорогобуже не менее одной (на детинце, дата неизвестна) [93]. Все это заставляет думать, что все три города были возведены, очевидно, Ростиславом в княжеских домениальных владениях [94]. Епископ, следовательно, наиболее часто посещал земли княжеского домена. Помимо них, он служил в Жижеце и многолюдном и торговом Копысе. Обойден архиерейской службой был лишь один княжеский центр богатый и, как увидим, наиболее самостоятельный Торопец.

Между Уставом 1136 г. и последней грамотой епископского комплекса прошло 75 лет. Нам удается проследить рост городов страны за это время. Если в 1136 г., кроме Смоленска, в земле был лишь один самостоятельный центр, который мог платить князю отдельную городскую дань, в 1211 г. таких пунктов, которые могли выплачивать такую дань, судя по тому, что получала епископия, было не менее 12. Эти центры, имевшие свой бюджет, по-видимому, и можно считать городами.

Вержавск. Итак, в 30-х годах XII в. это был единственный самостоятельный центр — город, выросший на базе самой платежеспособной волости земли — Вержавлян Великих. Он приносил князю доход в 30 гривен, равный 3% от суммы Вержавлян, и был дополнением к ней. Когда Вержавск достиг такого положения? Список даней называет Вержавск на 34 месте, т. е. не только после Копыси (1116 г.), но и после записи о «суздале-залесской дани» (1134—1135 гг.) (см. табл. 1). Значит, Вержавск стал восприниматься как отдельная городская единица в 1134—1136 гг., т. е. в самый момент учреждения смоленской епископии.

До недавнего времени место Вержавска вызывало споры. Его видели в современном Ржеве на Волге, в Вережуе Торопецкого у., на р. Вержа

---

[93] Подробнее см. о городской культуре.

[94] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976 (здесь речь шла еще только о двух центрах домена).

в Смоленской губернии [95]. И. И. Орловский предположил, что город следует видеть в Поречском у. Смоленской губернии, где на оз. Ржавец, входящем в систему рек Гобзы и Каспли, есть д. Городище и рядом остатки укрепленного пункта [96]. Обследованием памятника В. В. Седовым, а затем мной установлено, что городище относится к домонгольскому времени [97]. Уже И. И. Орловский указал на важные документы XVII в., в которых место Вержавска определяется именно здесь. В документе 1609 г., посланном боярами из Вержавска в Смоленск, сказано: «И апреля, государь, в 11 день приехали к нам у Вержавск к Илье Пророку два литвина — Кузька Федоров, да Иванко Офромеев с листом, а лист запечатан, а в расспросе сказали: «едем де мы в Смоленск от Велижского пана от Олександры Гашевского с добрыми делами и мы, государь, тот лист тех панов послали к вам в Смоленск...» [98] Вержавск, таким образом, находился вблизи литовской границы начала XVII в., по дороге между Велижем и Смоленском, т. е. на оз. Ржавец. Не противоречат этому документы другие, и в частности более ранние, в которых упоминается Вержанский путь. Так, в «Описании князей и бояров смоленских» 1492 г. указаны «за Днепром бояре у Вержинском пути: Лукьян Лаптев, Васько Гортович» [99]. Путь этот, следовательно, начинался непосредственно за Днепром у Смоленска (о чем мы уже говорили). Отстаивая утверждение, что Вержавск находился именно здесь у оз. Ржавец, В. В. Седов обратил внимание и на то, что Вержавск упоминается в «Списке городов дальних и ближних» XIV в. под наименованием «Ржавескъ» [100].

Городище расположено между озерами Ржавец и Поганое на высоком холме, на мысу (рис. 20). Овальная площадка (100×50 м) возвышается на 31 м над уровнем воды. Вал шел некогда по ее периметру, но теперь почти не виден и обнаружен мною археологически. Большая часть памятни-

---

[95] Ржев (*Беляев И. Д.* О географических сведениях в древней Руси.— ЗРГО, СПб., 1852, кн. 6; *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876; *Краснопёров И. М.* Некоторые данные по географии Смоленского и Тверского края.— ЖМНП, 1901, ч. 355; *Вершинский В. В.* Города Калининской области. Калинин, 1939; *Рикман Э. А.* Обследование городов Тверского княжества.— КСИИМК, 1951, вып. XILI, Вережуй (*Барсов Н. П.* Географический словарь русской земли (IX—XIV вв.). Вильна, 1865), р. Вержа (*Любавский М. К.* Областное деление и местное управление литовско-русского государства ко времени первого литовского статута. М., 1892; *Голубовский П. В.* История Смоленской земли...; *Насонов А. Н.* Русская земля..., с. 163—164.

[96] *Орловский И. И.* Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1907.

[97] *Седов В. В.* К исторической... *Седов В. В.* Некоторые вопросы...; *Алексеев Л. В.* Исследования в Смоленской земле.— АО 1971. М., 1972.

[98] Акты исторические. СПб., 1841, т. II, с. 218; *Орловский И. И.* Краткая география Смоленской губернии.

[99] *Востоков А. Х.* Описание славяно-русских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 129.

[100] НПЛ, с. 476. Вержавск у границы с Литовской землей упоминается и в других документах. Так, в Делах литовской метрики, в Записях Великого княжества Литовского (кн. IV, л. 75 об.) упомянут Ивашко Онъбросович, который получает в держание «волостку Вержавск» (*Побойнин И.* Торопецкая старина.— ЧОИДР. М., 1897, т. I, с. 10).

Рис. 20. Древний Вержавск. Вид с востока

ка занята кладбищем, что лишает возможности каких-либо серьезных археологических работ на нем. Культурный слой достигает 1 м толщины. В двух шурфах были обнаружены домонгольские вещи (пряслица из розового шифера, керамика форм, типичных для XII—XIII вв.). На самом высоком месте в середине площадки не оказалось ни культурного слоя, ни могил. По документу 1609 г., 11 апреля «у Вержавск, к Илье Пророку на городище, из Велижа (приехали) два литвина», которые направлялись в Смоленск. По-видимому, церковь пророка Ильи стояла именно здесь. Самый мощный культурный слой, пригодный для будущих небольших исследований, оказался в северной части площадки, где он не испорчен могилами, имеет мощность до 140 см и также датируется по керамике и некоторым вещам XII — началом XIII в.[101] Вал, исследовавшийся нами в южной части памятника, имел высоту не менее 2,2 м и был сооружен на природной горе. На нем были возведены какие-то сооружения, ямы от нижних частей которых удалось также проследить. Верхняя часть вала была подсыпана землей, взятой из культурного слоя, и вал, следователь-

[101] Все датировки керамики смоленских городищ проведены при консультации Г. П. Смирновой, которой автор крайне признателен.

но, однажды реконструировался. Вещей послемонгольского времени на памятнике не встречено — он просуществовал недолго, что, как увидим, подтверждает и последняя грамота смоленской епископии XIII в.

Большой интерес представляет некогда, по-видимому, обширный курганный могильник, расположенный за валом городища, в лесу (В. В. Седовым насчитано в 1960 г. 40 насыпей), а также остатки селища возле городища, датирующегося, по-видимому, тем же временем. Однако это именно неукрепленное селище — городской посад, так и не успевший развиться в окольный город.

Торопец. Торопец — один из древнейших городов Смоленской земли, основанный, судя по Киево-Печерскому Патерику, не позднее XI в. (оттуда родом был печерский монах по имени Чернь — некогда богатый купец-торопчанин [102]). В 1136 г. с Торопецкой волости Ростислав собирал, мы видели, 400 гривен серебра. Вскоре город стал княжеским уделом младших Ростиславичей, а его князья именовались торопецкими даже тогда, когда княжили в других местах (1228 г.) [103]. Во второй половине XII — первой половине XIII в. его князья трижды возводились на новгородский стол. Здесь в 1239 г. венчался с дочерью полоцкого Брячеслава (из Витебска) Александр Невский и хранилась византийская чудотворная икона, привезенная полоцкой княжной (ныне в Эрмитаже, см. гл. «Искусство»). Интерес к торопецким древностям возник рано [104].

Археологические памятники Торопца описывались начиная с XVII в.[105] В районе города несколько археологических объектов средневекового времени: два городища, два селища и три могильника. Древнейшее городище «Кривит» «занимает береговой холм оз. Соломено при истоке из него Торопы, возвышающийся на 25 м над водой озера. Площадка — овальная в плане размером 90×75 м, окружена по краю гребнем кольцевого вала» [106]. «Селище или посад примыкает к основанию городища с противоположной озеру северной и западной сторон и находится у самой подошвы памятника: в 0,75 км от Кривит — второе селище — Привалье. Оно занимает централь-

---

[102] Патерик киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 128.

[103] ПСРЛ. М.; Л., 1949, XXV, с. 122.

[104] В Торопецком соборе Пресвятой Богородицы некогда была рукопись XVII в., посвященная истории города и его древностям. М. И. Семевский видел уже сильно потрепанную ее копию (*Семевский М. И.* Торопец — уездный город Псковской губернии. 1016—1864. СПб., 1864, с. 36). Там же были еще две рукописи на ту же тему, одна — 1760 г. (*Побойнин И.* Торопецкая старина.— ЧОИДР. М., 1897, кн. I, с. 18), другая — 30-х годов XIX в. (*Семевский М. И.* Торопец — уездный город, с. 38). Последняя была написана неким купецким сыном П. П. Находкиным. Оба труда до нас не дошли. Первое печатное «исследование» истории города появилось в 1778 г. (*Иродионов Петр, протоиерей.* Историческое и географическое известия до города Торопца касающиеся (и т. д.). СПб., 1778) и содержало много полезных сведений о Торопце. М. И. Семевский уделял внимание и топографии города. Однако важнейшей книгой по истории Торопца является указанная работа И. Побойнина, где много архивных материалов и есть ценные наблюдения и выводы.

[105] Опись городов: Дополнение к Актам историческим. СПб., 1875, т. IX, с. 310.

[106] *Станкевич Я. В.* К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э.— МИА, 1960, № 76, с. 139, 140; 312, 313.

ную возвышенную часть длинной мореной гряды. Если первое селище датируется, по-видимому, домонгольским временем, то селище Привалье — XIII—XIV вв.[107] Второе городище «Красный вал» (центр более позднего города) расположено на острове, образуемом двумя рукавами Торопы в том месте, где она выходит из озера»[108]. Памятник занимает площадь 300 м. В поперечнике он также оконтурен валом. Древнейший могильник — на том берегу Торопы в одном километре к западу от поселения Привалье и в полутора километрах в том же направлении от городища Кривит. Могильник[109] состоит из курганов, раскопки одного из которых показали, что он связан с кривичским населением этих мест IX в., которое было в близких контактах со скандинавами этих мест[110]. Два других — более поздние: один курганный — в одном километре к западу от поселения Привалье — X — первая половина XI в., второй — бескурганный, к северо-западу от городища Кривит — XI—XII вв.[111] Раскопки Торопца 1938—1939 гг. (Н. М. Милонов) следа не оставили[112]. После рекогносцировки П. А. Раппопорта систематические работы были предприняты Я. В. Станкевич (1957—1958 гг.), но оборвались из-за ее внезапной смерти. Их продолжили Г. Ф. Корзухина и М. А. Малевская, последняя их и завершила в 1965 г.[113] Все исследования велись в западной части городища Кривит, там, где начали П. А. Раппопорт и Я. В. Станкевич. В указанных работах раскопки древнего Торопца даны в том порядке, как их открывала археологическая лопата, т. е. обратно, естественно, историческому процессу. Нам, следовательно, надлежит восстановить историю древнего города в ее исторической последовательности.

Первые поселенцы вблизи о. Соломено появились в IX в. Судя по оставленному ими могильнику 2, это было, всего вероятнее, кривичское население, близкое тому, которое оставило длинные и удлиненные курганы и которое было в каких-то тесных контактах со скандинавами[114]. Где именно на территории современного Торопца жило это население, пока неизвестно. Возможно, что и на той части городища Кривит, которая не была раскопана.

---

[107] *Станкевич Я. В.* К истории..., с. 313.

[108] *Раппопорт П. А.* Оборонительные сооружения Торопца.— КСИА, 1961, вып. 86, с. 13.

[109] Раскопки производила Г. Ф. Корзухина (см.: *Корзухина Г. Ф.* Новые находки скандинавских вещей близ Торопца.— СС. Таллин, 1964, т. VIII, с. 297—314).

[110] *Корзухина Г. Ф.* Новые находки.

[111] *Станкевич Я. В.* К истории населения...

[112] Отчеты Н. М. Милонова.— Архив ЛОИА, ф. 35, д. № 45 за 1938 г. и д. № 39 за 1939 г.

[113] *Раппопорт П. А.* Оборонительные сооружения Торопца; *Станкевич Я. В.* Западно-двинский отряд Верхнеднепровской экспедиции.— КСИА, 1960, вып. 79; *Она же.* К истории населения верхнего Подвинья в I и нач. II тыс. н. э.— МИА, 1960, № 76. *Малевская М. В.* Раскопки на Малом Торопецком городище.— КСИА, 1963, вып. 96; *Она же.* Раскопки на Малом Торопецком городище.— КСИА, 1967, вып. 110; *Она же.* Раскопки древнего Торопца.— АО 1965 г. 1966; *Корзухина Г. Ф.* О некоторых находках в древнем Торопце.— КСИА, 1962, вып. 87.

[114] *Корзухина Г. Ф.* Новые находки...

Городище древнего Торопца заселилось в конце XI в.[115] Сохранившиеся немногочисленные постройки были ориентированы по странам света, мало и находок (ключ типа А — X—XI вв., горшок, типичный для XI — начала XII в. и др.). В первой половине XII в. планировка не изменилась: на месте прежней срубной постройки возвели постройку больших размеров и чуть иначе ориентированную. В 20-х годах XII в. ее сменила новая постройка, ориентированная несколько иначе. В 30—40-е годы XII в. построек на этом участке было выстроено больше и появились замощения дворов. В первой половине XII в. Торопец укрепили валами. По-видимому, это было сделано после решения Ростислава Смоленского дать его младшей линии сыновей, и произошло это между 1136 г., когда в Земле был лишь один периферийный Вержавск, и серединой XII в., чему не противоречат раскопки. В третьей четверти XII в. планировка Торопецкого городища была строго подчинена валу. Домов стало больше, построенные в 1161—1166 гг., они имели размеры 3×3; 2,85×2,9 м и были снабжены примитивными печами в углах, топившимися по-черному. Вокруг — много хозяйственных построек, мощенных деревом дворов и т. д. Среди многочисленных вещей обихода — предметы производственного и сельскохозяйственного инвентаря. В конце XII — начале XIII в. интенсивность застройки еще повысилась и было возведено вместо пяти — восемь построек, между которыми появилась улица двухметровой ширины. Ее ограждали либо срубные строения, либо частоколы усадеб. В 1191 г. был построен дом (3,5×3,6 м), к которому примыкал вплотную хлев (с севера), а с юга — кладовая-сарай, на полу которой были найдены два кормовых весла, лука седла, оселок, кожаный кошелек, остатки кожаной обуви, шиферное пряслице и др. Севернее этого тройного комплекса была расчищена связанная с ним мостками жилая постройка малых размеров (2,2×2,6 м) с печью на столбовом опечке. Помимо деревянных предметов, здесь найдены: костяной запор колчана, пластинчатый бронзовый браслет, подсвечник хороса, крест-тельник, свинцовая лунница. Тройная постройка 1191 г. простояла 38 лет, в 1230 г. ее сменила такая же новая. За это время улица трижды перемащивалась. Появились новые виды печей — каменки, расположенные также в углу строения, как и предыдущие глинобитные [116].

Выше этих построек залегает пожарище, в котором погиб весь город. Основываясь на находках (печать брата Александра Невского Ярослава Ярославича — ум. 1271 г.), исследователи датировали весь горизонт 40—60-и годами XIII в., а пожарище, следовательно, второй его половиной. Авторы не учли громадного пожара в Торопце 1337 г., известного по Новгородской первой летописи младшего извода. О пожаре и потопе в Москве там говорится: «того же лѣта и Торопець погорѣ и потопѣ» [117]. Пожар 1337 г. слишком близок ко «второй половине XIII в.», чтобы считать его другим пожаром, в культурном слое города не отразившемся. В слое пожарища

---

[115] См.: *Малевская М. В.* Раскопки... (1961); *Черных Н. Б.* Дендрохронология памятников Восточной Европы.— ПАДА, М., 1972, с. 102—105.

[116] *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище.— САИ, Л., 1975, вып. Е1-32, с. 111.

[117] НПЛ, с. 348; ПСРЛ, т. IV, с. 53.

Я. В. Станкевич обнаружила 7 жилых и 3 хозяйственные постройки. Некоторые из них имели «черный» пол (бревна), а некоторые — сверху и «белый» (доски); дома возводились на водоизоляционной глиняной подушке (характерно, видимо, для западнорусских земель). Обилие находок в пожарище 1337 г. позволяет судить о жизни Торопца. Найдены шлаки [118], очевидно, кузнечные; следы ювелирно-литейного дела (тигель), существовало производство и обработка тканей, несомненно гончарство и другие ремесла. Помимо многочисленного бытового инвентаря, в пожарище интересны три бронзовых энколпиона, один из которых с надписью «Пресвятая Богородица помогаи» (30-е годы XIII в.), свидетельствующий о бегстве жителей из Поднепровья в северные города в 1240 г.[119]

Послепожарный горизонт в Торопце намного беднее. После 1337 г. жизнь потеряла интенсивность: мало построек, немного находок. Весь горизонт следует датировать второй половиной XIV в., когда город был захвачен Литвой (в XV в. его уже у нее отвоевывают москвичи) [120].

Копысь. Копысь упоминается впервые под 1059 г. По Уставу 1136 г., она платит полюдье 4 гривны, столько же перевоза и «торгового», «на корчмити неведомо,— добавляет источник,— но что ся соидеть, из того десятина святыя Богородицы». Грамота «О погородьи» указывает, что с Копыси епископия получает «6 гривен урока и 2 лисицы, а почестья 35 кун» [121]. В XI в. город, видимо, принадлежал Полоцкой земле, а в 1116 г. перешел к Смоленску [122] и возвышением к концу XII в. был обязан расположению на торговых путях и броду-переправе через Днепр к Друцку (рис. 2).

Остатки Копыси — неправильной формы с валами по периметру площадки — возвышаются при впадении р. Сморковка в Днепр в современном городском поселке Копысь. По плану 1778 г. его городище было окружено водой из-за дельты Сморковки [123]. Пятиметровый вал ограничивает площадку (60×80 м), придавая ей форму неправильного сегмента [124]. Заметны следы бастионов: памятник переоборудовался в Северную войну [125], и относить его к типу «круглых раннесредневековых городищ» [126] неправомерно. Памятник раскапывался несколькими исследователями без единого плана, раскопы вряд ли можно связать воедино. В 1950 г. там заложил шурф Л. А. Михайловский, в 1962 г. он же заложил там ромбический раскоп (100 кв. м), в 1968—1969 гг. там копал Г. В. Штыхов (240 кв. м.),

[118] Я. В. Станкевич и М. В. Малевская куски шлаков считали крицами, но это мало вероятно: железо делали за пределами городов. Анализов не было, но они необходимы.

[119] *Корзухина Г. Ф.* О некоторых находках..., с. 101. Севернее эти кресты неизвестны. Ближайшие подобные находки из Витебской губернии (*Сементовский А. М.* Белорусские древности. СПб., 1890, с. 129).

[120] ПСРЛ. СПб., 1843, т. II, с. 362 (1499 г.).

[121] ПСРЛ, т. 1841, т. III, с. 179; ДКУ, с. 143; 146.

[122] ПВЛ. М.; Л., 1950, т. I, с. 200; *Алексеев Л. В.* Устав..., с. 101.

[123] ПСЗРИ: Книга чертежей и рисунков. СПб., 1839, л. 178.

[124] *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли. Минск, 1978, с. 94, рис. 39.

[125] *Трубницкие А., М.* Хроника белорусского города Могилева. М., 1887.

[126] *Седов В. В.* Некоторые вопросы..., с. 18, 19.

а в 1972 г.— Э. М. Загорульский (316 кв. м.) [127]. Можно понять, что культурный слой городища (мощность 0,8—2 м) остатков деревянных сооружений не содержит. Первый поселок (XI в.) был неукрепленным. Оборонительные сооружения возникли во второй половине XI — начале XII в., к XII в. и в основном к XIII в. (стеклянные браслеты — в самых нижних отложениях) относится расцвет города. Уже в слое XII в. есть следы ремесла (костерезного). Прочие бытовые предметы могли быть местного производства, но доказательств нет. Привозные предметы — свинец, шиферные пряслица, корчаги. Из предметов культуры интересны резная иконка из бронзы (Борис и Глеб), писало и пр. Ажурные иконки — редкая находка: Борис и Глеб на конях известны (Русский музей), из Пропошеска Славгорода Георгий Победоносец [128]. Интересны шахматные фигурки из Копыси (одна сделана своеобразно) [129].

Рядом с детинцем Г. В. Штыхов открыл следы, как он полагает, посада, в нижней части культурного слоя которого (к северо-востоку от Петровского вала — детинца) он обнаружил керамику XII—XIII вв. Древняя торговая Копысь — интереснейший археологический объект.

Жижец, Лучин. Древний город Жижец находился в непосредственной близости от Торопца, но был центром отдельной волости, с которой собирал в 1136 г. 130 гривен, а также, находясь у озерных угодий, поставлял на княж двор дань рыбой. По епископской грамоте «О погородьи», Жижец выплачивал в 1211—1218 гг. епископии 5 гривен кун погородья и одну — почестья [130]. Летописи упоминают город впервые под 1245 г., когда остатки литовского войска были разбиты Александром Невским «под Жижичем» [131]. В Списке городов XIV в. он назван в числе литовских [132], а в XVI в. его волость входила уже в состав Торопецкой [133]. Город Жижец упоминается в Духовной Ивана Третьего (1504 г.) [134].

Местоположение Жижеца было указано И. Побойниным — «на северо-западном берегу оз. Жижца (Жижицкого) на узком полуострове, вдающемся в озеро» [135]. Теперь это вблизи д. Залучья Куньинского района. Я. В. Станкевич установила, что городище «Попова гора» расположено на возвышенности полуострова, вдающегося в озеро в 500 м от деревни и на 8 м. Площадка (70×50) с легкой западиной в центре, некогда, по-видимому, была окружена валом (распахан). Склоны памятника искусственно

---

[127] *Михайловский Л. А.* Петровский вал.— Беларусь, Минск, 1951, № 7; *Штыхов Г. В.* Города..., с. 93—95; *Загорульский Э. М.* Раскопки в Копыси.— АО 1972 г. М., 1973; *Он же.* Открытия в Копыси.— Неман, 1973, № 1.

[128] *Лесючевский Б. И.* Культ Бориса и Глеба в памятниках искусства.— СА, 1946, т. VIII, *Алексеев Л. В.* Мелкое художественное литье из некоторых западно-русских земель.— СА, 1974, № 3, рис. 2/12.

[129] *Линдер И. М.* Шахматы на Руси. М., 1975, с. 74, 77, 78.

[130] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 142, 146.

[131] ПСРЛ, 1856, т. VII, с. 152.

[132] НПЛ, с. 476 («Зижеч»); ПСРЛ, т. VII, с. 241 («Жижец»).

[133] РИСб., СПб., 1882, т. XXXV, с. 395.

[134] Духовные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950, с. 357.

[135] *Побойнин И.* Торопецкая старина, с. 12.

подправлены, наиболее крутой — с напольной стороны [136]. Городище представляет переходный тип «от мысового типа укреплений к чисто островному» [137]. Узкий перешеек, соединяющий его с сушей, не позволял делать мощных укреплений, а окружающий посад их не имел. Я. В. Станкевич заложила на памятнике всего два шурфа, в одном из которых был обнаружен культурный слой мощностью в 1,1 м, где преобладали вещи XI—XIV вв.— шиферные пряслица, стеклянные браслеты, также трапециевидный гребень. Крепость была возведена на городище дьякова типа.

Локализация Лучина не бесспорна. В Уставе Ростислава этот центр вносит смоленскому князю полюдье (цифра не сохранилась), мыто, доход с корчмы, а, по грамоте «О погородьи», еще и епископу «три гривны урока, 2 лисицы и осетр». Ипатьевская летопись под 1173 г. сообщает о Лучине: «Рюриковѣже, идущю из Новагорода и Смоленьска, а и бысть на Лучинъ верьбноъ недълъ въ пятокъ, слнцю въсходящю, родися оу него сынъ и нарекоша и въ с(вя) т(е)мь крщ(е)ньи дъдне имя Михаило, а княже Ростиславъ (..) и дасть ему о(те)ць его Лучинъ городъ — въ нъмже родися и поставиша на томь мъстъ ц(е)рк(о)вь с(вя)т(о)го Михаила, кде ся Родилъ» [138]. В. В. Седов локализовал Лучин на Днепре, южнее Рогачева, где есть сложное городище и курганы у д. Лучин, что невероятно; более северный Рогачев никогда не был смоленским и свободно передавался киевскими князьями из рук в руки [139]. Не мог быть Лучин и на месте Лучина-Городка на Угре, неподалеку от Дорогобужа, так как это в стороне от пути Новгород — Киев (по которому шел Рюрик). Нас удивляет указание летописи на два исходных пункта «из Новагорода и Смоленска»: зачем было их указывать, вместо того чтобы отметить исходный, промежуточный и конечный, как говорят летописцы во всех остальных случаях? Оказывается, приведенный текст в вариантах Ипатьевской летописи дан иначе: «Рюриковъ же, идущю из Новагорода к Смоленску» [140]. Значит, этот город был между Новгородом и Смоленском. Считая невозможным, чтобы Рюрик отстроил сыну город на границе своей земли (д. Лучаны на Лучанском озере), П. В. Голубовский, а следом и А. Н. Насонов, локализовали Лучин у одноименной деревни на р. Ельше [141], но на ней нет ни скопления древних поселений, судя по курганам, ни остатков феодального центра [142]. Видимо, был прав Н. П. Барсов, поместивший Лучин на Лучанском озере вблизи волока из Двины в Полу [143]. Следы феодального центра здесь не разыскивались, но обилие вокруг озера курганов указывает на возможность существования здесь и феодального центра.

---

[136] *Станкевич Я. В.* К истории..., с. 135, 145, 146, 316, 317, 319.
[137] *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв.— МИА, 1961, № 105, с. 38.
[138] ПСРЛ, т. II, стб. 567.
[139] *Седов В. В.* Смоленская земля.— В кн.: Древнерусские княжества. X—XIII вв. М., 1975, с. 253; Ср.: ПСРЛ, т. II, стб. 312, ср.: стб. 651.
[140] ПСРЛ, т. II, стб. 567, прим. 2.
[141] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли..., с. 63 и сл.
[142] *Седов В. В.* Смоленская земля. Там же.
[143] *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, с. 190.

Подтверждает это и еще одно соображение; поставка этим городом епископу осетра. Осетр — «царь рыб» [144] — рыба редкая и дорогая. В летописях она не упоминается вообще, в берестяных грамотах, где фиксируется масса поставок и долгов рыбой, названа лишь однажды [145]. При нересте осетр заходит в реки очень далеко, пока путь ему не преграждают пороги: на Днепре, на Западной Двине, на Волхове. Лишь на Волге не было препятствий, и в начале XVIII в. осетров ловили в Москве у Каменного моста [146]. Эта река далеко от Смоленска, ближе были верховья Волги, чем и объясняется поставка этой рыбы в епископию из Лучина (другие города вблизи самой Волги, по-видимому, поставляли осетров издавна князю). Разыскание остатков Лучина — задача ближайших лет.

Минуя Пацынь, где городище, принимаемое обычно за остатки города, в действительности оказалось городищем раннего железного века [147], перейдем к центрам, которые в грамоте «О погородьи» упоминаются впервые.

Мстиславль. Мстиславль — ныне центр района Могилевской области БССР, расположен в левобережье Днепра, на высоком берегу притока р. Сож — Вехры. Впервые упоминается летописью под 1156 г., где сказано, что под стенами города стояли войска Изяслава Давыдовича. Подавив с помощью половцев бесчинствующего на Десне Святослава Всеволодовича, Изяслав Давыдович Киевский вторгся в пределы его союзника Ростислава Смоленского и вызвал на помощь дядю Святослава Ольговича Новгород-северского. У Мстиславля был заключен мир [148]. К этим же годам, середине XII в., относится свидетельство уже упоминавшегося сборника XVI в. киевского Михайловского монастыря: «Лѣта 6642(1135) Ростислав Мстиславич устрои град великии Смоленескъ и церковь с(в)ятаго Сп(а)са Верху Смыдыни и град Мстиславъль на Верхе онъ же созда» [149]. Текст считался поздним, недостоверным и использовался (с неверной датой — 1142 г.) редко. Лишь недавно он был реабилитирован [150]. О Мстиславле из него можно сделать лишь то заключение, что его окольный город был возведен (или укреплен) Ростиславом, т. е. между 1127 и 1159 гг. Далее о домонгольском Мстиславле нет сведений и известно лишь, что в XIII в. он оказался на границе Руси и Литвы, что приводило к бесконечным столкновениям.

[144] Слово Даниила Заточника по редакциям XII—XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.
[145] *Куза А. В.* Рыболовство в древнем Новгороде по берестяным грамотам.— АС МГУ, 1961, с. 61.
[146] *Рулье К.* О животных Московской губернии. М., 1845, с. 89.
[147] *Алексеев Л. В.* Исследования в Смоленской земле.— АО 1971 г., М., 1972.
[148] ПСРЛ, т. II, стб. 485. Недостаточно вникнув в это сообщение, цитируя без важного для него начала (о Святославе), с ошибками (сыновьями, вместо сыновцами) и описками (створища вместо створиша), Г. В. Штыхов пришел к поспешным выводам: Мстиславль якобы осаждался Изяславом Давыдовичем и город, следовательно, имел укрепления, что этот князь отказался якобы от осады, примирившись с «сыновьями» и т. д. (Очерки по археологии Белоруссии, т. II, с. 127).
[149] *Щапов Я. Н.* Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г.— В кн.: Новое в археологии, с. 282.
[150] *Щапов Я. Н.* Освящение... (о неверной дате, с. 276).

Рис. 21. Мстиславль. Детинец древнего города, вид с северо-запада (фото автора).

В XIII—XVI вв. это был крупный центр Литовского государства, жизнь в котором прекратилась 22 июля 1654 г., когда Мстиславль был взят штурмом войсками А. Н. Трубецкого. Его цитадель была полностью выжжена, население перебито.

При постройке Мстиславля основную роль играло его выгодное в стратиграфическом отношении положение: его детинец оказывался между больших оврагов на правом, высоком, берегу р. Вехра и был почти неприступен. Вокруг детинца позднее возник окольный город, окруженный валом с деревянным на нем «парканом». От замка через «брамы» (ворота): Троицкую, Афанасьевскую, Спасскую и Поповскую — радиально отходили улицы по всему «острогу»[151] (окольному городу.—*Л. А.*). В Литовское время в городе было восемь церквей[152]. В городе в XIX в. еще виднелись курганы.

Древности Мстиславля привлекли к себе внимание уже в XVIII в., когда Екатерина II предпринимала путешествие на юг[153]. В Мстиславле — два археологических памятника: городище раннего железного века (I в. до н. э.— I в. н. э., «Девичья гора»)[154] и детинец средневекового города (Замковая гора). Последний располагается на удаленном от реки правом возвышенном ее берегу и окружен естественными оврагами (рис. 21). Площадка возвышается над дном оврагов на 20 м, была обнесена по периметру валами и сейчас занимает площадь 145 ар. Окольный город примыкал к южному и западному оврагу-рву, окружающему детинец и ныне. В городе, вероятно, с южной его стороны от детинца не так давно были курганы, ныне не сохранившиеся[155].

Раскопки детинца были начаты нами в 1959 г. и продолжаются с перерывами и поныне[156] (вскрыто свыше 800 м²). Культурный слой мощ-

---

[151] *Краснянский В. Г.* Город Мстиславль. Вильно, 1912, с. 81, 82.

[152] «Св. Микола в замку стоячая», «св. Миколы на рынке», Пятницкая, Ильинская, Успенская, Воскресенская, Афанасьевская, Тупичевский монастырь (ссылки см. у В. Г. Краснянского).

[153] Топографические примечания на знатнейшие места путешествия ее императорского величества в Белорусские наместничества. СПб., 1780, с. 99; Путешествие ее императорского величества в Полуденный край. СПб., 1787, с. 18.

[154] *Алексеев Л. В.* Городище «Девичья Гора» в Мстиславле.— КСИА, 1963, вып. 94.

[155] *Краснянский В. Г.* Город Мстиславль, с. 80—82.

[156] *Алексеев Л. В.* Древний Мстиславль.— КСИА, 1976, вып. 146.

Рис. 22. Мстиславль, детинец. Настил 1223 г. (№ 50) и перерезавший его погреб 1291 г., сохранившийся на 10 венцов (№ 40)

ностью до 3,3 м состоит из огородного слоя, слоя разрушения города 22 июля 1654 г. [157] и слоя, насыщенного древесными остатками более раннего времени. Погребенная почва лежит на материке — светло-серой глине геологического происхождения. Анаэробные слои начинаются с глубины 1—1,2 м, в них прекрасно сохраняется дерево и многие органические предметы — кость, кожа, ткани и т. д.

Первые строения города относятся к середине XII в., но улавливаются слабо. Древнейшие находки в Мстиславле — ключ типа А второго вида (в Новгороде — X—XI вв., немного — XII в.), крупный бубенчик редкой формы (подобный в захоронениях бассейна р. Луга и в конских погребениях Подболотьевского могильника [158]. Древнейшие из определимых по дендрохронологии построек пока относятся к 1204 г. Выше залегают остатки построек 1223 г. (настил 50), сруб хозяйственной постройки 1221 г. (рис. 22) и т. д. Обнаружены остатки мостовых двух перекрещивающихся улиц (№ 6 и № 10 рис. 23). Первая перемащивалась 7 раз начиная с 40-х

[157] *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65, с. 78—80, рис. 66, *2*.
[158] *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Привески-бубенчики.— Труды ГИМ, 1967, 43, с. 137.

Рис. 23. Мстиславль, детинец. Расчистка улицы № 3 (ярус 3 г. 1261 г.) в раскопках 1—2, рабочий момент, вид с северо-запада)

годов XIII в. Как и в Новгороде [159], первоначальные мостовые при ремонте почти полностью освобождались от плах, но позднее, очевидно, поняли, что в интересах прочности последующих мостовых плахи снимать не следует. Шестой ярус мостовой улицы № 3 перемащивался в 1261 г. Следующий затем 5 ярус попал в пожар и превратился в уголь. Первые три яруса по дендрохронологии не датируются и относятся, по-видимому, к концу XIII и первой половине XIV в. Слои второго большого пожара, уничтожившего город, прослеживаются в Мстиславле в конце XV – начале XVI в. Выше слоя пожарища 1654 г., у Западного вала, найден развал погибшего в этом бедствии дома с великолепной изразцовой печью XVII в.[160]

[159] *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода.— МИА, 1969, № 65, с. 78—80, рис. 66, *2* и др.

[160] *Розенфельдт Р. Л.* Белорусские изразцы.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, рис. 1, *3* (датировка изразцов 1154 г. осталась автору неизвестной).

Места, где велись раскопки, были заняты в основном усадьбами небольших домохозяев. Преобладали хозяйственные постройки: амбары, хлевы, клети, погреба, дворы, мощенные бревнами и огражденные частоколами. Жилые постройки редки. Один небольшой дом XIII—XIV вв. был зафиксирован в западной части северных раскопов (на раскопе III). Это был сруб 4×2×4,2 м на глиняной подушке, в углу — основание глинобитной печи. Дом был центром усадьбы с двором, хозяйственными постройками. Въезд в усадьбу был с востока (с улицы № 3). Здесь, видимо, стояли ворота. Улица № 3 была стержнем планировки данного участка в северной части детинца. Ближе к центру она сильно отклонялась к западу — юго-западу, так как здесь в конце XV—XVI в. был выстроен большой восьмиугольный донжон, опирающийся на огромную глиняную подушку. Это сооружение стояло на самом высоком месте детинца. Подобная постройка из дерева встречена в Белоруссии впервые. Ее исследование будет осуществлено в ближайшие годы.

Вопрос о домонгольском храме в Мстиславле окончательно еще не решен. Документы под «Мстиславским замком», полагает В. Г. Краснянский, имеют в виду две горы: Замковую и Троицкую, причем Замковая (детинец) в актах именуется «паркапом» (хабор, ограждение — польск.). В «замке» был княж двор, Троицкая и Никольская церкви [161]. Если Троицкий собор — на Троицкой горе, то церковь св. Николая, следовательно, на Замковой. Но это могло быть скорее в эпоху позднего средневековья церкви Николая Чудотворца, широко распространенные позднее, в домонгольское время были довольно редки. Самая древняя — церковь Николы в Киеве, поставленная бояриной Олмой, очевидно, в конце XI — начале XII в.[162] Из многочисленных церквей Никол Новгорода к домонгольскому времени, по-видимому, относятся лишь три: церковь Николы из Торговище, заложенная в 1113 г. князем Мстиславом Владимировичем, другая — Николы — на Яковлеве улице — 1135 г., третья упоминается на Городище под 1165 г.[163] На мстиславском детинце найдено несколько кусков плинф, любезно датированных П. А. Раппопортом концом XII — началом XIII в.

Из наиболее интересных находок в Мстиславле можно упомянуть костяные пластины с тонкой резьбой (рис. 24), орнаменты которых показывают, что мастер, резавший их, был знаком как с косторезным искусством половецких степей, так и с орнаментами Западной Европы [164]. Помимо пластин, интересны остатки стеклянного бокала с арабской надписью (рис. 12), многочисленные кресты-энколпионы — один в шелковом мешочке (рис. 25, *2*, *5*, *6*), другой — с обратной надписью «Бобородица помогаи» (30-е годы XIII в.) и др. (рис. 25, *1*); писало, шахматные фигурки из дерева и кости (пешка, ладья, «крестовключенные» подвески курганного типа (одна из наиболее западных находок этого типа; рис. 26), фибула с расширяю-

---

[161] *Краснянский В. Г.* Город Мстиславль..., с. 7.
[162] ПВЛ. М.; Л., 1950, т. I; с. 20; НПЛ, с. 107.
[163] НПЛ, с. 20; НПЛ, с. 23; НПЛ, с. 32.
[164] *Алексеев Л. В.* Художественные изделия костерезов из древних городов Белоруссии.— СА, 1962, № 4.

Рис. 24. Мстиславль, детинец. Костяные орнаментированные пластины колчана, XIII в.

Рис. 25. Кресты-энколпионы и тельные крестики из раскопок на мстиславском детинце

1 — крест, найденный на восточном склоне (дар В. В. Зюзкевича), 2—6 — энколпион из центральной части городища, найденный в шелковом мешочке, 3—4 — кресты — тельники

Рис. 26. Бронзовые и серебряные украшения с мстиславского детинца

1 — перстень, *2* — пряжка, *3* — бубенчик, *4—5* — подвески, *6* — перстень, *7—11* — подвески, *12—13* — тигли, *14* — литейная форма

щимися концами (одна из наиболее восточных находок их, идущих из Прибалтики) [165]. Помимо этих предметов, много и обычных для древнерусского города; есть вещи, указывающие на занятие ремеслом и т. д.

Возникновение Мстиславля в середине XII в. и уточнение документов, что он был укреплен Ростиславом, позволяют думать, что город и возник при этом князе, в его домене, был им отстроен (а позднее, видимо, им же и укреплен) [166]. Ростислав, как известно, относился к отцу с величайшим почтением, именуя его даже святым; видимо, в честь Мстислава Великого и был назван один из центральных пунктов владений смоленских князей.

Ельна. Современный районный центр Смоленской области г. Ельна впервые упоминается в Дополнительной грамоте «О погородьи и почестьи», из которой становится ясным, что Ельна — феодальный центр, выросший во второй половине XII в. на земле Дешнян Устава Ростислава. Летопись сообщает под 1447 г., что через Ельню шли бояре на помощь Василию Темному, князьям Ряполовским,— Стрига, Оболенские и др.[167]. Под 1548 г. узнаем, что, двигаясь на Сафа-Гирея на праздник Сретения (2 февраля), в Ельне заночевал Иван IV [168]. В списке городов XIV в. Ельна названа смоленским городом, причем сказано, что город стоит «на Имѣ» [169].

До наших работ городище в Ельне почти не обследовалось. Было известно лишь по актам 1634 г., что город имел «Острожек», следы которого «видны и доселе» [170]. Нашими обследованиями 1970—1971 гг. установлено, что детинец Ельны («городок», «острожек» — современное название) представляет возвышенность на левом берегу Десны при впадении в нее ручья и имеет высоту 8—9 м над уровнем воды. Площадка округлая, несколько напоминающая в плане треугольную форму (105×65 м), в древности была окружена по периметру валом, следы которого видны еще повсеместно и который с напольной стороны сохранился на высоту до 4 м. Въезд на городище был с напольной стороны (рис. 30, 31, *1*). Пробные шурфы, заложенные на памятнике в нескольких местах (1×1 м), обнаружили культурный слой домонгольского времени небольшой мощности (до 1—1,4 м), который был насыщен стеклянными браслетами-пряслицами розового шифера, керамикой [171].

Ростиславль (*Рославль*). Древний Ростиславль (ныне — Рославль Смоленской области) расположен на древней дороге из Смоленска в Чернигов. Первое упоминание о нем читаем лишь в грамоте «О погородье» 1211—1218 гг., и, судя по погородью, можно думать, что город ровнялся примерно Ельне и был безусловно меньше Мстиславля [172]. В древнерусских лето-

---

[165] *Сергеева З. М.* О подковообразных фибулах с утолщенными концами в Древней Руси.— КСИА, 1977, вып. 150.
[166] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского..., с. 58.
[167] ПСРЛ, 1965, т. XII, с. 72; ПСРЛ, 1949, т. XXV, с. 268.
[168] ПСРЛ, 1965, т. XIII, с. 155.
[169] НПЛ, с. 476.
[170] Россия. СПб., 1905, т. IX, с. 382.
[171] *Алексеев Л. В.* Исследования в древней Смоленщине.— АО 1972 г. М., 1973, с. 49.
[172] ДКУ, с. 146.

писях и актах он фигурирует лишь с конца XV — начала XVI в. [173] Археологическая карта курганов в окрестностях Рославля позволяет заключить, что он возник в довольно заселенной округе, как мы говорили, княжеского домена.

Историей Ростиславля занимались мало. В первой работе о нем были лишь самые поверхностные сведения [174]. Обстоятельная работа С. С. Ракочевского, вышедшая 22 года спустя, содержала большое количество важнейших сведений, тонких и верных наблюдений, справедливость которых подтверждается лишь в наши дни, и очень жаль, что несправедливая суровая рецензия А. И. Савельева отпугнула начинающего историка города от дальнейших изысканий [175].

Ростиславль сложился исторически, и в XVIII в. Рославль состоял из нескольких частей, разделенных речкой Становкой: «собственно город», «Юрьевская гора и Заречье». Центром «собственно города» было древнее городище «Бурцева гора», возле которой за рвом дугообразно располагались кварталы, перерезанные радиусами-улицами от центра к периферии [176]. Основные улицы города носили названия тех городов, к которым они выводили: Смоленская, Мглинская, Краснинская и Брянская [177]. На правой возвышенной части Становки, за рвом располагался посад с торговой площадью и четырьмя церквями: Благовещенская, Никольская, Успенская и Пятницкая [178]. Все эти храмы упомянуты уже в документе 1634 г. и некоторые с дополнительными наименованиями: «Благовещенская на посаде», «Николы в Незнанове», «Успенья в Жолницу»; «Пятницы на месте» [179]. Возможно, что некоторые из них (утверждать можно только о Благовещенской) возникли в глубокой древности. Мнение А. А. Щукина о том, что «в XIII в. в Рославле было три церкви: монастырь, церковь Константина и Елены и Благовещенская» [180], к сожалению, не подтверждено фактами, а пробные шурфы П. А. Раппопорта, заложенные на месте церкви Благовещения и Спасского монастыря, подтвердили это лишь в первом случае [181].

Подобно соседним Мстиславлю и Кричеву, в Ростиславле было, по-видимому, и городище раннего железного века: «по другую сторону землянo-

---

[173] См.: например: ПСРЛ, 1965, т. XIII, вып. 2, с. 397 (1565 г.).

[174] *Никитин Ф., Неверович В.* Историко-статистическое описание города Рославля и уезда его.— ПКСГ на 1858 г. Смоленск, 1858.

[175] *Ракочевский С.* Исторические сведения о Рославле.— СВ 1878, № 30; *Ракочевский С.* Опыт собирания исторических записок о г. Рославле.— ИРАО, СПб., 1880, т. IX; *Савельев А. И.* (рецензия): ИРАО, СПб., 1884, т. X, вып. 2, с. 219.

[176] *Ракочевский С.* Опыт..., с. 494.

[177] *Рябков Г. Т.* Города Смоленской губернии в последней четверти XVIII — начале XIX столетий.— МИСО, Смоленск, 1957, вып. 2, с. 416.

[178] Историко-статистическое описание церквей и приходов Смоленской епархии. СПб., 1864, с. 329.

[179] Акты, изданные Виленской археологической комиссией. Вильна, 1865, т. I, с. 69 и сл.

[180] *Щукин А.* Из Рославльской старины.— Смоленские епархиальные ведомости, Смоленск, 1894, № 8, с. 384.

[181] *Раппопорт П. А., Шолохова Е. В.* Раскопки в Рославле.— АО 1975 г. М., 1976.

го вала (Бурцевой горы), в расстоянии 300 сажен от него по течению Становки на левом берегу»,— пишет С. Ракочевский, был «круглый курган, возвышающийся над уровнем речки на 17 аршин (свыше 12 м) с верхней площадью 2880 кв. аршин и при основании 8019 кв. аршин». В народе памятник именовался «городом», а в официальных документах XVIII в.— Сотниковым городищем [182]. Памятник имел, по С. Ракочевскому, культурный слой («насыпной грунт... в верхней его части»), а на две трети высоты состоял из песка. «От самого берега Становки, начинаясь под прямыми углами, два широких лога по обе стороны основания кургана, параллельно тянулись к северу, постепенно суживаясь и исчезая в песчаной возвышенности. Их-то соединение широким перекопом и отделило от прибрежной возвышенности основание кургана, дав и материал для возвышения его». Таково драгоценное описание городища С. Ракочевским, видевшим памятник в натуре. «Сотниково городище за городом,— писал И. И. Орловский,— недавно продано Управой на срытие» [183]. Поэтому следов городища теперь нет.

Находки древних вещей в Рославле постоянны и более всего на Бурцевой горе — детинце древнего Ростиславля (рис. 27) [184]. Площадка памятника имеет в плане форму боба и возвышается с юга на 10—12 м над уровнем реки, с севера — на 15 м. Вал, оконтуривавший некогда площадку, сохранился не везде и имеет высоту 110—120 и 160 м. Окольный город и посад домонгольского времени пока не найден, но известно, что в Рославле был курганный некрополь: «Из памятников древности кроме курганов в городе и около ничего не осталось», — сообщалось в 1864 г. [185] По свидетельству рославльского историка-краеведа С. С. Иванова, в километре на восток от детинца на р. Становка есть кладбище «Курганье», а рядом улица Турецкая. Пленные турки, с которыми ее связывает легенда, в Рославле мало вероятны, скорее улица названа по соседним курганам, которые часто связывают с убитыми французами, шведами, турками.

Наши раскопки рославльского детинца (1969—1970 гг.) [186] обнаружили максимальную мощность напластования в северо-восточной части (4,3 м).

---

[182] *Ракочевский С.* Исторические сведения...

[183] *Орловский И. И.* Краткая география Смоленской губернии, с. 170.

[184] По С. Ракочевскому, на Бурцевой горе в 1855 г. при постройке часовни были найдены следы кладбища (у более ранней церкви?), а на посаде под иконостасом Благовещенской церкви в 1875 г. обнаружили кирпичи «плитообразной формы» размерами 16,25 см (ширина), 38—50 мм толщины несомненно плинфа (*Ракочевский С.* Исторические сведения..., с. 495, 496, 516). В земле у упомянутой часовни в 1890-х годах был найден перстень с благословляющей человеческой рукой (очевидно, перстень XIII—XIV вв. (*Щукин А. А.* Из Рославльской старины, с. 383). В 1927 г. «при переоборудовании Бурцевой горы», в ее центре, нашли кладку из кирпичей и под ней «нечто вроде свода» (*Г.* Памятники старины.— Рабочий путь, Смоленск, 1927, № 130). И. М. Хозеров установил, что это остатки здания XVI в. При нем же на глубине 1,7 м были найдены остатки «башни и стены деревянного укрепления Бурцевой горы» (Отклики на заметки.— Там же, 1927, № 188).

[185] Историко-статистическое описание..., с. 327.

[186] *Алексеев Л. В., Сергеева З. М.* Раскопки древнего Ростиславля и разведки в Смоленской земле.— АО 1970. М., 1971; *Алексеев Л. В.* Древний Ростиславль.— КСИА, 1974, вып. 139.

Рис. 27. Ростиславль (Рославль). Общий вид детинца («Бурцевой горы») с северо-запада

Древнейшие отложения над материком незначительны и без находок. Первое поселение было уничтожено пожаром, в слое которого найдены самые ранние находки: навершие посоха (?), обгоревшее в пожаре, на поверхности которого прочерчена семиугольная фигура, напоминающая корону древнерусских миниатюр [187] (рис. 28, *2*), на противоположной стороне изделия — четырехугольный крест и княжеский трезубец, близкий к тамге отца Мономаха Всеволода [188] и трезубцу Ростислава Смоленского — строителя вероятного города [189]. Помимо этого «навершия», в пожарище найдены ключ от замка XI — начала XIII в., кожаный мешочек, шарнирные ножницы.

После пожара, в середине XII в., в городе началось интенсивное строительство деревянных сооружений и затем церкви из плинф (найдены их обломки, датированные П. А. Раппопортом концом XII — началом XIII в.).

[187] Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902, лист. 5 об., 193 об. 203— верхняя миниатюра.

[188] История культуры древней Руси. М.; Л., 1948, т. I, с. 168, рис. 110, *6*.

[189] *Янин В. Л.* Вислые печати из новгородских раскопок.— МИА, 1956, № 55, с. 150, рис. IV, *30*.

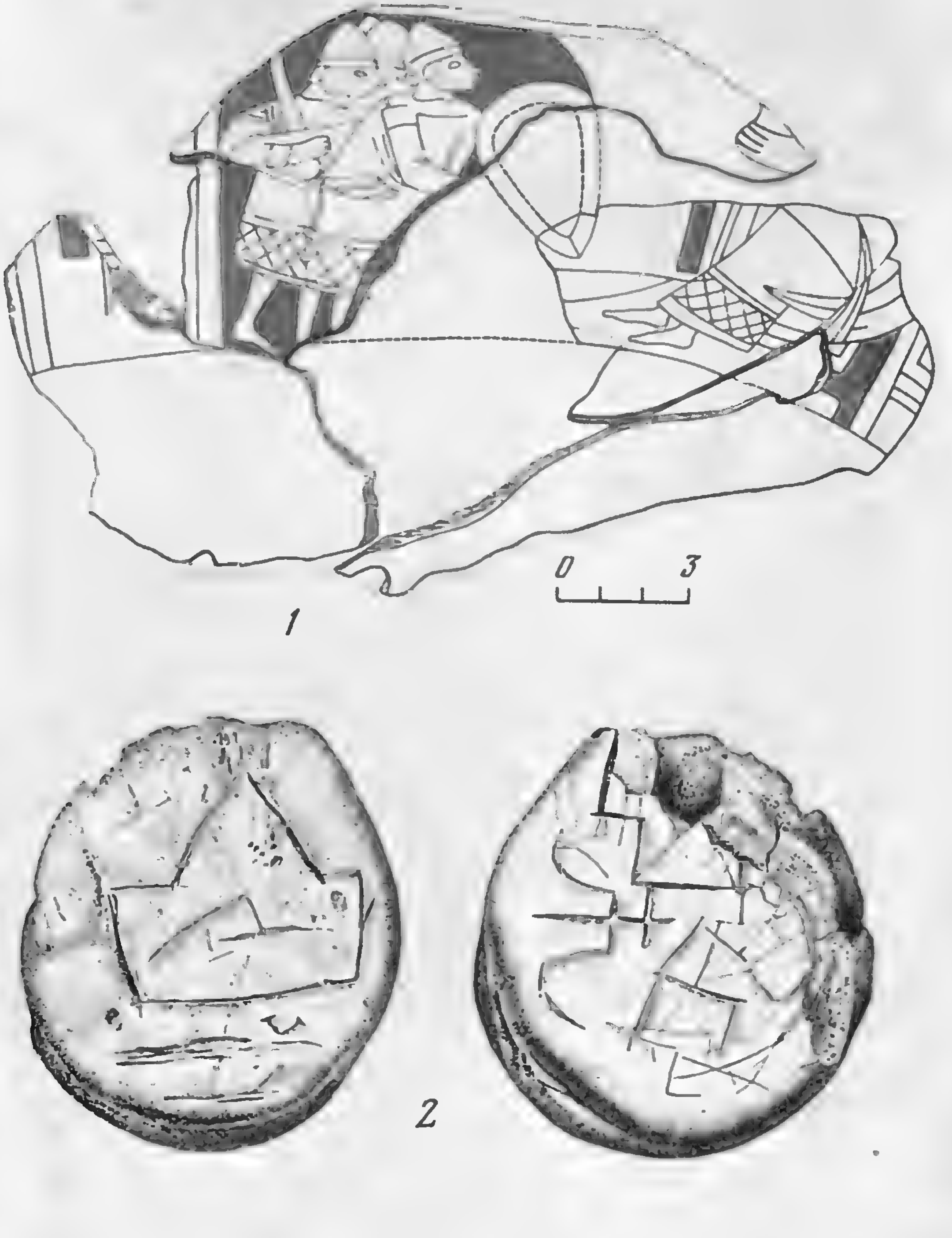

Рис. 28. Ростиславль (Рославль). Находки из культурного слоя детинца

1 — часть деревянной чаши с резным изображением воинов с князем, 2 — навершие (?) посоха (?) с княжеским знаком близким к тамге Ростислава Смоленского и короной (нижний слой пожарища)

Весь послепожарный слой датируется керамикой (определение Г. П. Смирновой) и другими находками (килевидная стрела, железное стремя и др.) от середины XII до начала XIII в. Здесь интересна хозяйственная постройка — сруб малых размеров (2,75×2,75 м) с дощатым полом и дверным проемом в северо-западной стене, аккуратно прорубленным в третьем венце и остатками притолоки. К этому срубу подходил бревенчатый настил, а на его полу найдена самая интересная находка: фрагменты деревянной чаши с изображением воинов перед сидящим на «столе» князем. Шлемы с шишаками и бармицами, миндалевидные щиты и меч убеждают в датировке: XII — первая половина XIII в. (рис. 28, *1*) [190]. Дружинники изображены с большой экспрессией: первый из них явно спорит с князем и что-то доказывает. Сюзерен разводит руками. Случаи споров князя с его дружиной не редки: «и рекоша ему (князю. — *Л. А.*) дружина его: а собе еси, княже, замыслилъ, а не Ѣдем по тобѢ мы того не вѢдали!» (1169 г.). Дружина требовала себе богатств: «мало мне, княже, 200 гривен!» (1097 г.). Бывали случаи, когда после такого совещания с князем, дружина его покидала, либо просто «подуче, не идяху» [191]. Рославльская чаша служила, вероятно, для воинских дружинных пиров и не исключено, что на ней был изображен какой-то конкретный случай споров с князем, кончившийся, видимо, победой дружины, в ознаменование чего и было сделано изображение. Не забудем, что Рославль — исконный домениальный центр смоленских князей, где поблизости несомненно жила и княжеская дружина и решались многие совместные с дружинниками княжеские дела. Конец XII — начало XIII в. — время, когда княжеская дружина, владевшая уже большими земельными богатствами, чувствовала себя с князьями, особенно с малыми, достаточно независимо. Не случайно, рославльская уникальная чаша все же неодинока: в ту же эпоху были сделаны изображения дружинников на чаше из Новгорода (которая до нашей находки считалась единственной). Воины прочерчены там более искусно, но нет сюжета, хотя детали одежд и оружия такие же [192].

В том месте, где велись в Рославле раскопки, во второй половине XIII в. и в первой половине XIV в. особых построек возведено не было, что отражает, видимо, упадок жизни древнерусских городов этого времени, связанный с татаро-монгольским нашествием большой части страны. Лишь в середине XIV в. началось более интенсивное строительство. Одна из построек — срубный дом (?) (5,4×5,1 м) — имела нижний венец из дуба, что в этих местах встречается редко. На месте этой постройки возвели позднее (очевидно, в XV в.), новый дом меньших размеров, который был положен на глиняную подушку. В этом доме сохранилась печь, выложенная из глины, почти квадратная в плане. В поде печи использованы куски домонгольской плинфы: прежняя церковь, видимо, уже не существовала.

---

[190] Подробные обоснования датировки см.: *Алексеев Л. В.* Древний Ростиславль...

[191] ПСРЛ, т. II, стб. 536—537 (1169 г.); ПВЛ, 1950, т. II, с. 25, 34; ПСРЛ, 1927, т. I, вып. 2, стб. 364 (1172 г.).

[192] *Колчин Б. А.* Новгородские древности.— САИ, 1971, вып. Е1-55, с. 60, табл. 47, *1*.

Раскопанная часть детинца показала, что в домонгольское время и позднее эта часть памятника была заселена трудовым населением, жившим небольшими усадьбами, огражденными частоколами. На усадьбах стояли дом и хозяйственные постройки, дворы мостились деревом. Владельцы усадеб занимались торговлей, видимо ремеслом и частично, может быть, земледелием. Всего вероятнее, это было население детинца, обслуживавшее как-то князя и его «княж двор». Скорее всего, это были постройки княжеской челяди.

Исходя из раскопок можно утверждать, что в Ростиславле в XII—XIII вв. было не менее двух каменных церквей. Плинфы конца XII—начала XIII в., найденные на детинце, показывают, что вместе с основанием города Ростислав выстроил, вероятно, деревянную церковь. Ее наименование неизвестно. А. А. Щукин считал, что она именовалась церковью Константина и Елены и видел этому основания в крестном ходе, который исстари осуществлялся 21 мая (по старому стилю день Константина и Елены) на Бурцеву гору [193]. Константиноеленские церкви в домонгольской Руси очень редки (укажем возведение такого храма в Новгороде на Яневе улице в Поле в 1151 г.) [194], и глубокая древность такого наименования церкви в Ростиславле более чем сомнительна, а часовня с этим наименованием на детинце была связана, по-видимому, с позднейшей легендой, которую, кстати, А. А. Щукин также приводит [195].

Дорогобуж — ныне районный центр Смоленской области. В Уставе 1136 г. его еще нет, и он возник как крупный самостоятельный город только в конце XII — начале XIII в. Судя по дополнительной грамоте «О погородьи» в 1211—1228 гг. он вносил епископии «три гривны короткии, а почестья гривна и пять лисиць» [196]. Здесь непонятно, что такое «гоны короткие»? Вероятнее, это ошибка переписчика. В. А. Кучкин предложил читать это, как «три куны короткие», имея в виду распространение в это время полугривны [197]. Но это сомнительно: подобный термин неизвестен, да и вряд ли полугривны именовались «короткими», так как они были меньше гривен не только в длину, но и в ширину, и скорее назывались бы «малыми». Величина почестья Дорогобужа несколько неожиданна: гривна и 5 лисиц составляют 112,5 гривны кун; Дорогобуж, следовательно, платил самое крупное почестье. Почему? Земли вокруг Дорогобужа, судя по курганам, были заселены еще в XI в. С запада они граничили со Свирковыми Луками и «уездом княжим» — княжескими домениальными землями [198]. Видимо, в 1136 г. с земель, где позднее возник Дорогобуж, не взималась дань потому, что они также не были включены в княжеский домен. На

[193] *Щукин А.* Исторические сведения, с. 384.
[194] НПЛ, с. 29.
[195] *Щукин А.* Исторические сведения.
[196] ДКУ, с. 146.
[197] Выступление В. А. Кучкина на докладе автора в Институте археологии АН СССР 22 января 1973 г.
[198] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава смоленского.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976.

детинце Дорогобужа находили плинфы[199], значит, и там в домонгольское время существовала, как и в других домениальных городах — Мстиславле и Ростиславле, каменная церковь. Остается заключить, что в 1211—1218 гг. город Дорогобуж также был домениальным центром с большим храмом и мог платить епископу самое крупное почестье.

Дорогобуж «раскинут по отлогости горы на левом берегу Днепра и имеет крепость, защищаемую окопом из кольев и брусьев», писал в 1661 г. А. Мейерберг. «Дорогобуж — город деревянной, в нем 3 замка: один на горе, а два под горою, и около среднего замка по обе стороны еще два малых замка, а около всего того города ров земляной и палисады», — уточнял в первой половине XVIII в. И. К. Кирилов. В начале XIX в. деревянных сооружений на детинце уже не было. Словарь Щекатова знает лишь «крепость городскую, земляную»[200].

Детинец города[201] (есть сведения, что он именовался Верхним Замком)[202], расположен на левом берегу Днепра, вблизи правого берега его притока Ардашевки (Ордашны). Долина, покрытая всхолмлениями, на которой стоит крепость, с востока омывалась еще вторым притоком Днепра — р. Дебрей[203]. По приказу Екатерины II в 1879 г. на детинце была выстроена церковь и дворец со службами. В 60—80-х годах XIX в. там были возведены еще присутственные места и «два магазина провиантского ведомства»[204], что не могло не нарушить культурного слоя памятника (хотя в войну 1941—1945 гг. все это и было сметено). Площадка детинца (130×130 м) имеет ярко выраженную круглую форму, она возвышается на высоте 21 м и сохранила еще остатки вала по ее краю с напольной стороны. Въезд — с юга, где ныне имеется высокая дамба. В целом памятник напоминает городища в Торопце, Мстиславле и Ростиславле.

О «малых замках» И. К. Кирилова сведений нет. К детинцу примыкал некогда, по-видимому, посад (неизвестно, когда возникший) с церквями Параскевы Пятницы, Троицы, Бориса и Глеба и Покрова. Все эти наименования встречаются в домонгольское время, не исключено, что и посад возник в XIII в.

Культурный слой детинца залегает до глубины 3,2 м. С глубины 2,6 м появляются стеклянные браслеты, сигнализирующие о верхней границе слоя XIII — начала XIV в. Самая ранняя керамика найдена нами на глу-

[199] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979, с. 347.

[200] *Мейерберг А.* Путешествие в Московию. М., 1874, с. 197; *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977, с. 157; *Щекатов А.* Словарь географический Российского государства. М., 1804, т. I, с. 281.

[201] Историко-статистические сведения г. Дорогобужа и уезда его — ПКСГ на 1860 год. Смоленск, 1860, с. 93, 94. Что это за «окапывание» — неизвестно. Возможно, это были работы городского головы Д. И. Свешникова, который занялся было посадкой деревьев на валу и устроил цветники (...) Потом все это было запущено, деревья поломаны (...) Вал после этого запустел и покрылся нечистотами (Дорогобуж — Смоленский вестник, 1889, № 11).

[202] Историко-статистическое описание Смоленской епархии, СПб., 1864, с. 289, 290.

[203] План города Дорогобужа конца XVIII — н. XIX в.— ЦГИАЛ, ф. 1293, оп. 167, д. 20, л. 2.

[204] Историко-статистическое описание...

бине 30—40 м выше материка и датируется она второй половиной XII в. (любезное определение Г. П. Смирновой) [205].

А. Н. Насонов связывал возникновение крепости Дорогобуж с походом Святослава Ольговича в верховья Угры в 1147 г., когда местность, принадлежавшая Смоленску, была опустошена. «С этой стороны, вероятно, и ранее грозила опасность, — писал он, — чем и объясняется построение восточнее Смоленска на Днепре крепости Дорогобуж и Ельны» [206]. Это заключение, основанное лишь на логических данных, подтверждается археологией: шурф на дорогобужском детинце выявил несколько выше материка керамику второй половины XII в., крепость же возникла, скорее всего, немного ранее, и слой, в котором в этом шурфе материалов не найдено (он очень небольшой), следует датировать серединой XII в. Как уже говорилось (см. раздел о домене князя), и эта датировка может быть уточнена: название Дорогобуж указывает, что эта смоленская крепость построена между 1151 и 1159 гг.

Ржев. Особняком стоит еще один «город» домонгольской Руси — Ржев (Ржевка), сведения о котором для домонгольского времени крайне скудны. Первое упоминание о памятнике относится к 1216 г. — в летописи сообщается, что пункт этот принадлежал князю Мстиславу Торопецкому [207]. Остатки города расположены в центре современного города Ржева на левом берегу р. Волги при слиянии с ней р. Хвалынки, на высокой горе. «Однако укрепленная площадка занимает здесь не весь мыс, а лишь его наиболее узкую часть у обратной петли реки Хвалынки. Таким образом, укрепление занимало как бы перешеек в основной части полуострова и было защищено с напольной стороны широким рвом» [208]. Валы в Ржеве не сохранились, но остатки укреплений были обнаружены при постройке колокольни на краю городища (1832 г.). Площадка поднята над уровнем воды на 23 м и имеет размеры 100×110 м. Городище обследовалось мною в 1972 г. [209] На нем ныне располагается городской парк. Не получив разрешения местных властей заложить шурф, пришлось ограничиться сбором подъемного материала в обрезах, среди которого есть венчики сосудов XII—XIII вв. (определение Г. П. Смирновой).

Кричев и Пропошеск. Города эти упоминаются в Уставе Ростислава 1136 г. как Кречют и Прупои. Оба города обследовались недавно белорусскими археологами. Остатки древнего Кричева расположены на небольшой возвышенности на правом берегу Днепра. Площадка детинца немногим менее 0,5 га была окружена по периметру валом. В шурфах, заложенных Г. В. Штыховым, был обнаружен культурный слой мощностью до 2 м и керамика XII—XIII вв. [210] При раскопках памятника М. А. Ткачевым

---

[205] *Алексеев Л. В.* Исследования в древней Смоленщине.— АО 1972 г. М., 1973.
[206] *Насонов А. Н.* «Русская земля»..., с. 166.
[207] НПЛ, с. 55, 255.
[208] *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв.— МИА, 1961, № 105, с. 12.
[209] *Алексеев Л. В.* Исследования в древней Смоленщине.— АО 1972 г., М., 1973 г.
[210] Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1972, ч. II, с. 126, 127.

установлено, что жизнь на детинце возникла в XI в. В культурном слое (до 3,5 м), найдены характерные домонгольские вещи: стеклянные бусы, браслеты из стекла, обломок креста-энколпиона и т. д. К юго-востоку от детинца расположен посад (на так называемой Спасской горе), жизнь на котором начиналась в XII в. [211]

Городище Пропошеска расположено в современном городе Славгороде (Пропойске) на правом крутом берегу р. Сож, неподалеку от устья р. Прони. Памятник вытянут с севера на юг и хорошо укреплен природой. При шурфовке Г. В. Штыхова было установлено, что жизнь на памятнике возникла в начале XI в. [212] Раскопки М. А. Ткачева выявили культурный слой мощностью до 2 м, в основании которого были немногочисленные вещи X—XI вв. и укрепления этого же времени в виде частокола. Не ранее XII в. возник вал с рублеными деревянными стенами. К этому же времени исследователь относит и возникновение посада [213].

СМОЛЕНСКИЕ ГОРОДА И ИХ НАСЕЛЕНИЕ

Этапы развития смоленских центров. Изложенное приводит к выводу, что городские центры Смоленской земли в своем развитии прошли три этапа.

Первый этап (IX — начало XI в.) приходится на период сложения древнерусского государства, когда население восточнославянских земель еще членится на племенные объединения, группирующиеся вокруг племенных центров. На примере древлянского Искоростеня мы знаем, что население таких центров занималось в первую очередь земледелием, скотоводством, бортничеством и охотой. Сам центр имел укрепления (вероятно, деревоземляные), в которых в случае опасности все окрестное население могло «затвориться». В это же время на Руси стали возникать, по-видимому, и «открытые торгово-ремесленные поселения», сосредоточивающие полиэтничное население, занимающееся торговлей, военными походами, ремеслом [214]. Среди пришлого населения здесь было более всего неутомимых торговцев-воинов этого времени — норманнов. Сравнение этих центров с северо-скандинавскими виками, по-видимому, вполне правомерно.

В Смоленской земле в это время существовал лишь один город — Смоленск на его гнездовской стадии. Ученик М. А. Артамонова, В. А. Булкин, давно и творчески изучающий гнездовский комплекс памятников по всем имеющимся материалам, полагает, что первыми поселенцами в Гнездове были «немногочисленные военные отряды, в основном скандинавского происхождения», которые осели в устье Свинца около середины IX в. Судя по

---

[211] *Ткачев М. А.* Работы Посожского отряда.— АО 1976 г. М., 1977.

[212] *Штыхов Г. В.* Разведочные раскопки в Славгороде в 1967 г. В кн.: Вопросы истории. Минск, 1960; Очерки по археологии Белоруссии, с. 131, 132.

[213] *Ткачев М. А.* Работы в белорусском Посожье.— АО 1975 г. М., 1976.

[214] *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. А.* Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л., 1978, с. 138 и сл.

курганам, отмечает он, особой дифференциации среди этого населения не было, это были торговцы-воины [215]. Традиционную точку зрения на возникновение Смоленска как центра на Пути из варяг в греки исследователь считает неубедительной: путь этот «приобретает особую значимость со второй половины X в. и активно функционирует длительное время», в то время как Смоленск «вдруг, в начале XI в., в период бурного процесса городообразования на Руси, переживает сильнейший кризис и, не «дотянув» до средневекового города, превращается в рядовой поселок» [216]. Отсюда он полагает, что главную роль в образовании Смоленска должен был сыграть якобы существовавший прямой путь Двина — Днепр — Ока — Волга, где обнаружены клады арабских монет IX в. Однако В. А. Булкин упускает из виду, во-первых, что Смоленск на его гнездовской стадии (которую он также признает) просуществовал до тех пор, пока Путь из варяг в греки не потерял своего международного значения в начале XI в., т. е. всецело был связан именно с ним. Во-вторых, если город, как он полагает, действительно был основан варягами, то их интересовал вовсе не путь по Оке (где почти не зафиксировано скандинавских находок IX в., предметы X — начала XI в. редки и в Суздальское Ополье попадали, вероятнее, с верхней Волги через Тимерево) [217], а путь на юг, в зону Чернигова — Киева и далее в Византию (скандинавские находки в Шестовицах, в киевском некрополе и т. д.). Есть и письменные свидетельства о движении варягов — первопоселенцев о. Готланда по р. Дюна (Западная Двина) через Рюцланд (Русь), именно в Грецию, причем указывается, что путь этот знали и «паломники из Святой земли» еще до Олава Святого (т. е. до XI в.) [218]. Но действительно ли скандинавы основали Смоленск? Археологические материалы пока что здесь помогают мало, но у нас есть летопись. В самом достоверном нашем источнике — Повести временных лет — говорится, что кривичи, которые «сѣдят на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Дѣпра» имеют свой город Смоленск («их же градъ есть Смоленск — тудѣ бо сѣдять кривичи») [219]. Нам ясно, что летописцу XII в. первоначальный Смоленск представлялся как племенной центр днепр-двинско —волжских кривичей, и приплывшие туда скандинавы могли лишь поселиться у существующего уже города. Впрочем, торговля со скандинавами началась в этих местах на несколько десятилетий ранее: в нескольких километрах от Гнездова к востоку, у д. Новоселки, найден курганный могильник с четырехугольными насыпями, являющимися связующим звеном между удлиненными насыпями предшествующего времени и гнездовскими курганами, и вещами, напоминающими аборигенные балтские, славянские и скандинавские, датирующиеся второй четвертью IX в. [220]

[215] Там же, с. 49.
[216] *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Памятники..., с. 51 и сл.
[217] Там же, с. 115—128.
[218] Сага о Гутах / Пер. и прим. С. Д. Ковалевского.— Средние века, 1975, вып. 38.
[219] ПВЛ, т. I, с. 13.
[220] *Лявданский А. Н.* Материалы для археологической карты Смоленской губернии.— Труды смоленских музеев, Смоленск, 1924, вып. I, с. 38—40; *Шмидт Е. А.* Археоло-

Гнездовский Смоленск был окружен своим племенным могильником, имел свое святилище (на центральном городище?) и объединял местных кривичей с пришлыми скандинавами. Этот город был сходен, можно думать, с подобными же Ладогой словен, с Полоцком и Витебском кривичей среднего течения Западной Двины. С X в. все эти центры стали сравнительно быстро расти. Ферментом оказался Путь из варяг в греки, который вовлек все эти центры в круговорот торговли тогдашнего мира. Встречающиеся на пути естественные остановочные пункты у племенных и просто торговых центров приводили к торговле и обмену сначала съестных припасов и местных природных богатств (мед, воск, меха и т. д.) на товары проезжих негоциантов, а позднее, с разрастанием центров и возникновением производств, в торговлю включались и ремесленные изделия, производимые в этих центрах. Любопытно, что удается проследить и мелкие центры, возникшие (или усилившиеся) благодаря торговле, но которым так и не суждено было стать городами. Такие центры намечались у Торопецких озер; их население оставило курганный могильник 2 и клад арабских диргемов 867 г., может быть, к ним можно причислить и дружинный поселок у деревни Новоселки близ Гнездова, прекративший свое существование как раз тогда, когда гнездовский Смоленск особенно стал усиливаться (к середине X в.). Во всех центрах этого периода чувствуется громадное влияние мировой торговли — с Южной Русью, со Скандинавией, с Прибалтикой и арабским востоком. Это была торговоремесленная стадия, «предгородская», так как ремесло в городах этого времени в Восточной Европе не превалировало.

Все полустихийно возникшие в этой стадии «города» имели в основном стихийно сложившуюся планировку: укрепленная цитадель (может быть, святилище было здесь же), посад с торгом и курганный некрополь. В Полоцке цитадель представлена городищем на Полоте, а между ней и курганным могильником существовал обширный посад, где, по-видимому, располагался и торг [221]. Подобную планировку имел и первоначальный Витебск [222]. В гнездовском Смоленске эти три элемента были также представлены. В некоторых центрах находят погребения не только скандинавов, что можно было бы объяснить умершими на чужбине купцами и воинами, но в центрах зоны кривичей, словен, мери, как мы видели, и скандинавских женщин. Объяснение этому уже было приведено [223]: эти погребения указывают на наличие возле этих центров пунктов сбора варяжской дани. У смоленских кривичей такой пункт, по-видимому, существовал в самом гнездовском Смоленске.

гические памятники второй половины I тыс. на территории Смоленской области.— МИСО, Смоленск, 1963, вып. V, с. 114—128; *Ширинский С. С.* Курганы у д. Новоселки.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 114—116.

[221] *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. Минск, 1975, с. 317, рис. 17.

[222] *Алексеев Л. В.* К истории и топографии древнейшего Витебска.— СА, 1964; № 1; *Он же.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 168, рис. 40 (план).

[223] *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске.— СА, 1977, № 1, с. 89.

Характер древнего Смоленска этого времени уже выяснялся А. Н. Насоновым. Судя по курганам, здесь «сложилась своя сильная феодальная знать (...), которая выросла на местном корню (...), богатство и могущество этой знати держалось на эксплуатации зависимого и полузависимого населения. Она обогащалась посредством и примитивного обмена (...). Это была знать, организованная в военном отношении (...). Поражает число этих «дружинных курганов», свидетельствующих о сосредоточенном существовании на территории селища и городища» [224]. Исследователь выделяет мысль В. И. Сизова о сходстве богатых курганов гнездовского Смоленска с «Гульбищем» и «Черной могилой» Чернигова. Помимо знати, эксплуатировавшей, несомненно, какое-то население и занимающейся в значительной степени и торговлей (любой торговец того времени, выезжавший в чужие земли, вынужден был прежде всего быть воином-дружинником и ехал, безусловно, окруженный большим коллективом), в Смоленске жило и ремесленное население, значение которого ежегодно усиливалось. Можно говорить о существовании в городе железоделательного ремесла, кузнечного, ювелирного, гончарного и ряда других. Неправ А. Н. Насонов, полагая, что южнорусские князья в Смоленске X в. не стремились «создать своей базы, подобно тому, как они стремились к этому в Новгороде» [225]. Напротив, Владимир Святой, как мы видели, даже посадил туда своего младшего сына, но многолетнее властвование Станислава в этом городе особенно не сказалось: Смоленск был еще силен, князь встречал со стороны городских верхов, очевидно, очень большое сопротивление.

В 1930 г. В. Фогель выделил тип торгового раннесредневекового северного города и пытался определить его виды. Многолетние исследования Г. Янкуна в том же направлении позволили развить эту идею далее [226]. Торговые города древности в источниках называются «виками», и сейчас высказана очень интересная мысль, что Гнездово, т. е. гнездовский Смоленск, и был таким же пунктом, как средневековый североевропейский вик, подобный датскому Хетебю, южнонорвежскому Скирингссалю, шведской Бирке [227]. С последней у Смоленска особенно много общего, связи с Биркой были прямые. Гнездовский Смоленск был основан кривичами, сходство с виками объясняется несомненно функциональными особенностями всех этих городов. Однако полностью, к сожалению, это выяснить не удастся, так как культурный слой Гнездова сильно перемешан и все

---

[224] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 163.

[225] Там же, с. 162.

[226] *Vogel W.* Handelsverkehr, Ständtwesen und Staatenbildung in Nord-Europa im früheren Mittelalter. Zeitschrift des Gesellschaft für Erkunde zu Berlin. Berlin, 1931; *Jahnkuhn H.* Typen und funktionen vor und frühwikingerzeitlicher Haudelsplätze im Ostseegebiet. Wien, 1971.

[227] *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка.— В кн.: Культура средневековой Руси.

вещи в нем находят чаще во взвешенном состоянии. Можно предположить, что во второй половине X в. ремесло древнейшего Смоленска заняло в городе достаточно важное место в его экономике, и из торгово-ремесленного поселения предгородского типа он перерос в ремесленно-торговый и административный центр, т. е. стал городом в научном понимании этого слова.

Следующий этап становления смоленского города охватывает вторую половину XI — первую половину XII в. Начался он выделением Смоленского княжения, что не могло не сказаться кардинально на экономике страны. Возникновение новой феодальной цитадели вблизи почти неукрепленного Гнездовского Смоленска не могло не привести к затуханию последнего, и жители перебрались под стены нового надежного укрепления, где утвердилась характерная для северорусских городов кончанская структура. Смоленск теперь имел иной вид: мощная крепость овальной формы (свидетельство ее искусственного возведения), окольный город, укрепленный Ростиславом в XII в., и прежний посад у стен детинца со стороны Днепра, наконец, собор Мономаха на детинце и многочисленные каменные церкви, построенные его внуком,— все это свидетельствовало о колоссальных изменениях, которые принесла с собой феодальная эпоха. Важнейшим этапом этого периода было создание в столице епископии, что сделало Смоленск не только самостоятельным от Переяславской епархии, но и необычайно подняло авторитет смоленского князя.

Можно полагать, что Смоленск был длительно единственным городом Смоленской земли благодаря вышеназванным причинам, экономически далеко опередивший страну. Устав Ростислава Смоленского показывает, что вторым центром городского типа оказался лишь в конце 20-х годов XII в. Вержавск-город дофеодального происхождения, возглавивший, по-видимому, самые экономически развитые и платежеспособные территории Вержавлян Великих. Торопец как самостоятельный центр в Уставе не назван, и это не должно удивлять, так как, по раскопкам, этот центр, возникнув в конце XI или на рубеже XI и XII вв., получил укрепления не ранее середины или второй половины XII в., овальная форма плана укреплений Торопца показывает его сравнительно позднее и искусственное происхождение [228]. Вержавск, даже по внешнему виду, принадлежит к мысовым городищам старого типа, возглавляемые им Вержавляне Великие, составлявшие некогда 10 погостов, а в 1136 г. состоявшие в связи с образованием Вержавска, из девяти, представляли, видимо, некогда в среде смоленских кривичей какое-то племенное объединение, возникшее на территории издревле заселенной, еще в эпоху длинных курганов.

В 40—50-х годах XII в. развитие городов Смоленской земли вступило в свой следующий этап — Путь по Днепру давно уже имел главным обра-

[228] *Раппопорт П. А.* Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси.— СА, 1959, № 1.

зом внутреннее значение, торговые пути этого времени начали приобретать иное направление — широтное, вдоль Западной Двины, что в XIII в. получило особое развитие. Однако расположение городов Смоленской земли (их теперь стало довольно много) не имело связи с торговыми путями в той степени, как это было ранее. Видимо, не торговля была основным условием для возрастания интенсивного развития в стране городов в это время. Картографируя пункты, о которых свидетельствует грамота «О погородьи и почестьи» (1211—1218 гг.), можно заметить, что бóльшая их часть возникает на территории княжеского домена, таковы: Ростиславль, Мстиславль, Изяславль, Дорогобуж. Елна возникает из прежних Дешнян (на их территории), и только Копыс, находившаяся у брода через Днепр, продолжает развиваться дальше. Вержавск свое былое значение явно теряет. Итак, рост большей части пунктов Смоленской земли и превращение их в самостоятельные центры-города связано, по-видимому, с княжеским доменом, т. е. явлением уже явно феодального порядка, либо с центром, отражающим феодальное властвование на новом этапе (Ельна), и только в исключительных случаях, в силу каких-то особых обстоятельств. Суммируя, можно сказать, что во второй половине XII — начале XIII в. в Смоленской земле возникает много новых городов, что объясняется внутриэкономическими причинами страны, вызреванием внутри прежних центров самостоятельных производительных сил и прежде всего несомненно ремесла, что делало горожан особой экономической силой. Имеющиеся письменные источники позволяют проследить это возрастание роли горожан только на примере самого Смоленска (многократное указание летописей на ссоры смоленских князей с горожанами), но не приходится сомневаться, что этот процесс был единым и касался всех смоленских городов указанного времени. В нашем, третьем периоде в Смоленске возникает большое количество новых церквей из камня, в это же время каменные церкви строятся, мы увидим, в дониальных центрах смоленских князей: в Ростиславле — не менее двух, в Мстиславле — не менее одной, также, по-видимому, в Дорогобуже и даже в Вязьме. П. А. Раппопорту и Н. Н. Воронину удалось выявить, что в Смоленске создалась своя школа зодчих, причем в «середине XII в. (она) еще не отличалась от киевской, а к концу XII в. в Смоленске сложилась своя, чрезвычайно яркая школа» и решающим здесь было «влияние городской культуры» [229]. Автору удалось даже установить, что в Смоленске одновременно работало несколько строительных артелей, из которых наиболее определенно выделяются две: одна выполняла княжеские заказы, другая, возможно, епископские, а может быть, и заказы именитых смоленских горожан [230].

[229] *Раппопорт П. А.* Некоторые вопросы русской архитектуры конца XII — первой половины XIII вв.— Старинар, Београд, 1969, XX с. 345; *Он же.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв.— В кн.: Древнерусское искусство. М., 1977.

[230] *Раппопорт П. А.* Раскопки церкви на Большой Краснофлотской улице в Смоленске.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 220; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска, XII—XIII вв. Л., 1979.

Разгром русских княжеств татарами в третьем десятилетии XIII в. лег тяжелым бременем на все земли, и даже на те, где нога иноплеменников не ступала. В Смоленской земле прекратилось каменное строительство, расцвет городской жизни понизился. Так кончился и выделенный нами третий период.

Планировка городов Смоленской земли. Городские постройки. Выше было установлено, что древнейшие смоленские города имели «стихийную» планировку. Гнездовский Смоленск располагался у подножия небольшого городища (мы предположили — святилища), вблизи устья ручья Свинец, на берегу Днепра. Город имел пристань и торг, с трех сторон его окружал курганный некрополь. Какая-то часть жителей проживала и на левом берегу Днепра, на что указывает 109 курганов Гнездова-левобережного.

По аналогии с западноевропейскими виками, можно полагать, что Смоленск этого времени состоял из небольших улочек, пересекающихся в разных направлениях (большинство, вероятно, выводило к торгу и пристани).

Планировка городов второго периода выявлена нами на примере Смоленска и Вержавска — единственных существовавших тогда городов. Оба памятника, несмотря на их различия в размерах, имеют черты сходства: как княжеский Смоленск, так и Вержавск были отстроены на мысу и отделены от остальной части местности искусственным рвом. К детинцу примыкал посад, очевидно, с торгом. Новоотстроенный Смоленск уже не имел курганного некрополя (если он был, имел незначительные размеры и до нас не дошел), церковь и новоотстроенная епископия с этим мириться у себя под боком не могла. Вержавск, не связанный с глубокими традициями прежней эпохи Вержавлян Великих, имел курганный могильник, от которого 40 насыпей дошло до наших дней.

Смоленские города третьей стадии характеризуются иным планом: город теперь получает явно округлую форму (Торопец, Дорогобуж, Ельна). Эта форма была более удобной для обороны большого населения города, и повсеместно перед отстройкой нового центра отыскивали возвышенности, которые позволили бы возводить обширные укрепления овальной формы.

О планировке внутри таких городов позволяют судить раскопки. Планировка застройки внутри крепости начинает подчиняться валу, а со временем это становится непременным условием (Торопец, Ростиславль, Мстиславль), улицы идут либо вдоль вала на некотором расстоянии от него, уступая место застройке усадеб под самым валом (Торопец), либо к валу под прямым углом, а пересекающие их улицы проходят от вала дальше, и их параллельность валу столь строго не соблюдается (Мстиславль). Вероятно, подобную же планировку имеет и Ростиславль, но при небольших работах улицы там не выявлены. Во всех городах (неясно, может быть, в Торопце) непосредственно к валу примыкают строения — хозяйственные постройки усадеб, жилые же дома, как кажется, располагаются ближе к улицам. Усадьбы везде отделялись частоколами, сделан-

ными из очень толстых бревен, однако встречаются и частоколы из небольших кольев.

Крайне малое количество места внутри детинца объясняет, почему все постройки были миниатюрными. В Мстиславле, Торопце, например, дома имели размеры 3×3; не более 4×4 м. Хозяйственные постройки были еще меньше. В Смоленске встречены постройки, сделанные из дуба [231]. Однако насколько это верно и относилось ли ко всей постройке, а не к его нижним венцам, которые находят археологи, неясно. В Мстиславле таких построек не встречено; в Рославле же в поздних слоях XIV—XV вв. обнаружено основание дома, нижний венец которого был сделан из дуба, остальные же были из другого дерева [232].

---

[231] *Асташова Н. И., Пушкина Т. А.* Работы Смоленской экспедиции.— АО 1972 г. М., 1973, с. 51.

[232] *Алексеев Л. В.* Древний Ростиславль.— КСИА, 1974, вып. 139, с. 90.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ в IX — начале XII в.

Смоленская земля при «старейшинах» и при Олеге и Игоре. Ранний период политической истории Смоленской земли освещается всего тремя сообщениями летописей: первые два относятся к событиям 60-х годов IX в. В конце «варяжской легенды» в Повести временных лет говорится об Аскольде и Дире, которые с разрешения Рюрика, «с родом своим» отправляются по Днепру в Византию. Устюжский свод дополняет: «Асколд и Дир (..) поидоста из Новагорода (..) по Днепру вниз мимо Смоленска и не явистася Смоленску, зане град велик и мног людми...» и датирует это событие 863 г. Никоновская летопись по неизвестным источникам сообщает: в 864 г. «воева Асколд и Дир полочан и многа зла сътвориша» [1]. «Зло» князей в Полоцкой земле подтверждают, как говорилось, 4 клада, зарытых там, вероятно, одновременно. С этим же походом, возможно, связан и клад IX в. у д. Кислая (северо-западнее Смоленска) [2].

Из третьего сообщения летописи мы узнаем о взятии Смоленска огромным войском Олега (882 г.) и о дани, которую он наложил на кривичей и другие племена. Власть старейшин в гнездовском Смоленске сменилась теперь властью киевских посадников, а смоленские кривичи, как и другие племена «под Олгом суще», были обязаны участвовать в походах Олега. Под стенами Царьграда они получали с этого города даже контрибуцию (907 г.). Со времен Олега и Игоря, можно думать, у Киева наладился со Смоленском прочный даннический контакт, о котором свидетельствовал Константин Багрянородный (948—952 гг.) [3]. Двигаясь на север, Ольга не случайно обошла Смоленскую землю с запада (947 г.). Со Смоленска дань давно собиралась, ей было выгоднее идти через «медвежьи углы» [4]. Во второй половине X в. в Смоленске появился и князь из Киева — десятый сын Владимира Святого, Станислав, просидевший в городе несколько десяти-

---

[1] ПСРЛ. М., 1962, т. II, стб. 13—15. См. также: *Кузьмин А. Г.* К вопросу о происхождении варяжской легенды.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967; Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950, с. 20.

[2] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 102, пр. 106 (младшие монеты кладов: 842, 846, 854, 857 гг.). Из клада у д. Кислая известен пока лишь редчайший полубрактеат 825 г. (*Потин В. М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.).— В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970, с. 76, пр. 51).

[3] Памятники Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, с. 60.

[4] *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли.

летий (умер в 1036 г.) и, видимо, без особого успеха, ограничивая деятельность лишь сбором киевской дани.

Возникновение княжества (1054 г.) и его первые шаги. 20 февраля 1054 г. окончилось в Киеве тридцатилетнее правление Ярослава Мудрого. Умирая, князь завещал сыновьям крупнейшие города. Пятый сын — Вячеслав — получил Смоленск. Печать Вентеслава Меркурия, найденная в 1953 г. в Смоленске[5], удостоверяет, что он жил уже в новом городе. Значит, после смерти Ярослава в стране произошли крутые изменения: был создан смоленский княжеский стол, в дани варягам (как и в Новгороде) теперь было отказано, было учреждено 12 податных центров нового князя, а невдалеке от прежнего Смоленска возвели цитадель, куда и перенесли город. Но первые смоленские князья на столе долго не сидели: не более 3 лет — Вячеслав (умер в 1057 г.), его сменил брат Игорь, но и он умер в 1060 г. Ярославичи разделили Смоленск на три части[6]. Пожалуй, прав Н. Н. Воронин: Смоленск всему этому сопротивлялся[7].

Что означало разделение Смоленска на три части? Влился ли он в великокняжеский удел, и в чем было это разделение? Отторгнули действительно части Смоленска (Смоленской земли) к Чернигову и Ростову (?), как полагает В. Л. Япин[8]. Здесь следует быть осторожным: уже в 1076 г. по смерти Святослава Ярославича Владимир Мономах «пакы (идет) Смолиньску» и садится на стол[9]. В каком качестве он идет туда и как его получает? — по распределению ли столов или для завоевания? «Пакы» влечет нас к первому приходу Мономаха в этот город. Тогда он пришел к Смоленску со Ставком Гордятичем, который затем повернул к Берестью, а Мономаха снова послал «Смолиньску», а оттуда к Володимирю и затем «тои же зимы посластася Берестье брата на головнъ» (..) «Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю на Сутеиску мира творить с ляхы. Оттуда же на лъто Володимерю опять»[10]. Итак, первый раз Мономах был в Смоленске во главе специального похода на этот город, а значит, и «пакы» — второе его явление туда — следует понимать так же точно: в 1076 г., взяв город, он сел там, а вовсе не получил его, выморочный удел. Это подтверждает и другое соображение: на Смоленск ходил Мономах дважды — в 1069 и в 1070 гг.[11], чего бы не было, если бы он получил этот город по ряду «оставшихся в живых Ярославичей».

При перераспределении столов на Волыни 15 июля 1077 г. Смоленск получил Мономах и через год вез отцу в Чернигов, мы видели, собранную

---

[5] *Янин В. Л.* Печать Смоленского князя Вячеслава.— КСИИМК, 1954, вып. 55; *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. I, с. 16.
[6] ПСРЛ, 1922, т. XV, стб. 153.
[7] Там же.
[8] *Янин В. Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила».— ТОДЛ, 1960, т. XVI, с. 117.
[9] ПВЛ, т. I, с. 159.
[10] ПВЛ, т. I, с. 158, 159.
[11] ПВЛ, т. I, с. 158; *Орлов А. С.* Владимир Мономах. М.; Л., 1946, с. 10; *Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901, т. I, с. 149.

там дань — 300 гривен золота. В следующем году, переходя в Чернигов, он оставляет Смоленск, видимо, за собой: на нападение Всеслава Полоцкого отвечает походом «с черниговци о двою коню» и ответным разграблением полоцких городов (1078 г.) [12].

Положение меняется после смерти Всеволода (1093 г.). Мономах отказывается от киевского княжения в пользу Святополка Изяславича, возвращается в Чернигов. В Смоленске обосновывается, можно думать, Давыд Святославич: в 1095 г. его осаждают там Святополк и Мономах, недавно прогнанный из Чернигова братом Давыда Олегом. Нападающие хотят перевести брата-обидчика в Новгород, но новгородцы уже ведут переговоры с Ростиславом и требуют от Давыда: «не ходи к нам!» [13]. Он и возвращается в Смоленск. Тем временем Новгород попадает сыну Мономаха Мстиславу и на возвращение Давыда противники временно смотрят сквозь пальцы. Но в следующем году, выгнав Олега из Чернигова и осадив его в Стародубе, они диктуют условия: Олег должен идти к брату в Смоленск, а уж затем идти к Киеву «обряд положити» [14]. Смоляне Олега не принимают, и он вынужден искать иного убежища.

Любечский съезд князей (1097 г.) возвращает Смоленск черниговскому Мономаху, и тот даже отстраивает там церковь Успения (1101 г.) [15]. Основываясь на остроумных сопоставлениях, В. Л. Янин предположил, что перед Долобским съездом князей (1103 г.) Смоленск перешел от Мономаха к Мстиславу «Игореву внуку» (отчество неизвестно) — внуку того самого Игоря Ярославича, который умер в Смоленске (1160 г.) [16]. Исследователь полагает, что Мстислав стал смоленским князем «на основании вотчинных прав, принципиально провозглашенных на княжеских съездах рубежа XI—XII вв.» [17] Но здесь необходимо допущение, что в конце жизни «Мстислав Игорев внук» почему-то уступил смоленское княжение (он умер в 1113—1114 гг.), а еще в 1113 г. Владимир Мономах вывел оттуда своего сына и посадил другого [18]. Не объясненным автором остался и факт по-

[12] ПВЛ, т. I, с. 159.

[13] ПВЛ, т. I, с. 150.

[14] ПВЛ, т. I, с. 151, 168. В этом месте летописи — любопытное несовпадение текстов, возможно, указывающее на разные редакции источника. В начале статьи 1096 г. говорится лишь о требовании Святополка и Мономаха идти Олегу «к брату Давыдови», что его не приняли смолняне и он ушел в Рязань. В тексте же ее конца после слов «на передняя возвратимся» сообщено более: Олег, оказывается, должен был идти за братом в Смоленск, чтобы затем договариваться о столах в Киеве. Не проникнув в город, он уходит в Муром, изгоняет и убивает сына Мономаха Изяслава. Далее подробно сообщается о похоронах Изяслава и только после этого говорится об уходе Олега в Рязань. Итак, автор первого отрывка знал о тех же событиях гораздо меньше второго.

[15] ПСРЛ, т. II, стб. 250.

[16] *Янин В. Л.* Междукняжеские отношения..., с. 117 и сл.

[17] *Янин В. Л.* Актовые печати..., т. I, с. 23; автор предполагает здесь, что полное имя смоленского князя было Мстислав Андреевич Всеволодович. О. М. Рапов думает, что это сын Всеволода Игоревича и отмечает, что гипотезе Янина противоречат сведения В. Н. Татищева (*Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X— первой половине XIII вв. М., 1977, с. 202 и сл.).

[18] *Янин В. Л.* Междукняжеские отношения..., с. 122.

стоянной как бы причастности Мономаха к Смоленску тогда, когда этот город, по В. Л. Янину, ему уже не принадлежал. Так, 7 мая 1107 г. в Смоленске умерла жена Мономаха Гита Гарольдовна [19], в 1111 г. он перенес в смоленский собор чудотворную икону Богоматери Одигитрии [20] и т. д.

Развивая мысль о смоленском княжении, В. Л. Янин выдвинул интересную мысль, что, подобно волынскому уделу, Смоленский удел по смерти Вячеслава (1057 г.) и Игоря (1060 г.) отошел к Киеву и в нем сидели попеременно те князья, которых назначал великий киевский князь. Так, в 1068, 1073, 1077—1078 гг. им владел Мономах (в последний раз будучи уже черниговским князем), в 1095—1097 гг. (до Любечского съезда) — Давыд Святославич. Затем Смоленск снова примыкал к черниговским землям Мономаха, а незадолго до Долобского съезда и до конца великого княжения Святополка Изяславича (1113 г.) там княжил, как сказано, внук смоленского Игоря Мстислав. По мысли В. Л. Янина, смоленский удел после смерти его «законного» князя (Мстислава) стал выморочным. Завладев им еще при Мстиславе (исследователь предполагает, что в конце жизни он мог быть длительно болен или принял схиму), Мономаховичи твердо держали его в своих руках при Мономахе (1113—1125 гг.) и его сыновьях Мстиславе (1125—1132 гг.), Ярополке (1132—1139 гг.), Вячеславе (1139—1140 гг.) Владимировичах. «Стоило захватить великокняжеский стол Всеволоду Ольговичу (1136 г.) как первыми его действиями оказались попытки искать под Ростиславом Мстиславовичем — внуком Мономаха — Смоленска, а под Изяславом Мстиславовичем — другим внуком Мономаха — Волынской земли, т. е.,— продолжает В. Л. Янин,— двух наместничеств, которые принадлежали не особым князьям, а представителям киевского князя» [21].

У нас мало сведений о Смоленске первых десятилетий XII в. Известно, что в 1111 г., как Киев (Подол), Чернигов и Новгород, он горел [22], что в 1113 г. Мономах перевел из него сына Святослава в Переяславль, а в нем посадил другого сына — Вячеслава [23]. В сообщении 1116 г. Смоленск ошибочно назван вместо Минска (что, к удивлению, не заметил П. В. Голубовский [24]). Интересны оригинальные сведения о событиях этих лет, связанных со Смоленском, у В. Н. Татищева: в 1118 г. Владимир Мономах якобы «взял из Смоленска сына своего Глеба в Переяславль», а в 1121 г. он был со своими детьми в Смоленске «для рассмотрения несогласий и усмирения полоцких князей и некоторых других распорядков» [25]. Это нежелание полоцких князей подчиниться Киеву в

---

[19] *Орлов А. С.* Владимир Мономах, с. 147, прим. 72.

[20] *Знаменский П.* Руководство по церковной истории. СПб., 1888, с. 31; *Редков Н. Н.* Преподобный Авраамий Смоленский и его житие.— Смоленская старина. Смоленск, 1909, вып. I, ч. 1, с. 19.

[21] *Янин В. Л.* Междукняжеские..., с. 122.

[22] Там же.

[23] НПЛ, с. 20, 203.

[24] ПВЛ, 1950, I, с. 201; *Голубовский П. В.* История Смоленской земли, с. 265.

[25] *Татищев В. Н.* История Российская. М., 1963, т. II, с. 133, 134.

конце концов привело их к высылке в Византию[26]. Однако почему Мономах был в Смоленске с детьми (и с какими?)? Видимо, речь шла о вокняжении кого-то в этом городе. Во всяком случае, краткость сообщения заставляет нас думать, что эта поездка князя имела место.

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ в 30—50-е годы XII в.

Ростислав Мстиславич был самым крупным деятелем Смоленской земли домонгольского времени. При нем княжество необычно окрепло экономически и стало одним из важнейших в древней Руси. Первое известие о княжении здесь Ростислава находим в летописях под 1127 г.: в составе громадной коалиции отца он движется на Полоцкую землю. Очевидно, стол он получил двумя годами ранее, при перераспределении столов после смерти Мономаха (1125 г.).

30-е годы XII в. Кипучая натура Ростислава начала проявляться уже с конца 20-х годов и прежде всего выразилась в устройстве своих личных дел. Захватом северных радимичей в это время (как показал А. Н. Насонов, а точнее, по нашему предположению, в 1127 г.) были заложены основы княжеских домениальных владений, удаленных от Смоленска[27].

Для характеристики страны и политики Ростислава этих лет нам важно летописное сообщение 1132 г.: «Ярополкъ посла Мстиславича Изяслава къ братьи Новугороду и даша дани печерьскыъ, и от Смолиньска даръ и тако хресть цъловаша»[28]. Интересно предположение В. А. Кучкина, что «дар» был выдан Ростиславом брату Изяславу по просьбе киевского Ярополка как бы в компенсацию за потерю Изяславом по вине Ярополка полоцкого, а затем и переяславского княжений, за что позднее Ростиславу была передана «суздале-залесская дань»[29], он не учитывает, что Ярополк дал все это Изяславу, посылая его «к братьи Новугороду», и в результате этой поездки «крест целоваша». Видимо, «печерские дани» и смоленский «дар» предназначались не для Изяслава, а для кого-то другого, с кем в результате было заключено соглашение. Речь идет, несомненно, о Новгороде и новгородцах. 1132 год был в Новгороде бурным. Ярополк Владимирович, сменивший 14 апреля брата на киевском столе, перераспределил уделы, дав старшему сыну умершего Мстислава Всеволоду Новгородскому (минуя своих братьев Вячеслава и Юрия) Переяславль. Обиженный Юрий Долгорукий еще до обеда выбил оттуда Всеволода, и возвращение последнего в Новгород вызвало в городе «встань великую в людех». Общими усилиями новгородцев, псковичей и ладожан Всеволод был изгнан и только «сдумавше» в Устьях, «въспятиша и опять». Кому и какой ценой удалось уговорить

[26] ПСРЛ, т. II, стб. 292; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 258—261.
[27] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976.
[28] *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля в X—XIII вв. (центры и границы).— История СССР, 1969, № 2.
[29] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 302.

коалицию во главе с новгородцами вернуть Всеволода в Новгород? По дендрохронологии, 1132 год был засушливым и кривая угнетений годичных колец падает почти так же, как в 1161 г., когда в Новгороде «пригоръ всъ жито, а на осѣнь поби всю ярь морозъ (...) и купляхомъ кадьку малую по 7 кунъ»[30]. Однако новгородские летописи этого бедствия в 1132—1133 гг. не отмечают — может быть, голод был ослаблен искусственными мерами (?); по новгородской летописи, переговоры в Устье и возвращение Всеволода помещены после изложения всех событий этого года, т. е., очевидно, они произошли в конце 1132. Лаврентьевская летопись начинает следующий 1133 г. как раз с поездки Изяслава в Новгород. Создается впечатление, что события возврата Всеволода и поездки Изяслава «к братьи Новугороду» с печерскими данями и со смоленским даром тесно связаны, и это происходило в феврале — марте (мартовских) 1132—1133 гг.[31] Вернуть на новгородский стол изгнанного по вине Ярополка Всеволода можно было, только обещав новгородцам вспомоществление. Соглашение, видимо, состоялось, и из Устья Всеволод был возвращен. Как было реализовать обещание? У Ярополка, только что севшего на киевский стол, достаточных запасов быть не могло. На каких-то условиях ему пришлось делать заем в Печерском монастыре, но этого, конечно, было недостаточно. С Ростово-Суздальской землей, Полоцком, Волынью (не говоря о Чернигове) отношения у него были подорваны. Оставался лишь богатый торговый Смоленск, но и там, судя по дендрохронологии, в 1132 г. был неурожай[32] и для получения «дара», несомненно, требовались особые переговоры с Ростиславом. Наиболее подходящей кандидатурой для них, как и для вооруженной транспортировки в Новгород продовольствия, оказался второй из потерпевших из-за Ярополка Мстиславичей, брат Ростислава Изяслав. Он только что потерял Полоцк, был только что посажен, а потом выведен (насильно) Ярополком из Переяславля, был явно недоволен добавленными ему к Минску Туровым и Пинском и жаждал лучшего удела. Позднейшее сообщение Ипатьевской летописи показывает, что он был к тому же всегда в самых близких отношениях со смоленским братом Ростиславом и не приходится удивляться, что для данного поручения Ярополк избрал именно его[33].

[30] НПЛ, с. 31, 218.

[31] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, с. 24, 27.

[32] *Черных Н. Б.* Абсолютные даты деревянных сооружений древнего Смоленска.— МИСО, Смоленск, 1967, вып. VI, с. 282, рис. 3 (таблица).

[33] Приведенный анализ событий 1132—1133 гг. вносит некоторые колебания в точность датировки В. Л. Яниным известных грамот Всеволода и Изяслава Мстиславичей Юрьеву и Пантелеймоновскому монастырям Новгорода, именно 1134 г. (ПРП. М., 1953, т. II, с. 103—105; *Янин В. Л.* К истории землевладения в Новгороде.— В кн.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 321, 322). При помощи ряда остроумных сопоставлений автор приходит к мысли, что документы эти размежевывают земли Юрьева и Пантелеймоновского монастырей при основании последнего и, следовательно, одновременным. Дату этого события исследователь видит в 1134 г., когда Изяслав Мстиславич прибыл в Новгород в связи с попыткой (неудачной) Всеволода утвердить его на Суздальском столе. В эту поездку, следовательно, Изяслав нуждался в поддержке Новгорода для задуманного предприя-

Крупное событие — устройство епископии в Смоленске в 1136 г.— свидетельствовало о растущей мощи Смоленска. В 1138 г. он участвует с киянами (Ярополк), суздальцами (Долгорукий) и полочанами в блокаде Новгорода, так как там сидел Святослав Ольгович. 17 апреля тот был изгнан и бежал через Смоленск, но был задержан в Смядынском монастыре. В Новгороде утвердился сын Юрия Долгорукого Ростислав [34].

Участие Смоленска в антиольговичской коалиции конца 30 — первой половины 40-х годов XII в. Несмотря на победу в Новгороде, борьба с Ольговичами продолжала усиливаться в разных формах. В том же 1138 г. коалиция с помощью угров, берендеев и туровцев осаждает Чернигов Всеволода Ольговича и тот уступает черниговцам — просит мира [35].

Смерть Ярополка 18 февраля 1138 г. и вокняжение в Киеве Всеволода Ольговича снова накалили страсти. Младший Мономахович — Юрий, имевший более прав на киевский стол, побудил коалицию к действиям. Смоленск стал центром, где скапливались войска. Здесь же Долгорукий ждал своего новгородского сына с воями. Но новгородцы идти отказались, Ростислав Юрьевич бежал в Смоленск. Поход был сорван, Новгород потерян, и, возвращаясь в Суздаль, Юрий опустошил новгородский Новый Торг [36]. Блокада Новгорода, где опять сидел Святослав Ольгович, возобновилась. Всеволод Ольгович бешенствовал и даже якобы «искаше под Ростиславом Смоленьска» [37]. Новгородцы не выдерживали: ночью с женой и дружиной в 1141 г. бежал от них на Полоцк Святослав Ольго-

тия — отстройки Пантелеймоновского монастыря, по мысли В. Л. Янина,— она могла служить «одним из средств привлечения (...) новгородского духовенства». Основываясь только на Новгородской Первой летописи, ученый забывает, что по Лаврентьевской при жизни Всеволода Изяслав был в Новгороде дважды: в 1133 г. и в 1135 г. Первая поездка была связана с транспортировкой в Новгород продовольствия (о чем я говорил), вторая — та самая, о которой пишет В. Л. Янин, и которая Новгородской летописью отнесена к 1134 г. Выделение для монастырей земель (чуждый Новгороду князь был вынужден испрашивать их у Новгорода), возведение монастырских построек (даже деревянных), ограждение его, снаряжение церквей, отыскание игумена и монахов — все это дело далеко не одного месяца. Маловероятно, чтобы новгородцы двинулись на сомнительное предприятие захвата Изяславом суздальского стола, руководствуясь только обещанием его отстроить монастырь. Скорее было иначе, Изяслав уехал в Новгород, спасая его продовольствием. Тогда же, в голодный год, он дал обещание возвести монастырь и начал его отстраивать, что не могло не иметь успеха у средневековых жителей города. Именно тогда, в 1132—1133 гг., были даны монастырям упомянутые грамоты, а не в 1134 г. (или в 1135 г., по Лаврентьевской летописи), как это предположил В. Л. Янин. Снискание расположения новгородцев Изяславу в 1132—1133 гг. было нужно потому, что в борьбе с братьями Ярополк по-прежнему опирался на двух племянников — сыновей умершего киевского Мстислава. Он не оставлял мысли вновь возвратить Всеволода в Переяславль, а обделенного Изяслава утвердить в Новгороде. Через 2 года все изменилось: Долгорукий рванулся в Переяславль, уступив Ростов и Суздаль. Всеволод оставался в Новгороде, а для Изяслава отчаянная попытка посадить его в Ростове ничем не кончилась.

[34] НПЛ, с. 25, 210.

[35] ПСРЛ, т. I, стб. 306; ПСРЛ, т. II, стб. 301—302.

[36] НПЛ, с. 25, 211.

[37] ПСРЛ, т. I, стб. 307.

вич. Но двинулся он не непосредственно к брату в Киев с просьбои волостей, а ... в Смоленск, где еще недавно он пострадал (!) Заехав «по пути» к заклятому врагу брата, Святослав Ольгович, очевидно, набивал себе цену. Он и дальше ехал не в Киев, а в свой законный Стародуб. И только там, получив прямое приглашение («брате, поѣди съмо») [38], он двинулся в Киев. Заезд в Смоленск, видимо, придал ему силы (не исключено, что и во время его пленения в Смоленске в 1138 г. Ростислав предлагал ему отколоться от Ольговичей!), он гордо держался в Киеве и уехал, «не уладившись». Начало розни между Ольговичами было положено. Этот удачный маневр принадлежал смоленскому Ростиславу. Распределение волостей 1142 г. вооружило против Всеволода Ольговича его братьев и дальше. У Святослава и Игоря стало «тяжко на сердце» против него. Обиды, чинимые Ольговичами Вячеславу и Изяславу, заставляют Ростислава прервать временный нейтралитет. В 1142 г. мы застаем его под Гомелем, где он «взя» «волость их всю» (Ольговичей) [39].

1143 год приносит новые перегруппировки сил. «Не уладившись» с Юрием Долгоруким, Изяслав Мстиславич отправляется к брату в Смоленск, но зимует у другого брата в Новгороде. Ясно, что им предпринимается новая попытка сколотить блок против Киева и фиаско Долгорукого понятно: тот сам хочет сесть в Киеве. Одновременно идет дипломатическая игра вокруг вернувшихся из ссылки в Византию полоцких князей [40]. 1144 год ознаменовывается новой ссорой среди Ольговичей и Давыдовичей: Всеволод Ольгович рассорился с Владимиром Добрым. Поход огромной коалиции на этого князя, кроме Ольговичей, Изяслав и Ростислав Мстиславичи, Ростислав Глебович (Минский?), гродненские князья кончился контрибуцией с Владимира 1400 гривен серебра, которую тут же разделили участники [41]. Коалиция эта существует и далее: в 1146 г. она идет на Галич из-за дождя и снега «на колих и на санех» [42].

Смоленская земля при киевском княжении Изяслава Мстиславича (*1146—1149 гг.*). Утром 1 августа 1146 г. Всеволода Ольговича не стало. Стол был завещан его брату Игорю, но киевляне хотели Изяслава; нарушив крестоцелование, после непродолжительного боя, Изяслав въехал в русскую столицу. Активность Смоленской земли в южнорусских делах немедленно повысилась. При перераспределении столов было необходимо утихомирить дядю Вячеслава Туровского, для выполнения санкции туда направляется Ростислав Смоленский и ранее плененный, а теперь прощенный Святослав Всеволодович [43].

Возникла новая распря среди Ольговичей и Давыдовичей. Святослав Ольгович входит в сношения с Юрием Долгоруким и после разграбления

---

[38] ПСРЛ, т. II, стб. 309.
[39] ПСРЛ, т. II, стб. 311.
[40] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 265.
[41] ПСРЛ, т. II, стб. 315—316.
[42] ПСРЛ, т. II, стб. 319.
[43] ПСРЛ, т. II, стб. 330.

его двора Изяславом, не найдя поддержки у половцев, уходит к нему в «лесную землю». С движением Давыдовичей к Брянску угроза нависает и над Смоленской землей. Ростислав вступает в активную игру, и о его действиях мы читаем почти на каждой странице Ипатьевской летописи.

Разделив земли Ольговичей, Изяслав Мстиславич ушел. Святослав Всеволодович остался с Давыдовичами на завоеванной земле, но, видимо, обделенный [44], он пишет дяде Святославу Ольговичу из Карачева в Козельск письмо-перевет о дальнейших планах Давыдовичей. Они, оказывается, двинулись к Брянску затем, чтобы, соединившись с братом Ростислава Смоленского Изяславом, полностью его разгромить. Какие-то переговоры со Смоленском Давыдовичи, очевидно, действительно вели. Во всяком случае, туда перебежал один из воевод Святослава Ольговича — Иванко Берладник, унося с собой взятые у Святослава 200 гривен серебра и 12 гривен золота. Бросив Козельск, Святослав Ольгович двинулся к суздальской границе — городу Колтеску, куда наконец пришла и помощь Юрия Долгорукого (тысяча берендичей и белозерская дружина) [45].

Первое время действия развивались вяло: Долгорукий двинулся на новгородцев, а Святославу Ольговичу было приказано воевать смоленские земли — его дружина «ополонишася» голядью на Протве (1147 г.). Аппетиты возросли, он посылает половцев под командой двух воевод на «верха Угры» (тоже смоленского), а сам возвращает себе земли вятичей. Здесь был раскрыт заговор Ольговичей и Давыдовичей против Изяслава Киевского, 19 сентября 1147 г. в Киеве гибнет старейший Ольгович — Игорь. В братоубийственной борьбе старших Мономаховичей с Ольговичами активно участвует и Смоленск. Братья Изяслав и Ростислав поминутно обмениваются грамотами вроде: «Брате! Тобѣ бог дал верхнюю землю, а ты тамо поиди противу Гюргеви, а тамо у тебе смолняне и новгородци и вто ратников твоихъ, ты же тамо удержи Гюргя, а я ся зде оставлю, а мне како Бог дасть с Ольговичема съ Давыдовичема». Эта грамота надолго закрепила за Смоленском первенствующую роль во всех политических действиях северо-западных земель Руси.

В 1148 г. в Чернигове в Спасском соборе торжественно (по-видимому, после молебна) был подписан мир с Ольговичами и Давыдовичами «быти всим за один брат» [46]. Но уже осенью Святослав Ольгович не явился на снем, где обсуждался вопрос похода на Суздальскую землю. У него, правда, были свои причины: он выдавал дочь за Романа Ростиславича Смоленского, но неявка, судя по следующим его действиям, была не случайной. Было решено, что «едва ледо встануть», Изяслав и Ростислав с новгородцами должны будут встретиться с Ольговичами и Давыдовичами у устья р. Медведицы в Новгородской земле.

---

[44] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 108.
[45] ПСРЛ, т. II, стб. 338.
[46] ПСРЛ, т. II, стб. 366.

Торжественно праздновалась встреча Изяслава с Ростиславом в Смоленске. Они «пребыста в велицѣ любви и веселии с мужи своими и с смолняны и ту дариста дары многыми: Изяслав да дары Ростиславу что от Рускои землъ, и от всехъ царьских (византийских.— *Л. А.*) земель, а Ростислав да дары Изяславу от верхних земель и от варяг» [47]. Из Смоленска были посланы гонцы в Ростов с условиями. Коалиция была велика, и условия несомненно были жестки. Ответ на них ожидался в Ксятине, т. е. на территории Юрия, что было уже вызовом. Встреча на Медведице с новгородцами состоялась. Осложнения ждали лишь в Кснятине: Долгорукий молчал, не отпуская послов, но, главное, подвели Ольговичи и Давыдовичи. Здесь стало известно, что они стоят «в своих вятичѣхъ, ожидаюча и зряча, сто ся тамо учинить межи Гюргемъ (и) Изяславомъ». Поход отменили. Наступала весна, распутица («по чрево коневи на леду»), Юрий все молчал, но было ясно, что дерзостное проникновение в его владения добром не кончится.

Гнев Долгорукого прорвался при жалобе его сына Ростислава, с позором изгнанного из Руси, и возвратившегося в Киев Изяславом: «Тако ли мне чести нету в Русскои земли и моим детем?» — загремел он в бешенстве и 24 июля 1149 г. двинулся на юг кратчайшим путем через вятичей. В день преображенья (6 августа) он уже соединялся со Святославом Ольговичем. Давыдовичи остались выжидать, «неволею» присоединился «стрыя своего деля» лишь Святослав Всеволодович. Ростислав с войском из Смоленска явился по грамоте Изяслава. В двухдневной битве (22 и 23 августа) под Переяславлем Русским победил Долгорукий, братья бежали в Киев и по совету киевлян оставили город, захватив семью и митрополита Клима, Изяслав бежал во Владимир Волынский, Ростислав — в Смоленск.

Политика Ростислава при вторичном княжении в Киеве его брата Изяслава (1150—1154 гг.). В первое княжение Долгорукого в Киеве (1149—1150 гг.) никаких сведений о Смоленске летописи не сохранили. Не участвуют ни этот город, ни Новгород во вторичном завоевании Изяславом киевского стола. Он это сделал теперь, опираясь на угров и выгнав Юрия, создал дуумвират со своим дядей Вячеславом, укрепив тем самым юридическую сторону своего вокняжения в Киеве (в обход Долгорукого). Почему Смоленск и Новгород на этот раз не были привлечены к завоеванию киевского стола?

Ответ найден в одной из десяти грамот, посланных Изяславом брату в конце марта 1151 г. (из Киева в Смоленск): «Ты ми еси, брате, много понуживалъ, иакоже положити честь на стръи своемъ и на отци своемъ (Вячеславе.— *Л. А.*)...» [48]. Трезвый политик, Ростислав, видимо, давно понимал, какую выгоду может извлечь его брат из союза с престарелым братом Юрия Долгорукого, которого тот явно обходил. Когда-то Вячеслав

[47] ПСРЛ, т. II, стб. 369.

[48] ПСРЛ, т. II, стб. 422; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 330.

помогал брату в боях с Олегом Святославичем (1096 г.), участвовал в битве князей с половцами (1107 г.), был посажен отцом в Смоленске и помогал ему в борьбе с минским Глебом (1116 г.). Получив в удел Туров, Вячеслав сторонился междукняжеских усобиц[49], но отказаться от Киева, видимо, было и ему не под силу.

Номинальное княжение Вячеслава в Киеве выбивало у Юрия Долгорукого основной козырь: на великокняжеском столе сидел теперь старший из оставшихся сыновей Мономаха. «Законность» обеспечивала дуумвирату популярность среди киевлян и т. д. Рвущийся к верховной власти, Изяслав Мстиславич, видимо, голосу рассудка брата не внимал, что, можно думать, и послужило к их временному охлаждению. Ростислав Смоленский не участвовал в новом добывании киевского стола. Но как было его удержать? Король Гейза II ушел, Долгорукий укрепился у самой границы Черниговской земли — в Остерском городце. На его стороне были Давыдовичи и Ольговичи. И накануне рождения своего сына Игоря (героя «Слова»), в понедельник на «Святой» 1151 г., Святослав Ольгович уже выходил из своих владений с Долгоруким. Изяслав понял разумность совета брата, последовал ему и просил у того помощи. Без «верхних» земель, видимо, обойтись он не мог. Около Юрьева дня (26 октября) 1151 г. «смолняны и множество вои» (видимо, с новгородцами) заполонили Киев. После кровопролитной битвы Юрий Долгорукий с Ольговичами откатились к Переяславлю. Изяслав бросился в погоню, Ростислав мог уводить свою победоносную подмогу.

По требованию Изяслава Долгорукий отказался от союза со Святославом Ольговичем, но двигаясь на Суздаль, все же пытался закрепиться в Остерском городце. Не выдержав осады Изяслава, которому помогал теперь Святослав Ольгович, он ушел на север, по дороге «с честию» его принял Святослав Ольгович (!) и снабдил «повозами...» Последний получил при Долгоруком Слуцк, Клецк и «вси дреговичи»[50], а теперь от Изяслава — все владения Ольговичей. Он силен, но фортуна изменчива, он вел двойную игру и ему не верили не только Долгорукий, но и Изяслав с Ростиславом, которые все время были теперь настороже.

Врагов можно ждать с разных сторон, и братья расчленили силы: «тамо, брате, у тебе по Бозѣ Новъгородъ сильныи и Смоленескъ, а скупивъся постерези же землѣ своея. Юже Гюрги поидет на тя, а язъ к тобѣ поиду: не поидет к тобѣ, а поминеть твою волость, поиди же ты сѣмо ко мнѣ»,— писал Изяслав[51]. Опасения оправдались: Юрий уже сносился со Святославом Ольговичем и «поминул» смоленскую волость. Ростислав успел через Любеч прийти на помощь Изяславу Давыдовичу Черниговскому

[49] Прекрасный анализ деятельности Вячеслава см.: *Поппэ А. В.* Учредительная грамота смоленской епископии.— АЕ — 1966. М., 1966, с. 66.

[50] Полочане передаются Святославу Ольговичу — их южному сильному соседу, и это вовсе не «первый случай коммендации без феодальной связи» (*Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве...», с. 126). См.: *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 275—276; *Зайцев А. К.* До питання про формування территории древниорусских князiвств XII ст.— Украинский исторический журнал, 1974, № 5, с. 4.

[51] ПСРЛ, т. II, стб. 455.

скому и «затворился» в Чернигове с ним и со Святославом Всеволодовичем. Осада (Долгорукий, Святослав Ольгович и рязанские князья) длилась 12 дней и была снята при приближении Изяслава Мстиславича с Вячеславом. При отходе «вои» Долгорукого «потравили посевы» Святослава Ольговича. На его мольбы о защите суздальский князь ответил: оставил ему сына со смехотворным количеством дружины (50 человек), а сам, ограбив вятичей, скрылся в своих пределах.

Для расправы с изменившим старшим Ольговичем Ростислав был, видимо, не нужен: важнее было занять прежний участок борьбы, и Изяслав Мстиславич писал смоленскому брату, чтобы он со Смоленском и Новгородом держал Юрия, а к нему пустил лишь старшего сына Романа. Трехдневная осада вынудила Святослава Ольговича к сдаче, и Изяслав торжественно информировал своего смоленского брата об этой победе [52].

Смоленск и Новгород в 1150-х годах. Итак, Новгород в 50-х годах часто выступал как союзник Ростислава Смоленского. Вопрос о выборе союзника был для этого города, как известно, не простым: этот город часто попадал в экономическую блокаду своих соседей [53]. В нем была партия бояр, ориентировавшихся на линию старших Мономаховичей (Изяслава и Ростислава), но также и партия, стоявшая за младших Мономаховичей (их суздальские земли могли снабжать Новгород хлебом, вероятно, не хуже южнорусских земель). 1142—1155 годы были временем победы сторонников старших Мономаховичей — посадника Судилы и др.[54] На новгородском столе до 1148 г. был младший брат Изяслава и Ростислава Святополк Мстиславич, замененный затем сыном Изяслава Ярославом, а в 1154 г. якобы самим Ростиславом и далее кем-то из его сыновей. Приведенное письмо Изяслава, как и другие его письма, к брату Ростиславу, показывает, что Новгород в период княжения там Мстиславичей («старших Мономаховичей») имел верховную власть в лице не только киевского князя, но прежде всего подчинялся смоленскому Ростиславу, который единовластно руководил военными походами новгородцев. Но был ли Ростислав новгородским князем, как пишет летописец Новгородской летописи старшего извода? Ни один князь соседних и других земель никогда в Новгороде не княжил (в это время), а посылал лишь своих сыновей! Не так ли было и здесь? В. Л. Янин считает, что с 26 марта по ноябрь 1154 г. Ростислав княжил в Новгороде и, «узнав о смерти великого князя Изяслава, покинул Новгород и оставил вместо себя сына Давыда». Он ссылается при этом на шесть летописей, однако, не замечая, что в них этот вопрос запутан, и в каждой трактуется по-разному [55]. Новгородская первая старшего извода дает его вариант, называя Ростислава Мстиславича и его сына Давыда. Та же летопись младшего извода говорит о Мстиславе «сыне Ростиславиче (а не отце!)». Лаврентьевская летопись сообщает, что, изгнав Ярослава Изяславича, новгородцы «Рости-

[52] ПСРЛ, т. II, стб. 459, 461.
[53] НПЛ, с. 25, 210 и др.
[54] НПЛ, с. 26, 212 и далее.
[55] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 99.

славича Романа посадиша», то же повторяет Ипатьевская (с ошибкой: «Изяславича Ярославича», вместо «Ярослава»), Воскресенская свидетельствует то же, что и Лаврентьевская [56]. Наиболее вероятно, что в Новгороде в 1054 г. были и Роман и Давыд. Еще в 1152 г. Изяслав писал Ростиславу в Смоленск: «у тебе Новъгородъ сильныи и Смоленеск». Узнав об изгнании Ярослава Изяславича, Ростислав решил посадить в «Новгороде сильном» старшего сына Романа и вместе с ним приехал туда, чтобы все «урядить». Смерть Изяслава и необходимость ехать в Киев заставили его посадить Романа на освободившемся смоленском столе, а в Новгороде старшего сына сменить следующим — Давыдом. Замена дала лишний козырь в руки суздальской партии новгородских бояр (Якуна и др.[57]). 30 января 1154 г.[58] Давыд был изгнан, княжеская власть в городе перешла к сыну Долгорукого Мстиславу. Так, нам представляется, следует реконструировать события в Новгороде 1154 г., и так объясняется путаница с именами трех смоленских князей. Новгород был в руках Смоленска в период наибольшей силы союза Изяслава и Ростислава. Мстиславичи вмешивались в дела новгородской республики властной рукой, всемерно реставрировали старые порядки, отмеченные восстанием 1136 г.[59], лишь с их падением положение, видимо, изменилось.

ПЕРВОЕ КНЯЖЕНИЕ РОСТИСЛАВА СМОЛЕНСКОГО В КИЕВЕ (1154 г.)

Ростислав, как мы видели, некогда «понужал» Изяслава к соправительству с Вячеславом Владимировичем. Его знали и киевляне, как соратника Изяслава. Однако претендентов на соправление с Вячеславом было много, один уже стоял за Днепром «у перевоза», просясь с дружиной «брата своего оплакать». То был черниговский Изяслав Давыдович, которого совет киевских мужей предусмотрительно в город не пускал («зане еще не пришел бяше Ростислав Кыеву из Смоленска»). Безопаснее было временно пустить в город Святослава Всеволодовича — сторонника Ростислава, и тот въехал тайно от Ольговичей и Давыдовичей. Дуумвират был выгоден Ростиславу: он получал полную власть и, как и его брат, мог безгранично распоряжаться дружиной дяди. При соблюдении ряда условий киевляне отдавали Ростиславу стол пожизненно («до твоего живота Киев твои»), а после смерти престарелого соправителя он становился единодержавным властелином всех русских земель. Как провел «ряд» Ростислав, мы не знаем. Можно лишь понять, что Переяславль он отдал сыну умершего брата Мстиславу, а Святослав Всеволодович, охранявший Киев до его прибытия, получил все Туровское княжение.

[56] НПЛ, с. 29, 215 (у Ростислава действительно был сын Мстислав, но это описка вместо «Ростиславе сыне Мстиславле»); ПСРЛ, 1927, т. I, вып. 2, стб. 341; ПСРЛ, т. II, стб. 468; ПСРЛ, 1856, VII, с. 60.

[57] НПЛ, с. 29, 216. О политическом лице Якуна: *Янин В. Л.* Новгородские..., с. 100.

[58] В. Л. Янин датирует 1155 г., но год был мартовским (там же).

[59] *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 99.

Враги не дремали. Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович теперь уже полностью были объединены Долгоруким, «Глеб Дюрдевич с множеством половец» шел к Переяславлю (правда, его удалось отбить). Окрыленная успехом коалиция Ростислава решает завладеть Черниговом и тем самым перейти к активным действиям. Следует переправа у Вышгорода, но здесь приходит весть о смерти Вячеслава. Оставив войска, Ростислав торопится в Киев, устраивает похороны дяди, наскоро принимает для своего укрепления в этом городе ряд демагогических мер. Раздается все имущество Вячеслава («и порты, и золото, и серебро...» «по монастырям и по церквам и по затворам и нищим(..), а собе не прия ничто, только крест честный взя на благословение...», наскоро дав распоряжения матери об остальном дележе, он спешит к полкам, но поздно: на помощь Изяславу идет Глеб Юрьевич с большим, по-видимому, количеством половцев. Следуют уговоры дальновидных мужей, советующих возвратиться в Киев «с людьми утвердиться», но Ростислав решается на последнее — предлагает Изяславу разделить владения по Днепру. В условиях наплыва половцев предложение это успеха не имеет.

Утром полчища половцев заняли поля Беловоса, где стоял Ростислав, и стало ясно, что потеряно все. Отчаянная попытка мира с Изяславом, которому теперь отдавался и Киев и Переяславль, привела только к отчаянной ссоре с племянником: «Да ни мне, будеть Переяславля, ни тобѣ Киева!»,— гневно воскликнул тот,— «и повороти конь Мстислав под собою с дружиною своею от стрыя своего» [60]. Двухдневная битва привела киевскую коалицию в полное расстройство: «разбегоша князи и дружина Ростиславля и Святославля и Мстиславля» (очевидно, Мстислав Изяславич все же не покинул дядю). Под самим Ростиславом «на первом же поскоцѣ летѣ под ним конь, Святослав же сын его, то видав и съскочи с коня и заступи отца своего и поча ся бити и за ним скупися дружины нѣколико около его и ту яша ему конь» [61]. Ниже Любеча, уходя от преследования, Ростислав перешел через Днепр и кружным путем стал пробираться в свои владения. Так кончилось его первое киевское княжение.

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ
во второй половине 50-х годов XII в.

(ВТОРОЕ КНЯЖЕНИЕ РОСТИСЛАВА В СМОЛЕНСКЕ — 1155—1159 гг.)

Смерть Изяслава Мстиславича подняла на ноги еще одного сына Мономаха Юрия Долгорукого. Его тяжелая поступь в зимнем походе конца 1154 г. привела в трепет черниговского Святослава Ольговича и киевского Изяслава Давыдовича (перед «Гюргем невозможно бы им удержати-

[60] ПСРЛ, т. II, стб. 475.
[61] ПСРЛ, т. II, стб. 475.

ся...»[62]). Известие о смерти киевского Вячеслава застало суздальского князя у Смоленска. Первоначально он двигался, следовательно, не очень спеша, игнорируя путь через вятичей и демонстрируя презрение к новому смоленскому князю Роману, отца которого он предполагал снять с соправления с братом в Киеве. Но захват Изяславом Давыдовичем великого княжения его возмутил. Оставив днепровский лед, Долгорукий от Смоленска «поиде к волости ростиславли», т. е. через личные домениальные земли на юге Смоленского княжества самого Ростислава[63]. В этих землях как раз Ростислав и был — собирал расстроенные полки. Он не униженно встречал Юрия у границы своей земли (как полагает Б. А. Рыбаков[64]), а идет навстречу («исполца полкы своя и поиде противу ему») к Зарубу, его обращение к Долгорукому полно гордого лаконизма, признавая вассальную зависимость, он тем не менее пишет ему как к равному: «Отце, клатняю ся: стрыи ми еси яко отець». Долгорукому было важно не оставлять за спиной противника, к тому же Ростислав был главным врагом Изяслава киевского и он поддержал стиль смоленского князя: «Право, сыну! Съ Изяславом (Мстиславичем.— *Л. А.*) есмь не моглъ быти, а ты ми еси свои брат и сынъ»[64а].

Смоленск и Киев в период великокняжеской власти Долгорукого (1155—1158 гг.). В трехлетний период великокняжеской власти Долгорукого имя дружественного ему смоленского князя в Ипатьевской летописи (основном источнике) появляется четырежды, и всегда он показан с выгодной стороны. Разделив земли между вассалами, Юрий вызвал Ростислава в Киев: «Сыну! Мне с ким Рускую землю удержати (как не) с тобою? А поеди семо»! Союз был необходим, очевидно, для урегулирования отношений с половцами и для нейтрализации Изяслава Давыдовича. Первое мероприятие не удалось: половцы обманули и на снем к Каневу не поехали, второе также не оказалось удачным. По совету Ростислава «братаня» его, включая изгнанного Мстислава Изяславича, были приняты Долгоруким «в любовь», и Изяславу Давыдовичу ничего не оставалось как прийти к нему на «мир». Так кончилось первое явление Ростислава в Киев при Долгоруком (1155 г.).

В 1156 г. неожиданные военные действия разыгрались в Черниговских землях у южных границ Смоленской земли. Заручившись поддержкой соседа — Ростислава Смоленского, Святослав Всеволодович вторгся в пределы Верхней Десны и захватил все подесенские города маленького черниговского князька из Березуя — Святослава Владимировича, принудив того бежать во Вщиж. В условиях помощи (правда, пассивной) смоленского князя Изяслав Давыдович (черниговский) сразу вступиться не решился. Возможно, вопрос об этом был им поднят на снеме с половцами, устроен-

[62] ПСРЛ, т. II, стб. 476.
[63] *Алексеев Л. В.* Домен Ростислава Смоленского.— В кн.: Средневековая Русь.
[64] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве»..., с. 114.
[64а] ПСРЛ, т. II, стб. 477. Весь текст принадлежит летописцу Долгорукого (*Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967, с. 59).

ном Долгоруким на юге Руси, в Зарубе, в том же году. Во всяком случае, именно после снема Изяслав, захватив отряды половцев, повел их на Десну. Долгорукий не был заинтересован в усилении своего смоленского «сына» и на поступок черниговского князя смотрел сквозь пальцы. Последующий текст летописи, к сожалению, обрывается сообщением о прибытии митрополита из Царьграда, и мы так и не знаем о ходе дальнейших действий. Лишь ниже мы застаем Святослава Ольговича у смоленского города Мстиславля: «Том же Лѣте, пишет летописец, Святослав иде к брату своему Изяславу, ту стояща у Мьстиславля, створиста мир миръ с сыновцема своима и возвратистася во свояси» (1156 г.). Приходится делать вывод, что Изяслав Давыдович с половцами не только отвоевал деснинские города, но и двинулся далее на север в пределы Ростислава вместе со Святославом Ольговичем (новгород-северским). Здесь произошло примирение. Мстиславль в Смоленской земле был выбран для переговоров, очевидно, потому, что Ростислав являлся союзником обидчика. С «сыновцами» «братья» примирились, но с Ростиславом этого не удалось, и было сделано, как увидим, в следующем году.

Умышленное попустительство Долгорукого походу черниговских князей вбило, по-видимому, солидный клин в его отношения с Ростиславом. В следующем году последний благосклонно взирал на подготовку похода против Киевского князя, а организатор похода ранее злейший его враг, Изяслав Давыдович, теперь «примири к собе Ростислава». Более того, смоленский князь пустил в предприятие сына Романа со своим полком. Лишь Святослав Ольгович колеблется: он «крест целовал» Долгорукому, не может «без вины на нь встати».

Однако планам князей не суждено было сбыться: «пив» «у осменника Петрилы (..) Долгорукий на ночь разболеся» и умер (1158 г.). В 1154 г. Ростислав с киевлянами не успел поладить, теперь стол был предложен не ему, а Изяславу Давыдовичу.

Упомянем еще одно политическое мероприятие Ростислава этих лет. Он не ограничился союзом с Долгоруким и вошел в тесный контакт с рязанскими князьями (1155 г.). Они страдали всегда от Суздаля, понимали свою слабость и пытались объединиться с сильным соседом с запада. Уже в 1147 г. Изяслав Мстиславич просил смоленского брата использовать их в борьбе с Юрием [65], но в 1152 г. последний, видимо, принудил их идти против Ростислава на Чернигов [65а]. Теперь же, в 1155 г. рязанские князья опять блокируются с Ростиславом и «зряху на Ростислава имахути и отцем собе» [66], вполне вероятно предположение, что именно в это время был возведен в Рязани Успенский собор, почти повторяющий Борисоглебский на Смядыни [67].

---

[65] ПСРЛ, т. II, стб. 482; *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961, с. 343; ПСРЛ, т. II, стб. 347.
[65а] *Монгайт А. Л.* Рязанская земля, с. 343.
[66] ПСРЛ, т. II, стб. 482.
[67] *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, 1955, вып. 49, с. 91.

Смоленск в киевское правление Изяслава Давыдовича (*1158—1160 гг.*). За эти три года Смоленск и его князья фигурируют в летописи *лишь дважды*. В 1157 г., узнаем мы, новгородцы изгоняют сына Долгорукого Мстислава и передают новгородский стол Ростиславичам: сначала в Новгород входят Святослав и Давыд, а затем, чтобы закрепить положение, как и в 1154 г., сам Ростислав Смоленский. В результате новгородским князем становится Святослав, а Давыда Ростислав сажает в Новом торгу. Эта победа была, по-видимому, большим успехом Ростиславичей и временно примирила, как кажется, новгородцев. Новгородская летопись с удовлетворением отмечает, что «не бысть зла ничто же», в Новгороде, оказывается, была в это время и «княгыня» Ростислава, с которой в 1158 г. они отправились домой [68]. Все это показывает, что победа антисуздальской партии в Новгороде отмечалась с большой помпой. Во главе переворота стоял знаменитый Якун Мирославич — новгородский посадник — противник Суздаля [69].

Второе упоминание относится к тому же 1158 г.: Рюрик Ростиславич движется в коалиции князей, возглавляемой Изяславом Давыдовичем, на Туров. Этот Ростиславич и «смолняны» (т. е., очевидно, смоленский полк отца) отвоевывают туровский стол кузена Владимира Мстиславича, он также в одной коалиции с полочанами, отколовшимися, как я показывал, от полоцкого князя Ростислава Глебовича, свергнувших его после туровского похода и принявших Рогволода Борисовича [70].

Третье упоминание датируется 1159 г. Смоленские князья не остались равнодушными к борьбе Рогволода за полоцкий стол: в помощь ему Ростислав Мстиславич направил двух сыновей — Романа и Рюрика, а также воеводу (?) Внезда, смолян, новгородцев и псковичей. Ростислав и сам предполагал двинуться, но его отговорил новгородский владыка Аркадий, проезжавший в тот момент Смоленск. Нам важно, что Ростислав вмешивается в междукняжеские отношения вне Смоленской земли, держит сторону полоцкого Рогволода, на стороне которого был и его брат Изяслав [71]; если верить летописи, то он распоряжается не только Новгородом, где сидели его два сына, но и псковичами (правда, в Псковских летописях это не отразилось [72]).

Сложные политические перипетии между южнорусскими князьями 1159 г. привели наконец к бегству Изяслава Давыдовича с киевского стола в Гомий (Гомель) и затем, дождавшись княгиню, в «вятичи». Товары его дружины с драгоценностями и челядью перешли к вошедшим в Киев 22 декабря 1159 г. Мстиславу и Ярославу Изяславичам и были переданы Владимиру, князю волынскому, в благодарность за помощь.

---

[68] НПЛ, с. 17, 217.
[69] *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 100, 101.
[70] ПСРЛ, т. II, стб. 493 и сл.; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля; Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 235.
[71] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 265 и др.
[72] Псковские летописи. М., 1941, т. I; 1955, т. II.

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ в 60-х годах (ПРИ КИЕВСКОМ КНЯЖЕНИИ РОСТИСЛАВА 1159—1167 гг.)

Переговоры о вступлении Ростислава в Киев. Мстислав и Ярослав Изяславичи понимали, что киевский стол должен был теперь принадлежать старшему Мстиславичу — смоленскому Ростиславу, к нему и отправлены были с приглашением послы. Предоставление Ростиславу великокняжеского стола, выясняется, было предрешено какими-то предварительными переговорами («целовали бо бяху к нему хрест преже, «яко тобѣ его ищемъ» [73]). Однако опыт 1154 г. показывает, что без предварительных переговоров и выяснений, смоленскому князю соглашаться на честь нельзя. Ростислав не спешил, он послал посольство, состав которого характерен: «после к ним Ивана ручечника и Якуна — от смолянъ мужа и от новгородець» [74] (!) с вопросом: «оже мя въ правду зовете, с любовию, то я всяко иду Киеву на свою волю, яко вы имѣти отцомь собѣ въ правду, и въ моемь вы послушаньи ходити. А се вы являю: не хочю Клима у митропольи видити — (не) взял благословения от святыя Софья и от патриарха». Не приходится сомневаться, что Ростислав знал, что делал, он в 1154 г. «не утвердился» с киевлянами, вероятно, не успел выразить своего отношения к ставленнику брата — Клима смолятича (а может быть, даже и поддержал его кандидатуру), что лишило его популярности у киевлян, и теперь он хотел исправить ошибку. Возможно, этот ход с отказом от креатуры брата, был ударом по престижу сына брата Мстислава, который держался Клима, что выгодно оттеняло кандидатуру смоленского князя. Как и следовало ожидать, Мстислав «крѣпко пряшеся по Климѣ, река тако: «Не будет Константинъ въ митропольи, зане клял ми отца». В споре Якун, видимо, далее не участвовал, во всяком случае, более он не упоминается. «Иванко (ручечник), — говорит летописец, — възмя (эти тяжки) рѣчи и иде къ князю Ростиславу».

Новое посольство в Киеве было снаряжено во главе со старшим сыном смоленского князя Романом. Мстислав встретил кузена «с любовью» не в Киеве, а в Вышгороде, и это была не простая любезность предварительной встречи, так как дальнейшие переговоры проходили именно здесь. Приходится делать вывод, что Мстислав хотел вести переговоры без киевлян, а это означает, что расчет Ростислава был верен: киевляне были против Клима. Распри разгорелись с прежней силой, но Роман имел, видимо, инструкции пойти на компромисс: так как «рѣчи продолжившися и пребывши крѣпцѣ межи ими», было решено искать на митрополию иную кандидатуру и обратиться в Царьград [75].

Вторичное княжение Ростислава началось на пасху 12 апреля 1159 г. Положение было тяжелым: на севере Долгорукого сменил сын Андрей Бо-

[73] ПСРЛ, т. II, стб. 503.

[74] Не приходится сомневаться, что от Новгорода был послан Якун Мирославич, о котором уже говорилось.

[75] ПСРЛ, т. II, стб. 503—504.

голюбский, который также претендовал на Киев. Вторым претендентом был Святослав Ольгович. С этим последним он и начал улаживать отношения. 1 мая 1159 г. в Моровийске состоялось их соглашение «на великую любовь», сопровождавшееся с обеих сторон грандиозными подношениями[76]. Старейший Ольгович был обижен Изяславом Давыдовичем и ждал от Ростислава многого; он понимал, что в борьбе с Изяславом Давыдовичем он для Ростислава незаменим и его подарки намного скромнее подарков великого князя.

Вторым мероприятием нового князя была нейтрализация Ивана Берладника, что требовал, по-видимому, Святослав Ольгович. На Берладника было послано два воеводы, из которых один — Якун. Третьим мероприятием были поддержка полоцкого Рогволода, с которым Ростислав был связан и ранее. В помощь князю было послано 600 торков во главе с воеводой Жирославом Нажаровичем, но война затянулась, кончился фураж, торки бросили осаду[77]. Было также ясно, что борьба с Изяславом Давыдовичем и Андреем Боголюбским не заставит себя ждать. Такова была сложная политическая обстановка при киевском вокняжении Ростислава Смоленского.

Первые годы смоленского княжения Романа Ростиславича (1159—1167 гг.). Роман Ростиславич не первый раз садился на смоленское княжение. Теперь это был опытный муж, участник походов отца, его правая рука и в дипломатических переговорах (1159). Женитьба на дочери Святослава Ольговича не мешала ему воевать с тестем и рук не связывала.

Война с Изяславом Давыдовичем началась уже зимой (ультрамартовского 1159 г.). Опорным пунктом этого князя в союзе с половцами был избран Вщиж у южных владений смоленских князей. Он немедленно был обложен «русскими князьями» Святославом Ольговичем и Святославом Всеволодовичем, а также Рюриком Ростиславичем, но Роман здесь еще не назван. При приближении помощи Андрея Боголюбского осада была снята и возобновлена лишь после его ухода. Теперь включился в нее и смоленский Роман. Вщиж был взят и передан с его князем старшему Ольговичу. Ответный удар последовал от Андрея по Новгороду. Новгородцы упросили вывести Давыда из Нового Торга («не можем дву князю держати»). Это дело было лишь в компетенции киевского князя, и Ростислав «пусти и (Давыда) Смолиньску, к Романови»[78]. Но этого было мало: новгородский Святослав был схвачен, сослан в Ладогу, бежал через Полоцк в Смоленск. Суздальская партия в Новгороде победила (1161 г.). Вскоре ситуация в корне изменилась: был убит Изяслав Давыдович (1162 г.) и умер Святослав Ольгович (1164 г.). В Новгороде был восстановлен Святослав Ростиславич (1162 г.), Чернигов достался Олегу Святославичу, Новгород Северский — Святославу Всеволодовичу.

В 1165 г., мы видели, в домениальных землях Смоленской земли садится «Роман Вячеславов внук». Это был, по-видимому, внук Вячеслава

[76] ПСРЛ, т. II, стб. 504.
[77] ПСРЛ, т. II, стб. 505; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 274—278.
[78] ПСРЛ, т. II, стб. 510.

Владимировича, сидевшего на смоленском столе в 1113 г.[79] В 1116 г. этот Вячеслав принимает участие в походе отца на Глеба Минского и берет Оршу и Копыс[80]. По более поздним сведениям, в том же году он ходил с воеводой Фомой Ратиборичем на Дунай, но успеха не имел[81]. При перераспределении столов в 1125 г. он получил Туров, уступив Смоленск Ростиславу, с которым позднее был, мы видели, соправителем в Киеве в 1154 г. Сына Вячеслава (отца интересующего нас Романа Вячеславова внука) летопись называет лишь однажды: это был Михаил, скончавшийся еще при отце (1130 г.)[82]. Итак, Роман Михайлович родился не позднее 1131 г., к 1165 г. ему было не менее 34 лет, а если учесть, что Вячеслава в конце жизни постоянно называют «старым», он мог быть и намного старше. Почему же о нем зашла речь в 1165 г.? Почему он получил владения в смоленском домене?

По древнерусскому праву наследования внук Вячеслава, отец которого рано умер, терял право на киевский стол, однако он мог претендовать на наследство отца, а также деда. Имущество отца он получил, видимо, в 1130 г., но наследство деда после его внезапной смерти (1154 г.), мы видели, Ростислав наскоро раздал киевлянам, а то, что не успел, поручил распределить своей матери. Учитывался ли при дележе внук умершего? Летопись о нем не вспоминает, не успела, вероятно, подумать, о нем и вынужденная к поспешному бегству мать Ростислава. Вопрос о наследстве возник вновь после вокняжения Ростислава в Киеве и, видимо, не сразу, тогда, когда княжения были поделены. Кажется вероятным, что характер Вячеславова внука был в деда — он был также пассивен и на многое не претендовал (недаром летописец упоминает его лишь однажды). Ростислав выделил ему новые владения в области, где «замирены» Мирятичи. Эпизод показывает, что Ростислав Смоленский оставался верховным владельцем домениальных смоленских земель и будучи в Киеве. И это понятно: великокняжеский стол был преходящим явлением, мудрый патриарх Мстиславичей Ростислав оставлял за собой всю полноту власти в смоленском домене. Рассматриваемый текст интересен еще одним: Давыд Ростиславич, недавно потерявший Новый Торг в Новгородчине, теперь был ублаготворен Витебском, который не упоминался в летописях с самого первого его упоминания (1021 г.), когда он был полоцким городом. Мы не знаем, когда он перешел к Смоленску, но, учитывая слабость полоцких князей именно в это время[83], можно думать, что Витебск отошел к Смоленску почти одновременно с Мирятичами, и в обе эти волости потребовался кто-либо из смоленских князей. В 1121 г., мы видели, Мономах приезжал в Смоленск урегулировать отношения полоцких князей, в 1165 г. полоцкий Витебск переходит к Смоленску, а в 1167 г. Роман Ростиславич не только поддерживает своего брата на витебском столе, став-

[79] ПСРЛ, т. II, стб. 276.
[80] ПСРЛ, т. II, стб. 282—283.
[81] ПСРЛ, т. II, стб. 284.
[82] ПСРЛ, т. II, стб. 293.
[83] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля.

шем нераздельной собственностью его земли, но еще и посылает, как я указывал, полоцкого Всеслава Васильковича на вторичное княжение в Полоцк, из которого он только что был изгнан минскими Глебовичами [84].

Смерть Ростислава, вопрос о его сыновьях и уделах. Наступил последний год жизни Ростислава Мстиславича. За восьмилетнее правление в Киеве он тщательно укреплял позиции своих сыновей на Руси. В Смоленске сторожил домениальные владения смоленских князей старший сын Роман, в Новгороде — Святослав, Рюрик и Давид постоянно помогали отцу в его великокняжеских мероприятиях. Еще в период княжения отца в Смоленске Рюрик участвовал в походе смолян на Туров (1157 г.), посылался отцом в помощь полоцкому Рогволоду (1159 г.), также в Чернигов в помощь Святославу Ольговичу и Святославу Всеволодовичу для обороны от Изяслава Давыдовича (1159 г.), в дальнейшем он командует доверенным ему отцом киевским полком (1160 г.). Трудно решить, кто был старше — Рюрик или Давид. Ранние столы Рюрика неизвестны, Давид же в 14 лет получил (правда, ненадолго) Новгород (1154 г.). Юность этого князя, вероятно, одна из причин его изгнания. В период правления Ростислава в Киеве сыновья его укрепились вне смоленской земли и усобицами ее не раздирали и после смерти отца.

Описываемый 1167 год начался крупным мероприятием: по приказу Ростислава владимир-волынский, луцкий, бужский, гродненский князья и три его сына (Рюрик, Давыд и Мстислав) долго стояли у Канева, ожидая греческие караваны судов для защиты от половцев. В этих заботах прошли весна, лето и осень. В конце 1167 г. Ростиславом был задуман длительный поход к Новгороду для примирения новгородцев с его сыном Святославом. В Чичерске князь провел два дня в веселье и во взаимных подарках со своей дочерью и зятем Олегом Святославичем. Далее следовала своя, Смоленская, земля, его здесь встречали смоляне якобы за 300 верст (такого расстояния от Чичерска до Смоленска, как бы он ни ехал, быть не могло). Несколько ближе к городу встречали его внуки, а затем сам смоленский князь Роман, епископ Мануил и тысяцкий (?) Внезд. Весь город был на ногах: Ростислава помнили и стар и мал: он княжил в Смоленске с огромной пользой для страны — 34 года! Смоленские торжества задержали великого князя на несколько дней, далее он держал путь на Торопец во владения сына Мстислава. Но уже здесь он почувствовал себя нехорошо. Поездка в Новгород была отменена, сын Святослав был вызван к отцу на Луки, куда съехались и все именитые новгородцы. Примирение состоялось, новгородцы клялись держаться Святослава до его смерти, и с новыми подарками старый князь, чувствовавший себя все хуже, повернул в Смоленск. Стало ясно, что он умирает, и сестра Рогнеда уговаривала его остаться, чтобы «лечи Смоленьски в своем ему зданьи». Умирающий понимал, что судьбы стола великого князя зависят от того, где он умрет и будет положен, и требовал везти его скорее в Киев. Ростислав несомненно надеялся привести к присяге киевлян его сыновьям. Его везли

[84] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 278, 279.

кратчайшим путем через домениальные земли смоленских князей на юге страны. Но судьба решила иначе: в селе своей сестры Рогнедине (в волости Заруб, ныне Рогнедино Брянской области), Ростислав подозвал своего покладника[85] Ивана Фролковича (может быть, это Иванко ручечник?) и боярина Бориса Захарьевича и сказал: «Взовита ми Семьюна-попа, ать створить молитву!». Требовался духовник: Ростислав отходил. Летописец подробно рассказывает, как перед смертью молился великий князь, как стихал его голос и по вискам текли слезы. Он умер 14 марта 1159 г.[86] Вместе с ним уходил в прошлое целый мир. Его положили в Киеве «у святаго Федора, в отни ему манастыри» (21 марта). Повествование Ипатьевской летописи о последнем путешествии и смерти Ростислава Мстиславича — одно из самых сильных мест этого источника.

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ
во второй половине XII — начале XIII в.

Восьмилетнее княжение Ростислава в Киеве было решающим для судьбы Смоленской земли. Пример Полоцкой земли, раздираемой после смерти Всеслава Полоцкого его многочисленными сыновьями, был поучителен. Ростислав посадил в Смоленске своего старшего сына, одного из младших — в Торопце (Мстислава), а остальных постарался наделить землями вне пределов своего фамильного княжения. Так, Святослав оказался в Новгороде, Рюрик — в Овруче, Давыд — в Новом Торге, а затем в Витебске и, наконец, в Вышгороде под самым Киевом. «Владения (смоленских Ростиславичей.— *Л. А.*), — писал Б. А. Рыбаков,— острым клином спускались с севера на юг, как меч, направленный на Киев. Острием меча был Вышгород в 18 км от Киева, принадлежащий Давыду Ростиславичу и бывший главной стратегической опорой смоленских князей на юге»[87]. Однако при всех неблагоприятных обстоятельствах сыновья Ростиславичи могли вернуться в свое княжество и поделить их домениальные владения между собой. Так в 1161 г. отец возвратил Давыда «Смоленску Романови», тогда же оставив Новгород, в Смоленск через Полоцк бежал Святослав Ростиславич, он и погребен в Смоленске в 1170 г.[88] На эту же возможность возвращения в Смоленск и дележа домена указывает, как увидим, и разгневанный Андрей Боголюбский (1174 г.).

Ростиславичи в первые годы после смерти отца. Ростислав ехал в Киев умирать, знал о возможности кончины в пути и, несомненно, высказал волю о престолонаследии. Сыновья его киевский стол вынуждены были уступить своему двоюродному брату Изяславу Мстиславичу — маститому многоопытному сподвижнику их отца. После длительных перипетий 15 мая 1169 г. он и поднялся на киевский стол. Против него сразу же начались интриги, которые приходилось разбирать Ростиславичам. Летом

[85] ПСРЛ, т. II, стб. 531.
[86] ПСРЛ, т. II, стб. 531.
[87] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве»..., с. 137, 138.
[88] ПСРЛ, т. II, стб. 511, 550.

такую интригу они рассматривали в Печерском монастыре. Затем в 1170 г. оскорбленные бояре Петр и Нестор Бориславичи, прогнанные из Киева за воровство их людьми княжеских коней, начали уверять Давыда в Вышгороде, что Мстислав хочет их коварно схватить. «Брате, а про что, а кое вина? А крест к нама ци давно цѣловал?» — недоумевал в Овруче Рюрик. Выдать клеветников Мстиславу Давыд отказался: «а пакы ми кто повѣсть, оже тѣхъ выдамъ?». Пришлось идти на новое крестоцелование, что несколько утихомирило страсти и клевету [89].

В древнерусских землях теперь отчетливо обрисовались три мощные силы: буйный тиран Андрей Боголюбский (Суздаль), Ростиславичи (Смоленск, Новгород и города под Киевом) и Мстислав Изяславич (Киев). Обстановка накалялась. Мстислав блокировался с новгородцами (недовольными Святославом), Ростиславичи — с Боголюбским [90].

Неспокойно было в Новгороде тоже: перемена князей в Киеве придала бодрости новгородцам, они начали тайно собираться по дворам и вести тайные переговоры. Предупрежденный Святослав бежал в Луки, новгородцы бросились в догонку, но князь их укрылся в Смоленской земле, оттуда перебрался на верхнюю Волгу, с помощью Боголюбского пожег Новый Торг, а Роман Смоленский и Мстислав Торопецкий пожгли новгородские же Луки. С включением в борьбу полочан Новгород оказался блокированным. С большим трудом путь к киевскому Мстиславу был найден новгородцами «на Вячка и на Володаря» (через земли в Прибалтике) [91]. Антиростиславичскую политику теперь в Новгороде возглавлял посадник Якун [92]. Приглашенный сын Мстислава Киевского Роман стал новгородским князем только после снятия блокады на пасху 14 апреля 1168 г. Месть новгородцев не заставила себя ждать: они пожгли «Полоцкую волость», не дойдя до Полоцка 30 верст, а ранней весной двинулись к Торопцу «и пожгоша домы ихъ и головъ множество полониша» [93]. Столь блестящая победа над торопчанами, оставшаяся безнаказанной, объясняется выбором момента: «тому же лѣту исходящу на весну» (т. е. как раз в интересующее нас время — Новгородская летопись построена на мартовском исчислении годов [94]), состоялся колоссальный поход русских князей на Киев, в котором принимало участие четыре сына Ростислава: Роман (Смоленск), Рюрик (Овруч), Давыд (Вышгород), Мстислав (Торопец). Летопись дополняет: «С смолняны и с торопцаны» [95]. Разделение на смолян и торопчан показывает, что торопчане имели своего собственного князя (Мстислава Ростиславича). Разграбление Торопца было возможно потому, что Смоленский и торопецкий князья были в отсутствии.

---

[89] ПСРЛ, т. II, стб. 542, 543.

[90] Возможно, фигуру Боголюбского в борьбе с Мстиславом выдвинули сами Ростиславичи (*Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве», с. 139).

[91] НПЛ, с. 32, 219.

[92] *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 102 и сл.

[93] НПЛ, с. 33, 220, 221.

[94] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания, с. 27.

[95] НПЛ, с. 33, 220.

Смоленские князья играли крупную роль в трехнедельной осаде Киева. Нападающие собирались в Вышгороде у Давыда, и оттуда был начат штурм. Киев пал 12 марта 1169 г. Мстислав Изяславич был сменен на киевском столе (вероятно, по воле Боголюбского) Глебом Юрьевичем, но ненадолго: он вскоре умер, ходили слухи, что его, как и Долгорукого, отравили. Можно думать, что Ростиславичи, столь близко стоящие к Киеву и сильные в «Русской земле», согласились на Глеба только благодаря каким-то ответным обещаниям со стороны владимирско-суздальских князей. Действительно, Новгородская летопись сообщает о вокняжении «на святаго Иерофея» (4 октября 1170 г.) в Новгороде Рюрика Ростиславича. Ипатьевская летопись дополняет, что, уходя в Новгород (намного ранее — 8 августа), он передал «волость свою брату своему Давидови»[96]. Овруч, следовательно, Ростиславичи не теряли.

В Новгороде явление Рюрика было воспринято по-разному. Князь сместил посадника Жирослава и заменил Иванком Захарьиничем — конечно, сыном убитого Захария (1167 г.), который «переветь дрьжаще къ Святославу» Ростиславичу[97]. Вероятно, смена посадников связана с отходом Рюрика Ростиславича от союза с Андреем Боголюбским, но и Рюрик долго не продержался, зимой 1171 г. он уже возвращался в свои южнорусские владения.

В Киеве тоже все было непрочно. Взамен умершего Глеба, Ростиславичи (без участия уже Боголюбского) пригласили внука Изяслава Мстиславича Владимира Дорогобужского, тот тайно перешел в Киев, но прокняжил лишь 4 месяца: в июне 1171 г., в «русальную неделю», он вдруг «занемог» и скоропостижно умер. Возможно, и его постигла участь Долгорукого и Глеба.

В 1173 г. еще можно было говорить о равновесии сил. Было решено посадить на киевский стол старшего Ростиславича — Романа из Смоленска, а стол в Новгороде Рюрик освобождал для сына Боголюбского Юрия. Встреча Романа в Киеве (июль 1174 г.) была обставлена крайне торжественно — с крестами и хоругвями и всем высшим духовенством. Слава отца в Киеве была еще необычайно сильна. Через Смоленскую землю, где сидел Ярополк Романович, в 1173 г. возвращался Рюрик, на Лучине, как мы помним, у него родился сын, получивший этот город в свое владение.

Дружба победителей Ростиславичей и суздальского князя долго продолжаться не могла: они явно с каждым годом усиливались. Андрей начал «вины покладывати на Ростиславичей» и требовать выдачи убийц Глеба. Их отказ вызвал его необузданный гнев: «не ходиши в моеи воле сь братьею своею,— писал он Роману,— а поиди с Киева, Давыд исъ Вышгорода, а Мьстиславъ из Бѣлгорода! А то вы — Смоленскъ! А там ся подѣлите!» Угроза была сильна, Роман вернулся в Смоленск, но остальные Ростиславичи уйти отказались. В Киев вошел брат Андрея Всеволод. Ростиславичи еще надеялись уговорить суздальского князя миром. Из их

[96] НПЛ, с. 33, 222.
[97] НПЛ, с. 32, 220.

обращения к этому князю мы узнаем, что после смерти Ростислава Ростиславича предложили ему союз на базе вассалитета: «Брате! Въ правду тя нарекли есмы отцомь собѣ и крестъ есмы цѣловали к тобѣ и стоимъ вь крестьномъ цѣлованьI» (..) Андрѣи же отвѣта имъ (не) вьда» [98]. Идя на мировую с Боголюбским, Ростиславичи все же понимали, что они сильны, суздальский князь, видимо, этого не учел. Ночью они ворвались в Киев, схватили всех ставленников Суздаля и провозгласили киевским князем Рюрика Ростиславича. Этот расчет не был авантюрен: Боголюбский совсем недавно был разгромлен новгородцами и не так давно лишился своих помощников: сына Мстислава (умер), брат Глеб был отравлен в Киеве, а брат Михаил перешел к Ростиславичам. Из крупных союзников оставались лишь Святослав Всеволодович Черниговский и Ярослав Изяславич Луцкий. Мечник Михн привез наконец грамоту в Киев, посылая его, Андрей говорил: «ъдь к Ростиславичемь рци же имъ — не ходите в моеи воли, ты же Рюриче, поиди вь Смоленьскъ къ брату во свою отчину, а Давыдови рци: а ты поиди вь Берладь, а в Руськои земли не велю ти быти, а Мстиславу молви: в тобѣ стоить все, а не велю ти в Русскои землѣ быти!» Самый непримиримый Мстислав отвечал: «Мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви. Аже еси сь сякыми рѣчьми прислалъ, не акы кь князю, но акы кь подручнику и просту человеку, а что умыслил еси, а тое дѣи. А Бог за всѣмъ». В заключение Мстислав приказал остричь мечника — голову и бороду, что было уже верхом вызова князю [99]. Из этого видно, что если ранее Ростиславичи считали Андрея Боголюбского primus interpares (первым среди равных), то вассалами его себя не считали. «Андрей же, то слышавъ отъ Михна, и бысть образъ лица его потускнел»,— говорит летописец [100].

На Ростиславичей двинулось 50-тысячное войско под командой сына Андрея Боголюбского Юрия. Относительно Мстислава он имел директиву «Мьстислава, емъше, не сотворите ему ничтоже, приведите и ко мнѣ». Игнорируя быстрейший путь на вятичей, Юрий дерзостно шел по Смоленской земле, заставив идти в поход против братьев даже самого Романа Смоленского. Ростиславичи приняли бой, затворившись по своим городам. Двухдневная битва, особенно ожесточенная на Рождество Богородицы (8 сентября 1173 г.), показала, что судьба от нападающих отвернулась: они «побѣгоша через Днѣпръ и много от вои их потопе» [101]. «Помня старшинство Ярослава Луцкого, помогшего рагромить Ольговичей и суздальцев, Киев получил он, но почти тут же его ссадил» Святославом Всеволодовичем, но вскоре стало известно, что Святослав и Ярослав находятся в союзе. Выход был один — поиски сношений с Андреем Боголюбским. Теперь пытались договориться с этим князем о киевском столе для Романа, не запятнавшего себя непослушанием суздальскому князю, или ему самому. Андрей колебался, просил подождать вести ему от братьев из «Руси».

[98] ПСРЛ, т. II, стб. 569—570.
[99] ПСРЛ, т. II, стб. 572—573.
[100] ПСРЛ, т. II, стб. 573.
[101] ПСРЛ, т. II, стб. 575—578.

Ждать не пришлось. 29 июня 1174 г. суздальский князь пал жертвой боярского заговора [102].

В дальнейших сообщениях летописи много туманного. Появляются новые Ростиславичи — суздальские, один из них, получив стол во Владимире Залесском, посылает в Смоленск и «поя за ся княгиню Всеславлю дщарь князя витебского». Витебск, следовательно, по-прежнему в Смоленской земле, но сидит в нем теперь не Давыд (который давно уже ушел в Вышгород), а тот самый Всеслав Василькович, которого Давыд посылал и некогда на Полоцк.

Интересно и второе свидетельство летописи: в том же 1174 г. «смольняне выгнашъ от себе Романовича Ярополка, а Ростиславича Мстислава вьведоша Смоленьску княжить» [103]. Так, мы впервые читаем о новой силе в Смоленске — смолянах, смоленском вече, которое, оказывается, и в Смоленске теперь может прогнать неугодного князя. Если в Полоцкой земле вече решало судьбы княжества уже в начале XII в. [104], то здесь это произошло на 40—50 лет позднее.

Не вполне ясно, куда девался Роман Ростиславич. При жизни Боголюбского, мы сказали, решался вопрос о его новом киевском княжении, но согнали смолняне не его, а его сына! Видимо, Роман все же двинулся в Киев при боях его братьев под Моровийском. Действительно, его появление возмутило Ярослава, и тот ушел в свой Луцк.

Второе княжение Романа Ростиславича в Киеве окончилось так же внезапно, как и началось. На «русальной неделе» (16—22 мая) половцы вторглись в пределы Руси. Против них Роман выслал братьев — Рюрика, Давыда, «сыновца» своего Ярополка и Бориса.

Битва у Ростовца в Киевской земле была проиграна из-за нерасторопности Давыда («не притяглъ»). Половцы захватили много бояр, князья же успели спастись «вбѣгоша въ Ростовець». Результат битвы вселил надежды Ольговичам. Святослав Всеволодович обратился к Роману: «Брате! я не ищу под тобою ничего же, но рядъ наш так есть: оже ся князь извинить, то — в волость, а мужь у голову. А Давыдъ виноватъ!» [105]. Роман не отнял у брата Вышгород. Святослав потребовал от Мстислава Владимировича отступиться от Ростиславичей, тот согласился и начал готовиться в поход. У Вигичева он узнал, что Роман уже покинул Киев, перешел к брату Рюрику в Белград и поспешил в Киев. Однако вскоре стало известно, что к Ростиславичам пришел на помощь брат Мстислав и на завтра назначен штурм Киева. Святослав бежал. После переговоров Ростиславичи, «не хотяче губити Русской Земли», уступили все же Киев Святополку Всеволодовичу. Роман ушел в Смоленск [106]. Так кончилось в 1176 г. второе

[102] ПСРЛ, т. II, стб. 580—595 (дата по Бережкову).
[103] ПСРЛ, т. II, стб. 598.
[104] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 264.
[105] ПСРЛ, II, стб. 603—604. По мнению Б. А. Рыбакова, эта «несогласованность» действий русских князей нашла отражение в «Слове о полку Игореве» (*Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве...», с. 149).
[106] ПСРЛ, т. II, стб. 605.

княжение смоленского Романа Ростиславича в Киеве. Однако Ростиславичи прочно держались в «Русской земле», в непосредственной близости от Киева: Давыд, по-прежнему, в Вышгороде, Рюрик — в Белгороде, что не могло не ослаблять позиции Святослава Всеволодовича и не могло не толкать его на решительные действия против своих врагов.

Новгород и Смоленск в конце 70 — начале 80-х годов XII в. После убийства Андрея Боголюбского (1174 г.) в Ростово-Суздальской земле начинается полоса ожесточенной борьбы за княжеский стол, отразившаяся в Новгороде княжением суздальских Ростиславичей — малолетнего Святослава, затем его отца Мстислава Ростиславича, а после занятия владимирского стола Всеволодом Большое Гнездо — его ставленником Ярославом Мстиславичем [107]. Изгнанные из Новгорода, Мстислав и его брат Ярополк Ростиславичи, в 1177 г. пустились в «политическую спекуляцию» (В. Л. Янин): объявили себя ослепленными Всеволодом, переметнулись в Смоленск, где на Смядыни чудесным образом и прозрели [108]. Смоленское заступничество, видимо, помогло, и зимой того же года мы видим братьев уже в Новгороде, причем Мстислав возвращает утраченный было стол, а после его смерти (1178 г.) тот переходит к Ярополку. Но Всеволод «зая новгородским» и новгородцы «показаша (..) путь Ярополку». По их просьбе на чистую неделю в Новгород входит Роман Ростиславич. Осенью Роман вернулся в Смоленск, новгородцы передали стол его младшему брату Мстиславу Храброму — ярому противнику суздальских князей (что новгородцев вполне устраивало). Еще со времен Боголюбского он был известен дерзким неподчинением (случай с позорным остриженением посла Михна в 1174 г.: позднее он храбро воевал под стенами защищаемого им Вышгорода, отсиживался там 9 месяцев, а потом наголову разбил суздальскую рать. В 1175 г. ему был доверен смоленский стол, а в 1177 г. он помогал братьям в борьбе со Святославом Всеволодовичем. Словом, слава его как непримиримого и отважного борца с Ольговичами и суздальцами широко разнеслась. Где был удел Мстислава Храброго в южной Руси, мы не знаем, но был он там несомненно, так как в ответ на приглашение новгородцы услыхали такие слова: «Не могу ити изъ отчины своеѣ и со братьею своею разойтися» [109]. Ответ этот крайне важен: он не только подтверждает, что в Южной Руси у младшего Ростиславича были свои владения, которые он именует «отчиной», но и то, что уход его с юга означает до некоторой степени измену делу Ростиславичей. Летописец даже разъясняет эту позицию Мстислава: он «прилежно (..) тщашеться, хотя стради отъ всего сердца за отчину свою, всегда (..) на великая дѣла тъсняся». Однако дружина Мстислава и его «мужи», для которых соображения о политических обязательствах князя перед братьями разбивались о соображения собственной выгоды, смотрели на дело иначе. Понятие «отчина» они склонны были толковать значительно шире. «Брате! — говорили они на общем совете, — аже зовуть тя съ

---

[107] НПЛ, с. 35, 224.
[108] НПЛ, с. 35, 224, 225; *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 107.
[109] ПСРЛ, т. II, стб. 606—607.

честью, иди! А тамо ци не наша отчина?» [110] Мнение дружины и мужей, с которыми нельзя было не считаться, перевесило. Повторяя мысль, что «аще Богъ приведеть мя сдорового дни сия, то не могу никакого же Руской землѣ забыти!», Мстислав Храбрый въехал под колокольный звон в Новгород.

Однако «сдоровым» долго быть не пришлось Мстиславу. Он успел совершить победоносный поход на Чудь во главе 20-тысячного войска и «ополонился» челядью и скотом. Из «Чюди» он двинулся в Псков, где, по желанию псковичей, снял с должности сотского своего племянника (сыновца) Бориса, и всю зиму провел в Новгороде. На весну он было хотел двинуться на Полоцк с мотивировкой: отомстить своему зятю Всеславу за обиду, нанесенную более ста лет назад дедом последнего — полоцким Всеславом, который в 1066 г. (!), напав на Новгород, «взялъ ерусалимъ церковный и сосуды служебныѣ и погостъ одинъ завелъ за Полтескъ» [111]. Однако был остановлен своим старшим братом Романом Смоленским, который выслал сына Мстислава для помощи Полоцку, а брату на Луки прислал гонца с требованием: «обиды ти до него (Всеслава) нѣтуть, но же идеши на нь, то первое поити ть на мя». Поход был отменен. Внезапная болезнь сразила Мстислава Храброго. По словам летописи, он похудел и у него стал отниматься язык. «Дѣтя свое» Владимира он завещал Борису Захарьичу — смоленскому воеводе, а волость свою — братьям Рюрику и Давыду «на руцѣ». 14 июня 1180 г. он скончался. Обширный некролог его, помещенный в Ипатьевской летописи, свидетельствует о его близости к составителю этой части свода [112]. В августе 1180 г. в Новгород был введен старший сын Святослава Всеволодовича — Владимир. В Смоленске вокняжил Давыд.

Смоленская земля в 80—90-х годах XII в. (Давыд Ростиславич). Введение в Новгород Владимира усилило позиции Святослава Всеволодовича, так как это нейтрализовало северную столицу. Оставались главные враги — Ростиславичи и далекий — Всеволод Большое Гнездо в Ростово-Суздальской земле. Политические краски сгущались: Святослав Всеволодович отправил на помощь рязанским князьям, воюющим со Всеволодом, сына Глеба, а тот вскоре попал в плен и был окован суздальским князем. «Слышавъ же Святославъ, располъся гневомъ и раждься яростью и размысли во умѣ своемь, река, яко мьстилъся быхъ Всеволоду, но не лзѣ — Ростиславичи! А тѣ ми во всемъ пакостять в Рускои землѣ» [113].

Нарастал конфликт, и случай не замедлил представиться: «Ходяшеть Давыд Ростиславич по Днѣпру в людьехъ, ловы дѣя, а Святославъ ходяшеть по Черниговьской стороне ловы дъе противу Давидови» [114]. Искушение было слишком велико, и Святослав, «переступя крестъ» и не

---

[110] ПСРЛ, т. II, стб. 607.
[111] ПСРЛ, т. II, стб. 608—609. См. также: *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 243.
[112] По Ипатьевской летописи, Мстислав умер 13 июня 1178 г. (ПСРЛ, т. II, с. 609), придерживаюсь даты Новгородской I летописи, так как ее датировки более точны.
[113] ПСРЛ, т. II, стб. 614.
[114] Там же.

посоветовавшись с «мужами своими лепшими», кинулся в погоню. Давыд едва успел сесть с княгиней в ладью и бросился наутек. Давыд, видимо, предполагал у Вышгорода засаду и скрылся, «переложавъ ночь подъ Вышегородомъ». Святослав кинулся вверх по реке, но — безуспешно!

Перемирие, таким образом, было нарушено, Святослав «обыяхвихомся Ростиславичемь». Оставаться в Киеве дольше было опасно. Бросив стол (немедленно занятый Рюриком), Святослав переехал в Чернигов для сбора огромной коалиции. Все земли пришли в движение. Рюрик укрепился помощью галичан и других, а Давыда послал в Смоленск в помощь к Роману. Но старшего Ростиславича уже не было в живых: на Сковъшине бороу Давыд узнал о его смерти и поспешил в Смоленск, где, похоронив брата в Успенском соборе, сел на Смоленский стол.

Началась грандиозная война Святослава Всеволодовича с Всеволодом Большое Гнездо, в которой (и это весьма знаменательно) союзная Всеволоду Смоленская земля была оставлена нетронутой в виде огромного неприступного острова, вокруг которого неистово бушевал океан. Лишь в самой последней фазе войны, как увидим, слегка были затронуты интересы смоленского князя на западе. Давыд там вынужден был уступить союзный ему полоцкий город (Друцк), но и только!

Собственно Смоленская земля затронута не была: Давыда поддерживал Рюрик.

Все началось к югу от Смоленщины, в Черниговской земле. Святослав разделил свои силы надвое. Обойдя Смоленскую землю с востока, он устремился к рязанским князьям, чтобы двинуться с ними на Суздаль, а в Чернигове оставил другую половину войска «блюсти Чернигове и всеѣ волости своеи» [115]. Невеселые вести привезли вскоре вернувшиеся из похода брат Святослава Всеволод, сын Святослава Олег и Ярополк. Битва с Всеволодом на р. Влене не оказалась успешной, Глеб Святославич остался у него в плену. Сам Святослав, сжегши на пути последний город врага — Дмитров, двинулся вдоль северных границ Смоленщины к сыну Владимиру в Новгород и возвращался теперь в Чернигов через Друцк и Рогачев, т. е. через область западных притязаний Смоленска. Путь через Друцк был наиболее уязвим: этот искони полоцкий город недавно оторвался от своего полоцкого сюзерена, его князь Глеб Рогволодович признал себя вассалом смоленского князя Давыда, и, проходя через Друцкое княжество, Святослав Всеволодович входил в непосредственный контакт со своим врагом Давыдом Смоленским. По сведениям летописи, коалиционный поход южнорусских князей к Друцку на встречу Святослава принадлежал исключительно инициативе Ярослава и Игоря. Однако не исключено, что он был оговорен и самим Святославом при расставании с князьями после неудачной битвы на р. Влене. Как бы то ни было, в Чернигове был разработан следующий план: Игорю и Ярославу идти навстречу Святославу к Друцку с тем, чтобы, объединившись с полоцкими князьями, оторвать от Смоленска этот город и тем ослабить Давыда. Поход подробно мною

[115] ПСРЛ, т. II, стб. 618.

анализирован [116]. Оговорю только, что вряд ли можно согласиться с новым толкованием цели этого похода как решительного удара по Ростиславичам, когда решались судьбы «киевской короны», что недавно предложил Б. А. Рыбаков [117]. Давыд, кинувшись было на защиту у Друцка, узнав о наступающих силах, ушел обратно в Смоленск, и его не преследовали. Друцк не был взят и отделался лишь пожаром острога [118]. По-видимому, поход преследовал иные и более конкретные цели: Святославу нужно было обеспечить беспрепятственный проход из Новгорода в Киев, возвращением Друцка, расположенного вблизи важных путей, ослаблялся Смоленск.

Дальнейшие события разыгрались своеобразно. Приближающемуся Святославу Рюрик, перейдя снова в Белгород, уступил Киев, однако организовал войско на разгром союзников Святослава — половцев. Уравняв таким образом силы, он устроил совет с «мужи», на котором был решен «дуумвират»: более старший Святослав получал Киев, Рюрик же «собъвзя всю Рускую землю». Последовало крестоцелованье, а вскоре и «сватьствомъ обуямшеся»: два сына Святослава женились: вернувшийся из суздальского плена Глеб взял в жены дочь Рюрика Ростиславича, второй сын женился на родственнице Всеволода. В политической истории Руси наступило некоторое равновесие.

Описываемое время характеризуется сближением новгородцев с коалицией противников Святослава Всеволодовича. В 1180—1181 гг., мы знаем, они ходили с ним после неудачной его битвы с Всеволодом на Влепе на Друцк. Следуя по пятам за Святославом, Всеволод с муромцами и рязанцами осадил Новый Торг и после пятинедельной осады новоторжцы сдались. Святослав был далеко, угроза вторжения в Новгород нависла над его жителями. В результате новгородцы «показаша путь Володимиру Святославицю» и согласились на «свояка» Всеволода (1181 г.). Однако через три года они умолили Всеволода взять «свояка», «послашася Смоленьску къ Давыдови» и получили его сына Мстислава (1184 г.) [119]. Победила, следовательно, снова новгородская партия сторонников смоленских Ростиславичей, во главе которой в то время стоял Завид Неревенич [120].

Наступил 1185 г. — год похода Игоря Святославича Новгород-Северского на половцев, воспетый в «Слове о пълку Игореве». Смоленское княжество в походе не участвовало, хотя смоленский князь Давыд там упоминается неоднократно. Как только весть о пленении Игоря дошла до Святослава, тот кликнул клич всем русским князьям с требованием спасать положение. Давыд получил грамоту, где Святослав предлагал: «поъди, брате, постерези землѣ рускоѣ», пришел с войском к Днепру и стал южнее Киева, в устье р. Стугны у Треполя [121]. Половцы тем временем

[116] *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля, с. 280—282.
[117] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве»..., с. 153, 154.
[118] ПСРЛ, т. II, стб. 620—621.
[119] НПЛ, с. 37.
[120] *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 108.
[121] Подробности соображений о том, каким путем шел Давид к Треполю и когда мог там оказаться, см. в книге: *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве»..., с. 270.

осадили Переяславль, ему необходима была помощь, и Святослав Всеволодович дал указание Давыду идти туда. Однако смоленский князь оказался бессилен: его войска взбунтовались — «смолянѣ же почаша вѣчѣ дѣяти, рекоуще: мы пошли до Киева, даже бы была рать, билися быхомъ, нам ли иноѣ рати искати, то не можемь оуже ся есмы изнемоглъ». Давыд снова подводил русские рати, как и в 1177 г., и в то время, как Святослав и Рюрик, перейдя Днепр, двинулись на половцев, он повернул свои силы к Смоленску [122].

Теперь Новгород выступал в тесном контакте со Смоленском. Зимой 1185 г. Давыд с новгородцами и смолянами двинулся на соседний Полоцк, однако по пути было достигнуто соглашение, и новгородцы «возвратишася на Еменци» (как мы доказывали — приграничный город Новгорода на пути в Смоленск), а смоляне, очевидно, на Касплю. Более подробно об этом рассказывается в Лаврентьевской, Воскресенской и других летописях под 1186 г.: на Полоцк, оказывается, шли не только Давыд из Смоленска и сын его Мстислав из Новгорода, но их еще поддерживали Василько Володаревич из Логожска и Всеслав из Друцка, и, посовещавшись, полочане встречали новгородскую и смоленские рати на рубежах [123].

Конец следующего 1186 г. ознаменовался в Новгородской и Смоленской землях какими-то крупными народными волнениями, о которых упоминают новгородские летописи. Уже в начале 1186 г. в Новгороде было неспокойно, и сторонник партии Ростиславичей Завид был вынужден эмигрировать в Смоленскую землю к Давыду. В конце этого года зимой бунт разыгрался с новой силой. Гаврила Неревинич и Иван Свеневич были убиты и сброшены с моста. «В то же врѣмя,— добавляет летописец,— въстань бысть Смоленске промежи князень Давыдомь и смоляны и много головъ паде луцьшихъ муж» [124]. Изгнание из Новгорода Завида и замена его посадником Михалкой Степановичем — противником проростиславичской партии — была симптоматичной. Ясно, что и в Новгороде, как и в Смоленске, были недовольны местным князем (Мстислав и слетел из Новгорода в следующем 1187 г.). Летописец не сообщает о причинах недовольства в обоих княжествах. «Причины распри князя с жителями Смоленска неизвестны,— пишет в специальном исследовании о русских народных восстаниях М. Н. Тихомиров,— неясно также жертвой чего пали многие «лучшие мужи»: было ли это результатом их борьбы с князем или, наоборот, «лучшие люди» поддерживали князя против восставших смолян» [125]. Если для М. Н. Тихомирова восстание это было очевидным, но не ясны его причины, то для другого исследователя той же темы, В. В. Мавродина, оно осталось вовсе незамеченным [126]. Вместе с тем то

[122] ПСРЛ, т. II, стб. 646—647.
[123] НПЛ, с. 37; ПСРЛ, 1927, т. I, вып. 2, стб. 403—404; ПСРЛ, 1856, т. VII, с. 100; ПСРЛ, 1949, т. XXV, с. 93, 94.
[124] НПЛ, с. 38.
[125] *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси IX—XIII вв. М., 1955, с. 220.
[126] *Мавродин В. В.* Народные восстания в древней Руси XI—XIII вв. М., 1961.

обстоятельство, что оно происходило одновременно как в Новгородской, так и в соседней Смоленской землях, по-видимому, не случайно. Дендрохронология Новгорода, Смоленска, смоленских городов Торопца и Мстиславля показывает, что 1186 г. был неурожайным [127]. Дело происходило в конце (мартовского) года, т. е. в феврале, когда запасы истощились. Голодная беднота Смоленска и Новгорода громила запасы бояр. Так выясняются неясные ранее причины народных волнений в этих двух городах. 80-е годы кончаются для Смоленской земли сравнительно мирно.

30 июня 1188 г. Всеволод отдает свою восьмилетнюю дочь Верхуславу за «Рюриковича Ростислава» [128], причем в Воскресенской летописи добавлено — «смоленского» [129].

Девяностые годы XII в. вносят много нового в политическую историю древнерусского государства. Как показал уже Б. А. Рыбаков, Святослав Всеволодович делает ряд «ложных» шагов и на первый план выдвигается Рюрик Ростиславич [130].

В 1190 г. Рюрик уехал в свой Овруч «своих дѣля орудѣи» и для охраны от половцев оставил на юге своего сына. Зная, что опасность велика, он призвал к тому же Святослава Всеволодовича. Тот собирался тоже послать сына, но не сделал этого, «зане бяшеть ему тяжа с Рюрикомъ, с Давыдомъ и Смоленскою землею». Причина ссоры этой не ясна. П. В. Голубовский предполагает, что спор шел «из-за пограничных волостей по берегам р. Ипуть и верхней Десны. Спор, очевидно, старый, явившийся результатом еще доисторической колонизации» [131]. Последнее заключение маловероятно, так как о таком длительном споре никаких сведений нет, но весьма возможно, что предметом его были действительно пограничные земли. Рюрик напомнил Святославу, что он целовал крест «на Романовъ ряду» и потому сел в свое время в Киеве, если же вспомнить давние дела «давныя тяжа», которые были при Ростиславе, «то соступил еси ряду» [132]. Рюрик возвращал Святославу его крестные грамоты 1176 г., когда был решен дуумвират, но это означало открытую войну с Ростиславичами, и грамоты были возвращены Рюрику.

В 1193 г. Смоленск принимал молодого Ростислава Рюриковича, который только что блестяще победил половцев и с богатыми «саигаты» (военными трофеями) объезжал своих родных: был он в Овруче у отца, от Давыда его путь лежал к тестю Всеволоду III, куда тот его пригласил из Смоленска. В Суздале Ростислав со своей тринадцатилетней женой Верхуславой прожил всю зиму и был богато одарен [133].

[127] *Колчин Б. А.* Дендрохронология Новгорода.— МИА, 1963, № 117, с. 282, рис. 3; *Колчин Б. А.* Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы.— В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972, с. 103, рис. 7; с. 107, рис. 8.
[128] ПСРЛ, т. II, стб. 658.
[129] ПСРЛ, т. VII, с. 101.
[130] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве»..., с. 286.
[131] *Голубовский П. В.* История..., с. 283.
[132] ПСРЛ, т. II, стб. 670.
[133] ПСРЛ, т. II, стб. 678—679.

В понедельник 25 июля 1194 г. умер главный враг Ростиславичей — Святослав Всеволодович. Дуумвират «по Романову ряду» кончился, Рюрик Ростиславич торжественно въехал в Киев в качестве единодержавного правителя. Предстояло грандиозное перераспределение волостей, нужно было прежде всего «урядившись» с «киянами», внести ясность во взаимоотношения внутри самих Ростиславичей.

В начале (мартовского) 1195 г. в Смоленске было получено письмо Рюрика, адресованное Давыду, которым начинается «одна из самых обширных статей Ипатьевской летописи»[134]: «Се брате вѣ осталася старѣиши всѣхъ в Роуськои землѣ. А поѣди ко мнѣ Кыевоу, что будеть на Роускои землѣ доумы и о братьи своеи о Володимерѣ племени и то все оукончаевѣ»[135].

17 мая 1195 г. Давыд Ростиславич въехал в Вышгород. Торжество Рюриковичей не имело границ. Семь грандиозных обедов с богатейшими взаимными подарками следовали один за другим. Из их описания следует, что Вышгород по-прежнему принадлежал Давыду Смоленскому, Ростислав же Рюрикович получил некогда отцовский Белгород. Помимо родственников, специальные обеды были у Давыда с монахами киевских монастырей, со знатнейшими киевлянами, черными клобуками (которые «попишася у него вси»[136]). Видимо, эти дипломатические буйные трапезы были необходимы для прочного мира с местным монашеством, боярством, союзниками и для Давыда Смоленского.

Однако вскоре торжество было омрачено новыми тяжбами «о волостях». Всеволод III считал себя обойденным в Русской земле, требовал волостей, данных Роману Мстиславичу и т. д.

Дело пошло и дальше. Последние, с кем предстояло «установить ряд», были, как всегда, непокорные Ольговичи. Осенью 1195 г. Рюрик, Всеволод III и Давыд предложили Ольговичам «не искати отчины нашея Кыева и Смоленьска под нами и под нашими дѣтьми (..) како нас роздѣлилъ дѣдъ наш Ярослав (Мудрый.— *Л. А.*) по Дънѣпръ..»[137]. Ольговичи гарантировали это только при жизни отцов. Разгневанный Всеволод двинулся было на Ольговичей во главе с игуменом Дионисием. Ольговичи соглашались на все, и Всеволод «има имъ вѣры и ссѣде с коня». Дальше по инициативе Ольговичей произошло перемирие с Рюриком, в результате которого этот князь распустил свою дружину, отпустил половцев «и сам ѣха во Вроучии соихъ дѣля ороудѣи».

Во вторник 5 марта 1196 г. (летописец пользовался мартовским летосчислением) крупное землетрясение в Киеве было воспринято как предзнаменование великих бедствий. На этой же первой (Федоровой) неделе «Великого говения» (поста) Ольговичи нарушили крестное целование с Рюриком и двинулись в Смоленскую землю для завоевания Витебска (хотя он им был обещан, и следовало ждать переговоров послов между Всево-

[134] *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания, с. 207.
[135] ПСРЛ, т. II, стб. 681.
[136] ПСРЛ, т. II, стб. 682.
[137] ПСРЛ, т. II, стб. 688.

лодом III и Давыдом Смоленским), где сидел зять Давыда. Во главе Ольговичей был Олег Святославич с войском, на стороне которого находились и полочане. Путь к Витебску сопровождался разграблением Смоленской земли, и, узнав об этом, Давыд послал против Ольговичей племянника Мстислава Романовича Ростислава Владимировича (сына Владимира Мстиславича) «с полкомъ своимъ» и «смолнянъ» под предводительством рязанского княжича Глеба.

Во вторник второй недели поста, т. е. 12 марта, утром было новое землетрясение. Однако «знамение» не остановило воюющих, и в тот же день бой начался. Ольговичи «отоптавшеся во снѣгоу — бѣ бо снѣгъ великъ», и дружина Мстислава увидала их близ леса. Смоленское войско разделилось: Мстислав бросился на Олега, а тысяцкий Михалко должен был со смолянами ринуться на «полоцкий полк». Мстислав «потопташа» стяги Олговы и сына его Давыда «ископша». Однако смолянам так не повезло: не доехав до Полоцкого полка, они бросились назад. Полочане не стали их догонять, но кинулись на помощь Олегу и ударили в тыл Мстислава. Тыловые части этого князя, таким образом, были взяты в плен, а Мстислав с дружиной, возвратившийся из далекой погони за спасавшимся Олегом, ничего не подозревая, въехал в полоненное свое тыловое войско и был взят полочанами в плен. Ростислав же Владимирович, дружина Давыда Смоленского и рязанский княжич Глеб (зять, как здесь указано, Давыда Смоленского), также возвращаясь из погони за Олегом, уже поняли ситуацию и бросились напрямик (со всеми оставшимися в Смоленск «ко Давыдови»). Бой был кончен поражением смолян.

Дальнейшие сообщения летописи продолжают поражать подробностями. Возвратившийся после бегства Олег был приятно поражен случившимся, «испроси оу Бориса оу Друютьского князя, Мстислава Романовича» (известно даже, кто охранял его до возвращения Олега!). Приводится грамота Олега к черниговскому Ярославу, который срочно вызывался со своей братией для похода на Смоленск «сякого ны веремени не боудеть пакы!». Ольговичи не замедлили явиться громить Смоленскую землю, и ее судьба висела на волоске. Спасти брата мог только Рюрик Ростиславич, и все зависело от быстроты информации его Давыдом...

Как Deus ex machine вмешался киевский князь в совершавшееся в его родной земле: крестные грамоты с Ярославом возвращались этому князю, и здесь же, в пути (где его догнали послы Рюрика), он прочел сопровождавшую их гневную грамоту киевского сюзерена:

«Ажь (если еси поѣхалъ брата моего оубить и обрадовался еси сему, то оуже состугилъся еси рядоу и (с) крестного целования. А се ти крѣстныя грамоты, а ты поиди ко Смоленьскоу, а язъ к Черниговоу, да како насъ Богъ рассоудить и крестъ честныи!»

Грамота была написана в мрачных и грозных тонах. Рюрик явно понимал, что Смоленск не уступит и падет под ударами Ольговичей. Мы не знаем, долго ли совещались Ольговичи и были ли в их среде колебания. Кажется, что таковых быть не могло, так как, двигаясь на Смоленск, они могли рассчитывать лишь на быстроту натиска и на неосведомленность об

этом киевского князя. (Возможно, что пути к нему были заняты для перехвата послов, как это сделали однажды полочане, чтобы не пропустить послов из Новгорода в Киев с жалобой.)[138] Падение Смоленска было предотвращено. Коалиция Ольговичей и полочан отступила. Уже из Чернигова Ярослав послал своего посла к Рюрику «оправливаяся во крестное целованье, а Давыда винить про Витебскъ, аже помогаеть зяти своему».

Рассмотрение событий статьи 1195 г. (мы видели, что она захватывала и 1196 г.) приводит к следующим наблюдениям. К середине 90-х годов XII в. на Руси концентрируются четыре основные политические группировки — Рюрик (Киев), Давыд (Смоленск), Всеволод Большое Гнездо (Суздаль), Ольговичи и Давыдовичи (Чернигов — Новгород-Северский и др.). Рюрик — брат Давыда — и сам происходит из Смоленской земли, и союз с братом его очевиден. Со Всеволодом III он находится в отношении сватов. Из конечной части статьи, где рассказывается о переговорах Ярослава с Рюриком, к которому первый жаждет войти в прежнее крестоцелование, выясняется, что в Витебске, старом уделе Давыда (еще с 60-х годов), этот князь посадил своего зятя и ему «помогаеть». Рюрик Киевский, узнаем мы, подобно своему отцу, тогда киевскому князю Ростиславу (1165 г.), распоряжается в домениальных землях не только своих (в Овруче), но и в Смоленске. Он договаривается с Ярославом о передаче Витебска Ольговичем и обусловливает лишь их невмешательство до окончания переговоров об этом с Давыдом Смоленским. Ценою Витебска (до некоторой степени инородного тела в Смоленской земле — он ранее принадлежал Полоцку), видимо, покупалось замирение Ольговичей, к чему усиленно стремился, судя по летописи, Рюрик и хотели Ольговичи («Рюрикъ (..) посла посолъ ко Ярославоу, хотя и свести в любовь со Всеволодомъ и с Давыдомъ и води и кресту, како емоу не востати на рать до рядоу и самъ челова на том же». Ярослав же, по-видимому, решил пойти на авантюру: Рюрика в Киеве не было, и он предполагал успеть не только захватить Витебск, но и всю Смоленскую землю, что, мы видели, не удалось. Смоленская земля — спокойный центр русских земель — теперь не только перестала быть островом, вокруг которого бушевал океан, его не задевая, но и сама чуть-чуть не оказалась, подобно легендарной Атлантиде, на его дне. Основную вину Рюрик видел не только в том, что Ярослав не дождался конца его переговоров с братом, но в том, что «сыновци (... его), идуче, воеваша Смоленьскую волость». Попытки примирения «Володимерова племени» (Всеволода, Рюрика, Давыда) с Ольговичами не осуществлялась. Вскоре в Смоленской земле произошли большие изменения, связанные с переменами в правлении в стране.

23 апреля 1197 г., в день великомученика Георгия, в Смоленске скончался Давыд Ростиславич. Огромный некрологический текст, следующий после этого сообщения, обычно не подвергается анализу, вместе с тем он очень интересен текстологически. Последовательность сведений здесь следующая:

[138] НПЛ, с. 32, 220 (1167 г.). Также поступили и Ольговичи в 1196 г. (ПСРЛ, т. II, стб. 696).

1. Сообщение о дате смерти Давыда, о том, что он принял монашеский чин по своему желанию (о чем будет сказано ниже).

2. Описание грандиозных похорон князя при участии епископа Семиона и сыновца Давыда Мстислава Романовича. Тело было погребено в церкви Бориса и Глеба, построенной его отцом Ростиславом.

3. Некролог Давыда. Он был «образом леп», украшен всеми добродетелями, заботился о монастырях и игуменах, мирских церквях, был «крепок на рати», был нестяжателем и все отдавал дружине, злого карал, как подобает «царем творити». Ежедневно ходил в церковь Архангела Михаила, которую сам создал и великолепно украсил (перечислено чем).

4. Отдельная фраза: «мы же на предлежащее возвратимся».

5. Описание молитв Давыда перед смертью. Его просьба к Богу принять монашеский чин. Княгиня, глядя на мужа, также постриглась.

6. Лаконичное сообщение: «Давыдъ же столъ свои далъ сыновцу своеоу Мьстиславоу Романовичю, а сына своего Костянтина — в Роусь посла братоу своемоу Рюрикови на роуцѣ».

7. Описание похорон и последнего дня Давыда. Его несли в монастырь на Смядыни в церковь Бориса и Глеба, и «вшедъ в монастырь, воздевъ роуцѣ свои на небо моляшеся, глаголя...» (текст молитвы Давыда). «Приложися ко отцомъ своимъ и дѣдомъ своимъ» отдал общий долг, которого никому не избежать. Ему было 57 лет.

Внимательное рассмотрение отрывка приводит к предположению о нескольких частях, из которых он составлен, и они плохо пригнаны друг к другу. Таких кусков мы видим всего три, и каждый из них отделен от другого отдельной фразой. Первый, по-видимому, охватывает сообщение о смерти Давыда, описание его похорон и пространный некролог (§ 1—3). Далее летописец собирается «на предлежащее возвратиться». Так как перечисленные три параграфа описывают как похороны (и погребение) князя, так и некролог, то можно ждать, что дальше пойдет уже историческое сообшение, например о том, кто сел на смоленском столе, или о постройке церкви в Белгороде (текст, следующий за всем, относящимся к смерти смоленского князя), но этого нет. Летописец без всякого предварения возвращается снова к тому, что было до погребения: к молитве Давыда, которую подробно излагает, и потом присовокупляет, что, глядя на мужа, и княгиня решила постричься в монахини (§ 5). Нам представляется, что фраза «на предлежащее возвратиться» относится явно не сюда, так как князя уже погребли и заключили все некрологом.

Второй кусок отделяется, по нашему мнению, от следующего новым сухим летописным текстом: «Давыдъ же столь свои далъ» (§ 6), после которого идет вторичное описание похорон Давыда. Он все еще не умер, его несут «больна суща» в монастырь Бориса и Глеба и он, воздев руки к небу, опять произносит молитву, которая приводится «слово в слово»! И уже в конце он, приложившись к «отцомь своимъ», умирает. Последняя фраза выдает автора с головой; в Смядынском монастыре был погребен только строитель его — Ростислав Мстиславич — отец Давыда. Упоминание же дедов показывает, что автор летописи или переписчик пользовались

здесь ходячей формулой, забыв о конкретном содержании... Здесь и причина плохих «швов» текста. Решив вставить в переписываемый текст новые куски, переписчик летописи в начальном, древнем, ее тексте (§ 1—3) вставил предварение: «примъ мнискыи чинъ, его же желаше, его же и послѣди скажемь» [139], но сделал это крайне неумело, может быть, даже не разобрав, что страница его ветхого текста положена не той стороной вверх. Мы сознаем всю гипотетичность нашего предположения, но несомненным нам кажется одно: текст о смерти князя Давыда состоит из нескольких плохо пригнанных кусков об одном и том же. Древнейший же текст представляет тот, который выделен нами под параграфами 1—3.

Подводя итоги деятельности Давыда, П. В. Голубовский вполне справедливо отмечает, что положение страны, в котором оставил Давыд Ростиславич Смоленскую землю, было хуже, чем в конце княжения Романа. Новгород был потерян. Поражение, нанесенное в Полоцкой земле, должно было повлечь за собой полное падение в ней смоленского политического влияния [140]. Давыд, как известно, часто был во вражде со смоленским вечем, о чем глухо сообщает новгородская летопись; в Новгороде существовала в то время еще смоленская партия, один из главарей которой при крушении своих планов вынужден был в 1186 г. бежать в Смоленск (посадник Завид), чем кончилось владычество в Новгороде Смоленска (еще в 1184 г. смоленский князь посылал туда князем Мстислава) [141]. В конце XII в. в Новгороде опять возобновилась антикняжеская борьба новгородского боярства [142].

Смоленская земля на рубеже XII и XIII вв. и в начале XIII в. Мы видели, что Мстислав Романович — сын старшего Рюрика — сел в Смоленске, по завещанию Давыда Ростиславича, обошедшего тем самым своего сына Константина (бывшего, возможно, еще весьма молодым) и также Мстислава — пятилетнего юнца (род. в 1193 г.). Старшие сыновья смоленского князя умерли (Мстислав — в 1187 г., очевидно, и Изяслав, упомянутый лишь однажды — в 1183 г. [143]). Старшие братья, например Рюрик, на Смоленское княжение не претендовали, так как был уже князем киевским. Не претендовали на него и сыновья Рюрика, так как могли, видимо, получить более важные столы. О Мстиславе Романовиче мы знаем довольно много. Впервые он упоминается под 1177 г., когда отец его посылает на половцев. В следующем году он уже псковский князь. Участвует в двух походах русских князей против половцев (1183 и 1185 гг.) [144]. В 1196 г. выдает свою дочь замуж за сына Всеволода III — Константина, и в 1196 г., после пленения его Ярославом (Ольговичем) Всеволод выручает его из плена как своего «свата». Ясно, что в последние годы жизни Давыда он становится его правой рукой. Став смоленским князем, он передает псковское княжение своему сыну Всеволоду, а его двоюродного брата Мстис-

[139] ПСРЛ, т. II, стб. 702.
[140] *Голубовский П. В.* История Смоленской земли, с. 289.
[141] НПЛ, с. 38, 228.
[142] НПЛ, с. 37, 228.
[143] *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 106 и сл.
[144] ПСРЛ, т. II, стб. 631.

лава Мстиславича («Торопечьского») «новгородци приведоша к себе» (1208 г.) [145]. По Новгородской 1 летописи, это произошло в 1230 г. Мстислав Мстиславич был сыном торопецкого князя Мстислава Ростиславича и, по-видимому, искал более крупных столов. Во всяком случае, в 1214 г. в Торопце сидит его брат Давыд. Торопец был для новгородского князя ближайшим «своим» городом, куда он мог прийти в любое время со своим войском, например, по дороге на Луки (1211 г.). В Торопец он отправил в том же году опального епископа Митрофана, «так и не даша ему правитися» (оправдаться) [146]. Не порывает с торопецким братом Давыдом новгородский Мстислав и в 1214 г., когда они вместе идут на далекую чудь [147]. Ни слова о смоленском Мстиславе Романовиче не упоминается. Видимо, во второй половине XII в. Торопецкое княжество выделилось из Смоленского в самостоятельный и самый крупный удел. Если распад Полоцкой земли на отдельные уделы произошел в начале XII в., после смерти Всеслава Полоцкого (1101 г.) [148], то в Смоленской земле это произошло лишь после смерти Ростислава Смоленского, т. е. после 1167 г. (в период правления Ростислава в Киеве (1160—1167 гг.) такое выделение отдельных земель вряд ли было возможным).

Крупные события произошли в Смоленской земле в 1214 г. В Южной Руси были изгнаны Мономаховичи Ольговичами. Возмущенный Мстислав Мстиславич новгородский, заручившись клятвами в верности новгородцев на специально созванном вече, двинулся к Киеву. У Смоленска он, видимо, должен был соединиться с Мстиславом Романовичем, но вышло осложнение: у Смоленска «бысть распря новгородьцемъ съ смолняны и убиша новгородци смолнянина, а по князя не поидоша». Новгородцы не хотели идти далее, но помогли лишь уговоры посадника Твердислава Михалковича, они догнали своего князя и подвергли разграблению черниговские города — Речицу и др. Мстислав Романович был объявлен великим киевским князем, расставшись со Смоленском навсегда. От новгородского стола отказался и Мстислав Удалой (Мстислав Мстиславич), ему, видимо, было обещано киевским князем нечто более выгодное (1215 г.). Однако в следующем году он уже снова въехал в качестве князя в голодающий Новгород. В начавшейся борьбе с Ярославом Всеволодовичем, находившимся в Торжке, упоминается северная часть Смоленской земли и в очень интересном контексте:

«Мѣсяце марта в 1 день, въ въторник по чистѣи недѣли, поиде князь Мьстиславъ на зять свои Ярослава с новгородци, а в четвьрток побѣгоша къ Ярославу (изменники.— *Л. А.*) (..) Мьстиславъ же поиде Серегеремъ, и въниде *въ свою волость*, и рече новгородьцем: «идете въ зажития, толико головъ не емлете». Идоша, исполнишася кърма, и сами и кони, и быша върху Вълзѣ» [149].

---

[145] ПСРЛ. СПб., 1856, т. VII, с. 116.
[146] НПЛ, с. 51.
[147] НПЛ, с. 53.
[148] НПЛ, с. 52, 53.
[149] НПЛ, с. 55.

Мстислав прекрасно понимал, что, прежде чем начать войну со своим врагом Ярославом Всеволодовичем, сидевшим тогда в Торжке, необходимо накормить и обогатить запасами изголодавшихся новгородских воинов. Что означает термин «своя волость?» За Селигером начиналась Смоленская земля, ее северная часть — Торопецкое княжество, которым, мы знаем, владел уже его отец. Не приходится сомневаться, что фразы «своя волость» и «голов не емлете» относились к жителям Торопецкой земли, которая действительно находилась в верховьях Волги. Дальнейший путь был на север в погоню за Святославом Всеволодовичем (который только что напал на «Ръжевку — городець Мстиславль» — и которого только что отбил оттуда посадник Яруп. Таким образом, Торопецкая волость была волостью Мстислава Удалого даже тогда, когда он был новгородским князем! Снова, следовательно, подтверждается наше наблюдение о связи смоленских князей с их исконными землями, несмотря на княжение в других княжествах. Яркий пример этому мы видели в распоряжении в 1165 г. своим смоленским доменом киевским князем Ростиславом. Двигаясь по Волге, Мстислав взял соседний со Ржевкой суздальский город Зубцов. В походе Мстиславу помогал его родной брат псковский князь Владимир Мстиславич. К Зубцову же подошли Владимир Рюрикович и Всеволод Мстиславич (сын Мстислава Романовича) со смолянами. Коалиция смоленских и других князей двигалась по территории Ростово-Суздальской земли все дальше. Готовилась грандиозная битва, которая и произошла неподалеку от Юрьева Польского, на р. Липиц. Не желая кровопролития, смоляне и новгородцы первоначально вступили в переговоры. Юрию Всеволодовичу (сын Всеволода III, брат Ярослава) был послан посол сотский Ларион с грамотой: «кланяемъ ти ся; пъту ны съ тобою обиды, съ Ярославомъ ны обида пусти мужи мои новгородьци и новотържци и что еси зашълъ волости нашеи новгородьскои Волокъ, въспяти; миръ с нами възъми, а крестъ к нам цѣлуи; в кърви не проливаиме».

Ответ был категоричен: «мира не хочемъ, мужи у мене; а далече есте шли, и вышли есте, акы рыбы на сухо» [150].

Новгородцы решились биться пешими, без сапог «и порты съметавъше». «Мьстиславъ поеха за ними на конихъ». Блестящая победа была, как известно, на стороне смолян и новгородцев, «не можеть умъ человъческъ домыслити избьеныхъ, а повязаныхъ: Ярослав въбегъ въ Переяславль». Одолев во Владимире Юрия Всеволодовича, новгородцы посадили там Константина. В дальнейших событиях новгородцев смоляне не участвовали.

В 1218 г. Мстислав Удалой созвал в Новгороде вече, на котором объявил, что оставляет новгородский стол и хочет «поискати Галиця (а вас не забуду)». Просьбы новгородцев «не ходи, княже!» не подействовали и «поиде Мстислав въ Русь». «Новгородци же послашася Смольньску по Святослава по Ростиславиця и приде в Новгородъ мъсяца августа в день 1». [151]

[150] НПЛ, с. 56.
[151] НПЛ, с. 58.

Битва на р. Липице и победа Ростиславичей имели огромное значение для Смоленского княжества. Авторитет ростово-суздальских князей, потерявших еще в 1212 г. своего главного вождя Всеволода III, теперь окончательно упал. Не случайно по уходе Мстислава Удалого новгородцы обращаются именно в Смоленск в поисках князя. Если раньше бывали случаи, когда смоленский князь заискивал перед суздальцами, посылал к Всеволоду III смоленского епископа для переговоров о мире (1205 г.) [152], то теперь это уже давно позади.

Кто же стал смоленским князем после ухода оттуда Мстислава Романовича в 1214 г.? Мы видели, что Мстислав Мстиславович в 1215 г. снова вошел в Новгород, куда его пригласили новгородцы. Князь шел через Смоленск с помощью Владимира Рюриковича из Переяславля и Всеволода Мстиславича, которого послал отец Мстислав Романович. Мстислав Удалой пошел в Новгород один, оставив этих двух князей в Смоленске [153]. Позднее они принимали участие в походе, присоединившись к Мстиславу у Зубцова, бились на р. Липиц в 1216 г. П. В. Голубовский полагал, что «с удалением Мстислава Романовича из Смоленска старшим среди смоленских князей являлся Владимир Рюрикович, который, как видно, возвратился скоро назад, вероятно, вместе со смоленскими ополчениями, так как в 1216 г. мы видим его уже князем смоленским» [154]. Возможно, это и верно, так как после Липецкой битвы, когда союзники подступали к Владимиру, именно он удерживал смолян от разграбления этого города. Однако смоленское княжение Владимира Рюрика, видимо, особенно не прельщает: в 1219 г. он уже бросает смоленский стол и помогает Мстиславу Удалому скорее получить Галич. Смоленск переходит теперь сыну Давыда Ростиславича Мстиславу.

Смоленская земля в 20—30-х годах XIII в. Правление нового князя в Смоленске знаменуется постоянно повторяющимися походами Литвы на Полоцкую землю и на Смоленские города. В 1216 г. в Полоцке умер полоцкий князь Владимир [155]. Начались, видимо, бесконечные распри полоцких князей за полоцкий стол, что необычайно ослабляло страну и делало ее беспомощной. Смоленску, также отбивающему Литву, нужен был сильный союзник. Этим и объясняется, что в 1222 г. 17 января «смолняне взялѣ Полтескъ» [156]. Прав, по-видимому, П. В. Голубовский, который считает, что в Полоцке именно тогда был посажен сын Мстислава Романовича Святослав Мстиславич, о котором далее сообщений долго нет, и только под 1232 г. появляется свидетельство, что «взя Святослав Мстиславич, внук Романов, Смоленскъ на щитъ с полочаны на Бориш день» [157]. Все 20-е годы смолняны жили с полоцким князем, по-видимому, дружно. В 1229 г. смоленским князем Мстиславом Давыдовичем был заключен

---

[152] ПСРЛ, т. VII, с. 112.
[153] ПСРЛ, т. VII, с. 119, 120.
[154] *Голубовский П. В.* История..., с. 292.
[155] *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии, с. 179.
[156] НПЛ, с. 263 (в Новгородской Первой старшего извода этого нет).
[157] НПЛ, с. 72, 281.

договор с Ригой и Готским берегом, по которому разрешался свободный проезд по Западной Двине от Риги до Смоленска, очевидно, смоленский князь относился к полоцкому как к меньшему брату. К тому же Полоцк был намного ближе к Риге, их соединяла общая река, не было волоков, и такие строгие договоры, как со Смоленском, первое время Полоцку были и не так нужны. Примерно такой же ход мысли находим мы у П. В. Голубовского [158].

В 1230 г. умер смоленский князь Мстислав Давыдович. Что было в Смоленской земле после этого в течение двух лет, мы не знаем. Вероятно, смоленские князья, если они были, соперничали за смоленский стол, входили с вечем в столкновение. Вече явно не хотело полоцкого князя Святослава Мстиславича, иначе он не расправился бы со Смоленском так жестоко в 1232 г. В. А. Кучкин, мы видели, вполне убедительно связал эти события с «грамотой неизвестного князя», где есть глухое указание на происходившее столкновение купцов (в том числе немецких) с княжеской администрацией и т. д. Видимо, прав исследователь и относительно противопоставления в договоре «своим» мужам дружины Святослава Мстиславича. Этот князь вряд ли был желаем смолянами, но все же продержался он 6 лет. В 1239 г. в Смоленск прибыл Ярослав Всеволодович, шедший на Литву. Текст летописи не вполне ясен: «Ярославъ иде Смоленьску на литву и литву побъди и князя ихъ ялъ, а смоляны оурядивъ, князя Всеволода посади на столѣ, а сам со множеством полона с честью отиде в свояси» [159]. П. В. Голубовский понимал этот текст в том смысле, что Литва захватила уже и Смоленск, и там был ее князь, смещенный киевским Ярославом [160]. Такое предположение вероятно, но вызывает удивление, что о взятии Литвою такого крупного княжеского центра, как Смоленск, в летописях ничего нет. Может быть, Ярослав избрал своей базой Смоленск и уже оттуда двинулся на Литву? В Смоленске же были недовольны, как мы говорили, Святославом, и его Ярослав заменил другим князем? Но здесь возникает новый вопрос: где же находился согнанный Ярославом литовский князь? Все это в сильной степени неясно, и, пожалуй, вернее придерживаться предположения П. В. Голубовского, хотя и в этом уверенности нет.

Дальнейшие тексты летописи пестрят сообщениями о нападении Литвы на русские земли, причем идет она на Новгород обычно через Торопец. В 1234 г. отряды Литвы дошли до Руссы и новгородцы догнали их только «въ Торопечьскои волости», на Дубровне; в 1245 г. Литва воевала за Торжок и Бежецкий Верх. Тверичи и дмитровцы догнали их только у Торопца, и их княжичи «въбѣгоша в Торопечь». На следующее утро подоспел Александр Невский и «княжиць исъче или более 8»; у этого же города настиг литовские отряды только что напавший на «волось новгородьскую» князь Василий с новгородцами (1253 г.) [161]. Литва, следова-

[158] *Голубовский П. В.* История..., с. 198 и сл.
[159] ПСРЛ, 1929, т. I, вып. 2, стб. 469.
[160] *Голубовский П. В.* История..., с. 302.
[161] Соответственно: НПЛ, с. 73, 79, 80.

тельно, беспрепятственно хозяйничает в Смоленской земле, и в частности в ее северной части — Торопецкой волости, которая даже прикрывает ее князей в Торопце. Как мы видели, Смоленскую землю длительно охраняло то, что ее князья, имея в ней свои личные домениальные владения, получали княжения в разных частях Руси. В XIII в. процесс феодального дробления и процесс антагонизма среди сильно разветвившейся семьи Ростиславичей достигли своего апогея. Как указал уже П. В. Голубовский, теперь в Смоленске происходили распри между двумя их линиями — Романовичей (потомков Романа Ростиславича) и Давыдовичей (потомков Давыда Ростиславича). Русские земли были под угрозой татаро-монголов с востока, литвы и немцев с запада. В этих условиях вопрос о смоленских домениальных владениях Ростиславичей приобретал вполне ощутимую остроту. Торопецкое княжество предъявляло самостоятельность ранее всего: там была, мы видели, особая линия потомков Мстислава Ростиславича. Княжество это, возможно, было даже ближе временами к своим северным соседям — Новгороду и Суздалю (события, связанные с Александром Невским, и т. д.). Борьба Ростиславичей шла, видимо, из-за остальных территорий. Смоленское княжество клонилось к упадку.

Вопрос о татаро-монгольском нашествии и нападении на Смоленск. Летописи Смоленской земли до нас не дошли, и мы так и не знаем, что происходило в Смоленске в страшные годы татаро-монгольского нашествия (1138—1140 гг.). Разорив Рязанские земли, Москву, Переяславль, Юрьев, Дмитров, Волоколамск, Тверь и Торжок, они двинулись на Селигерский путь и, «секуще люди, акы траву», дошли до Игнача креста. Только сто верст отделяло их от богатейшего русского города — северной столицы — Новгорода. Однако их дальнейшее продвижение на северо-восток приостановилось, и новгородский князь Александр свободно мог праздновать свою свадьбу с полоцкой Брячиславной (1238 г.) [162]. Двигаясь на юг, к Киеву, татаро-монголы обошли Смоленск, осадили «вятические» города Воротынск, Серенск, Козельск... Смоленск был в стороне.

Лишь в житии Меркурия Смоленского, которое многие авторы считают недостоверным, есть сведения, что татаро-монголы по возвращении из Венгрии в 1242 г.[163] двинули отряд на Смоленск. Но приступ был отбит, а ночной вылазкой они были разгромлены у Долгомостья. Лишь в 70-х годах XIII в. Смоленск начинает признавать тяжелую руку татаро-монгольских поработителей. Однако их власть здесь чувствовалась довольно слабо.

---

[162] НПЛ, с. 76—77.
[163] *Голубовский П. В.* История..., с. 304.

КУЛЬТУРА

АРХИТЕКТУРА

Из многочисленных памятников смоленского домонгольского зодчества до нас дошло всего три храма (смоленские церкви Петра и Павла, Иоанна Богослова и Архангела Михаила). Остальные были в руинах уже в XVII в. Памятники гибли из-за постоянных военных действий в близком к русской границе Смоленске, также, по-видимому, и из-за землетрясений (храм «На Протоке» [1]). Если данные И. Д. Белогорцева о 46 памятниках в Смоленске и не точны, то по новейшим исследованиям Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта в городе было не менее 26 домонгольских храмов и вне его пределов еще четыре [2]. Недавняя публикация этих работ позволяет остановиться на смоленском зодчестве весьма бегло.

Первый каменный храм (Успения Богородицы) был заложен в городе Мономахом при его вторичной поездке в Суздаль (1101) [3]. В 1611 г. он сильно пострадал, был восстановлен (1627) и, наконец, заменен современным собором (1674), полностью перекрывшим его остатки. Раскопки у стен последнего обнаружили 25% плинфы времени Мономаха и 75% времени Ростислава, что указывает не на достройку собора Мономаха, как полагают исследователи, а скорее на возведение рядом с мономаховым храмом архиерейских палат, упоминаемых в документах до возведения собора 1654 года (приведя их, Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт не обратили на это внимание).

Эпоха Ростислава (1125—1159) ознаменовалась в княжестве строительством не только укреплений, но и постройкой церквей. На Смядыни в урочище, где был убит князь Глеб (1015) в 1145 г., возвели большой храм Бориса и Глеба с княжескими усыпальницами, а в загородной резиденции князя за Днепром построили церковь Петра и Павла с мозаичными полами и фресками. Оба здания отражали киевские традиции архитек-

---

[1] *Воронин Н. Н.* Памятник смоленского искусства XII в.— КСИА, 1965, вып. 104, с. 32. Землетрясение в Смоленске зафиксировано, например, 14 октября 1801 г., причем «паче приметно было при берегах Днепра» (где и стоят древние церкви), см.: *Щекатов А.* Словарь географический Российского государства. М., 1807, т. V, стб. 1037). Землетрясение в этих местах отмечалось и в 1821 г. на Западной Двине. У Кокенгаузена 9—12 февраля «домы колебались столь приметным образом, что устрашенные жители поспешно оставляли оные» (Русский инвалид, 1821, № 52, с. 206).

[2] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л., 1979, с. 400 (книга только что вышла и использована нами частично).

[3] ПСРЛ. 1962, т. II, стб. 250; *Воронин Н. Н.* Зодчество северо-восточной Руси. М., 1962, т. 1, с. 28.

Рис. 29. Церковь Петра и Павла в Смоленске (фото автора). Реставрация П. Д. Барановского

Рис. 30. Церковь Василия на Смядыни («Малый храм», раскопки 1909 г.)

туры. Церковь Петра сообщалась с двухэтажным княжеским дворцом. Тогда же строился еще один храм за Рачевкой (на Вылуповой улице XIX века). Артель мастеров, работавшая на Смядыни, выстроила на детинце бесстолпную капеллу и, возможно, епископские палаты. Тогда же на краю детинца возвели и «терем» (определено по аналогии с теремом в Чернигове, но там он далеко от края детинца, скорее это остатки укреплений, как, опровергая З. Дурчевского, определил Н. Н. Воронин в Гродно [4]). Сын Ростислава Роман выстроил на своем дворе храм Иоанна Богослова, близкий к церкви Петра и Павла. Рядом во второй половине XII в. здесь же поставили немецкие купцы по западноевропейским образцам «латинскую божницу» — ротонду. Особый интерес представляет церковь св. Василия на Смядыни 70—80-х гг. XII в. (рис. 30). По типу храм близок к церквям Петра и Павла и Иоанна Богослова, хотя он без галерей. Новая черта — характер угловых пилястр. Двуобломные пилястры появились в Киеве (ц. Богородицы Пирогощей, 1131—1136 гг.). Как и ранее, конструктивным здесь был первый облом, второй же облом обеих смежных угловых пилястр составляет сплошной угол здания (Петропавловская и Иоан-

[4] *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно.— МИА, 1954, № 41, с. 136, 137.

нобогословская в Смоленске), но в Васильевской плоскость угловой пилястры соответствует толщине стен, а плоскость облома ее превышает, появилось угловое закрестье. К пучковым пилястрам смоленских храмов конца XII – начала XIII в. остается один шаг.

На конец XII – начало XIII вв. падает расцвет смоленского зодчества. Смоленские храмы приобретают теперь совершенно особые черты. «Динамичность развития, острота силуэта, башнеобразно поднятый на высоком пьедестале барабан, трехлопастное завершение фасадов» – вот что стало теперь характерным [5]. В этот период в самом Смоленске было выстроено самое большое количество памятников. «Единый круг архитектуры киевской традиции четко разделился на две самостоятельные школы: смоленскую и киевско-черниговскую» [6]. Смоленские мастера строят храмы в Киеве, Рязани, Новгороде, Пскове. В Смоленске работало не менее двух школ архитекторов, одна (доминирующая) базировалась на старых традициях, другая же несла новые веяния. Первая, как установил П. А. Раппопорт, вела традиции от пришедшей тогда в упадок полоцкой школы зодчих. В 80-х годах XII в. полоцкий архитектор выстроил на дворе смоленского князя Давыда Ростиславича знаменитый собор Михаила Архангела (1180–1197) и взял при этом за образец большой собор полоцкого Бельчицкого монастыря. Как и в Полоцке, здесь массы ступенчато нарастали вверх, к тому же ощущение вертикализма здесь поддерживалось пучковыми пилястрами сложного профиля (рис. 31). Смоляне были поражены: «такое же нѣсть в полоунощнои странѣ и всимъ приходящимъ к неи дивитися, изряднѣи красотѣ ея»,– писал летописец. Прославившаяся артель была приглашена строить собор на Кловке, храмы на Рачевке, у д. Чернушек, у устья Чуриловки и на Воскресенском холме. Вторая школа представлена всего тремя храмами (на Протоке, на Окопном кладбище и вблизи Б. Свирской улицы – Б. Краснофлотская, рис. 32–33). Стремление к вертикализму было и здесь, но стены из-за оригинальных плоских пилястр в нижней части выглядели более уплощенными. Эта школа была, несомненно, местная. Возможно, что первая артель была княжеской, а вторая епископской [7], однако, это еще требует доказательств.

ХРИСТИАНСТВО И ЦЕРКОВЬ

Крещение Смоленской земли в 990 г. [8] маловероятно. Правдоподобнее дата 1013 г. (неопубликованный источник) [9]. Не случайно в «Гнездовском» Смоленске найдены всего лишь два тельных крестика и один энколпион

[5] *Раппопорт П. А., Смирнова А. Т.* Архитектурные достопримечательности Смоленска. М., 1976, с. 8.
[6] *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв. В кн.: Древнерусское искусство. М., 1977, с. 20, 21.
[7] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска..., с. 396.
[8] *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908, т. II, кн. 1, с. 520.
[9] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956, с. 355.

Рис. 31. Церковь Архангела Михаила в Смоленске

X в.[10] Более всего предметов христианского культа в «Княжеском» Смоленске, и датируются они не ранее начала XII в.[11]

После выделения Смоленского княжества (1054 г.) оно входило, как и Ростово-Суздальское, в Переяславскую епархию[12], однако вскоре возникла необходимость в отдельной смоленской епископской кафедре.

---

[10] ОАК за 1907 г. СПб., 1910; *Асташова Н. И.* Энколпион из Гнездова.— СА, 1974, с. 3.

[11] *Алексеев Л. В.* Мелкое художественное литьё из некоторых западно-русских земель.— СА, 1974, № 3, с. 209 и прим. 41.

[12] *Poppe A.* Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968, s. 165 и сл.

Рис. 32. *Фреска из храма на Окопном кладбище*

Рис. 33. *Смоленск. Храм на Протоке. Фрески северо-восточного столба. Раскопки Н. Н. Воронина 1963 г.*

Переяславские владыки сопротивлялись, и Мстиславу Владимировичу этого сделать не удалось. Осуществил это лишь его сын Ростислав и только после смерти, как показал А. В. Поппэ[13], епископа Маркелла (1034 г.). Ростислав обеспечил новую кафедру из домена (два села, отдельная земля в Погоновичах, сенокосные, охотничьи и рыбные угодья), с княжеского двора (головы воска, огород с семьей его обрабатывающей) и десятину со своих «государственных» доходов — даней, что составляло 308,7 гривен серебра. Сумма эта не была большой: она равнялась $^3/_4$ годовой дани с Торопца (города и волости), вдвое больше стоимости креста Евфросинии Полоцкой (правда, там фигурируют деньги 1161 г.)[14]. Дарения Ростислава кафедре продолжались и далее, в 1150 г. она получила смоленский детинец со всем, что на нем было.

Запись «О погородьи» показывает, как выросла кафедра с 1136 по 1211 г. Она стала самостоятельно собирать доходы с крупнейших смоленских городов — 3970,5 кун. Города эти, главным образом княжеские, принимали смоленских епископов и платили за честь службы «почестье» — 371,5 кун. Всего же без десятины от даней и без сумм, причитающихся с самого Смоленска,— 4342 куны, т. е. около 187,2 гривен серебра. Это немного, основным доходом епископии была, видимо, десятина от даней.

Помимо сказанного о смоленской церкви, мы можем сказать, к сожалению, крайне мало. Первому епископу Смоленска греку Мануилу принадлежит Подтвердительная грамота к Уставу 1136 г.[15] Мануил был поставлен в марте — мае 1136 г. (ультрамартовское исчисление), и его отношения с Ростиславом были дружескими. В 1146 г. на киевский стол сел брат Ростислава Изяслав и начался известный конфликт с иерархами. Бурные перемены, происходившие в эти годы в Византии, потребовали отъезда туда киевского митрополита Михаила, и тот, возможно, недовольный клятвопреступлением Изяслава, на время отъезда наложил на служение в киевской Софии своего рода интердикт[16]. Взбешенный Изяслав самовольно посадил на митрополичий стол известного богословской ученостью инока Зарубского монастыря Климента Смолятича (27 июля 1147 г.). Протестовавшие новгородский, полоцкий и смоленский иерархи подверглись опале. При каждом возвращении и бегстве из Киева Изяслава Климент был вынужден оставлять Киев вместе с ним. «Бегал перед Климом» и его враг — наш смоленский владыка. Непонятно отношение к конфликту Ростислава Смоленского, который все же допускал эти бегства своего иерарха. В 1154 г. Изяслав умер. Севший на его место Ростислав не защищал Мануила, может быть, он, правда, чувствовал, что в этом городе он недолог, как думает А. В. Карташев. В 1155 г. Ростислава прогнал Юрий Долгорукий, снова возник Мануил, который вместе с полоцким Коз-

[13] *Поппэ А. В.* Учредительная грамота смоленской епископии.— АЕ — 1965. М., 1966; *Ляскоронский В.* История Переяславской земли. Киев, 1903, с. 402.

[14] *Алексеев Л. В.* Лазарь Богша, мастер-ювелир, XII в.— СА, 1957, № 3.

[15] ДКУ, с. 146; *Щапов Я. Н.* Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича.— АЕ— 1962. М., 1963, с. 42, 43.

[16] *Карташев А. В.* Очерки истории русской церкви. Париж, 1959, т. I, с. 171—174.

мой и новгородским Нифонтом торжественно встречали нового митрополита грека Константина, «испровергшего затем служебу Клима и ставление», т. е. «переосветил киевскую Софию малым чином» (А. В. Карташев). Любопытно, что Ростислав находился в переписке с Климентом, совещался по религиозным и другим вопросам с знатоками греческого языка Григорием и его учеником Фомой. Фоме было поручено написать Климу ответ. Дальнейшие сообщения о христианстве в Смоленске в летописи случайны и кратки. В 1172 г. в связи со смертью на «Волоцѣ» Святослава Ростиславича упоминается епископская смоленская церковь св. Богородицы[17]. В 1177 г. на Смядыни исцеляются ослепшие Ростиславичи[18]. В 1198 г. в Смоленске упоминается епископ Симеон, вероятно, тот самый, который был духовником умирающего Ростислава Смоленского[19]. В XII—XIII вв. в Смоленске было уже, очевидно, несколько монастырей. В Отрочем монастыре в 1206 г. игуменом был Михаил, который вместе с епископом ездили как посланцы князя Мстислава Романовича[20]. В 1211 г. возникли какие-то трения смоленской епископии с Торопцом, где служил, как мы видели, изгнанный из Новгорода новгородский владыка.

Авраамий Смоленский и массовое религиозное движение 1218—1220 гг. Ярчайшей страницей религиозной жизни Смоленской земли были годы второго десятилетия XIII в., когда по всему Смоленску разлилось слово знаменитого религиозного деятеля Авраамия. Сведения об этом событии необычайно скудны, и они исчерпывающе исследованы Б. А. Рыбаковым[21].

Как мы указывали, более всего сведений содержится в дошедшем до нас Житии Авраамия Смоленского[22]. По канону житийной литературы Авраамий родился у «благочестивых» родителей. В «возраст смысла пришедшоу, родители же его даста и книгамъ оучити». Блаженный отличался прилежанием, не ходил на детские игры, которым предпочитал церковное пение. Придя «в болшии возрастъ», стал очень красив, родители его «къ браку принужающе», он же «не восхоте». По их смерти он раздал имущество бедным и тайно постригся в монастыре св. Богородицы в 5 поприщах от города, в месте, называемом Селище. Повиновался игумену, был «хитръ божественнымъ книгамъ», которые при нем не решались толковать другие — Авраамий знал всю литературу в совершенстве и мог в толковании одолеть всякого. Блаженный «прия» «священнический санъ». Сначала он дьякон, а в княжение «христолюбивого князя Мстислава» иерей.

Здесь начинаются, судя по нашему источнику, первые козни дьявола: зависть монахов монастыря Богородицы. Причины ее ясны: «се оуже весь

---

[17] ПСРЛ, т. II, стб. 550.
[18] НПЛ, с. 35, 225.
[19] ПСРЛ, т. II, стб. 531—532; 702.
[20] ПСРЛ, т. I, 1843, с. 178.
[21] *Рыбаков Б. А.* Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах».— СА, 1964, № 2, с. 179—187.
[22] *Розанов С. П.* Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912.

градъ к собѣ обратилъ есть»! Авраамий, следовательно, вышел за пределы монастырских стен, он учил и обличал (как видно, священнослужителей и монахов) во всем Смоленске и проповедь его имела необычайный успех. Возмущенный игумен потребовал прекращения проповеди и «много озлобления на нь возложи». Авраамий перешел в монастырь «Честного креста» и продолжал проповедь. Здесь учение его распространилось на зло врагам еще шире, к «блаженному» стекался городской люд столицы «послушати церковнаго пения и почитания божественных книг: бѣ бо блаженный хитръ почитати»... Авраамий был и художником: его кисти принадлежали две иконы. Возмущение церковных властей росло. Его называли еретиком, обвиняли в чтении «Голубиных книг», за ним шла молодежь («оуже наши дѣти все обратилъ есть»), называли его пророком. Суд не заставил ждать себя. На «Владычень двор» нечестивца доставляли с оскорблениями... Его ждали игумены и иереи «аще бы мощно, жива пожрети». Но здесь вступился за него господь, явившийся Луке Прусину в церковь Архангела Михаила во время молитвы — такова канва событий по Житию преподобного.

Б. А. Рыбаков делает попытку реконструкции проповеди Авраамия, пытается определить, в какой плоскости движется его мысль. В очень общей форме, пожалуй, это удается. Слово Авраамия обращено, мы видели, к самым широким слоям населения, на диспутах он блестяще опровергает деятелей церкви, основываясь на богословских текстах, которые он блестяще знал. Против него не князь, не феодалы, а игумены и служители культа, значит, его проповедь направлена против каких-то действий служителей культа, игуменов, возможно, монахов. Борясь с ними, кроме того, Авраамий основывается на «Голубиных книгах», на какой-то, возможно, не канонической, а апокрифической литературе, что и вменяется ему в вину. Эти отреченные («голубиные») книги, полагает Б. А. Рыбаков, и есть ключ к «идеологии Авраамия»; это те самые книги, которые в будущем стали основой ереси стригольников XIV в. Одна из них названа «Златыя чепи», которая бичует священнослужителей за мздоимство и т. д. Есть мнение [23], что некоторые статьи этой книги составлены под влиянием ереси Вальденсов последней четверти XII в. Западной Европы, которая распространилась с запада и в своей основе имела учение о нестяжании церкви. О самостоятельной связи Смоленска со странами Западной Европы уже говорилось.

Конфликт Авраамия со смоленской церковью Б. А. Рыбакову удалось довольно точно датировать. Он обратил внимание на то, что имя Мстислава Романовича (1198—1213 гг.), при котором Авраамий получил сан, в конфликте не названо, следовательно, там идет речь о другом князе, т. е. после 1213 г., но до 1225 г., когда упоминаемый там епископ Лазарь сошел со сцены. Упоминание в Житии засухи, которая разразилась в год суда над Авраамием, позволяет использовать дендрохронологию, где это несчастье датируется, как и по всей Европе, 1218—1222 гг., в Новгороде —

[23] *Попов Н. П.* Памятники литературы стригольников.— ИЗ, 1940, 7, с. 34.

1218—1220 гг. Этим временем и датировал названный ученый смоленский церковный конфликт [24].

В 1962 г. при раскопках Н. Н. Ворониным большого храма на Большой Рачевке в Смоленске была найдена уникальная надпись, процарапанная на штукатурке у погребальных камер южной стены [25], которая, оказалось, сделана в связи с событиями конфликта Авраамия: «Г(оспод)и помъзи дому великъму нь даж(дь) в(ъ)рагомъ игумьн(ъ)мъ истратит (и его до) кън(ь)ца ни Климяте». Раскопанный храм датируется концом XII в., надпись, как показал Б. А. Рыбаков, по палеографическим признакам,— 1211—1240 гг. [26] У той же стены храма был найден еще фрагмент фрески с граффити «Аврам», и это лишний раз подтверждает, что речь идет о церковных волнениях Авраамия и его сторонников. Первая надпись (№ 7) имеет, как показал Б. А. Рыбаков, ряд сокращений, умышленно затрудняющих чтение: лигатура «ЛН», замена ера, или О и еря, титлами. Это крайне напоминает дошедшую до нас «Златую Чепь» XIV в., которая имеет подобные же умышленные сокращения и усложнения. «То, что в начале XIII в. было еще в зачатке, могло к XIV в. под влиянием потребности в конспирации значительно усложниться». Под «домом великим» полагает Б. А. Рыбаков, надлежит понимать официальную церковь, молившуюся за князя и «вся христианы», «лучшими представителями которой считали себя последователи Авраамия». «Враги-игумены» могли до конца «истратити» этот «великий дом». Рассмотрение надписи можно закончить цитатой из Б. А. Рыбакова: Поклонники Авраамия могли «располагать несколькими пунктами в городе. Житие называет Крестовоздвиженский монастырь, церковь Архангела Михаила и неизвестный нам по имени храм, где попом был Лазарь. Надпись добавляет еще один храм, в котором вольнодумные «авраамисты» открыто призывали Бога в помощь себе против врагов-игуменов, а какого-то особого врага Климяту, смело назвали по имени» [27].

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПИСЬМЕННОСТЬ

Вопрос о грамотности в древней Руси до сих пор еще дискутируется в науке. Много важного внесли берестяные грамоты Новгорода и нескольких других городов Руси, но вопрос о степени грамотности широких слоев древнерусского городского общества еще далек от разрешения, так как большинство данных относится к Новгороду. Без сомнения грамотными были прежде всего монахи. Игумен Поликарп сообщает о неграмотном иноке как о явлении исключительном [28]. Грамотными были, по-видимому, феодальные верхи, и прежде всего князья, многие из которых знали и иностранные языки. Князья переписывались друг с другом и, можно ду-

[24] *Рыбаков Б. А.* Смоленская надпись..., с. 184.
[25] *Воронин Н. Н.* Смоленские граффити.— СА, 1964, № 2.
[26] *Рыбаков Б. А.* Смоленская надпись XIII в., с. 184.
[27] Там же, с. 187.
[28] Киево-Печерский Патерик под ред. Д. И. Абрамовича.

мать, в основном без помощи ближайших к ним духовных лиц — грамотеев. Б. А. Рыбаков, как известно, установил существование особой эпистолярной манеры князей, в которой нельзя заподозрить руку летописца: «Эти документы (цитируемые летописцами.—*Л. А.*) часто повторяют уже сказанное в тексте летописи (и) нередко отличаются по языку и графике от основного текста» [29]. Впрочем, этот исследователь подметил, что документы, написанные в Смоленске (точнее, под Любечем в смоленском лагере) даже в передаче летописца сохраняют черты смоленского говора; [30], а это вовсе не свидетельствует о написании письма самим смоленским князем — Ростислав Мстиславич, отправлявший грамоту, о которой говорит Б. А. Рыбаков, был уроженцем Южной Руси и правил в Смоленске с 1125 (1127?) г. и воспринял ли он в 1147 г. смоленский диалект, мы не знаем. Маловероятно, что южнорусский город Любечь Ростислав писал в смоленской транскрипции «Любець». Однако это не может снять наше предположение о грамотности смоленских князей. Наблюдения над древнерусской летописью позволили Б. А. Рыбакову выделить 62 грамоты Изяслава Мстиславича, направленные им и ему из разных мест. Десять из них связаны со Смоленском или со смоленскими князьями. Первая была получена Ростиславом Мстиславичем в Смоленске в 1147 г. В ней киевский брат уславливался с адресатом о совместных действиях новгородцев и смолян (оба войска под командой Ростислава) с его войсками [31]. Вторая грамота послана Ростиславом брату в Переяславль в сентябре того же года. Он извещал Мстислава о взятии Любеча и уславливался о встрече братьев на юге. В третьей грамоте, посланной Мстиславом Ростиславу в Смоленск в марте (?) 1148 г., он сообщал об удачной войне с Давыдовичами и Ольговичами. В том же 1148 г. Изяслав послал в Смоленск грамоту с извещением о том, что Давыдовичи и Ольговичи просят мира, а в пятой грамоте Ростислав отвечал на это письмо [32]. Следующая грамота была послана Изяславом брату в Смоленск в 1149 г. с предложением выступить в поход, как было условлено ранее [33]. Последние четыре смоленские грамоты посланы в 1151—1152 гг. В седьмой грамоте Ростислав Мстиславич приглашается его престарелым дядей Вячеславом Владимировичем на снем в Киеве для решения о дуумвирате. То же повторяется его братом Изяславом. Девятая грамота лишь связана с именем смоленского Ростислава: в среду 2 мая 1151 г. Изяслав, Ростислав и Вячеслав просят Мстислава Изяславича ускорить движение венгерских союзников. В последней грамоте, написанной в 1152 г., Изяслав договаривается с Ростиславом о совместных действиях против войск Юрия Долгорукова [34]. Таковы 10 грамот, связанных со Смоленском и сохранившихся, как полагает Б. А. Рыбаков, во времена летописца в княжеском архиве Изяслава Мстиславича. Любопытно, что,

[29] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 316.
[30] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь, с. 321, 322 (грамоты № 6, 8, 9).
[31] Там же, с. 323 (грамоты № 13—14).
[32] Там же, с. 325, № 21.
[33] *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь, с. 325, № 21.
[34] Там же, с. 330, 334, грамоты № 43—44, 61.

судя по письму шестому, Изяслав напоминает брату прежний уговор, возможно, изложенный в каком-то еще письме, которое в летопись введено не было. Можно, следовательно, полагать, что переписка между братьями-князьями в XII в. была весьма оживленной. Из нее мы знаем только те несколько писем, которые летописец нашел нужным поместить для иллюстрации своего изложения.

Судя по Новгороду, грамотными были и купцы, которым необходимо было вести учет товарам, должникам и большинство крупных княжеских чиновников. Как я показывал в своем месте, ежегодно на княж двор поступало большое количество дани и других поборов, точно фиксированных в специальных документах, по которым эта дань и принималась.

Смоленская литература. О глубине распространения смоленской культуры можно судить по дошедшим до нас произведениям смоленской литературы. Все они относятся к концу XII — началу XIII в., когда земля достигла (как мы видели на примере смоленской архитектуры) наивысшего культурного развития. Если не считать отрывочных записей летописного характера, то до нас дошло три законченных литературных произведения: повести «О великом князе Мстиславле (нужно: Ростиславле.— *Л. А.*) смоленском и о церкви», «О перенесении мощей Бориса и Глеба на Смядынь» и «Житие Авраамия Смоленского». Оставляя литературный анализ и оценку этих сочинений специалистам, мы лишь кратко их охарактеризуем.

Первая повесть, именуемая Я. Н. Щаповым короче «Похвала князю Ростиславу», была уже опубликована И. И. Орловским в 1909 г. [35] и с неверно понятой датой (1147 г., вместо 1150 г.) многократно использовалась историками смоленской архитектуры [36], но лишь недавно была детально изучена лингвистически и исторически [37]. Памятник сохранился в «Нифонтовом сборнике» сложного состава, написанном разными почерками XVI в. в Иосифо-Волоколамском монастыре при игумене Нифонте (Кормилицыне) в 40-х годах XVI в. Включение в него Похвалы объясняется, как полагает Я. Н. Щапов, тем, что он демонстрировал древность православия на Руси и был составлен в Смоленске, лишь недавно (в 1514 г.) возвращенном от Литвы Москве. Наблюдения над особенностями правописания памятника, совпадающими с рукописями XII — начала XIII в. (в частности, со списком смоленского «Договора неизвестного князя», сохранившемся в подлиннике), и другие соображения позволили Т. А. Сумниковой утверждать, что оригинал был составлен вскоре после смерти Ростислава (1167 г.). Целью повести было всемерное прославление Ростислава за одно лишь деяние его богатой событиями и «добрыми»

---

[35] *Орловский И. И.* Борисоглебский собор..., с. 211—212.

[36] *Каргер М. К.* Зодчество древнего Смоленска; *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Смоленский детинец и его памятники...

[37] *Сумникова Т. А.* «Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславиче Смоленском и о церкви» в кругу смоленских источников XII в.— В кн.: Восточнославянские языки. Источники их изучения. М., 1973; *Щапов Я. Н.* Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в.— ТОДЛ. Л., 1974, XXVIII.

поступками жизни: учреждение им смоленской епископии, что свидетельствует, по мнению Я. Н. Щапова, о стремлении составителей памятника к (так и не состоявшейся) канонизации этого князя. Все более мелкие факты, о которых сообщается в повести, находят соответствие в других источниках, однако не все места ее текста читаются всеми единообразно[38]. В памятнике идет речь о том, что став смоленским князем, Ростислав «вознегодова» на подчиненность местной церкви переяславской кафедре. Посоветовавшись «с бояры своими и с людми», он учредил смоленское епископство и пожертвовал ей часть своего домена. Бог воздал «за доброту его сторицею»: при жизни Ростислав достиг великокняжеского стола в Киеве, а после смерти получил «царство небесное». Текст памятника кончается «заклятием» от того, кто поревнуеть того треблаженнаго и провозглашением вечной памяти Ростиславу. После слова «аминь» следует приписка об освящении церкви первым смоленским епископом Мануилом 15 августа 1150 г. Рассматриваемое произведение — «незаурядный памятник древнерусской литературы и уникальный, наиболее ранний памятник литературы Смоленска времени расцвета культуры смоленского княжества», его автор, «принадлежал, очевидно, к клиру кафедральной церкви; это был образованный политик, талантливый писатель и юрист, возможно ведавший епископской канцелярией»[39].

Повесть о перенесении мощей Бориса и Глеба на Смядынь была также опубликована И. И. Орловским по копии, сделанной для него С. И. Смирновым из сборника Троицко-Сергиевской лавры, и крайне неточна[40]. Рукопись, с которой делалась копия, ныне изучена Л. П. Жуковской. Это свиток XVI в., где интересующий нас текст занимает первую часть, а остальные с ним не связаны. Несмотря на то что все части переписаны одним писцом, повесть «О перенесении мощей» выделяется орфографией, с явными признаками древних смоленизмов (смешение ъ и е), также чертами, указывающими на «западное» происхождение повести (описка Хлъба, вместо Глъба — фрикативное произношение «г», кровъ вместо кровь и др.). «Смоленская повесть,— заключает Л. П. Жуковская,— очень хорошо передает древние написания архетипа и, видимо, отделена от него сравнительно небольшим числом списков (она является) памятником смоленской литературы XII в.»[41] В повести рассказывается, как в 1191 г. при Давыде Ростиславиче, князе Смоленска, были перенесены из Вышгорода ветхие гробницы Бориса и Глеба в Смоленск в монастырь на Смядыни, из которого Давыд хотел сделать «в'торы Вышегородъ» и тем обессмертить место, где был убит князь Глеб. Описывается великолепная

[38] Приводя текст, Т. А. Сумникова и Я. Н. Щапов читают: «постави епископа и церковь» (Т. А. Сумникова), «постави епископа к церквѣ (Я. Н. Щапов), кончася мца марта. Да аще кто» (Т. А. Сумникова), «кончася мца марта ДІ. Аще кто» (Я. Н. Щапов), и т. д.

[39] *Щапов Я. Н.* Похвала..., с. 58.

[40] *Орловский И. И.* Борисоглебский монастырь..., с. 211, 212.

[41] *Воронин Н. Н., Жуковская Л. П.* К истории смоленской литературы XII в.— В кн.: Культурное наследие древней Руси. М., 1976, с. 69—75.

рака, в которую были положены останки святых братьев, сообщается об освящении церкви Бориса и Глеба на Смядыни «великим освящением» в присутствии князя Давыда, епископа Симеона, при Игумене монастыря Игнатии. По свидетельству памятника, мощи Бориса и Глеба творили после их перенесения чудеса и в Смоленске — исцеляли больных и т. д. «Исключительно выгодное освещение дел Давыда в Повести позволяет думать,— как полагает Н. Н. Воронин,— что она составлена по его непосредственному указанию».

Поразительное по яркости Житие Авраамия Смоленского, о котором много говорилось выше, требует специального литературоведческого анализа, и здесь мы не считаем себя компетентными [42].

Смоленские берестяные грамоты. Основная переписка древней Руси велась, как мы теперь знаем, на бересте. В Смоленске обнаружено сейчас десять берестяных грамот, некоторые из которых сохранились полностью и представляют большой интерес.

Первая грамота, найденная в 1952 г., фрагментарна и представляет начало двух строк документа, написанного в XII—XIII вв.:

«ПОКЛАНЕ

ВЛЕ ПОПЕ»

Вероятно, это начало письма, которое традиционно было начато: «Поклон...». Документ был найден севернее детинца, на Армянской ул. (ныне ул. Соболева), в раскопе № 3 [43].

Смоленская вторая грамота была найдена через 12 лет в 1964 г. в шестом строительном ярусе на настиле 1254 г. и датируется XIII в. Сохранилась часть текста: ...НИ ДВЕМА ГРИВНАМА, А ДРУГОМУ МОЛВЪ УСЕ...» Как считает Д. А. Авдусин, здесь идет речь об уплате кому-то двух гривен, о чем следует передать какому-то третьему лицу: «...две гривны, а другому скажи все...» [44] Это неверное слово «все» показывает, что третьему лицу надлежит сказать что-то другое и полностью.

Третья грамота, найденная почти рядом: «...ВЫВЕЗЕТЬ СТОЛПЬЯ, ПОШЛИ ОСТАШКА ПЛОТНИКУ, ОТЬ...». По Д. А. Авдусину, речь здесь о том, что «столбы уже вывезли. Пошли Осташка (Остафия, Евстафия.— *Л. А.*) к плотнику...», «последнее слово,— пишет Д. А. Авдусин,— сохранило только три буквы «ОТЬ». В новгородских берестяных грамотах так, например, начинается слово «отьцу»» [45]. Но речь здесь не об отце: «ОТЬ» употреблено явно в значении «пусть» (пусть плотник сделает с этими бревнами то-то). Слово это известно в Русской Правде («оть идеть до конечьняго свода») и в других древних источниках; встречается оно и

---

[42] *Розанов С. П.* Житие преподобного Авраамия Смоленского...

[43] *Авдусин Д. А.* Смоленская берестяная грамота.— СА, 1957, № 1, с. 248, 249.

[44] *Авдусин Д. А.* Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1964 года.— СА, 1966, № 2, с. 319—324.

[45] Там же, с. 323.

в летописях (в форме «АТЬ» — «ать Всеслава блюдуть») и т. д.[46] Усадьба, где найдена грамота, была расположена близ Днепра, что удивляет Д. А. Авдусина («бревна везли, а не сплавляли»), но напрасно: лес пришел по реке и теперь после его сушки, его надлежало вывезти с берега на усадьбу. Если бревен было много, то это многодневная работа.

Четвертая грамота найдена в 1966 г. во II ярусе (1270—1281 гг.). На обрывке можно прочесть лишь «МОЙ» (мой)[47].

Найденная тогда же пятая грамота не имеет стратиграфической даты. Палеографически датируется ранее XIII в. Прочесть можно лишь: «...(Ц)ЕЛОМЫ НИКОЛЫ ВАЛ (СЮВА)...» Д. А. Авдусин полагает, что здесь «челобитье» (бью челом) Николы Валуева (предположительно)[48].

Шестая и седьмая грамоты найдены в 1967 г. на той же Армянской улице, в том же месте, что и предыдущие грамоты. На шестой имеется лишь одна буква «М» и какая-то черточка вверху. Если это неумело начертанное титло (вся буква прочерчена неумело (Д. А. Авдусин), то это цифра 40, и ее существование на бересте в единственном числе (как предполагает автор раскопок) более понятно: цифрой отмечалось количество чего-то (товара?). Другая грамота (№ 7) сохранилась в обрывке в пять строчек: ...(ВаРФОЛО)МЕЯ СМЕОНА ОВДОТИЕ ОЛЕКСЫ ОУЛИАНЫ НАСТАСЫ ЛУКИ ГЕРЕМЕЯ.. Это явно записка, подаваемая в церкви во время литургии, поминание о здравии или за упокой. По стратиграфии и палеографии, это конец XII в.[49]

Грамоты № 8—10 найдены в 1968 г. и до сих пор не опубликованы. По предварительной публикации можно лишь сказать, что они сохранились в обрывках, а одна впервые найдена полной. Подобно грамоте № 7 это синодик-поминание, где содержится 16 имен[50]. В этом году, по свидетельству Д. А. Авдусина, вскрылись слои XII в., откуда можно заключить, что все три грамоты датируются именно этим временем.

Приходится жалеть, что для нас найденные грамоты в Смоленске дают пока очень немного. Все же несомненно, что население древней Смоленщины между собой переписывалось: в смоленских городах часты находки и орудий письма[51].

Эпиграфические материалы Смоленщины. Древнейшей русской надписью является знаменитая надпись на корчаге из Гнездовского Смоленска — «ГОРОУХША», читаемая большинством авторов, как горчица. Надпись обнаружена в кургане № 13, расположенном в Лесной группе Гнездова, в том самом, где были найдены аббасидные диргемы (848—849 и 907—908 гг.). Она сделана, следовательно, почти за сто лет до крещения

---

[46] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893, т. I, с. 32, 33 («ать»); 1895, т. II, с. 827, («оть»).
[47] *Авдусин Д. А.* Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 гг.— СА, 1969, № 3, с. 186—193.
[48] *Авдусин Д. А.* Смоленские берестяные грамоты... 1966 и 1967 гг.
[49] Там же, с. 191—193.
[50] *Авдусин Д. А.* Смоленская экспедиция.— АО 1968 г. М., 1969, с. 70.
[51] *Алексеев Л. В.* Древний Мстиславль.— КСИА, 1976, вып. 146, рис. 2.

Руси. Впрочем, чтение надписи не бесспорно, некоторые исследователи предлагают читать ее иначе: «гороушна» (Черных), «горяще», «горроуще» (Г. Ф. Корзухина) и в связи с этим чтением предполагают, что и содержимое корчаги было другим (например, нефть, по Г. Ф. Корзухиной) [52]. Сейчас Д. А. Авдусин пересмотрел датировку кургана, в котором найден сосуд, и считает, что он насыпан не в начале X в., как полагал он ранее [53], а в середине X в. [54] В 1952 г. Т. Арне высказал мысль, что гнездовская корчага не местного происхождения, а вывезена из Крыма или византийских владений и имела уже надпись [55]. Сейчас Д. А. Авдусин это допускает, но думает, что надпись русская [56]. Было бы важным произвести химический или спектрографический анализ глины корчаги, тогда наконец вопрос о ее происхождении был бы разрешен.

Особый раздел древнерусской эпиграфики составляют надписи, процарапанные прихожанами на стенах древнерусских церквей. Обнаруженные в Софии киевской, они были затем найдены в Софии новгородской и на других памятниках зодчества Руси. Обстоятельная работа была посвящена им Б. А. Рыбаковым, в последнее время ими занимаются С. А. Высоцкий и А. А. Медынцева [57]. В Смоленске граффити на стенах церквей были описаны И. М. Хозеровым, который опубликовал надпись на хорах церкви Петра и Павла [58]. Чтение последней не было вполне точным, сейчас она прочтена: «Г(оспод) и, помози рабу своему Василеви Усову». Н. Н. Воронин предполагал, что это мог быть из представителей верхов Петровской сотни, и отмечал, что палеографически надпись следует датировать XII в. Надпись эта, дополняет исследователь, «трехстрочная мелкая, сделана на высоте 1,18 м от пола, видимо, сидевшим или

---

[52] *Корзухина Г. Ф.* О гнездовской амфоре и ее надписи.— В кн.: Исследования по археологии СССР: Сб. статей в честь М. И. Артамонова. Л., 1961; *Черных П. Я.* Две заметки по истории русского языка.— Известия АН СССР, 1950, т. IX, вып. 5, с. 400, 401.

[53] *Авдусин Д. А.* Раскопки в Гнездове.— КСИИМК, 1951, вып. 38, с. 79.

[54] *Авдусин Д. А.* Гнездовская корчага.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 113.

[55] Нечто подобное утверждал тогда же и Д. А. Авдусин: славянскую принадлежность погребенного в ладье в кургане 13, по мнению автора, подтверждала и славянская надпись «Горухща» — горчица, процарапанная на южнорусской амфоре, найденной там же. Исследователь не замечал, что двумя страницами ранее он указывал, что надпись сделана «до ее транспортировки на Смоленщину» т. е. на юге, и для покупателя ее в Смоленске (Гнездове) была уже не так важна, а следовательно, в «доказательствах» участвовать не может (*Авдусин Д. А.* Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 г.— МИСО, Смоленск, 1952, вып. 1, с. 328, ср. с. 319).

[56] *Arne T. J.* Det vikingatida Gnezdovo Smolensks föregor gare.— Archeologiska forskningar och fynd. Stockholm, 1952, s. 342; *Авдусин Д. А.* Гнездовская корчага, с. 113.

[57] *Закревский Н.* Описание Киева. М., 1868, I; *Рыбаков Б. А.* Іменні написи XII ст. в київському Софійскому соборі.— В кн.: Археологія. Киев, 1947, т. I; *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии киевской XI—XIV вв. Киев, 1966, вып. I; *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М., 1978.

[58] *Хозеров И. М.* Новые данные о памятниках древнего зодчества города Смоленска.— Seminarium Kondakovianum. Прага, 1928, т. II, с. 354.

(скорее.— *Л. А.*) коленопреклоненным человеком, очень грамотным в письме»[59].

Надписи на стенах церквей делать возбранялось, в Церковном уставе князя Владимира в ведение церковного суда входило наказание тех, кто «кр(е)сть посѣкуть или на стѣнахъ рѣжуть»[60]. Однако на стенах резали не только простые прихожане, но и князья и даже крупные церковные иерархи. При раскопках в Смоленске на Большой Рачевке храма, созданного, по-видимому, при Давыде Ростиславиче в конце XII в., было найдено семь кусков штукатурки с надписями граффити.

На граффити № 1 было изображение батальной сцены: воины с щитами и каким-то оружием и надписями. Сохранилось 4 куска штукатурки и надписи: «БЛОУДО» (относилось к воину в шлеме, Н. Н. Воронин предложил вспомнить воеводу Владимира Святого Блуда), а также «БЕЗУМИЯ», которые палеографически датируются XIII в. К этой же датировке ведет миндалевидный щит, который бытовал не позднее XIII в.[61] *Граффити № 2* состояло из трех строк слов, которые не составляли понятных слов. *Граффити № 3* занимает лишь одну строку из крупных букв, которые прочесть тоже не удалось. *Граффити № 4* — фрагмент какого-то молитвенного текста из «БЪСПЛОТЬ БИЮХРА/ЩЕ И» (?), причем, писец в букве Б пытался изобразить книжный инициал. *Граффити № 5* также не было прочтено, как и *граффити № 6*, написанное прекрасным уставом. Зато самым замечательным было *граффити № 7*, которое удалось прочесть целиком: «Г(оспод) и помъзи дому великъму нь даж(дь) врагом игуменомъ истратит(и) (до) кънца ни Климяте». По палеографическим данным, надпись относится к концу XII — началу XIII в. На *граффити 8* надпись «Аврам». Связь граффити № 7 с Авраамием Смоленским, как доказал Б. А. Рыбаков, бесспорна. Очевидно, и это граффити связано с ним. На *граффити № 9* сохранилось два имени: «НИКИФОР. КОСТЯНТ (инъ)»[62] есть и другие граффити.

О Житии Авраамия Смоленского уже говорилось. Надпись о «врагах-игуменах», как убедительно доказал Б. А. Рыбаков, показывает, что раскопанный храм в восточной части Смоленска был, как и церковь Архангела Михаила и Крестовоздвиженский монастырь и церковь, где был священником Лазарь (известные из Жития Авраамия), в руках поклонников Авраамия. Надпись сделана после суда над ним и до голода от засухи, распространившегося на всю Европу в 1217—1222 гг., т. е. между 1218 и 1220 гг.[63]

Интереснейшей надписью в Смоленске является текст, вырезанный на надгробном камне, найденном в Смядынском монастыре в 1872 г. Директор смоленской гимназии В. П. Басов обратился в Московский университет к

---

[59] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Раскопки в Смоленске.— СА, 1969, № 2, с. 211, прим. 12.
[60] ДКУ XI—XV вв. М., 1976, с. 23.
[61] *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Раскопки в Смоленске.
[62] *Воронин Н. Н.* Смоленские граффити.
[63] *Рыбаков Б. А.* Смоленская надпись XIII в. о «врагах-игуменах».— СА, 1964, № 2.

проф. О. М. Бодянскому с просьбой о консультации в прочтении, так как в чтении А. М. Дундукова-Корсакова (которым был приобретен камень) и в своем не был уверен. Надпись была вырезана на куске гранита своеобразным почерком с признаками второй половины XIII в.: «М(ЂСЯ)ЦА ИОЛЯ Ѕ Д (Ђ). НЬ ПРЬСТАВИЛОСЯ РАБЪ Б(О)ЖИІ ЗЕНЪВИІ ЧЪРНЪРИЗЬЦЬ». На оборотной стороне—дата, которую читали как 1219 г. или как 1239 г. Верно прочел ее А. М. Дундуков-Корсаков и О. М. Бодянский — 1271 г.[64] Это единственная древнерусская надпись, в которой счет был не от сотворения мира, а от рождества Христова! Счет этот, «принятый в Средние века в Западной Европе, — пишет Б. А. Рыбаков, — вполне объясним для Смоленска, имевшего в XIII в. тесные торговые и культурные связи с Западом»[65], интерес надписи в том, что, как отметил П. В. Голубовский, такое счисление «не официальный акт, а явление обыденной жизни, в которую проникало немецкое влияние»[66].

Сфрагистические материалы. Первые сведения о находках смоленских печатей относятся к 1897 г., когда, по сообщению С. П. Писарева, в Смоленске «недавно» были найдены «три свинцовых оттиска» в виде кружка «величиной с трехкопеечную монету», на одной из которых читалось: «Г(оспод)И ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕМУ ДИМИТРИЮ». На оборотной стороне было изображение святого. На другом кружке — еще святой «как бы Николай»[67].

Из известных теперь печатей смоленских князей древнейшая принадлежала первому смоленскому князю Вячеславу Ярославичу (1054—1057 гг.), крестильное имя которого стало известно благодаря этой находке[68]. Печати второго смоленского князя Игоря Ярославича (1057—1060 гг.) известны в 3 экз. (Смоленск, Киев, Рязань)[69]. В Смоленске она найдена за Днепром, куда, видимо, этот князь посылал какую-то грамоту. Из многочисленных печатей Владимира Мономаха (смоленский князь в 1077—1078 гг., 1101 г.) в Смоленске найдена одна (раскопки Д. А. Авдусина 1954 г.)[70]. Известна печать и смоленского князя «Мстислава Игорева внука», которым В. Л. Янин считает Мстислава-Андрея Всеволодовича[71]. Она найдена в древнерусском городе Белгороде[72]. Печатей Ростислава Смоленского обнаружено много, и это не удивительно: это был необычайно

[64] *Бодянский О. М.* О надписи на камне надгробном, найденном в Смоленске в 1872 г.— ЧОИДР. М., 1872; *Дундуков-Корсаков А. М.* Вновь открытая русская старина.— Древности: ТМАО, М., 1874, т. IV, вып. 3; *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964, с. 10, 41.

[65] *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи..., с. 10.

[66] *Голубовский В. П.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, с. 253. Дата была написана по немецкому образцу: BI (Zwölfhundert — 12 сотен), CA (71).

[67] Труды IX Археологического съезда. М., 1897, т. II. Протоколы, с. 44, 45.

[68] *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 1, с. 16.

[69] Там же, с. 172.

[70] Там же, с. 188.

[71] *Янин В. Л.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила».— ТОДЛ, 1960, т. XVI.

[72] *Янин В. Л.* Актовые печати..., т. I, с. 23.

деятельный князь в Смоленской земле, а в конце жизни он, к тому же, занимал великий киевский стол. В Смоленске он княжил в 1125 (1127?)—1159 гг. Из 27—28 известных сейчас экземпляров 20 обнаружено в Новгороде, одна в Новгородской земле (селище Иловец II на севере Калининской области) [73]. Место находок остальных печатей этого князя неизвестно [74]. Что касается печатей сыновей Ростислава Смоленского, то нам известны печати почти каждого из них. Старший Ростиславич — Роман — княжил в Смоленске с перерывами в 1154 г., 1159—1180 гг. Известна одна его печать, найденная в Новгороде (там он также княжил в 1179 г.) [75]. Второй сын Ростислава — Рюрик — в Смоленске не княжил. Из известных его десяти печатей шесть происходит из Новгорода, одна — из Пскова и одна — из Киева [76]. Третий Ростиславич — Давыд — княжил в Смоленске в 1180 — 1197 гг. Его единственная печать происходит из Новгорода (раскопки на Неревском конце в 1951 г.) [77]. Мстислав Ростиславич княжил постоянно в Торопце, совмещая это иногда с княжением в Новгороде. Его печати найдены в количестве 12 экз. (с 4 пар матриц) — 8 из Новгорода (где князь недолго даже княжил), одна из области Киева, остальные из неизвестных мест [78]. Известно 32 печати Святослава Ростиславича (в основном из Новгорода) [79] и др. Помимо княжеских печатей, укажем печати первого смоленского епископа Мануила (на смоленской кафедре 1136 — после 1167 г.) [80].

[73] *Урбан Ю. Н., Ивановская Н. И.* Работа Калининского отряда Верхволжской экспедиции.— АО 1969 г., М., 1970.
[74] *Янин В. Л.* Актовые печати...
[75] Там же, с. 93.
[76] Там же, с. 200, 201.
[77] Там же, с. 197, 198.
[78] Там же, с. 200.
[79] Там же, с. 198, 199. См. также печати князей Смоленска XIII в. (там же, с. 209, 232).
[80] Там же, с. 178.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед нами прошла история Смоленской земли за первые 400 лет ее существования. Мы рассмотрели вопросы предыстории ее образования, ее экономики, политики и культуры. Многое осталось в тени по недостатку источников, однако в целом наметить вехи ее развития и определить ее место и роль в истории Руси, как кажется, уже в пределах возможного.

По сравнению с соседней, также кривичской Полоцкой землей, Смоленская земля вышла на арену истории почти на столетие позднее. Главная причина — в различии географического положения той и другой и связанной с этим плотностью заселения. Полоцкая земля с ее обширными озерными краями и многими крупными реками, ближе всего соединяющими Черное море с Балтийским, была заселена славянами интенсивнее, чем Смоленская. Смоленская же, почти без озер, с дремучими чащами огромного Оковского леса на водоразделах могла предоставить славянину значительно меньше, и кривичи проникали в страну здесь главным образом лишь по течению рек.

В истории Руси IX—X вв. были временем включения ее в сферу западноевропейской торговли. Через западную ее часть по рекам протянулся знаменитый торговый Путь из варяг в греки, соединивший Прибалтику и Скандинавию с Византией и странами южноарабского мира. Путь пролегал через западнорусские земли, и в торговлю включились самые широкие слои в значительной степени еще лично свободного населения, взявшего на себя заботу о волоках, предлагавшего проезжим купцам съестные припасы, пушнину. В бассейнах Западной Двины, Волхова, Ловати, верхнего Днепра и верхней Волги возникли центры, где концентрировалось население, участвовавшее в этой торговле. Значительная часть путей сходилась на верхнем Днепре. Здесь, в начале волока на Двину, в IX в. образовался крупнейший центр торговли тогдашнего мира — «гнездовский» Смоленск — многолюдный многонациональный город, напоминающий западноевропейские вики того времени. Его основным населением были кривичи, он управлялся старейшинами и имел, по-видимому, племенное святилище. По пути из варяг в греки двигались многочисленные вооруженные торговцы-скандинавы. Это они и были, по-видимому, причиной проникновения на Русь скандинавской дани. Дань эта тяжелым бременем легла на плечи словен новгородских с Новгородом, кривичей со Смоленском и, судя по летописи, мери. Выплачивалась она около полутораста лет и была снята только в середине XI в., когда воинственная роль варягов значительно сни-

зилась и вовсе исчезла. С похода Олега через Смоленск (882 г.) и до 1054 г. она неукоснительно платилась и была снята лишь при создании княжества, чтобы перейти к даньщикам смоленского князя.

Если роль Станислава, посаженного Владимиром Святым в сильном «гнездовском» Смоленске, была ничтожной, и он прокняжил там несколько десятилетий без активного вмешательства в местную жизнь, не освободив кривичей от варяжского ярма и не создав своего княжения, то иначе себя проявили севшие в Смоленске младшие Ярославичи (поплатившиеся, возможно, жизнью за свои «дерзновения»). Было создано княжество с его аппаратом принуждения, была регламентирована, как сказано, княжеская дань. Нововведения не могли быть восприняты спокойно, и рядом со старым Смоленском возник новый с мощной цитаделью, в окружении посадов гнездовских переселенцев. Княжеская дань росла вместе с приобретением новых территорий, со все большим «окняжением» старых. С началом XII в. она перешагнула пределы днепровских кривичей в область западных вятичей, а после 1116 г. и в область северных радимичей, сильно заселенные земли которых составили основное ядро формирующегося княжеского домена. Здесь были основаны княжеские города-крепости Ростиславль и Мстиславль. Возведение их Ростиславом Мстиславичем Смоленским указывает на его активное участие в создании княжеского землевладения.

Обособление Смоленского княжества и постепенное экономическое и политическое его усиление получило отражение в создании смоленской епископской кафедры (1136 г.), в обширном строительстве Ростислава как в столице, так и в ряде других городов Земли.

Отстававшее ранее в развитии от соседнего Полоцкого княжества Смоленское княжество в середине — второй половине XII в. вышло в ряды передовых. Князья Ростиславичи заняли ключевые позиции в управлении Русской землей. Старшая линия их по-прежнему княжила в Смоленске. Взяв в свои руки торговлю по Западной Двине в первые десятилетия XIII в., Смоленск стал одним из крупнейших торговых центров Руси.

Оживление городской жизни древней Руси в XII—XIII вв. и рост политического самосознания жителей городов в Смоленской земле отразилось необычайно сильно. С одной стороны, оно сказалось на росте политической роли горожан, оказывавших в нужных случаях сопротивление князьям, а с другой стороны, это выявилось в необычайном расцвете городской культуры. Смоленское летописание, великолепные архитектурные памятники, первоклассная живопись, интереснейшие памятники литературы — вот то немногое, что оставила история от этой блестящей эпохи. Если от смоленской летописи остались лишь небольшие отрывки, то о смоленском зодчестве мы можем судить гораздо полнее. Из трех десятков дошедших до нас смоленских храмов большая часть возведена в конце XII — начале XIII в. и составляет оригинальную страницу в истории древнерусского домонгольского зодчества. В Смоленске в это время существовало две, или несколько архитектурных школ, необычайно самобытных по своей основе. Одна из школ наследовала достижения архитекторов Полоцкой земли и творчески их развила. Смоленские зодчие получили признание и в других

городах Руси, где им заказывали постройку церквей в выработанных в Смоленске традициях. Смоленская литература представлена несколькими оригинальными произведениями, среди которых выделяется знаменитое Житие Авраамия. Из него также мы узнаем о большом религиозном движении Смоленска первых десятилетий XII в., предвосхищающем движение стригольников.

Смоленская земля была в стороне от степных кочевников юга, без конца разорявших южнорусские земли, от орденских немцев, подошедших к самым пределам Полоцкой земли и отнявших у нее нижнедвинские владения, далеки были и шведы. В самые страшные годы татаро-монгольского нашествия орды иноплеменников ее миновали. Бои с Литвой были далеко впереди. Это относительное благополучие сказалось на бурном развитии земли, на ее экономике, политике и культуре. Это определило значительную роль княжества в общей судьбе древнерусских земель этого времени.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ — Археографический ежегодник
АЗР — Акты Западной России
АИ — Акты исторические
АО — Археологические открытия
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВ — Византийский временник
ВИ — Вопросы истории
ВОМПК — Виленское отделение Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ДКУ — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии
ЗРАО — Записки русского археологического общества
ИАК — Известия археологической комиссии
ИЗ — Исторические записки
ИО — Историческое обозрение
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, археологии и этнографии при Московском университете
ИОРЯС — Известия Отделения общества русского языка и словесности
ИРАО — Известия Русского археологического общества
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИСССР — История СССР
ИОЛДП — Известия Общества любителей древней письменности
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
ЛГПИ — Ленинградский Государственный педагогический институт
ЛГУ — Ленинградский Государственный университет
МАО — Московское археологическое общество
МГВ — Могилевские Губернские ведомости
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

МИСО — Материалы по истории Смоленской области
МАР — Материалы по археологии России
НИСГУ — Научные известия смоленского государственного университета
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОИДР — Общество истории древностей российских
ОИСГ — Общество истории Смоленской губернии
ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, археологии, этнографии при Московском университете
ПАДА — Проблемы археологического датирования в археологии
ПВЛ — Повесть временных лет
ПВФ — Проблемы восточноевропейского феодализма
ПКСГ — Памятная книжка Смоленской губернии
ПИКС-З — Проблемы истории и культуры северо-запада
ПИФР — Проблемы феодальной России
ПРП — Памятники русского права
Працы II — Запіскі адзелу гуманітарных навук, книга II. Працы археолёгічнай камісіі
Працы III — Працы сэкцыі археолёгіі
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИСб — Русский исторический сборник
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЕВ — Смоленские епархиальные ведомости
СВ — Смоленский вестник
СГУ — Смоленский Государственный университет
СКНИИ — Смоленский краеведческий научно-исследовательский институт
См ГВ — Смоленские Губернские ведомости
СОГА — Смоленский Государственный областной архив
СС — Скандинавский сборник
СЭ — Советская этнография
ТМАО — Труды Московского археологического общества
ТОДЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ТПЭ — Труды Прибалтийской экспедиции
ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории древностей Российских
NAR — Norwegian Archeological Review

СОДЕРЖАНИЕ

Леонид Васильевич Алексеев

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ
в IX—XIII вв.
Очерки истории Смоленщины
и Восточной Белоруссии

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства *Г. Н. Улунян*
Художник *А. Д. Смеляков*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*
Корректоры *О. В. Лаврова, Ф. А. Дебабов*

ИБ № 15227

Сдано в набор 18.12.79
Подписано к печати 14.04.80
Т-05267. Формат 70×90¹/₁₆
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 19,89. Уч.-изд. л. 21,1
Тираж 7750 экз. Тип. зак. 2746
Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10